

Якушкина Е.И.

**Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и
география**

диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук
специальность 10.02.03 – славянские языки

Москва 2021

Содержание

Введение

Глава I. Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики 17

Раздел I. Семантический параллелизм этимологических гнезд

§1. Гнезда с семантикой кривизны 22

§2. Гнезда с семантикой температурного воздействия 37

Раздел II. Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения

§1. Глаголы с семантикой использования 44

§ 2. Глаголы с семантикой температурного воздействия 54

§3. Семантический спектр слова **zelъje* 63

§4. Прилагательные с семантикой общей и эстетической положительной оценки 70

§ 5. Лексические способы выражения значения 'праздник' в сербскохорватских говорах 77

Раздел III. Лексические синонимы типологического происхождения 88

§1. Глаголы с семантикой понимания 84

Выводы к главе I 100

Глава II. Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении 103

Раздел I. Синонимы в этической лексике

§1. Сербские обозначения «чести» и «совести» 106

§2. Сербские обозначения «мужества» и «героизма» 114

Раздел II. Турцизмы как источник синонимии в сербском языке 123

§1. Лексико-семантическое поле судьбы 124

§2. Обозначения упрямства 136

§3. Обозначения сильного желания 144

Выводы к главе II 148

Глава III. Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении.

Междиалектные синонимы в сербскохорватских говорах 150

§1. Лексические изоглоссы в сербскохорватском языковом континууме на материале ОЛА	152
§2. Ареалогическая характеристика лексики словаря Вука Караджича 1818 г.	164
§3. Праславянские лексические изоглоссы в сербскохорватском ареале	172
§4. Западнобоснийская диалектная лексика в общесербском контексте	196
§5. Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов в сопоставительном аспекте	203
§6. Лексическое своеобразие воеводинского говора с. Господжинци	214
§7. Лексическое своеобразие призренско-тимокских говоров	223
§8. Лексическое своеобразие славонского говора с. Сиче	230
§ 9. Лексические различия староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров	240
Выводы к главе III	248
Заключение	251
Приложение	264
Литература и источники	281

Введение

Объектом исследования в настоящей работе является лексика сербскохорватского диалектного континуума, представляющего собой совокупность кайкавского, чакавского и штокавского наречий. Диалектная лексика сербскохорватского ареала рассматривается в работе как часть общеславянской лексической системы в двух основных аспектах: семантическом (сравнительно-лексикологическом и этнолингвистическом) и лингвогеографическом. Междисциплинарный характер исследования связан с интересом автора, во-первых, к семантическим связям сербскохорватского слова со словами других славянских языков, во-вторых, к лингвокультурному своеобразие сербскохорватского слова, и в-третьих, к территориальному варьированию сербскохорватской лексики.

Основное внимание в работе уделяется важнейшему явлению лексической системы – синонимии. В рамках **сравнительно-лексикологического** подхода в исследовании реконструируются семантические спектры близких по значению слов и этимологических гнезд. В **этнолингвистической** части исследования в центре внимания также оказываются синонимы и их денотативная сфера. И наконец, **лингвогеографический** ракурс на первый план выводит проблему междиалектной синонимии в сербскохорватском ареале. Наряду с синонимией, в первой и второй главах диссертации исследуются и явления многозначности.

Лексикология в сербистике в последние годы развивается очень интенсивно (Драгићевић 2017, 268), в том числе это касается и исследований диалектной лексики. Сербская диалектная лексика с семантической точки зрения является объектом изучения в нескольких дисциплинах сербистики: **диалектологии**, **этимологии** и **этнолингвистике**, а также в исследованиях, выполненных на стыке этих направлений.

Большое число исследований сербской диалектной лексики посвящено отдельным терминосистемам и тематическим группам слов определенной географической области или реже общенародного сербского языка и, как правило,

выполнено методом анализа семантических полей. Перечислим объекты лишь нескольких монографических исследований последних лет: обозначения черт внешности человека в сврлижском крае (Савић-Грујић 2017), призренская лексика, связанная с ассоциативным полем «человек» (физические, психические характеристики, профессии, социальные характеристики) (Милосављевић 2017), тимокско-лужницкая лексика народной медицины (названия болезней, лекарств, симптомов, телесных недостатков) (Глишић 2017), боснийская лексика народной медицины (Савић 2017), сербская пловодческая лексика (Јошић 2016), боснийская пастушеская терминология (Црњак 2014), герцеговинская пчеловодческая лексика (Пујић 2013), географическая лексика юго-восточной Сербии (Богдановић 2008), названия домашней утвари в северной Метохии (Букумирић 2006), свадебная лексика Раджевины (Петровић-Савић 2009)¹. Исследования тематических групп лексики обычно содержат классификацию материала по семантическим группам (нередко и словарь) и дают его мотивационную характеристику. Сходную структуру имеет и этимологическое исследование С. Петрович, посвященное турцизмам в призренском говоре (Петровић 2012).

Для сербской диалектной лексикологии характерна тесная связь с этнолингвистикой и опора на методологическую базу Н.И.Толстого. Для такого рода работ в сербистике используется термин **этнолексикология** (ср. (Црњак, Савић 2016), где дается анализ нескольких лексических групп: лексики обряда «чароице», названий домашних животных, свадебной лексики, названий домашней утвари). Особенно широко этнолингвистический метод применяется в новисадской школе диалектной лексикологии, подготовившей целый ряд монографий, посвященных различным терминосистемам народного быта (пастушеская, рыболовная, пчеловодческая терминология, терминология домашней утвари и др.), см. обзор (Недельков 2008, Недельков 2009).

Второе направление в сербистике, в рамках которого исследуется семантика сербскохорватской диалектной лексики, — это **диахроническая лексикология**, термин заимствован из (Драгићевић 2017, 275–276), или **историческая семантика**

¹ В библиографии, посвященной диалектной лексикографии штокавского наречия, перечислены все подобные лексикологические исследования, содержащие лексические подборки (Недельков, Марковић 2015).

(Влајић-Поповић 2002), представленная работами ученых сербской этимологической школы и историка языка Я. Гркович-Мейджор. Большое внимание изучению диалектной семантики и семантической реконструкции в этимологии уделяют Я. Влаич-Попович и М. Бьелетич (ср., например, о видах семантической деривации в первом томе этимологического словаря сербского языка в (Бјелетић, Влајић-Поповић 2003)). Я. Влаич-Попович в своей монографии «Историческая семантика глаголов удара в сербском языке» (Влајић-Поповић 2002) на материале сербскохорватской диалектной лексики описывает семантическую структуру шести глаголов с исходным значением ‘ударять’ *бити, косити, дерати, лупати, бухати* и *лепати* и их производных и создает «как можно более полные семантические портреты» (Влајић-Поповић 2002, 15) этих глаголов, выделяя закономерности семантического развития заданного поля. М. Бьелетич рассматривала взаимопроникновение терминов родства, названий растений и названий частей тела, исследуя регулярные (иногда и двунаправленные) мотивационные отношения, складывающиеся между разными лексико-семантическими группами, и показывая, что, с одной стороны, соматизмам и фитонимам свойственно регулярно развивать семантику родственных отношений, а с другой – термины родства и обозначения частей тела регулярно выступают как мотивационная база для названий растений (Бјелетић 1999, 1996).

Целый ряд работ, посвященных семантической реконструкции праславянских слов в индоевропейском контексте, принадлежит Я. Гркович-Мейджор. Это исследование семантических различий глаголов **znati* и **vědēti*, которые автор связывает со свойственным раннему индоевропейскому языку противопоставлением активных и неактивных глаголов (ср. связь **znati* с «активным» смыслом «рождать» и **vědēti* с неактивным смыслом «видеть»), о семантических причинах супплетивизма индоевропейских прилагательных со значением «хороший», о метафорах прямого и кривого, о семантической трансформации слов **grěxъ*, **vina*, **kajati se*, **dobrъ*, **bolgъ* и др. при переходе славян от языческой культуры к христианской (Грковић-Мејџор 2007).

Среди диахронических описаний сербской лексики с **этнолингвистической** точки зрения важное место занимают исследования Р. Драгичевич, объединенные в монографии «Лексика сербского языка в прошлом и настоящем» (Драгићевић 2018).

Автор описывает семантические явления в сербском словаре, начиная от праславянской эпохи до XIX в. В центре внимания исследовательницы неизменно оказывается интерпретация словарного материала с точки зрения мировоззрения коллектива, пользовавшегося этими словами. Автор рассматривает тематические группы, к которым относятся праславянский слой сербской лексики, турецкие заимствования, лексика славяно-сербских словарей XVIII в., лексика словаря Вука Караджича, и делает выводы относительно картины мира, отражаемой этими лексическими слоями, в частности, реконструирует быт сербов в Австрийской империи. Одно из исследований ученого посвящено анализу косовских ориентализмов со значением человеческих качеств и эмоций, среди которых, по наблюдению автора, значительно преобладают отрицательные оценки (Драгичевић 2018).

В сербской этнолингвистике в последние годы широко распространилась методика реконструкции стереотипов Е. Бартминьского и проведен ряд исследований в рамках проекта Люблинской школы EUROJOS. Исследования сербских этнолингвистов, сотрудничавших в этом проекте, объединены в сборнике «О ценностях в сербском языке» (Ајдачић 2015).

Лингвогеографические исследования лексики в сербской лингвистике представлены небольшим кругом исследований, см. обзор (Милорадовић 2017) и работы (Ћупић 1994; Бјелетић 2016), посвященные интерпретации данных Общеславянского лингвистического атласа. В сводных сербских диалектологических описаниях ареальным характеристикам лексики уделяется мало внимания. Обычно дается лишь общая характеристика свойственной наречию или диалекту лексики, выделяется несколько характерных диалектизмов и указываются преобладающие в регионе заимствования (турцизмы, романизмы, германизмы, унгаризмы) (Ивић 1994; Окука 2008). Несколько более подробная характеристика содержится в описаниях хорватских диалектов (Lisac 2003, 2009). Лексические выпуски национальных сербского и хорватского атласов на данный момент находятся только на стадии подготовки². Такую ситуацию в сербской

² Работа над проектом сербскохорватского диалектного атласа началась еще в 1958 г. После распада Югославии в Сербии приступили к созданию национального сербского атласа, но в связи с участием сербских диалектологов в различных международных лингвогеографических проектах, ее пока не удалось довести до конца (Милорадовић 2017).

диалектологии связывают с тем, что на протяжении десятилетий основные усилия сербских диалектологов в области лингвогеографии были направлены на работу в международных проектах атласов ОЛА, ОКДА и Европейского лингвистического атласа (Милорадовић 2017). Некоторые исследователи применяют метод картографирования лексики в своих работах (Милорадовић 2017, 127–129; Богдановић 1992; РСГВ), однако, как правило, он применяется только к ограниченной территории одного диалекта или даже одного говора.

Среди исследований праславянского диалектного членения на материале южнославянской лексики центральное место занимает монография Л.В. Куркиной (Куркина 1992), в которой рассматривается северо-западная группа южнославянских диалектов (словенские, кайкавские, чакавские и западноштокавские говоры) и решается задача выявления специфического словенского и шире западноюжнославянского словаря и его этимологического анализа. Автор выявляет изоглоссы, объединяющие западноюжнославянский ареал с севернославянскими языками, с чешско-словацкими и болгаро-македонскими говорами, а также выделяет лексемы, встречающиеся только в западноюжнославянских говорах.

Уникальный опыт картографирования южнославянских терминов народной культуры и осуществление на этой базе ареального членения представляет собой монография А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии», в которой выделены и описаны следующие южнославянские ареалы: западный хорватско-словенский, сербско-болгарское пограничье, южный балканский пояс, центральный южнославянский ареал, центральная балканославянская зона, македонско-южносербско-западноболгарский клин (Плотникова 2004). Специфику данной работы составляет предмет изучения – терминология календарной и семейной обрядности и народной мифологии в сопоставлении с этнографическими и фольклорными явлениями, представляющими собой контекст функционирования этой лексики. Признаки, релевантные для выделения культурных диалектов в пространстве Южной Славии, составили идеографическую сетку, которая заполнялась по опубликованным источникам и в ходе полевых обследований (этот корпус признаков лег в основу разработанного автором этнолингвистического вопросника «Малого диалектологического атласа балканских языков»). Диалектная

реализация данных признаков, их наличие или отсутствие в разных диалектах получила отражение на представленных в монографии картах.

Приведенный обзор направлений и достижений лексикологии сербского (сербскохорватского) языка свидетельствует о том, что тема данного диссертационного сочинения является **актуальной** для современной сербистики и вписывается в контекст новейших лексикологических исследований сербского языкового материала. Не менее актуальна предлагаемая тема для отечественной лингвистической славистики в целом. В настоящее время в отечественной славистике изучение народной культуры и славянского диалектного материала, в особенности основанное на полевых записях, представляет собой одно из приоритетных направлений (исследования Е.Л. Березович, М.А. Макарецца, А.А. Плотниковой, Г.П. Пилипенко, И.А. Седаковой, А.Н. Соболева, С.М. Толстой, Е.С. Узеновой и др.), намного превосшедшее по числу публикаций синхронные исследования феноменов славянских литературных языков. Исследования славянской диалектной лексики в общеславянском контексте в XXI в. переживают подъем в связи с бурным развитием славянской диалектной лексикографии и лингвогеографии, которые дали неисчерпаемый материал для лексикологического анализа. Расцвет славянской лингвогеографии выражается прежде всего в публикации «Общеславянского лингвистического атласа», в том числе нескольких лексических выпусков, что стало отправной точкой для интерпретации славянских лексических изоглосс (исследования Т.И. Вендиной). Ареалогическому изучению славянской лексики посвящен и крупный научный проект «Малый диалектологический атлас балканских языков», возглавляемый А.Н.Соболевым. Особенно актуальной настоящую диссертацию делает изучение отношений между словами праславянского происхождения, что имеет важное значение для уточнения представления о внутреннем устройстве лексики праславянского языка и его диалектной структуре (ср. диахронические семантические исследования на общеславянском материале в работах Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркиной, С.М. Толстой).

Настоящее исследование не только написано в русле направлений современной славистики, но и заполняет в ней определенную лакуну, связанную с отсутствием работ, в которых бы систематически описывались семантические и лингвогеографические характеристики сербскохорватской лексики. Как показывает

приведенный выше обзор, славистика располагает исследованиями отдельных вопросов семантики и географии сербскохорватских слов, однако комплексного сравнительно-лексикологического, этнолингвистического и лингвогеографического анализа сербскохорватской лексики до сих пор не предпринималось, что обуславливает **новизну** данного исследования.

Предметом диссертационного исследования являются: 1) синонимические отношения: а) между сербскохорватскими континуантами праславянских слов; б) между словами, возникшими на почве сербскохорватского языка; 2) семантические трансформации в сербскохорватской лексике праславянского происхождения в сопоставлении с аналогичными явлениями в других славянских языках; 3) семантика «ключевых» слов сербскохорватской народной секулярной этики и их роль в формировании языковой картины мира; 4) роль заимствований (турцизмов) в формировании семантической структуры сербскохорватского языка в их отношении к славянским синонимам; 5) диалектное распределение синонимов в сербскохорватском языковом континууме, их география и демонстрируемые ими ареалы.

Материалом для исследования послужил обширный корпус сербскохорватской лексики и лексики других славянских языков. В качестве источников использовались сербскохорватские диалектные словари – см. обзоры (Якушкина 2002; Менац-Михалич, Якушкина 2019) и словари общенародного сербскохорватского языка и литературных сербского и хорватского языков; национальные корпуса сербского языка и других славянских языков; диалектные словари и картотеки диалектных и исторических словарей славянских языков; произведения сербского фольклора и сербской литературы; этнографические описания сербских областей; опубликованные и архивные материалы «Общеславянского лингвистического атласа»; архивные материалы «Лексического атласа русских народных говоров»; данные анкетирования носителей сербскохорватского и других славянских языков; собственные полевые записи, сделанные в ходе экспедиций: 1) с. Кола и Ситница, Босния и Герцеговина, 2) с. Шеховци, Подрашница и Барачи, Босния и Герцеговина, 3) с. Сиче и Нови Град, Хорватия, в ходе которых собран материал от 20 информантов по лексическому вопроснику, охватывающему основные тематические группы лексики («Семья»,

«Части тела», «Домашнее хозяйство» и т.д.), а также лексические анкеты, заполненные образованными носителями народных говоров.

Цель работы – выявление синонимических отношений в сербскохорватской лексике праславянского происхождения и в сербскохорватских новообразованиях и выявление закономерностей в ареальном распределении сербскохорватской лексики; соотнесение этих отношений и ареальной структуры с общеславянским контекстом.

В работе решаются следующие **задачи**:

- 1) выявить элементы лексической системы (гнезда, лексемы, синонимические ряды), которые в семантическом или ареальном отношении могут служить важными характеристиками сербскохорватского языка;
- 2) рассмотреть этимологические гнезда, имеющие сложную полисемантическую структуру и реконструировать семантические отношения внутри этих гнезд;
- 3) описать трансформации значений, отраженные в семантических спектрах праславянских слов;
- 4) выявить семантические отношения между синонимами-континуантами праславянских слов;
- 5) определить специфику в семантическом развитии слов, обозначающих культурные концепты;
- 6) выявить семантическую специфику турцизмов с абстрактным значением, отличающую их от синонимичных исконных славянских слов;
- 7) установить ареалы, демонстрируемые в сербскохорватском языковом континууме междialeктными лексическими синонимами;
- 8) выделить лексические изоглоссы праславянского происхождения в сербскохорватском диалектном континууме;
- 9) выявить характерные признаки в лексике отдельных областей данного континуума (на полевого материале).

Основные используемые в работе **методы** – метод семантической реконструкции (применительно к лексике праславянского языка и применительно к словам сербскохорватского диалектного языка), сопоставительный, этнолингвистический и лингвогеографический методы.

Структура работы. Семантический, этнолингвистический и лингвогеографический аспекты анализа сербскохорватской лексики определили трехчастную структуру работы. **Первая глава** «Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики» посвящена семантической реконструкции праславянской лексики и содержит три раздела: «Семантический параллелизм этимологических гнезд», «Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения», «Лексические синонимы типологического происхождения». Каждый из разделов состоит из параграфов, в которых анализируется конкретное этимологическое гнездо, лексема или синонимический ряд или пара. В целом, в данной главе исследуются следующие лексем и гнезда: *kriv-, *kos-, lqk-, *pak- / *opak-, *grěx-, *prav-; *gor-, *žar-, *smag-, *praž-, *smal-, *top-, *kal-, *var-, *vbr-, *kyp-, *zn-, *par-, *užiti/ *uživati, *paliti, *žegti, *pekti, *zelyje, *lěpъ, *svętykъ, *porzdyńikъ, *bolgъ dьнь. Выбор данных лексем и гнезд в качестве предмета исследования связан с их развитой многозначностью или возможностью вступать в синонимические отношения. Основным критерием для их отбора было то, что они представляют собой семантический феномен. **Вторая глава** «Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении» посвящена анализу семантики лексем с этическим значением и со значением судьбы (*образ, поштење, част, чојство, јунаштво, судбина, срећа*), в том числе выраженных турецкими заимствованиями (*кисмет, избал, нафака, бат, инат, мерак, ђеф*). Глава состоит из двух разделов: «Синонимы в этической лексике» и «Турцизмы как источник синонимии в сербском языке». В **третьей главе**, «Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении. Междialeктные синонимы в сербскохорватских говорах», на материале «Общеславянского лингвистического атласа» реконструируются сербскохорватские ареалы, выделяемые на основании пучков лексических изоглосс; рассматриваются ареальные характеристики синонимов праславянского происхождения; выделяются лексические признаки отдельных областей. В **приложении** содержатся данные экспедиционных лексических анкет³.

³ В диссертацию включены материалы следующих публикаций, написанных с соавторстве: М.Менац-Михалич, Якушкина Е.И. Современная хорватская диалектная лексикография // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 6, 2019. С. 164–176; Бербич-Колар Э., Якушкина Е.И. Лексика хорватского славянского говора в сопоставительном аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 8/2, 2020. С. 63–70; Бербич Колар Э., Якушкина Е.И. Диалектные материалы из Славонии // Stephanos. №. 2, 2020. С. 54–62; Кулешова М.Л.,

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексико-семантическая система сербскохорватского языка реализует семантические связи и синонимические отношения, существовавшие в праславянском языке в форме семантического параллелизма гнезд и синонимии отдельных лексем. Индивидуальность сербскохорватского языка, как и любого другого, в реализации семантического параллелизма минимальна и проявляется в предпочтении конкретного корня для выражения того или иного значения.

2. Специфика сербскохорватского языка в семантическом развитии праславянских лексем определяется его географически центральной позицией в южнославянском и общеславянском пространстве. Сербскохорватский язык переживает общие семантические процессы с южнославянскими и чешским и словацким языками.

3. Турцизмы с абстрактным значением в сербскохорватской лексико-семантической системе отличаются по своему семантическому наполнению от своих частичных синонимов славянского происхождения. По сравнению с близкими по значению славянскими словами они выражают специфические концепты или характеризуются более узкой семантикой.

4. Междиалектные синонимы в сербскохорватском диалектном континууме демонстрируют два основных ареальных противопоставления: восток – запад и центр – периферия. Диалекты сербскохорватского языка не обнаруживают значительной и территориально строго очерченной лексической дифференциации, восходящей к праславянскому периоду.

5. Одним из источников синонимии в сербскохорватской абстрактной лексике, обозначающей традиционные культурные концепты, являются иноязычные образцы и влияние элитарной культуры.

Результаты исследования были обсуждены на следующих конференциях:

1. Праславянские лексические изоглоссы в сербскохорватском ареале // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербургский государственный университет, 16–24 ноября 2020);

2. Сравнительный анализ западнобоснийской и западносербской лексики // Ломоносовские чтения–2020 (МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 октября 2020);
3. Lexical features of Serbian Torlak dialect (geolinguistic aspect) // The 2020 Slavic Linguistics Society Meeting (September 4–6, Indiana University, Bloomington, USA);
4. Ареолошка истраживања српских говора // 50. научни састанак слависта у Вукове дане (Белград, Србија, 16–19 септембра 2020);
5. Использование сопоставительного и статистического методов при анализе результатов полевого исследования сербскохорватской диалектной лексики // Диалектология и лингвистическая география. 2. Методы сбора и интерпретации материала (Российский государственный гуманитарный университет, 3–4 апреля 2020);
6. Лексика сербского говора Бачки (Воеводина, Србия) в сопоставительном аспекте // XXIII «Круглый стол» по славянской диалектологии (Институт славяноведения РАН, 16–17 июня 2020);
7. Программа полевого исследования лексических особенностей западношtokавских говоров сербскохорватского языка // Ломоносовские чтения–2019 (МГУ имени М.В. Ломоносова, 22 апреля 2019);
8. Семантика красивого в сербском языке на общеславянском фоне // XLVIII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербургский государственный университет, 18–27 марта 2019);
9. Корреляция значений «хороший» и «красивый» в славянских языках (в соавторстве с Кулешовой М.Л.) // Международная научная конференция «Славянский мир: язык, литература, культура» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 ноября 2018 г.);
10. Лексические изоглоссы сербско-хорватского пограничья // Славянские диалекты в условиях межнационального пограничья (Институт славяноведения РАН, 20–21 ноября 2018);
11. Лексическая дифференциация хорватских говоров // XX Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и

- профессора Г.И. Сафронова (Санкт-Петербургский государственный университет, 12–14 сентября 2018);
12. Лексика из словаря Вука Караджича и «Общеславянский лингвистический атлас» // XVI Международный съезд славистов (Белград, Сербия, 19–27 августа 2018);
 13. Лексика сербских и хорватских говоров в «Общеславянском лингвистическом атласе» // XVI Международный съезд славистов (Белград, Сербия, 19–27 августа 2018);
 14. Ареальное членение и ареальные связи сербских и хорватских говоров по данным лексических выпусков ОЛА // XLVII международная филологическая научная филологическая конференция (Санкт-Петербургский государственный университет, 19–28 марта 2018);
 15. Семантические сдвиги в хорватских и сербских диалектах на материале лексических выпусков ОЛА // Семантические аспекты изучения славянских диалектов (Институт славяноведения РАН, 21–22 ноября 2017);
 16. Проблемы русско-сербской эквивалентности в области абстрактной лексики // Международная научная конференция «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура» (МГУ им. М.В. Ломоносова. 8–9 ноября 2017);
 17. Лексические связи сербских и хорватских говоров с восточнославянскими // Международная научно-практическая конференция «И.И.Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы» (Рязань, РГУ им. С.А. Есенина, 21–23 сентября 2017);
 18. Говори Црне Горе у Општесловенском лингвистичком атласу // Српско језичко и књижевно наслеђе на простору данашње Црне Горе. Српски језик и књижевност данас (Черногория, Подгорица, 26–28 мая 2017);

19. Честь и совесть в сербской народной культуре // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум (МГУ им. М.В. Ломоносова, 23–26 мая 2016 г.) ;
20. «Упорство» и «упрямство» в сербской аксиологии // Ломоносовские чтения–2014 (МГУ им. М.В. Ломоносова, 21 апреля 2014);
21. Лексема *zельje и ее семантика в славянских диалектах // Международная научная конференция «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013);
22. Традиции сербской исторической лексикографии // «Измаил Иванович Срезневский и славянская филология» (к 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского) (МГУ имени М.В. Ломоносова, 27 ноября 2012);
23. Лексическое выражение семантики понимания в славянских языках // Славянские языки и культуры в современном мире (МГУ им. М.В. Ломоносова, март 2009);
24. К реконструкции структуры праславянского лексико-семантического поля // XIV Международный съезд славистов (Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008);
25. Семантика глаголов *žegti и *paliti в южнославянских диалектах // Карпатско-балканский диалектный ландшафт (Институт славяноведения РАН, февраль 2007);
26. К реконструкции структуры праславянского лексико-семантического поля // Ломоносовские чтения–2007 (МГУ им. М.В. Ломоносова, апрель 2007).

Глава I

Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики

В данной главе исследуются семантические отношения между близкими по значению сербскохорватскими лексемами, а также отношения внутри семантических полей многозначных лексем на общеславянском фоне. Для анализа выбраны сербскохорватские лексемы праславянского происхождения, имеющие параллели в других славянских языках и демонстрирующие в своей структуре семантические переходы или характеризующиеся семантическим варьированием. Цель данной главы – выявить некоторые закономерности процессов развития сербскохорватской синонимии и многозначности, в том числе устойчивые семантические модели, и представить общеславянский контекст этих процессов. Синонимия и многозначность в данной главе понимаются в общеславянском ракурсе – как семантические отношения, реализующиеся в разных славянских диалектах.

В данной главе исследование ведется в трех направлениях, которым соответствуют три раздела. В первом разделе рассматривается явление семантического параллелизма между этимологическими гнездами, заключающееся в том, что корням с близким исходным значением свойственно порождать гнезда сходной семантической структуры. Это явление рассматривается на примере гнезд с семантикой ‘кривой’ – ‘прямой’ и с семантикой горения. Во втором разделе рассматривается семантика континуантов отдельных праславянских лексем, вступающих в синонимические отношения и/или имеющих сложную структуру многозначности. Материалом послужили глаголы **užiti/*uživati* ‘пользоваться, наслаждаться’, **paliti*, **žegti*, **pekti* ‘палить, жечь, печь’ и другие глаголы температурного воздействия, существительное **zельje* ‘трава, овощ, отравы’, прилагательное **lěpъ* ‘красивый, хороший’, существительные **svęтьсь*, **porzdъnikъ*, **bolgъ dъnъ* ‘праздник’. Третий раздел посвящен синонимии и многозначности континуантов праславянских слов, сформировавшихся в период существования отдельных славянских языков в результате действия типологических факторов (глагол понимания **orzumęti* и модель ‘понимать’ < ‘брать, хватать’). Как указано во введении к работе, выбор лексем и гнезд для анализа обусловлен тем, что

каждая/каждое из них представляют собой общеславянский семантический феномен. Материал для изучения не отбирался с определенной, наперед поставленной целью, он постепенно включался в поле исследования, привлекая наше внимание сложностью семантических отношений в структуре одной лексемы или между разными лексемами.

Теоретической базой данной главы является опыт семантического описания, выработанный в славянской сопоставительной лексикологии, этимологии, диахронической семантике и лексической типологии. Ниже мы рассмотрим основные достижения этих дисциплин в реконструкции развития семантических спектров слов и синонимических отношений между словами.

Сравнительная славянская лексикология сформировалась в 60-е годы XX в. в работах Н.И. Толстого (Толстой 1997) и получила развитие в исследованиях С.М. Толстой (Толстая 2008; Толстая 2019). Эта дисциплина рассматривает словарный состав всех славянских языков как единое целое и на его основе реконструирует праславянское состояние, применяя к лексическому фонду славянских языков те же категории, которые присущи системе одного языка. Объектом изучения данной дисциплины является общеславянская многозначность, синонимия, семантика гнезд и семантическая реконструкция лексем и корней. В отличие от этимологии, целью которой является отождествление корней, в сравнительной славянской лексикологии акцент делается на семантической реконструкции и реконструкции связей между словами в праславянском языке. Наряду с реконструкцией единиц праславянской лексической системы и отношений внутри нее, к сравнительной славянской лексикологии относятся исследования сопоставляющие фрагменты лексических систем славянских языков более позднего происхождения и не имеющие праславянской ретроспективы (Толстая 2019, 138–152).

Изучение слова в общеславянском контексте обеспечивает более широкий взгляд на семантику слова в каждом славянском языке. Как указывает С.М. Толстая, «семантическая структура многозначного общеславянского слова (набор и сочетание значений) определяется не только системными отношениями данного слова к другим словам в данном, конкретном языке, но и некоторым семантическим потенциалом, заложенным уже в праславянском слове, и, следовательно, строгое

ограничение семантического анализа рамками одного языка (одной системы) нельзя считать оправданным [...] Снятие языковых (по крайней мере в пределах родственных языков) и временных ограничений дает лексической семантике славянских языков (славянской семасиологии) общеславянскую перспективу и праславянскую ретроспективу» (Толстая 2008, 11). Основу сравнительно-лексикологического анализа составляет семантическая реконструкция. «Семантическая реконструкция [...] призвана выявить логику развития праславянского слова, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов» (Толстая 2008, 13), опираясь на «по возможности подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке [...] Семантическая реконструкция [...] обращена не только к этимологии и даже не только к истории языка, ее задачи гораздо шире – это выявление регулярных семантических отношений в лексике родственных языков» (Толстая 2008, 14). Глубиной проработки семантики праславянской лексемы сравнительная лексикология отличается от этимологии, которая только намечает мотивацию, но не ставит перед собой цель выяснить значения праславянского слова (в этимологическом словаре значение слова эксплицируется через семантику его продолжений, а связь между ними и логика развития семантического потенциала как правило не вскрывается).

Единицей анализа в сравнительной славянской лексикологии является гнездо или лексема, ср. исследования С.М. Толстой о спектре значений корней **sux-*, *prěsn-*, **pust-* и потенциях корня, отраженных в семантике деривата (Толстая 2008), а материалом – диалектная лексикография, интенсивное развитие которой с конца XX в. до сих пор служит важным стимулом для сравнительно-лексикологических исследований.

Наряду с многозначностью общеславянских лексем, важным объектом исследования в сравнительной славянской лексикологии является праславянская синонимия. В работах С.М. Толстой она рассматривается прежде всего в особом ракурсе так называемого семантического параллелизма (Толстая 2002). Регулярные семантические корреляции между словами или морфосемантическими полями (гнездами), носящие название семантического параллелизма, представляют собой явление синонимии или антонимии целых семантических спектров, выражаемых

парой гнезд или даже целым их рядом (в наддиалектной языковой модели, с которой работает диахроническая семасиология, семантический параллелизм – аналог синонимии и антонимии в лексико-семантической системе отдельного языка). Целый ряд работ С.М. Толстой посвящен анализу лексем и гнезд, демонстрирующих семантический параллелизм: *играть* и *гулять*, *труд* и *мука*, *крас-* и *цвет-*, *весел-* и *рад-*, *глух-* и *слеп-* (Толстая 2008; Толстая 2019). Целью подобного исследования является реконструкция семантических связей, через которую объясняются семантические явления в современных славянских языках. Исследования синонимии в трудах С.М. Толстой касаются и семантического параллелизма межъязыковых славянских синонимов, таких, как, например, *искать*, *шукати*, *тражити*, *барам* и т.д. «Сравнение семантических спектров рассмотренных выше основных славянских глаголов, которым присуще значение ‘искать’, – пишет С.М.Толстая, – обнаруживает, что их объединяет не только это значение, но и многие другие, которые, таким образом, можно считать семантически связанными с ‘искать’. Таковы значения ‘трогать, касаться’, ‘шарить, ворошить’, ‘хотеть, желать’, ‘просить’, ‘требовать, нуждаться’, ‘спрашивать’, ‘следовать’, ‘изучать, исследовать’, ‘предъявлять обвинение, иск’ и др., обнаруживаемые в спектрах сразу нескольких или даже многих глаголов. Суммарный набор этих значений образует некую диффузную область смыслов, связанных друг с другом по принципу сети» (Толстая 2019, 160).

Славянская **этимология** также уделяет большое внимание семантической реконструкции, но, в отличие от сравнительной лексикологии, ставит вопрос иначе – в генетическом аспекте. Этимология интересуется не столько семантическим потенциалом общеславянского слова и его современной реализацией, сколько выявлением источников того или иного значения. Классические примеры реконструкции семантических переходов и синонимических отношений представлены в исследованиях О.Н. Трубачева (ср. анализ синонимической пары **koprati* ‘ритуально очищать’ и **myti* ‘очищать физически’ (Трубачев 2004, 138–140) семантической корреляции ‘молчать’ и ‘таять’ (Трубачев 2004, 311–318)). В работах Ж.Ж. Варбот исследуется вопрос участия гнезд в выражении той или иной семантики на разных этапах развития праславянского языка (ср. описание средства выражения семантики быстроты в праславянском (Варбот 1998)). Проблемой

реконструкции значения праславянского слова много занималась М. Якубович, предложившая его описывать через три основные составляющие: этимологическое значение, структуральное значение и значение континуантов (Якубович 2018; Jakubowicz 2010).

В интересе к систематизации семемных связей с этимологией соприкасается направление когнитивной лингвистики – **диахроническая семантика (historical semantics)**, осуществляющая свои разработки в рамках парадигмы семасиологии начала XX в., которая была сосредоточена на поиске закономерностей в формировании и развитии значений (установлении семантических законов) (Рахилина 2000, 360; Звегинцев 1957; Зализняк 2001). Первостепенной задачей диахронической семантики является определение типологии развития значений на материале различных, в том числе и не близкородственных языков, так что объектом ее анализа становится не слово или гнездо, а собственно **семантический переход**, а результатом – конструкция универсальной (закономерной) семантической схемы. Современные зарубежные исследования в данной области разрабатывают проблематику теории смыслового перехода: как, почему и в каких типах контекстов он возникает (Historical semantics and cognition 1999; Words in Time 2003).

Синонимия и семантическая деривация, основанная на метафоре, являются предметом изучения в **лексической типологии**. В отечественной лингвистике проведен ряд исследований, посвященных устройству семантических полей движения в воде, вращения, боли, звука в разных языках (Глаголы движения 2007; Глаголы звуков 2015; Концепт боль 2009; Рахилина, Прокофьева 2004). В ходе этих исследований выявляются закономерности в распределении денотативных ситуаций между лексемами поля (ср., например, семантические различия глаголов *вертеться*, *вращаться*, *крутиться*), а также закономерности в формировании значений (ср. выявление семантических источников для глаголов боли: глаголы температурного воздействия (*горит*), деформации (*давит*), звука (*стучит в висках*), воздействия инструментом (*режет*, *колет*) и др.).

Раздел I

Семантический параллелизм этимологических гнезд

§1. Гнезда с семантикой кривизны

Лексико-семантическое содержание оппозиции *прямой* – *кривой* многократно исследовалось на материале славянских языков (Цейтлин 1996; Толстая 1998; Генералова 1998; Лейвен-Турновцева 2000; Грковић-Мејдор 2007, 347–364). Как показывают наблюдения над смысловыми трансформациями слов, выражающих понятия «кривой» и «прямой» в славянских и европейских языках (латинском, английском, немецком), семантическое развитие этих базовых смыслов носит универсальный характер; различные языковые картины мира демонстрируют сходство или даже единство набора ассоциаций, сопровождающих эту бинарную корреляцию (Лейвен-Турновцева 2000). Через пространственную симметрию в указанных языках повсеместно реализуются концепты нормы, порядка, правовых и этических ценностей, а через асимметрию – концепты беспорядка и антинормы. Внимания заслуживает не только повторяемость путей развития семантики *прямого* и *кривого* в разных языках, но и регулярность, единообразие семантических трансформаций, переживаемых словами, входящими в поле *прямого* – *кривого*, которые может показать и материал одного языка. Разные корневые группы, входящие в поле *прямого* – *кривого*, реализуют примерно один и тот же набор значений, в том числе и в периферийной области, что придает организации данного поля закономерный характер и делает вторичные значения во многом предсказуемыми. Такая универсальность носит не только языковой, но и общекультурный характер: семантические процессы, протекающие в поле *прямого* – *кривого*, отражают обнаруживающиеся в разных сферах традиционной культуры (обряде, поверьях) взаимосвязи *прямого* – *кривого* с бинарными корреляциями, типа *левый* – *правый*, *хороший* – *плохой*, *здоровый* – *больной*, см. (Толстой 1995, 151–156).

В говорах сербскохорватского языка поле *прямого* – *кривого* организовано асимметрично, то есть присутствует лишь один корень, выражающий семантику прямого (*прав-*), тогда как противоположная семантика находит многократное формальное выражение (*крив-*, *кос-*, *пак-*, *грех-*, *лук-*, *лев-*) (ср.: «Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчеркивать его соответствие норме» (Арутюнова 2000, 70).

Слова, входящие в славянских языках в семантическую область кривого, частью сохранили исконную семантику и в современных говорах, а частью утратили ее еще в древнейший период, так что она может быть восстановлена только на индоевропейском уровне (*грех*⁴), но тем не менее сохранили модели семантического развития, свойственные данному полю. Единство семантических моделей, по которым трансформировалась первичная семантика входящих в поле корней, и соответственно близкий набор денотатов, в том числе периферийных, тождественность антонимических связей и синонимическая взаимосвязанность – все это формирует область кривого как целостность.

Как показывают индоевропейские соответствия для слав. **prav-*, исконная семантика этого корня (восходит к **pro-vos*) – положительная, превосходная оценка: лат. *probus* ‘добрый, честный, порядочный’, др.-инд. *prabhus* ‘выдающийся (по силе и изобилию), превосходящий’, англос. *fram* ‘сильный, деятельный, смелый’, др.-исл. *framr* ‘стоящий впереди, стремящийся вперед’ (Фасмер). Импликация перечисленными значениями семы ‘первый’ или ‘передний’, дает возможность предположить глубинную связь корня *prav-* с этими понятиями, что подтверждается корреляцией значений ‘задний’ и ‘кривой’ у общеславянского корня *pak-*.

Исходная славянская семантика корня *prav-*, как известно, пространственная – ‘прямой, не отклоняющийся в стороны’, которая в начале письменной эпохи разбилась на два значения: ‘прямой, гладкий, ровный (о поверхности)’ и ‘прямой, без изгибов, не отклоняющийся вправо или влево, в стороны’ (Цейтлин 1996, 137). В сербскохорватских говорах распространено только второе значение, принимающее во внимание форму предмета или его положение в пространстве: *прав штап* «прямая палка», *право дрво* «прямое дерево», *прави пут* «прямая дорога» (RJAZU 11, 387); *прав* ‘ровный, несогнутый’ (Peić, Bačlija); *прав* ‘gerade’ (Карацић); *прав кај стрела* «прямой, как стрела» (Елезовић); *правац* ‘прямая линия’, ‘прямая дорога’: *могући правцем, ходит опхођом* «имея возможность идти по прямой, ходить в обход» (посл.) (RJAZU 11, 395).

Первичная пространственная семантика корней, выражающих идею непрямоты, несколько разнится. Наиболее далека от семантики остальных корней исконная семантика основы *опак-*: с.-х. *опакo* ‘вывернуто, перевернуто’, ‘назад’, *опак* ‘задний, обратный’ (ср., однако, приведенные ниже производные корня *пак-*, выражающие

⁴ Ср., однако, иную этимологию: Ж.Ж. Варбот возводит **grěchъ* к **gher-* ‘скрести, разгребать’ (Варбот 2012, 125).

именно идею кривизны), тогда как семантика корней *крив-*, *кос-*, *лук-* характеризуется существенной близостью. Ср. сербскохорватские значения следующих дериватов корней *крив-* и *кос-*: с.-х. *крив* ‘непрямой, согнутый, искривленный’, ‘стоящий косо, поставленный в косое положение, нагнутый, покосившийся’: *крива зграда* ‘кривое здание’ (РСАНУ 10, 522); *крив* ‘не прямой, согнутый’ и ‘не стоящий прямо, покосившийся’: *крива врата* ‘кривая дверь’ (Peić, Bačlija); *кос* ‘положенный поперек’ (Станић); *кос* ‘стоящий к горизонтальной поверхности под углом, отличным от прямого, нагнутый’ (РСАНУ 10, 293); *косинаст* ‘косой, нагнутый, согнутый’: *косинасте обрве* ‘изогнутые брови’ (РСАНУ 10, 298); *косити* ‘делать косым, искривлять’: *косити леђа* ‘сгибать спину’; *косити се* ‘нагибаться, сгибаться, искривляться’, ‘пожимать плечами’ (РСАНУ 10, 300). Первичную семантику искривленности манифестируют и слова, обозначающие различные изогнутые предметы: *кривица* ‘сорт инжира (искривленного)’ (RJAZU 5, 568), *кривак* ‘рогалик’ (РСАНУ 10, 525). Семантику искривленности демонстрируют и производные корня *лук-*: *лук* ‘дуга’, ‘вид оружия (лук)’, ‘все полукруглое и дугообразное’, ‘арка’, ‘рождественский хлеб в форме полумесяца’ (РСАНУ 11, 614), *луковит* ‘согнутый в дугу, дугообразный’ (РСАНУ 11, 620).

На базе семантики ‘искривленный’ развилось значение ‘кривляться’, ‘плакать’: с.-х. *кревельење* ‘das Weinen mit verzogenem Munde’ (Караџић), *кривити уста* ‘кривить рот’, *кривити се* ‘кричать во всю мочь’ (RJAZU 5, 565), *кривњава* ‘крик (ребенка)’ (Караџић). Ср. словен. *račiti se* ‘делать гримасы’ (Bezljaj 3, 2), русск. *кривляться*; *косить* ‘корчить’: *его косит* ‘корчит’ (Даль).

Осмысление *прямого* как факта культурного, освоенного, пространства, в противоположность *кривому* как не испытавшему воздействию культуры, дикому, привело к установлению связи *прав-* с идеей порядка, созидания, культурной деятельности. Ср. с.-х. *правити* ‘выпрямлять’: *крива дрва на огњу се праве а права криве* «кривые дрова на огне выпрямляются, а прямые искривляются» (посл.) (RJAZU 11, 396), ‘управлять’ (Караџић), ‘делать, строить, создавать’ (Караџић; Митровић 1984, 256), ‘говорить, рассказывать’ (RJAZU 11, 396), *оправим* ‘приводить в порядок’ (Митровић 1984, 224), *оправан* ‘in Ordnung’ *оправна пушка, гадље* ‘исправное ружье, волынка’ (Караџић). Напротив, кривое ассоциируется с беспорядком, хаосом, ср. болг. *опакия* ‘неразбериха, путаница, беспорядок’ (БЕР 4, 894).

Ряд вторичных значений корней, реализующих противопоставление *прямой – кривой*, связан с тем, что система бинарного культурного кода подразумевает возможность семантического преобразования признаков, составляющих одну оппозицию, в признаки, представляющие другую. Такого рода переходы основаны на том, что за каждой из оппозиций стоит прототипическое противопоставление *хороший – плохой*: «Все эти ряды противоположностей в определенных контекстах взаимозаменяемы (синонимичны): каждую из пар противоположностей можно рассматривать как перевод основного противопоставления ‘благоприятный’ – ‘неблагоприятный’» (Иванов 1978, 96). В славянских диалектах произошло два семантических перехода такого рода: *кривой – прямой* → *изнаночный – лицевой* и *кривой – прямой* → *левый – правый* (о том, что эти пары признаков имеют статус бинарных оппозиций, см. (Толстой 1995, 163); в работе (Иванов, Топоров 1965) они в качестве таковых не выделяются).

Так, у корней *нак-* и *прав-* развились значения ‘изнанка’ и ‘лицевая сторона’: с.-х. *нако* ‘изнанка’ (RJAZU 9, 577); *нак* ‘оборотный, изнаночный’ (RJAZU 9, 578); *наки* ‘не лицевой’: *нака страна* ‘изнаночная сторона’ (RJAZU 9, 578) (ср. болг. *онаке* ‘изнаночная сторона чего-либо’ (БЕР 4, 894), макед. *онаку* ‘наизнанку’ (PMJ 2, 62), русск. *наopak*, *наопакишу* ‘наизнанку’ (СРНГ 20, 55), польск. *наopak* ‘навыворот’) и с.-х. *права страна* ‘лицевая сторона’: *paka strana njizine marame je lipša nego prava strana toje* «изнаночная сторона ее платка более красивая, чем лицевая сторона моего» (RJAZU 9, 578). При очевидности мотивации значения ‘изнанка’ семами ‘задний’, ‘обратный’, ‘перевернутый’, ‘противоположный’, присущими первичной семантике корня *нак-* (с.-х. *накоручица* ‘внешняя сторона кисти руки, противоположная ладони’ (RJAZU 9, 579), русск. *наопакишу*, *наопако* ‘задом наперед, наизнанку, наоборот (надеть что-либо)’ (ЛКТЭ)), в развитии у корней с семантикой *прямой – кривой* значения лицевой и изнаночной стороны большую роль сыграло осмысление этих денотатов через признаки *хороший – плохой*. Подтверждением этому служат такие примеры, как русск. *левая сторона* ‘изнанка’ (‘кривой’ – ‘левый’ – ‘нехороший’ – ‘изнаночный’) и сербскохорватское обозначение традиционного направления движения по солнцу, слева направо *наопосун*, которое развивает значение ‘лицевая сторона одежды’ или ‘верхняя, правая сторона хлеба’ (Stojković 1929, 51) (‘правильное движение’ – ‘правильный, хороший’ – ‘лицевой’).

Названия прямого и кривого регулярно используются для обозначения правой и левой стороны. Ср. **lěvъ* этимологически ‘кривой’ (ЭССЯ 15, 29–31), а также современные диалектные данные: хорв. северночак. *kriv* ‘левый’, *prav* ‘правый’, болг. южнофраг. *крива ръка* ‘левая рука’, *правата ръка* ‘правая рука’ (Толстой 1997, 144–152), ср. болг. *опачница* ‘водяная мельница, вращающаяся наоборот – налево’ (БЕР 4, 894), русск. *накила*, *накиша* ‘левша, левая рука, шуйца’ (Даль), *наопакишу*, *наопако*, *наопашку* ‘левой рукой или с левой стороны’ (ЛКТЭ). Через корень *пак-* выражается и концепт левого движения (против солнца): русск. *вертеть что или ходить опако солнца* ‘против (солнца), слева направо’ (Даль), *наopak*, *наопако* ‘в направлении, противоположном движению солнца’, *опачной* ‘о дереве: имеющий древесину, закручивающуюся в обратную сторону, «против солнца»’: *дерево опачное, против солнца завивается* (ЛКТЭ); польск. *на opak* ‘наоборот, против солнца’ (Karłowicz 3, 248–249), ср. с.-х. *наопосун*, *напосло*, *напослом* или русск. *посолонь* ‘по солнцу, слева направо, по часовой стрелке’. Импликация противопоставлением *кривой* – *прямой* и *левый* – *правый* оппозиции *хороший* – *плохой* обнаруживается в обозначениях основных направлений корнями с этической и качественной семантикой: русск. *на доброй руке* ‘на правой стороне’, *на худой руке* ‘на левой стороне’, *гожий* ‘правый (о руке)’ (Березович 2000, 106), словен. резьян. *hüda roka* ‘левая рука’, *döbrъ kraj* ‘правая сторона’ (Толстой 1997, 145).

Семантика направления действия, противоположного общепринятому, которую выражают дериваты корня *пак-*, представлена и такими значениями, как русск. *наopak* ‘через кулак, повернув кисть от себя (наливать что-либо)’, *наопако* ‘от себя (бросать)’, ‘через голову назад (бросать)’, *наопако*, *наопоко* ‘в другую сторону, в направлении, противоположном обычному’ (ЛКТЭ), польск. *opaczniк* ‘свинья, у которой шерсть растет в направлении к голове’ (Karłowicz 3, 29).

Корреляция оппозиций *прямой* – *кривой* и *хороший* – *плохой* в сфере народной культуры (Толстой 1995) приводит к развитию у данных пространственных признаков нормативной семантики. В контексте культуры прямая линия реализуется как прямой, кратчайший путь (первоначально *путь* – ‘прямая дорога’ (Цейтлин 1996, 141)), а следовательно, правильный и верный (ср. «в былинах достижение удачи или неудачи часто связано с ездой по прямоезжей или окольной дороге (см. былинку об Илье

Муромце и Соловье-Разбойнике)» (Иванов, Топоров 1965, 92), цит. по (Цейтлин 1996, 141).

Диапазон нормативных значений корней *прав-*, *крив-*, *нак-* и т. д. очень широк. Нормативный тип семантики лежит в основе большинства вторичных значений входящих в данное поле слов (ср. (Толстая 1998)). В славянских диалектах, в том числе в сербскохорватских, корни со значением «прямой» – «кривой» выражают, прежде всего, общую идею соответствия или несоответствия норме, то есть реализуют значения ‘как надо, как положено’ и ‘неправильно’, ‘как не следует’. С.-х. *криво* ‘не так, как нужно’: *криво ватра ложена* «костер разожжен неправильно (“криво”))» (RJAZU 5, 557); *крив* ‘не соответствующий желаниям, ожиданиям, потребностям’: *ушла у криви воз* «она села не на тот поезд», *узети криву жену* «взять в жены неподходящую женщину» (РСАНУ 10, 523); макед. *криф* ‘ошибочный’: *криф пџт фати* «пойти не по тому пути» ‘испортиться’ (Шклифов 1977, 257); с.-х. и русск. *наопако*, польск. *паорako* ‘наоборот, не так как положено’; словен. *парак* ‘неправильно’, *парака* ‘неправильность’ (Bezljaj 2, 213), макед. *опаку* ‘ошибочно, неправильно’ (ТРМЈ 3, 518); с.-х. жаргон. *леви* ‘нестоящий’: *каков ти је овај нови момак? – неки леви тип* «как тебе этот новый парень? – какой-то “левый” тип» (РСАНУ 11, 278); с.-х. *право* ‘хорошо’: *знаи право да је украдена* «ты хорошо знаешь, что она украдена», *није право што тако радиш (не ваља ти посао)* «не годится, что ты так делаешь (не годится твоя работа)»; *прав* ‘настоящий’: *право весеље* ‘настоящее веселье’; ‘соответствующий обстоятельствам, времени, желаниям, удобный, подходящий’: *у право време* ‘в нужное время’, *извест на прави пџт* «вывести на правильную, нужную дорогу» (Peić, Bačlija); ‘подлинный, настоящий’ (echt) (Карацић), ‘естественный’: *права смрт* ‘естественная смерть’ (RJAZU 11, 387), ‘хороший, старательный’: *prava је раbotežnica kaj мати* «такая же хорошая работница, как мать» (Jurišić 1973, 166), ‘приятный, милый’: *простите ако вам нијесам прав* «простите, если я вам чем-то не угодил» (RJAZU 11, 388), *оправити се* ‘sich bessern’ (Карацић), *правило* ‘инструкция’ (RJAZU 11, 398), ‘Kirchenregel’ (Карацић).

Общая нормативная оценка действия с точки зрения его правильности или неправильности регулярно выражается корнем *грех-*: с.-х. *грџх* ‘ошибка’ (RJAZU 3, 427), *грешка* ‘ошибка’, ‘недостаток’ (РСАНУ 3, 619), *грешан* ‘ошибочный’ (Чемерикић), *грешати* ‘ошибаться’, ‘отступать от правила’ (ср.: «Верят, что фруктовое дерево будет в принесении плодов *грешати*, то есть в один год родит, а на следующий нет»

(КСАНУ)), *грешити* ‘ошибаться’ (РСАНУ 3, 618). Показательно, что обозначения рекомендуемого для повседневной практики направления движения, оказываются полностью интегрированы в систему поля *кривого* – *прямого*, хотя имеют совершенно иную внутреннюю форму, то есть развивают значения, типичные для данного поля: с.-х. *наопосун* ‘по солнцу’ и ‘как положено, как следует, по порядку, как Бог хочет’ (*живјети наопосун* «жить по Богу») (Stojković 1929, 51), *наопосло* ‘как надо, положено’ (ант. *наопако*): *седи ти наопосло и све ће бит добро* «сиди ты, как положено, и все будет хорошо»; *све му је одило наопосло, таличан је как му отац* «все у него шло как надо, удачливый, как его отец» (Ћупић 1997, 254).

Помимо области обобщенных оценок, можно выделить несколько регулярных типов изменения первичной семантики корней со значением прямизны и кривизны в зависимости от типа нормы и области ее приложения.

I. Первая область охватывает внешний вид предмета или лица и его физическую деятельность. Семантика положительной оценки в данном случае практически не реализуется. Маркированными оказываются различные отклонения от нормы, аномалии, семантический инвариант которых можно обозначить как ‘не такой, как положено’, ‘не соответствующий идеальной норме’.

Семантика **телесных недостатков** прослеживается у корней *крив-*, *пак-* и *кос-*. Если в «анатомических» словосложениях типа с.-х. *кривоглав*, *кривоног*, *кривонос*, *кривопет*, *кривореп*, *криворог*, *криворучац*, *кривогуз*, *кривошија*, *кривоуст*, *кривоврат*, *кривостасан* (Карацић) (ср. русск. *кособрюхий*, *косолицый*, *косолядвий* и т. д. (Даль)) *крив-* выступает в своем первичном пространственном значении, а в с.-х. *кривострана* ‘женщина, у которой одна грудь больше’ *крив* имеет семантику нормативной оценки, то в автономном употреблении эти лексемы получают специализированную анатомическую семантику, типа ‘хромой’, ‘одноглазый’ и т. д., причем у каждого корня наблюдаются свои денотативные предпочтения, то есть за каждым достаточно устойчиво закрепляется функция обозначения дефекта не любой, а определенной части тела. Корень *крив-* наиболее часто сочетается с денотатом «спина» и «нога»: с.-х. *крив* ‘горбатый, сгорбленный’ (Станић), ‘хромой, увечный’ (Елезовић), *кривна* ‘хромая женщина’, *криветат* (Стијовић 2014, 288), *накривљујем* ‘хромать’ (Митровић 1984, 196), *кривельан* ‘хромой волк’, *кривеша* ‘хромая женщина’ (РСАНУ 10, 530), *кривка*, *кривља* ‘хромая женщина’, *кривим* ‘хромаю’, *криви цар* ‘пастушеская игра, в которой

двое ребят толкают друг друга плечом, стоя на одной ноге' (Златановић). Ср. русск. *кривой* 'одноглазый, слепой на один глаз', 'хромой, колченогий', *кривуха* 'кривая, одноглазая женщина', *кривлять* 'прихрамывать' (Даль), *косой* 'косоглазый, который косится': *косой не слепой* (Даль). Полюсом этого семантического типа является семантика отсутствия (ср. с.-х. *крив* 'увечный').

Корень *крив-* в ветеринарной и медицинской терминологии используется для обозначения как хромоты, так и других болезней: с.-х. *кривавица* 'болезнь мелкого скота, проявляющаяся в хромоте', *крива* 'название для разных болезней домашних животных' (болезнь рта, выпадение зубов, рахит и хромота), 'болезнь, случающаяся с людьми от испуга' (РСАНУ 10, 524).

Оценкам физического вида человека по структуре подобны этические оценки, внутренняя форма которых содержит образ «кривизны» внутреннего «органа», отвечающего за нравственность, то есть души или сердца: с.-х. *криводушник* 'лжесвидетель', 'злой человек' (РСАНУ 10, 537), *кривосрд* 'у кого «кривое» сердце (в моральном смысле)' (RJAZU 5, 570).

Дериватам **pak-* / **opak-* прежде всего свойственно обобщенное значение физической ущербности: словен. *spak* 'monstrum, abortus, (homo)deformatus', *spaka* 'урод, уродство', *spakast*, *spačji* 'deformatus, monstruosus' (Bezljaj 3, 295). Уже в этих примерах прослеживается превалирование в семантике корня эстетической оценки, что ярко демонстрируют слова, обозначающие лицо: русск. *опако* 'лицо, рожа' (СРНГ 23, 230), *опачина* 'рожа, образина' (грубо) (СРНГ 23, 246).

Большой интерес представляют лексемы, широко распространенные в русских говорах, содержащие элемент *пак* (*пакша*, *пакля*) и служащие названием руки. Отнесение их к корневой группе *пак-опако* – вопрос этимологически спорный, так как в словах типа русск. *пакля* 'рука' (то есть словах, содержащих *-л-*) возможно усматривать морфему **kyl-*, связанную с **kolti* и представленную в таком слове, как *клык* (Куркина 1982). Возведение такого рода лексем к корню *пак-* (см. (Фасмер)), несмотря на всю убедительность противоположной точки зрения, также представляется реальным в силу их семантических особенностей. Кажется вероятным, что даже в случае верности родства с **kolti* впоследствии в языковом сознании произошло вторичное сближение этих слов со словом *опако* (ср. *пакша* 'левша, неловкий человек, делающий все *наопако*, *наизворот*, *опакуша*' (Даль)).

В пользу сближения с *пак-* свидетельствует устойчивая семантическая связь слов типа *пакша*, во-первых, с физическими деформациями и ущербностью (семантический диапазон *пак-* в составе данных лексем полностью включает семантику *крив-* в словах, обозначающих физические недостатки: ‘искривленность’ – ‘деформированность’ – ‘отсутствие части тела’), а во-вторых, с левым, универсальным семантическим дериватом кривого. Ср. русск. *пакша* ‘левша’ (Даль), *пакла*, *пакша*, *пакуша*, *пакула*, *пакля* ‘левша, люкша, левая рука, шуйца’ и ‘левша, неловкий, неуклюжий, несручный человек, делающий все наопако, наизворот, опакуша’ (Даль), *пакша* ‘кисть левой руки’ (Фасмер), *пакля* (бранн.) ‘вообще рука’, ‘неуклюжая, долгая, костлявая рука, сухая, сухотная’, *паклястый* ‘сухорукий’, *пакшища* ‘лапища, ручища’ (Даль), *пакля* ‘искалеченная, изуродованная рука’, *пакорь* ‘человек с изуродованной, плохо действующей рукой’, *пакша* ‘рука (обычно грязная, неловкая и т. п.)’ (ЛКТЭ), *пакля* ‘грязная, пачканая, неряшливая рука, уродливая рука’, ‘беспалая рука’ (Куркина 1982), словен. *paklji* ‘кривые пальцы’ (Bezljaj 3, 4).

С данной областью значений тесно связана семантика **отсутствия умений, навыков**: с.-х. *криворукиле* ‘мужчина, который не может попасть камнем в цель’ (антонимы – *праворукиле*, *праворук*, *прав* ‘способный попасть в цель’) (Станић). Семантику «неправильного» действия – ‘промахнуться’, ‘плохо работать’ – регулярно выражает корень *грех*: с.-х. *грешати* ‘промахнуться, не попасть в цель’, ‘ошибаться’ (*грешати пут*, *у говору* «перепутать дорогу, ошибиться в речи» (КСАНУ)), *грешити* ‘ошибаться’, ‘плохо работать’ (Станић). Ср. также русск. *опакушить* ‘сделать что-то бестолково, необдуманно, недослышкой, навыворот’ (Даль).

Отклонения от норм **речевого поведения** регулярно выражаются дериватами корня *пак-*: с.-х. *пакља* ‘человек, не выговаривающий некоторые звуки’, *пакљав* ‘человек с речевыми дефектами’ (Митровић 1984, 231); с.-х. *парокелја* ‘человек, который говорит или поступает наоборот’ (Skok 2, 558); макед. *опачечки збори* ‘речь, в которой переставлены слоги’ (тайный язык) (БЕР 4, 893; Цепенков 1972, 209); русск. *опакуша* ‘человек, который вяло и невнятно говорит, мямля’ (СРНГ 23, 231), *наопак* ‘неправильно, нечисто произносить слова’, *наопакишу* ‘непонятно (говорить)’ (СРНГ 20, 55), *пакина мельница* ‘человек, говорящий взахлеб, глотающий слова’, *пакша* ‘человек, говорящий неправильно’ (ЛКТЭ). (Ср. с.-х. диал. *правити* ‘говорить’).

Через «кривое» в языке обозначаются и другие объекты (животные, различные изделия, плоды), которые характеризуются отклонениями от нормы: с.-х. *кривци* ‘петухи, поющие раньше времени, до полуночи’ (Митровић 1984, 157; Елезовић) (ср. *правци* ‘петухи, возвещающие зарю’ (Елезовић)), *кривадак* ‘плохое ружье или пистолет’ (РСАНУ 10, 524), с.-х. *кривак* ‘больные сливы, побелевшие раньше времени’ (Елезовић).

II. Выражаемая корнями *пак-* и *крив-* **семантика вреда** охватывает как значения механического повреждения, так и нанесения зла, в том числе сверхъестественным путем. Слов с первым типом семантики относительно немного (типа словен. *pačiti* ‘портить’ (Bezljaj 3, 2)). Ключевым для второй группы является слово *пакость*, традиционно относимое к этимологическому гнезду **рак-* / **орак-* (Мейе, Миклошич, Махек – по (БЕР 5, 15); (Куркина 1982; Фасмер)), хотя существуют этимологии, возводящие его к другому корню (Варбот 1965). О связи *пакость* с *пак-*, на наш взгляд, свидетельствует наличие у бесспорных дериватов корня *пак-* семантики вреда: с.-х. *paračiti* ‘навредить’ (Skok 2, 558), словен. *pačiti* ‘портить’ (Bezljaj 3, 2). Возведение *пакость* к гнезду *пак-* позволяет реконструировать исконную семантику слова как ‘превратность’ (Фасмер; Machek 1968, 428). В современных славянских говорах содержание концепта *пакость* включает семантику экономического убытка, ущерба (в сербских говорах не засвидетельствовано), злых чувств, интенций и поступков: с.-х. *пакос* ‘die Bosheit’, *пакосан* ‘boshafft’ (Караџић), *пакос* ‘желание, чтобы с кем-то случилась неприятность, несчастье, желание обвинить невиновного, оклеветать его, злорадство’, *пакосан* ‘любящий навредить; беспокойный’ (Ћупић 1997, 316), *пакосан* ‘беспокойный; злорадный, злой’, *пакос* ‘безобразие; злорадство’, *пакосник* ‘злой, негодный человек’ (Станић), *pakostan* ‘злой человек’ (Šimunović 2009, 632), *пакост* ‘нанесение ущерба имуществу, убыток, вред, зло’ (БЕР 5, 15), макед. *пакос* ‘убыток’: *голем пакос му стана, му псовиса воло* «он потерпел большой убыток, у него пал вол» (Шклифов 1977, 281), русск. *пакошь, пакоща* ‘пакость, пакостный поступок, дело’, *пакостить* ‘делать, творить пакости на зло и вред кому’ (Даль). Ср. сходные значения у дериватов корня *крив-*: с.-х. *кривица* ‘вред, убыток’, *кривати се* ‘вредить, быть неприятным’ (RJAZU 5, 564), *накривим* ‘навредить’ (Митровић 1984, 196), *леви* ‘неблагоприятный, приносящий беду’: *леви неки догађају принуде га те је и ову своју*

земицу продати морао «неблагоприятные события вынудили его продать и свою землю» (РСАНУ 11, 278).

Идея вреда, порчи устойчиво связывается со **зрением**: с.-х. *крив* ‘о глазе, взгляде, когда кто-нибудь смотрит со стороны; почти всегда понимается в переносном смысле, как будто таким взглядом человек показывает враждебность, ненависть по отношению к тому, на кого смотрит’: *поглед кривим оком* ‘косой взгляд’; *криво погледује* «косо смотрит» (RJAZU 5, 563). Ср. также: с.-х. *има лукаво око* «у него хитрый глаз» (говорится о завистливом человеке) (РСАНУ 11, 616) и *кос поглед* ‘косой взгляд’ (подозрительный, недоверчивый): *само је поглед његова оца био опет кос и лукав* «только взгляд его отца был снова недоверчивым и хитрым» (РСАНУ 10, 293), *косити очи, косити оком на некога* ‘смотреть искоса, пряча глаза’ и ‘смотреть резко, мрачно’ (РСАНУ 10, 300).

Семантика вреда регулярно реализуется в терминологии **ветров**: с.-х. *крив вјетар, кривац* (RJAZU 5, 564), *кривац* ‘западный ветер’ (Станић) (в разных краях этот термин используется для обозначения разных ветров (РСАНУ 10, 527), но, как кажется, везде обозначает ветер, наносящий ущерб: очень сильный, приносящий нежелательный дождь, бурю и т.д.), болг. *накосникът* ‘западный ветер, приносящий холодную погоду и убытки людям’ (БЕР 5, 15), словен. *opaki veter* ‘встречный’ (Bezljaj 2, 249).

В русских говорах слово *пакость* включает и семантику **грязи**: *пакостник* ‘кто напакостил или вообще пакостит, человек злой, вредный, недоброжелательный, неопрятный, кто марается под себя’: *собака хоть погана да честна, а кошка пакостница* (Даль), *пакость* ‘скверна, мерзость, гадость, скверность лукавая и злоумышленная, вред злорадный, дьявольский, порча, искажение; нечистота, погань, дерьмо’ (Даль). Ср. русск. *опаковать* ‘испачкать, истребить, извозить’ (СРНГ 23, 230) и словен. *spakota* ‘отвратительная грязь, мерзость’ (Bezljaj 3, 295).

III. Корни *прав-*, *крив-*, *пак-* используются для выражения **истинностной оценки**: с.-х. *прав* ‘истинный’ (RJAZU 11, 393), *правда* ‘истина’ (*ђеца, будале и пијани правду говоре* «дети, дураки и пьяные говорят правду») (RJAZU 11, 395), *у праву си* ‘ты прав’; *крив* ‘неточный, не соответствующий истине’: *крива претпоставка, криво становиште* ‘ложная, неправильная точка зрения’; *кривовјерац, кривоштовник* ‘еретик’, *кривозаклетник* ‘лжесвидетель’, *крива вјера* ‘ложная вера’, *криви драгуљ, криви бисер* ‘поддельные, фальшивые драгоценности, жемчуг’ (РСАНУ 10, 522), *криво мјерење*

‘обмеривание, обвешивание’, *криво сведочење* ‘лжесвидетельство’ (RJAZU 5, 662), *кривобог* ‘ложный бог’, *кривочашиће* ‘суеверье’, *опаци богови* ‘ложные боги’ (RJAZU 9, 17), *опачим* ‘клевету» (Митровић 1984, 223).

IV. Через прямое и кривое регулярно осмысляются основные понятия **правовой нормы**. Семантическая область правовых оценок, в отличие от других семантических групп, о которых шла речь выше, организована симметрично, то есть содержит и негативные, и позитивные оценки, что объясняется ее терминологическим характером. Она представляет собой набор антонимов, оппозиций положительных и отрицательных смыслов, выражаемых корнями *прав-* и *крив-* (или *не-прав*). Ср. с.-х. *прав* ‘unshuldig’ (Карацић), ‘невинный, правый’, ‘законный’: *права жена* ‘законная жена’ (RJAZU 11, 393); *правда, правица* ‘das Recht’ (Карацић), *правда* ‘закон’ (RJAZU 11, 395), *праведан* ‘справедливый’: *он је праведан човик увик био па се не триба ни сад бојат његове одлуке* «он всегда был справедливым человеком, не надо и в этот раз бояться его решения» (Peić, Bačlija), *правдат* ‘доказывать невиновность, оправдывать’ (Peić, Bačlija) и т. д.

На отрицательном полюсе выступает корень *крив-* или *прав-* с отрицанием: с.-х. *кривица* ‘вина’, *крив* ‘schuldig’, *кривац* ‘der Schuldige’, ‘der Verbrecher’, *кривда* ‘das Unrecht’ (Карацић), *крив* ‘о том, что не так, как положено по справедливости, правде (по нравственному закону)’: *крив закон* ‘несправедливый закон’, *крив добитак* ‘приобретенное не по правде’, *крив суд* ‘неправый суд’ (RJAZU 5, 560), *кривити* ‘обвинять’ (Карацић), *кривња* ‘вина’ (Peić, Bačlija), *криводеља* ‘преступник’ (Златановић), ср. *неправда* ‘das Unrecht’, *неправедан* ‘ungerecht’ (Карацић), *неправица* ‘несправедливость’ (Станић) и т. д.

Устойчивый параллелизм положительных и отрицательных правовых оценок иллюстрирует их регулярное соседство в пословицах и клишированных выражениях. Ср. с.-х. *Ако правда не поможе, кривда неће помоћи* «если правда не поможет, кривда и подавно» (Карацић). *Ко крива жали, правом гријеши* «кто жалеет виноватого, обижает правого» (Вукове пословице 1996, 152), *судити праве и криве* «судить правых и виноватых» (RJAZU 5, 560).

В сербскохорватских диалектах *крив* развивает значение ‘должный, взявший займы деньги’. «Слова *крив* и *дужан* смешиваются. *Крив* может значить то же, что и *дужан* в прямом смысле: *Јер ми се су платили и не ми су ничим криви* (“так как они мне

заплатили и ничего мне не должны»). *Крив, дужан новаца* (“должный кому-то деньги”)) (RJAZU 5, 560). *Крив* ‘schuldig (Geld)’: *ја сам теби нешто крив* «я тебе что-то должен» (Карацић), *кривити* ‘быть должным’ (RJAZU 5, 566).

Среди дериватов корня *прав-* встречаются и специальные слова: с.-х. *правда* ‘приговор, решение суда’: *Турци правду му судише* «турки ему вынесли приговор», ‘суд’: *они који по суду крстјанском у погуби човјека, како права правда осуди, они није крвник* «тот, кто по христианскому суду убьет человека, в соответствии с приговором, тот не убийца», ‘судебный процесс, тяжба’: *боље је мршава погодба, него претила правда* «худой мир лучше доброй ссоры» (посл.), откуда ‘ссора, спор’: *када правда међу Грком и Турчином заметнута* «когда начался спор между греком и турком» (RJAZU 11, 395).

Встречается правовая семантика и у корня *пак-*, однако существенно реже: с.-х. *опачина* ‘преступление’ (Bogišić 1874, 590), макед. *пакос* ‘преступление, нарушение’ (Reiter 1964, 179), русск. *опако* ‘кривосудом’: *право сидишь, да опако рядишь* (Даль).

V. Противопоставление *прямой – кривой* сыграло большую роль в формировании поля **этических оценок**. В этой области более, чем в других, видна семантическая дифференциация разных корней, вызванная актуализацией нюансов их исконных значений. Поле этических оценок включает в себя, во-первых, сакральный пласт, представленный нравственно-религиозной лексикой. Религиозное этическое содержание почти исключительно выражается производными корня *грех-*, изначально тяготевшего к семантике ошибки, но уже, по-видимому, в праславянский период развившего этическую семантику (Трубачев 1998, 8–9). Негативная нравственно-религиозная оценка выражается также в единичных случаях и другими корнями, но в синкретичном соединении с другими этическими оценками. Ср. с.-х. *опачина* ‘грех, преступление’ (Bogišić 1874, 590): *с опачинама мојим, грешинама и животом нередовничким* «с преступлениями моими, грехами и жизнью неправильной», *опак* ‘грешный’: *опаци стид* ‘грешный стыд’ (RJAZU 9, 17), словен. *spračljiv* ‘соблазнительный, скандальный, грешный, греховный’ (Bezljaj 3, 295), с.-х. *крив* ‘грешный, нечестный’: *криви свет* ‘грешные люди’ (РСАНУ 10, 523).

Корню *пак-* гораздо более свойственна семантика «профанной» этической оценки, то есть оценки, субъектом которой является не Бог или высшая сила, а другой человек и которая характеризует проявления человека в его отношениях с другими

людьми. Так, через выраженные корнем *пак-* признаки ‘обратный’, ‘перевернутый’, ‘противоположный’ осмыслиются отрицательные черты человеческого характера, подобно адекватным по внутренней форме русским словам *противный* и *перекорный* (см. толкование, данное Далем: *опачный* ‘противный, перекорный’: *он все делает опачно* (Даль)). Звеном в цепи развития этого значения является семантика препятствия, преграды на пути: с.-х. *опака* ‘препятствие, преграда’ (RJAZU 9, 18), русск. *пакостить* ‘мешать, препятствовать’ (Даль). Связь значений ‘поперек’ и ‘непрямо’, а также регулярность этической трактовки признака «поперечности» подтверждает следующий пример: с.-х. *попријеко* ‘косо’, ‘зло, вызывающе, враждебно (смотреть)’ (Ћупић 1997, 352). Ср. с.-х. *опак* ‘злой, плохой в моральном смысле’ (антоним – *душеван* ‘душевный, добрый’) (RJAZU 9, 17), *наопако* ‘плохо’: *зло и наопако* (Вукове пословице 1996, 102), *кому је зло, тому и наопако* «кому плохо, тому и все наперекор» (Вукове пословице 1996, 156), *опак* ‘злой’ (Вукове пословице 1996, 79), ‘тот, кто ссорится, опасный, злой, грубый’ (Ћупић 1997, 297), *опакаја* ‘злой, плохой ребенок’ (RJAZU 9, 18), *опако* ‘зло, сердито’ (Станић), *опачило* ‘злоба, злость, пакостность’ (Ћупић 1997, 298), *опак* ‘злой, негодный’, *опакивати* ‘сердиться, беситься’ (RJAZU 9, 19); *опак* ‘человек, готовый сделать зло, негодный’: *ни кад се смије не треба му вироват, opak је то човик* «даже когда он смеется, верить ему не надо, злой он человек» (Peić, Bačlija), *опаčina* ‘злое дело’: *oslobodi me, Bože, svih opačina mojih* «Боже, освободи меня от всех моих злых дел», *он је opačina ol čoveka* «он очень плохой человек», *opakov* ‘плохой, злой’ (Šimunović 2009, 607), болг. *опак* ‘своенравный, злой, плохой’ (БЕР 4, 894), макед. *опак* ‘злой’, *опакост* ‘злоба’ (ТРМЈ 3, 518), словен. *sprak* ‘злость’, ‘буян’ (Bezljaj 3, 295); русск. *опачный* ‘упрямый, крайне неуступчивый’ (СРНГ 23, 245).

Регулярно противопоставление оценок, выражаемых корнем *пак-*, добру: *ныне творят одне пакости, а добра мало; на пакость всякого станет, на добро не станет* (Даль).

Развитие у корня *пак-* значений, относящихся к человеческому характеру, связано с тяготением этого корня к сенсорным оценкам (типа ‘неприятный’), выражению восприятия человеком окружающего мира. Ср. с.-х. *опак* ‘острый’ (о еде) и ‘крепкий’ (о напитках): *опака ти је овугодишња ракија* «крепкая у тебя в этом году ракия» (Ћупић 1997, 297).

Подобным развитию этической семантики у корня *пак-* представляется и путь корня *кос*: ‘косой’ → ‘неприятный’: с.-х. *косец* ‘злой, резкий, грубый человек’ (Стијовић 2014, 284), *кос* ‘злой’, *окос* ‘злой, пакостный’ (*окосно срце* ‘злое сердце’, *окоси људи* ‘злые люди’), *окосити се* ‘рассердиться’ (Станић), *косан* ‘сердитый, взбешенный’: *он ми данас изгледа нешто косан* «он сегодня выглядит сердитым» (РСАНУ 10, 295), *кос* ‘резкий, мрачный’ (РСАНУ 10, 293), *косити се* ‘гордиться, кичиться’ (РСАНУ 10, 300).

У дериватов корня *лук-* в народной речи произошла специализация семантики, в отличие от славянской книжной традиции (ст.-сл. *lŏkavъ* ‘злой, дурной’): с.-х. *лукав* ‘хитрый (тот, кто ловко скрывает свои мысли [...] с намерением обмануть); сообразительный’, ‘эгоистичный, скупой, завистливый, пакостный, злобный’, *лукавац* ‘хитрый, изворотливый человек, обманщик’, ‘эгоист’, *лукавити* ‘хитрить, притворяться, выкручиваться’, ‘обманывать’ (РСАНУ 11, 616), *лукавство* ‘обман’, *лукавщина* ‘зависть, злоба, пакость’ (РСАНУ 11, 617). Ср. русск. *кривич* ‘облыжный, лукавый человек’ (Даль).

По сравнению с обилием «осуждающих» лексем, положительная этическая семантика сводится к ограниченному набору смыслов, выражаемых небольшим числом слов: с.-х. *прав*: ‘искренний’, ‘простодушный’, ‘безгрешный’ (*свет и прав човек* «святой и безгрешный человек»), *правда* ‘безгрешность’, ‘добрые дела’: *пазите да правду своју не чините пред људима да вас они виде* «старайтесь не совершать добрых дел на глазах у людей, чтобы они вас видели», *праведан* ‘праведный’ (RJAZU 11, 396), *праведник* ‘праведник’ (Караџић).

Широта семантического диапазона корней *прав-*, *крив-*, *кос-*, *пак-*, *лук-*, *грех-*, их колоссальный семантический потенциал свидетельствуют о ключевой роли, которую играет противопоставление *прямой* – *кривой* и *прямой* – *обратный* в моделировании картины мира. Через признаки прямизны и кривизны осмысляются такие основополагающие категории, как *хороший* – *плохой*, *здоровый* – *больной*, *полезный* – *вредный*, *ложный* – *истинный*, *добрый* – *злой*. Наблюдения над семантикой перечисленных корней, обнаруживающие целый ряд регулярных смысловых связей и закономерностей в развитии их значений, проливают свет на мотивацию спорных этимологических случаев и семантически неясных лексем.

§2. Гнезда с семантикой температурного воздействия

В данном параграфе представлена модель общеславянского лексико-семантического поля, включающего обозначения температурных процессов (**gorěti*, **vbrěti*, **prěti* и др.) и соответствующих температурных воздействий (**paliti*, **žegti*, **žariti*, **pekti*, **variti* и пр.).

Значение температурных процессов и воздействий на предмет высокой температурой в праславянском выражали глаголы: **paliti*, **žegti*, **grěti*, **goriti*, **žariti*, **žarěti*, **gorěti*, **polěti*, **pekti*, **smažiti*, **pražiti*, **smaliti*, **topiti*, **kaliti*, **variti*, **vbrěti*, **kypěti*, **prěti*, **zněti*, **kuriti*, **pariti* (подробное описание структуры гнезд **pekti*, **variti*, **kypěti* см. в работе (Черниш 2003)). Характерной чертой структуры этого поля является семантическая однородность названий процессов и каузативов, мотивированных одной основой: **paliti* – **polěti*; **žariti* – **žarěti*; **goriti* – **gorěti*; **variti* – **vbrěti*; **pariti* – **prěti*. Каузативная семантика ‘жечь’ в совр. болг. *горя* (продолжение **gorěti*, БЕР 1, 266), скорее всего, явление той же природы.

Статические глаголы обозначают физические процессы **горения**: *gorěti*, **polěti* (ст.-лав. *polēti*), **zněti* (русск. *знеть* ‘раскаляться, тлеть’), **излучения тепла**: **žarěti* (словен. *žareti*), **кипения**: **vbrěti* (с.-х. *врети*, словен. *vreti*), **kypěti*, **испарения**, потения: **prěti*. Им соответствуют имена каузативов тех же процессов: **grěti* ‘греть’, **paliti*, **žegti*, **goriti* (в.-луж. *horić* ‘жечь’), **kuriti*, **smaliti* ‘жечь’ (этимологически связан с **smola*, семантика и.-е. соответствий – ‘тлеть, дымить, курить, гореть’), **žariti*, **topiti*, **kaliti* ‘нагревать, раскалять’, **pariti* ‘жечь, парить’ (болг. *паря*), **variti* ‘кипятить’.

Ядро поля составляют глаголы, имеющие максимальное число его значений, – **paliti*, **žegti*, **žariti*, **gorěti* и **pekti*, прочие слова в зависимости от своей семантической активности располагаются в более или менее далеких от ядра участках периферии.

Система прямых значений в температурном поле носит преимущественно акциональный характер (из признаков слов к ней можно, пожалуй, отнести только имя **jarь*). **Признаки**, которые в сознании носителей современных славянских языков составляют ядро семантического поля температуры (ср. *горячий*), в праславянском поле располагаются во вторичной зоне, будучи

производными от глаголов. Признаковое значение ‘горячий’ – самое тиражируемое значение поля, в нем сходится максимальное количество образующих его гнезд. Основное средство обозначения признака – продолжения глагола **gorěti* (русск. *горячий*, польск. *gorący*, словацк. *horúci*, в.-луж. *horcy*), **vbrěti* (с.-х. *врео, врућ*, макед. *врел*), **variti* (чеш. *vařící*), **topiti* (с.-х. *монао*), **kypěti* (хорват. кайк. *kirići* (ОЛА архив, L 1169), болг. *кип’ала ода* (БА, 489)), **pariti* (серб. призрен.-тимок. *парел* (ОЛА архив, L 1169), *парлива ода* (БА, 489)), **žegti* (болг., макед. *жежок*), **žariti* (бел., русск. *жаркий* (ОЛА архив, L 1169)), **pekti* (русск. *некливый* (о солнце) (СРНГ 25, 318)), **paliti* (с.-х *паљен* ‘горячий, сильно нагретый, раскаленный’ (Марковић 1986, 394)), **jarь* (укр. *яркий* ‘горячий’ (Фасмер)). Образованию семантики ‘горячий’ предшествовала стадия признака по действию («кипящая вода» → «горячая вода» → «горячий», «пекущее солнце» → «горячее солнце»), в некоторых случаях это значение, по всей видимости, остается связанным, ср. например, *кип’ала ода*.

К системе прямых значений поля относятся глагольные и субстантивные метеорологические значения. Ср. русск. *жечь, палить, печь, жарить* (о солнце) и именные дериваты глаголов **pekti*, **žariti*, **gorěti*, **paliti*, **žegti*, **variti*, **vbrěti*, **zněti* в значении ‘жара’: русск. *некло*, болг., макед. *нек*, укр. *спека*, бел. *спёка*, словен. *pripeka*; русск. *жара*; болг., макед., с.-х. *жега*, русск. *пожога* (СРНГ 28, 300); болг. *горящина*, с.-х. *горештина*, русск. *перегар* (СРНГ 26, 63), с.-х. *врућина*, словен. *vročina*; польск. *upał*; ст.-слав. *varь*, русск. *вар* (СРНГ 4, 40); русск. *зной*, польск. *znój* ‘жара’ (Фасмер).

К этой части поля примыкают именные обозначения **испарения**: пара – общеслав. **parь*, **para* (от **preti*), с.-х. *зној*, русск. *вара* ‘испарение’ (СРНГ 4, 40); пота – общеслав. **poktoсь* (от **pekti*), с.-х., словен., чеш., словацк. *znoj* (Фасмер) и **тепла**: с.-х. *jara* ‘жар от печи’ (РСJ), русск. *жар*. Значение испарения появляется также у глаголов с иной исходной физической семантикой в качестве вторичного (русск. *вредить* ‘сильно потеть’ (СРНГ 5, 193)). Глаголам состояния **prěti* и **gorěti* свойственно образование имен со значением ‘невспаханное поле’: русск., укр. **parь* (и термины с другой словообразовательной структурой) и зап.-слав. и ю.-слав. **ugarь* (**ugorь*, **ugara*) (ОЛА архив, L 540), в.-луж. *smaga* ‘поле под паром’ (Трофимович 1974, 285).

Последняя модель соотносится с типичными для поля номинациями процесса **гниения**. Это значение выражается глаголом **prěti*, в котором оно неотделимо от собственно температурного, и **gorěti*: русск. *гореть* ‘преть, гнить’ (о сене), *загореть* ‘сгнить, сопреть, испортиться, нагреваясь при слеживании’ (Верхотурова 2005), *перегар* ‘перегной’ (СРНГ 26, 63), а также производными **žegti*, **paliti*, **grěti*, **kypěti*: русск. *жганы* ‘перепревший навоз’, *запал* ‘порча или гибель хлеба на корню от засухи’, *греться* ‘гнить, преть (о зерне)’ (Верхотурова 2005), бел. *kinić* ‘гниет’ (Черниш 2003, 321). ‘Горячий’, осмысленный как ‘преющий’/ ‘испаряющий’, далее переосмысливается как ‘**влажный**’: с.-х. *жар* ‘болото, ил, грязь’, *жарлива земля* ‘затопляемая земля’ (РСАНУ 5, 293), русск. *знойко* ‘сыро’⁵ (СРНГ 11, 319), с.-х. *знојити* ‘мочить’: *крвљу знојено камење* (РСАНУ 7, 138). В свете семантической зависимости ‘гореть’ – ‘портиться’ можно трактовать и южнославянское значение глаголов **žegti* и **paliti* ‘прогоркнуть, испортиться (обычно о жирах)’: с.-х. *ужећ* (Бојанић, Тривунац), *жигнути се* (RJAZU 95, 385), *палити* (RJAZU 9, 590): *скоруп пали* «жир прогорк»⁶, ср. также словен. *žarek* ‘прогорклый’ (SSKJ, 1697). Иная форма порчи – прокисание – обозначается глаголами с семантикой кипения (кипящий, бурлящий – пенящийся, бродящий – **кислый**): с.-х. *наварит се* ‘прокиснуть’ (о молоке) (Бојанић, Тривунац) (о связи значений ‘кипеть’ и ‘прокисать’, основанной на визуальном сходстве процессов, см. (Черниш 2003, 283)).

Физические значения в поле тесно переплетены с **кулинарными** (**pekti*, **pražiti*, **smažiti*, **variti*, **topiti* и др.). Кулинарные значения регулярно появляются в нем как вторичные, производные от физических, ср. **variti*, **žariti*, **smažiti*, **topiti* (русс. *топленое молоко*), **paliti* (хорват. чак. *paliti* ‘печь хлеб’ (Jurišić 1973, 147), словен. *paljeno testo* ‘заварное тесто’ (SSKJ, 814), укр. *паланица* ‘корж, печенье’ (СБГ, 379)), **žegti* (словен. *žgati žganje* ‘варить самогон’, *žgati kavo* ‘обжаривать кофе’ (SSKJ, 1703)), **kaliti* (русс. *калить яйца* ‘запекать яйца’ (СРНГ 12, 361)). У продолжений глаголов **pekti* и **pražiti* в славянских языках кулинарное значение является основным. Однако в системе прямых и метафорических значений поля

⁵ Эту лексему можно рассматривать и в парадигме погодных характеристик как производную от *знойкий* ‘холодный’ (русс. *знойкий*, *палючий*, укр. *смакий* ‘резкий (о морозе, ветре); очень холодный’).

⁶ Данные явления могут быть также связаны с семантикой горького («испорченного» или «едкого?»), которую регулярно мотивируют слова поля, ср. архаический переход ‘гореть’ (**gorěti*) – ‘горький’ (**gorьkь*), также в.-луж. *jěru* ‘горький’, (Фасмер), болг. *парлив* ‘острый, едкий; кислый’ (БА, Л101).

температуры они не противопоставляются физическим глаголам, а напротив, ведут себя в полном соответствии им. Глагол **pekti* и его производные, как мы покажем ниже, выражает максимальное число значений поля и может быть с правом отнесен к опорным лексемам данной системы наряду с **paliti*, **žegti*, **žariti*. Поэтому считаем возможным предположить, что ‘печь’ на ранних этапах развития праславянского языка было вариантом более широкого природно-культурного значения **pekti*, реализовавшимся в кулинарных контекстах. Это инвариантное значение можно реконструировать как ‘обдавать/обрабатывать жаром’ (ср. **pekti* в значении обработки глины или действия солнца). Обобщенную реконструкцию ‘прокаливать’ правомерно предложить и для глагола **pražiti*, ср. обозначение данным глаголом прогревания молока в печи, укр. *пряжене молоко* ‘топленое молоко, варенец’, и избирательную сочетаемость в некоторых славянских языках глагола **pražiti* с названиями сыпучих продуктов для обозначения их прокаливания, высушивания: чеш. *pražiti kávu, oříšky* ‘жарить (обрабатывать жаром) кофе, орехи’, бел. *пражыць гарох, кофе*, словен. *pražiti drobtine, toko, kavo, sladkor* ‘поджаривать крошки, муку, кофе, сахар’, н.-луж. *pšažys* ‘поджаривать, жечь, сушить’.

В ботанической сфере продолжения температурных глаголов регулярно участвуют в образовании названий крапивы: с.-х. *жежа, жежика, жежара, жежелья* (РСГВ 1, 452–453), хорват. чак. *palić* ‘крапива’ (Dulčić 1985, 580), болг. *жаркя* (БЕР), русск. *жагала* (СРНГ 9, 55), *обжога* (СРНГ 22, 48).

Температурный код широко применяется к описанию физиологии человека, характеризуя повышение температуры тела или отдельных его органов: русск. *жар, горячка, палячка*, с.-х. *горавица* (Skok 1, 591) ‘лихорадка’; русск. *воспаление*, с.-х. *запальење*; с.-х. *гурушица* ‘изжога’ (Skok 1, 591); русск. *изжога*, в.-луж. *žaha pali* (Трофимович 1974, 457), чеш., словацк. *žáha*, польск. *zgaga (w gardle)* (SJP 10, 1047); укр. *печія*, бел. *пячая*, польск. *pieczenie* (ОЛА архив, F (Sm) 181), русск. *смага* ‘позыв на пищу’, ‘изжога во рту’ (СССПИ). Глаголы **pekti*, **žegti*, **paliti*, **zariti* и существительное **smaga* используются для обозначения симптомов жжения на коже и внутренних органах: с.-х. *рану пече*, с.-х. *жарило ме у прсима* «у меня горело в груди», словен. *rana ga peče* (SSKJ, 827), макед. *раната ме пече* (PMJ, 161), укр. *шкіру пече* (УРС 1961, 237), бел. *мароз пёк твар* (ТСБМ, 531),

русс. *жжет*, словацк. *koža páli (niekoho)*, русск. *смага* ‘ощущение жжения во рту’ (СССПИ). В этой области производные температурных глаголов пересекаются с лексемой **ognь* (ц.-слав. *огневица* ‘лихорадка’).

С помощью температурного кода происходит предметное осмысление человеческой **психики** и уподобление внутренней жизни физическим процессам в теле человека или его контакту с горячим. Центральной в этой области является древняя метафора «гореть» – «горе»: русск., укр. *горе*, словен. *gore*, чеш. *hoře*, др.-польск. *gorze* (Фасмер), болг. *горувам* ‘тосковать, горевать’ (БЕР 1, 267), с.-х. *нека* ‘страдание, угрызения совести, гнев’ (Гаговић 2004, 187), макед. *нека* ‘просить, выпрашивать плача, страстно желать’ (РМЈ, 147), русск. *печаль*, *пек* ‘мучение, страдание’ (СРНГ 25, 315), словацк. стар. *svedomie ho rečie* ‘его мучит совесть’ (Kálal 1923, 464), русск. *жечь*, *палить* ‘причинять нравственные страдания, мучить, тревожить’, др.-русс. *смага* ‘тоска, горечь’ (СССПИ)⁷. С семантикой душевного дискомфорта, беспокойства можно связывать значение заботы (ср. нередкий синкретизм этих значений, например, в слав. **skrbь* ‘забота, скорбь’, с.-х. *бринути се*): русск. *печаль* ‘забота’, *печься*, *опека*, *печь* ‘волновать, беспокоить, заботить’ (СРНГ 27, 11), макед. *печал* (РМЈ, 160), чеш. *řeše* ‘забота’, русск. *печа*, польск. *piecza*, словен. *pečal* (Фасмер). В пользу иной семантической импликации свидетельствуют русские синонимы *пригреть*, *пригрев* ‘забота, уход’ (СРНГ 31, 178), *проявить тепло* с очевидной реализацией метафоры ‘греть’ – ‘заботиться’, ‘тепло’ – ‘забота’.

С помощью температурной лексики регулярно осуществляется номинация **эмоций** и страстей в человеке (гнева и влечения к особам противоположного пола) и страстного или **энергичного** характера. Для этого используются прежде всего названия процессов и признаков, выражающих семантику пламени или особо интенсивного нагревания (дериваты **paliti*, **zariti*, **jarь*): с.-х. *jarити* ‘сердить’, *жар* ‘страсть’ (РСАНУ 5, 293), *жарач* ‘ловкий, умелый, подвижный, предприимчивый’, *жаровит* ‘энергичный’ (РСАНУ 5, 299), болг. *жарливост* (БЕР 1, 524), словацк. *žárlivost* ‘ревность’, русск. *ярость*, *вспыльчивый*, *пылкий*, *горячий* ‘страстный’, *опальный* ‘горячий, вспыльчивый’ (СРНГ 23, 233), польск. *palić*, *rozpalać* ‘возбуждать в ком-то страсть’ (SJP 4, 19), словацк. *pálit* (кого-то) ‘быть

⁷ Как известно, по одной из этимологий к этой семантической модели относится и **grěchь* (Фасмер).

влюбленным в кого-то' (SSN), болг. *палежньк* 'жених', *палежница* 'невеста', *палемник*, *палежник*, *препала*, болг. *изгорник* 'сердцеед' (БЕР 1, 267), русск. *нажога* 'бойкий, разбитной человек' (СРНГ 19, 272), *жаровать* 'играть, шалить' (СРНГ 9, 82), *огняный* 'ловкий, быстрый в работе' (СРНГ 22, 332), н.-луж. *jěru* 'вспыльчивый, грубый' (Фасмер).

Огромный пласт развившихся в поле метафорических значений мотивирован семантикой **интенсивности** – самому семантически активному компоненту исходного значения. Это значения превосходной **степени**: в.-луж. *jara* 'очень' (Фасмер), русск. *жарчей* 'больше' (СРНГ 9, 80), *горячо* 'очень, сильно' (ПОС 7, 145); **силы, крепости**: русск. *смага* 'сила, мочь' (Даль), с.-х. *жар* 'сила': *жар вере* «сила веры», *жарка љубав* «сильная любовь», *жарко вино* «крепкое вино», *жарко* 'очень сильно' (*развити се жарко*), *жарка експлозија* «сильный взрыв» (РСАНУ 8, 570); **быстроты**: с.-х. *жаракати* 'быстро переводить взгляд, стрелять глазами' (РСАНУ 5, 299), бел. *жарыць* (ТБСМ, 199), русск. *нажаривать* 'делать что-либо спешно' (СРНГ 19, 266), *наяривать* 'долго производить быстрые движения', *гореть* 'спешить, торопиться' (ПОС 7, 107), *обжигать* 'быстро оглядеть, окинуть взглядом' (СРНГ 22, 45), *жегнуть* 'внезапно, необдуманно что-либо сделать' (СРНГ 9, 99), укр. *зупалу* 'вдруг' (ЕСУМ 4, 265), русск. *палить* 'делать что-то с азартом' (СРНГ 25, 171), словацк. *jie ako bi rál'iu* 'есть очень быстро', *robí ako bi rál'iu* 'делать очень быстро' (SSN).

Семантика быстрого действия в поле разработана весьма детально и представляет собой одну из самых его продуктивных моделей. Это быстрое **движение**, ср. с.-х. *жарити* 'сильно течь (о воде)' (РСАНУ 8, 581), словацк. *pálit'* (SSN), русск. *палять* 'быстро ехать, скакать' (СРНГ 25, 183), *зажаривать* (СРНГ 10, 82), *жгать* 'быстро двигаться, бежать' (СРНГ 9, 93), *пекануть* 'броситься бежать' (СРНГ 25, 315), бел. *смаліць* 'быстро ехать, быстро что-то делать' (ТБСМ, 610), укр. *п्राжити*, *п्राгати* 'сильно дуть (о ветре)'; **бросок**: русск. *палять* 'бросать' (СРНГ 25, 183), *жигать* 'бросать, швырять' (СРНГ 9, 165); **удар**⁸: с.-х. *жарити* 'бить ногой, толкать' (РСАНУ 8, 581), *опалити* 'ударить', русск. *огреть*,

⁸ В развитии этого значения сыграла роль ситуация: тот, кого бьют, испытывает температурные ощущения (напряжение, жар), ср. *задать жару*, *дать зною*, *жарко было*, *семь потов сошло*. Скорее всего, что в этой группе номинация шла двумя путями: от интенсивности (*огреть*) и от перцепции (*пекать*). Кроме того, нужно иметь в виду, что значение 'стегать, хлестать' могло развиваться у *žegti на базе семантики укола (слав. материал см. ниже).

ожгать ‘болезненно ударить кого-либо’ (СРНГ 23, 73), *ожаривать* ‘сильно ударить’ (СРНГ 23, 72), *пекать* ‘бить’ (СРНГ 25, 316), *палаться* ‘бить, ударять’ (СРНГ 25, 184), *смагать* ‘бить, стегать’ (Фасмер), *варить* ‘сильно стегать, бить’ (СРНГ, 4, 54), бел. *смаліць* ‘бить, стегать’ (ТСБМ 610), чеш. *žáhnouti* ‘ударить (бичем)’ (SSJČ 4, 898).

Значению интенсивного действия семантически однородны значения **обмана, кражи, насилия** (ср. русск. жаргон. *кинуть* ‘обмануть’): с.-х. *палити* ‘обманывать’, *опалити* ‘обмануть’ (RJAZU 9, 590), *опалија* ‘обманщик’ (Митровић 1984, 223), *пальевина* ‘безнравственный человек’ (Митровић 1984, 231), *жарити* ‘грабить, совершать насилие’: *жарити и палити* ‘совершать насилие’ (РСАНУ 5, 297), русск. *нагреть* ‘обмануть’, *ожаривать* ‘надуть, обмануть’ (СРНГ 23, 72), *жеггануть* ‘ввести в убыток, обмануть’ (СРНГ 9, 98).

В заключение сделаем несколько выводов относительно семантической структуры температурного поля. 1) В поле осуществляется семантический обмен между прямыми значениями (физическим значениям свойственно переходить друг в друга: ‘кипеть’, ‘гореть’ → ‘преть’, ‘кипеть’ → ‘потеть’). 2) При номинации явлений действительности средствами данного поля семантические различия между этими средствами часто нейтрализуются (ср. русск. *огарок* – *отеплыш*, *повыпечь* – *сжечь*, *обжигать* – *жарить*, *обваривать* – *обжигать* (Верхотурова 2005)). 3) Система метафорических значений поля основана на восприятии высокой температуры как аксиологического параметра с семантикой превышения нормы (‘слишком’). Активность температурного кода в антропологической сфере подкрепляется метафорой ‘жизнь’ – ‘горение’, ‘человек’ – ‘свеча (или другой источник огня/тепла)’, ср. болг. *прегоря*, *прегор* ‘слабый ребенок’, *прогора* ‘красавица, женщина, горящая, светящаяся красотой’ (БЕР 1, 267).

Раздел II

Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения

§1. Глаголы с семантикой использования

В разных славянских языках известен глагол *užiti/ uživati* – префиксальное образование от глагола *žiti* (с.-х., словен. *užiti/uživati*, макед. *ужива*, чеш. *užít/užívat*, словацк. *užiť/užívať*, польск. *użyć/używać*, бел. *ужыць*, укр. *вживати*). В чешском и словацком языках соответствующие глаголы и их производные являются основным средством выражения семантики ‘пользоваться, употреблять’, встречаются в широком круге контекстов и обладают значительным числом словообразовательных дериватов: ср. чеш. *užít peněz, nástroje, zbraně* ‘использовать деньги, инструмент, оружие’, *uživatel* ‘пользователь’, *využít techniku* ‘воспользоваться техникой’, словацк. *využívať voľný čas* ‘использовать свободное время’, *použiť vlak, vedemosti* ‘воспользоваться поездом, знаниями’. По мере удаления от географического центра Славии роль этих глаголов в лексико-семантических системах уменьшается (сужается круг возможных употреблений, словообразовательная потенция, семантический спектр), а в большинстве русских говоров, болгарских и серболужицких они вообще отсутствуют. В польской системе эти глаголы занимают весьма прочные позиции, однако, в отличие от чешской, они имеют семантических конкурентов – близкие синонимы *korzystać* и *posłużyć się*, с которыми делят (в общем единую для чешского и словацкого языков) сферу употребления. В белорусском и украинском лексемы *ужыць* и *вживати* употребляются в достаточно ограниченном круге контекстов («употреблять внутрь», «принимать меры», «применять слова в речи»), значительно уступая в частотности семантически более широким продолжениям **koristiti*. На южной периферии, в словенском и сербскохорватском, область употребления этих глаголов также значительно сужается относительно центра (употреблять внутрь, пользоваться имуществом, успехом).

В языках, в которых **užiti/*uživati* не являются основным (нейтральным) средством выражения значения ‘использовать’, эти глаголы, по сравнению со своими ближайшими синонимами (**koristiti*) имеют ряд специфических значений и

употреблений. **Первая** область их значений – **использование имущества** ⁹ (недвижимости, денежных средств), обладание и распоряжение им (в том числе как юридический термин). Ср. с.-х. *по тестаменту док је жива, она све ужива* «согласно завещанию, пока она жива, она распоряжается всем имуществом», *уживати благо* ‘пользоваться имуществом, деньгами’, *све моје остаје мојој супрузи на уживленије до смрти* «все, что мне принадлежит, остается моей супруге в пользование до смерти» (РМС 6, 437); словен.: *užiti* ‘употреблять что-либо для удовлетворения своих нужд’: *svojega bogatstva ni mogel, znal užiti* «не сумел воспользоваться своим богатством»; *uživati hišo, zemljišče* ‘пользоваться (чужим) домом, землей’ (SSKJ, 1484).

Преимущественно в значении обладания и почти исключительно с названиями недвижимости в качестве объекта глагол **uživati* встречается в сербских, хорватских и украинских средневековых памятниках: с.-х. *уживати ‘frui’, gospoде и уживае мирно више речене поль жупе Конавли* «властвует и свободно пользуется половиной выше названной жупы Конавли»; *да госпога Елена ужива туи хижу* «чтобы госпожа Елена пользовалась этим домом»; *да дрѣже и уживаю жупу* «держат жупу и распоряжаться ею», *да си ю (кућу) уживате* «чтобы вы пользовались домом» (Даничић 3, 359); *да би твојега винограда други уживал* «чтобы твоим виноградником владел (пользовался) другой»; *все своје имиње остави својеј кћери да је ужива* «все свое имение оставил дочери, чтобы она его наследовала (им пользовалась)» (RJAZU 83, 486); укр. *вживаючи того дворища; оуживати села; село держати и оуживати* (ССМ 2, 466).

Семантика обладания реализуется глаголами **užiti/*uživati* и в сочетании с **абстрактными объектами** юридической (‘право’, ‘льготы’) и положительной аксиологической семантики (‘благополучие’, ‘радость’, ‘любовь’, ‘здоровье’, ‘слава’ и пр. (RJAZU 83, 486)): с.-х. *уживати углед, успех, слободу* ‘пользоваться авторитетом, успехом, свободой’, *уживати љубав, мир* ‘пользоваться любовью, спокойствием’ (RJAZU 83, 486), словен. *uživati gostoljubnost, družbo, dobro ime* ‘пользоваться гостеприимством, дружбой, добрым именем’ (SSKJ, 1484),

В приведенных контекстах семантику южнославянского *uživati* можно определить как «нечто среднее» между значениями глаголов *imati* и *koristiti* – между пассивным состоянием и процессом. От первого *uživati* отличает активная позиция субъекта, *обладающего, владеющего* объектом и, следовательно, имеющего право им

⁹ Ср. польск. *użytki* ‘угодья’ (ПРС, 496).

распоряжаться (по тестаменту док је жива, она све ужива – ?по тестаменту док је жива, она све има). При замещении *uživati* на второй синоним во всех указанных текстах объект из атрибута деятеля (то есть того, что ему присуще) превращается в инструмент или средство (не обязательно принадлежащие деятелю) достижения некоторой цели (выгоды): *по тестаменту док је жива, она све користи; користити слободу* ‘воспользоваться свободой’ при *уживати слободу* ‘быть свободным’¹⁰.

Вторая область специфических значений **užiti/ *uživati* – **прием** чего-либо внутрь (**пищи**, напитков, лекарств и пр.). Ср. с.-х. *уживати* ‘есть’: *док су коњи сено уживали* (RJAZU 83, 487); словен. *užiti* ‘принимать пищу, жидкость внутрь через рот’, то есть ‘есть, пить’: *danés ni še ničesar užil* ‘сегодня ничего во рту не было’, *užiti preveč piva, žganja* ‘пить много пива, водки’, *uživati krompir* ‘есть картошку’, *bolnik naj uživa lahko hrano* «больному лучше питаться легкой пищей» (SSKJ); польск. *używać* ‘есть’ (SJP 7, 431); русск. южн., зап. *уживать, ужить* ‘потреблять в пищу, питаться, пить, есть, нюхать (табак), лечиться чем, принимать снадобье и пр.’ (Даль), русск. южн., укр. *вживать* ‘употреблять по обычаю, привычке’: *Вина не вживаю, а табаку вживаю* (Даль), *я водки не вживаю* (СРНГ 4, 230); русин. *уживати* ‘пить, есть’; укр. разг. *уживати (вживати)* ‘есть’ (ВТСУМ). В сербскохорватском, польском, украинском языках соответствующие глаголы устойчиво употребляются в контекстах потребления алкоголя и наркотиков: с.-х. *уживати дрогу, алкоголь* ‘употреблять наркотики, алкоголь’ (с.-х. *користити дрогу* так же, как русск. *использовать наркотики* имеет иную семантику, например – ‘использовать как средство наживы’), польск. *używanie narkotyków* ‘употребление наркотиков’, укр. *вживати наркотики, алкоголь, тютюн* ‘употреблять наркотики, алкоголь, табак’.

Значение глаголов **užiti/ *uživati* + «объект X» в общем виде может быть рассмотрено как «обладать объектом X в процессе жизни и с пользой для нее» и реализуется в широкой форме ‘использовать что-либо’ и в узкой – ‘принимать пищу’, часто не различаемых в конкретных контекстах¹¹, ср. с.-х. *без зноја и труда крух ужива* «без пота и труда пользуется хлебом (имеет, ест хлеб)», *наша стада мирно пашу*

¹⁰ Различия в современной южнославянской семантике *uživati* и *koristiti* продолжают их мотивационные различия. Развитие значения ‘использовать’ из семантики ‘хватать, захватывать’ у **koristiti* (ЭССЯ 11, 71–72) делает естественным его инструментальную доминанту. Значение обладания в **uživati* мотивировано онтологической семантикой **žiti*.

¹¹ Эти значения тесно связаны и в других гнездах, ср. русск. диал. *пользоваться* ‘питаться’ (Феоктистова 1998, 172–173).

уживају «наши стада мирно пасутся» (RJAZU 83, 487). Связь идеи бытия и обладания, с одной стороны, и бытия и расходования – с другой, в гнезде **žiti* регулярна, ср. русск. *нажить, нажиться* ‘обогатиться, накопить состояние’, *пожиться* ‘получить что-нибудь в свою пользу, раздобыть, нажиться’, *прожить* ‘истратить, израсходовать на существование, развлечения’. Та же семантика развивается и у других префиксальных дериватов глагола **žiti*, ср. польск. *pożywiać* ‘кормить’, *pożywiać się* ‘поесть’, ‘попользоваться’, *spożyć obiad* ‘съесть обед’ (ПРС 2, 147; 359), *spożywać lek* ‘употреблять лекарство’, укр. *споживати природні ресурси* ‘потреблять природные ресурсы’¹².

Оппозиция, которую образуют южнославянские, восточнославянские и польские дериваты **žiti* с «утилитарной» семантикой (*uživati, вживати, споживати, užyc*), с одной стороны, и продолжения **koristiti* – с другой, по своему устройству весьма напоминает русскую синонимическую пару *употреблять – использовать* (НОСС 1997, 152–156). Первые члены этих оппозиций – более узкие синонимы, сокращающие в современных языках сферу своего употребления, тогда как вторые члены характеризуются более широким употреблением. «В современном языке *употреблять* сохраняется главным образом в сочетании с названиями таких объектов [...], которые **расходуются** в процессе их использования. Это разного рода средства – материалы, вещества, физические, экономические и психические ресурсы [...] Наиболее свободно этот синоним используется в современном языке в сочетании с названиями элементов языковой или другой подобной информации» (НОСС 1997, 154). Более половины контекстов (28) из первых пятидесяти, предоставляемых Национальным корпусом русского языка, содержат глагол *употреблять* в значении ‘принимать внутрь, потреблять’ в сочетании с названиями продуктов питания, напитков, лекарств и реже наркотиков. В двенадцати случаях глагол в данной форме употребляется в значении ‘использовать в речи’ с лексикой, обозначающей слова. В прочих контекстах он встречается со словами *средства, силу, деньги, человека к делу*. Эта статистика хорошо показывает, что весьма ограниченные и избирательные объектные поля *употреблять* и *uživati* совпадают в существенной позиции – различных веществах для приема внутрь, подразумевающих расход используемых продуктов для удовлетворения жизненной

¹² Разумеется, семантика перечисленных слов относительно **žiti* во многом модифицируется приставками, так что и соответствующие значения отчасти привносятся ими. Однако мотивирующая основа, несомненно, дает семантическую базу для развития данной семантики. Открытым остается вопрос о значении префикса *и-* в рассматриваемом глаголе.

потребности, а не «производственно», как в случае с прагматическими глаголами **koristiti* и *использовать*. Столь важная для дериватов **žiti* идея расходования объекта для удовлетворения жизненных потребностей еще нагляднее проявляется в их связях с русским глаголом *потреблять*, ср. польск. *spożyć* ‘потребить’, *spożycie* ‘потребление’, *zużywać energię* ‘потреблять энергию’, укр. *машина споживає...* «машина потребляет... (литров топлива)». Не вполне, однако, ясно, какой мотивационный признак в *потреблять/употреблять* – ‘необходимость’ или ‘уничтожение’ поддерживает этот параллелизм (и, что собственно то же самое, как в *потреблять* соотносится семантика необходимости и уничтожения).

Основа **žiti*, несмотря на амбивалентность семантики (жизнь как процесс приобретения и жизнь как процесс траты), включает в себе положительный аксиологический потенциал (жизнь ~ удовольствие, ср. слав. **žirь* и его семантику). Аксиологичность глагола **žiti* передалась **užiti/ *uživati*, в которых семантика использования всегда соединена с наслаждением употребляемым объектом¹³, превращением его из «вещи в себе» в «вещь для нас», ср. с.-х. текст: *његови ће синови плодове уживати* «его сыновья будут пользоваться/наслаждаться плодами» (RJAZU 83, 486). Поэтому в древнесербских текстах *уживати* часто выступает в синонимичной паре с *господовати* как единая формула благополучия, в которой *уживати* свободно заменяется на *благовати* или *добровати* ‘жить в счастье, достатке’: *господуе и уживае и од тога даючи* «властвует и распоряжается, от того подавая»; *да си господую и уживаю мирно* «чтобы я властвовал и свободно пользовался имуществом» (Даничић 3, 359). В этот же синонимический ряд только уже во втором своем значении – ‘наслаждаться’ *uživati* включается в диалектном языке: *Тако ми душа на они свијет уживала* и *Тако ми душа царовала* букв. «пусть моя душа так блаженствует на том свете» (Вукове пословице 1996, 302).

Существуют переходные контексты, в которых идеи получения пользы и удовольствия в рассматриваемых глаголах различить весьма трудно, ср. с.-х. *уживат*

¹³ Корреляция ‘польза’ – ‘наслаждение’ является логически объяснимой семантической универсалией, ср. лат. *frui*, нем. *genießen*, венг. *élvezni valamit* ‘использовать, наслаждаться’. В данном случае, однако, роль мотивационной базы в развитии семантики **užiti / *uživati* исключать нельзя, поскольку, во-первых, в других синонимичных гнездах подобные корреляции не наблюдаются, а во-вторых, непосредственным источником для семантики наслаждения, возможно, было значение ‘пережить, прожить (что-то хорошее)’. Ср. словацк. *užit’ života* ‘много пережить в жизни’, *užit’ radosti* ‘испытать радость’, чеш. *užil (si) hodně hladu* ‘пережил большой голод, наголодался’, польск. *użyć smutku* ‘изведать горе’.

девет свијета ‘букв. обладать/наслаждаться девятью мирами’, ‘жить хорошо, иметь все необходимое для красивой жизни’: *Како нам је тамо било лијепо! Уживали смо девет свијета!* «Как нам там было хорошо! Мы наслаждались!» (Бојанић, Тривунац), словацк. *užili si slnka* ‘солнце на них хорошо подействовало/ они насладились солнцем/ получили пользу от солнца’ (KSSrJ, 488). Однако грамматически эти два значения, как правило противопоставлены: выражение семантики наслаждения обычно сопровождается утратой переходности, изменением управления и развитием возвратности. У южных славян широкое распространение получили безобъектные употребления **uživati* в значении ‘получать удовольствие, наслаждаться’ (с.-х. *седим и уживам* ‘сиду и наслаждаюсь’; *седите, уживајте мало* ‘посидите, отдохните’) и в предложном сочетании с местным падежом, ср. с.-х. *уживати у животу, у књизи* ‘наслаждаться жизнью, книгой’, словен. *uživati življenje/uživati v življenju* ‘наслаждаться жизнью’; *ob pogledu na morje* ‘наслаждаться (любоваться) видом моря’; *ob skodelici kave* ‘получать удовольствие от кофе’. Таким образом, синтаксические свойства южнославянского *uživati* в новом значении были приведены в соответствие, с одной стороны, с большинством ментально-чувственных глаголов, при которых объект выражается местным падежом с предлогом «о», а с другой – с осмыслением объекта как среды пребывания деятеля («в чем-то» – очень редкий тип славянского управления абстрактных глаголов, обычно он встречается только при глаголах пространственной ориентации, ср. *находить наслаждение в чем-то*). В западнославянских языках **užitii* в значении наслаждения нередко употребляется с компонентом *si*, усиливающим и без того свойственную этому глаголу семантику действия, производимого для себя, в своих интересах (ср. словацк. *užili si slnka*, чеш. *tak si to užijte!* «хорошо проведите время»), или *se/sa*: словацк. *dost’ sa užili cez dovolenku*, чеш. *o dovolené se spolu hodně užili* «они хорошо провели отпуск», *těšil se, že se trochu užije* «он предвкушал удовольствие» (ЧРС 2, 508). В польском языке, как и в южнославянских языках, дополнительный компонент не добавляется: *w domach pańskich mieszkając, rozkoszno używam* «обитая в господских домах, живу в полном довольстве» (SJP 7, 431).

Значение **užiti/ *uživati*, которое сформировалось у чехов, словаков, поляков и южных славян в результате этого семантического сдвига, лишь приблизительно соответствует выражаемому русским глаголом *наслаждаться* (их словарным эквивалентом), точнее же может быть описано как ‘состояние полного комфорта

субъекта' и 'получение им удовольствия', а коммуникативный и стилистический статус этих глаголов по сравнению с русским и вовсе имеют мало общего. Южнославянское и чешское **užiti/ *uživati* принадлежат к народной разговорной стихии, в отличие как от русского высокого славянизма *наслаждаться*, так и от своих книжных синонимов с.-х. *наслађивати се*, словен. *naslajati se*, чеш. *kochat se*. Глагол *уживати* широко представлен в сербскохорватских диалектах, хотя в силу совпадения его формы с литературной плохо отражен в словарях (обычно в виде нелитературных форм и дериватов типа *уживат, уживкам, уживација* – Марковић 1993, 371; Бојанић, Тривунац; Митровић 1984, 340; Јовановић 2004, 656). Он также необычайно характерен для чешского и особенно сербского, хорватского, словенского и македонского сленга и вообще для повседневной непринужденной речи. В значении 'приятно проводить время' с.-х., словен. лексема *uživati*, макед. *ужива* употребляется несравнимо чаще, чем в значении 'использовать', и относится к ядерному фонду разговорной лексики. Использование южными славянами *uživati* в текстах элитарной культуры вторично, хотя в современной ситуации вследствие доминирующей позиции этого глагола по сравнению с сильно маркированными с.-х. *наслађивати се* и словен. *naslajati se* нормально. Однако при переводе русских текстов XVIII – XIX вв. ярко обнаруживается, что с.-х. *уживати* по своему семантическому потенциалу и привычной дистрибуции, так сказать, «не дотягивает» до духовного *наслаждаться*. Так, фразы *наслаждаюсь блаженством, [...] чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь* (НКРЯ, Новиков) не допускают или с трудом допускают употребление серб. *уживати*, а предпочитают лексему *наслађивати се*. Лексема же *наслаждение* в примере *величайшее наслаждение – мысль* (НКРЯ, Куприн) может быть передана только словом *наслада*, но не именными дериватами *уживати – уживање и уживанција*.

Исходная принадлежность к языку традиционной культуры и народная сфера бытования сербского *уживати* определяет своеобразие его объектного поля, по сравнению с русским *наслаждаться*. Оно носит преимущественно конкретный характер, ср. наиболее характерные с точки зрения носителя сербского языка сочетания: *уживати у храни, у пићу, уживати на сунцу, у музици, у књижи коју читам, у самоћи, на некој журци, у пиву, уживати на некој високој функцији, уживам док гледам нешто (малу децу како се играју у песку)* «наслаждаться едой; напитками; солнцем; музыкой;

книгой, которую читаешь; одиночеством; на вечеринке; занимая высокий пост; наблюдая за чем-то (за детьми, играющими в песке)». Ср. также характерный разговор двух подростков: *Кева и ћале иду вечерас у викендицу и тамо ће спавати. Имам празну гајбу, која уживанција! – Благо теби, моји су увек код куће* «Мать с отцом вечером уезжают на дачу и там будут ночевать. Квартира пустая – какое счастье (наслаждение)! – Везет тебе, а мои дома сидят».

Для носителя русского языка в ряде указанных случаев гораздо более привычным было бы употребление слов *получать удовольствие, нравиться, любоваться*. Для сравнения приведем список объектов, встречающихся в русских текстах конца XX – начала XXI в. при глаголе *наслаждаться*, они носят преимущественно абстрактный характер: *наслаждаюсь свободой, покоем, цветением, красотой, зрелищем, ужасами, видом* (выборка из первых 50 контекстов к форме *наслаждаюсь* из НКРЯ). «Духовность» глагола *наслаждаться*, как и его инославянских коррелятов, вероятно, является наследием его церковнославянской денотации – небесного блаженства, или пользования духовными благами в раю. При всем тяготении к сочетанию с духовными объектами, русскому *наслаждаться* и особенно слову *наслаждение*, несомненно, присуща чувственность (*плотские наслаждения, с наслаждением что-то делать = смаковать*), на что влияет и его вкусовая мотивация, ср. русск. *муж свое наслаженье имеет* (гуляет, изменяет) (СРНГ 20, 168).

В русском языке *наслаждаться* и *наслаждение* входит в лексико-семантическое поле других чувственных состояний и реакций (Пеньковский 2003, 377), это синонимичные *испытывать блаженство, удовольствие, радость, восторг* и антонимические: *страдание, мучение, боль* (САРЯ). Сербскохорватское *уживати* и его дериваты, хотя и обнаруживают связи с соответствующими лексемами (*Ми ћемо патити и уживати колико год биле безначајне наше боли и радости за „цјелину“* «Мы будем страдать и радоваться, как бы ни были наша боль и радость незначительны для большинства» (из Интернета); *Ја угњиват' а неко уживат'* букв. «я пропадаю, а кто-то наслаждается» (Вукове пословице 1996, 121)), но в большей степени тяготеет к полю отдыха и развлечения, а противопоставляется работе, труду¹⁴, что вместе с различиями в стилистических регистрах препятствует свободной замене его на русские эквиваленты *наслаждаться* и *наслаждение*. С.-х. *Неки мисле да овчари проводе уживацију по овце,*

¹⁴ Труд в традиционном сознании воспринимается как мука (Толстая 1998а), таким образом пара *уживати – радити* является аналогом *уживати – патити*, выраженным другими средствами.

али није тако, била би уживација да нема њиве и градине и да овце не трче у њи да чине штету «Некоторые думают, что пастухи получают удовольствие, пася овец, но это не так, это было бы развлечение, если бы не было полей и садов и если бы овцы в них не заходили и не вредили» (Марковић 1993, 371); *Уживка, нема какво да работи* «наслаждается жизнью: работы нет/делать нечего» (Јовановић 2004, 656); *Уживкам си које ћу работим* «Отдыхаю, чего ж работать/что ж делать»; *После сваку обављену работу одмор си ми уживкање* «После всякой законченной работы отдых для меня – наслаждение» (Митровић 1984, 340); *Али нема везе, положићу ја то, па ћу онда уживати цело лето док ћеш ти радити* «Не важно, все я сдам, а потом буду наслаждаться целое лето, пока ты будешь работать» (Из Интернета). Сербская поговорка *ужива као бубрег у лоју* букв. «наслаждается, как почка в жиру», ср. близкое *катається как сыр в масле*) характеризует человека, имеющего хорошую работу и при этом ничего не делающего; синонимичная ю.-вост. серб. посл. *ужива као мачка у чегер* букв. «ему хорошо как котенку в сумке» обычно употребляется по отношению к ребенку, лежащему на кровати или в саду, в тени.

Можно выделить две прототипических ситуации, которые устойчиво ассоциируются у носителя сербского разговорного языка с глаголом *уживати*: 1) люди сидят/лежат в приятной обстановке/компании обычно под напитки/еду: *Дођи код мене да гледамо филм, једемо кокице и уживамо!* «Приходи ко мне, посмотрим фильм, поедим попкорн, отдохнем»; *Највише волим да лежим на плажи испод сунцобрана и једем хладну лубеницу – то је за мене права уживанција!* «Больше всего я люблю лежать на пляже под зонтиком и есть холодный арбуз, это для меня настоящее наслаждение»; *Идем још само да купим сок, а ви уживајте, једите колаче* «Пойду сока куплю, а вы наслаждайтесь, ешьте пирожные»; 2) живут в материальном достатке: *Има тај и кућу и стан у Београду и викендицу на мору, два аутомобила, лепу жену, еее тај баиш ужива у животу* «У него есть и дом, и квартира в Белграде, и дача на море, две машины, красивая жена – да, действительно он наслаждается жизнью».

Выражение глаголом *uživati* позитивной жизненной программы способствует его чрезвычайно широкому употреблению в форме повелительного наклонения как устойчивого благопожелания: с.-х., словен. *uživaj* «желаю хорошо провести время, всего хорошего, отдыхай», с.-х. *нека је са срећом и уживај* «удачи тебе и всего хорошего», *само ти разбијај монотонију, уживај и пуни батерије* «отрывайся», наслаждайся и

заправляйся энергией’, *уживај, лепо се проведи* «отдохни, хорошо проведи время», *опусти се и уживај* «расслабься и отдыхай», чеш. *tak si užij! hezky (si) to tam užijte!* «отдыхайте, веселитесь хорошенько!». В подобных современных (обычно сленговых) формулах актуализируется идея наслаждения жизнью, переживания, «проживания» и использования каждого ее момента, заложенная во внутренней форме глагола, который приобретает семантику ‘жить полной жизнью’, что подчеркивается контекстным сопоставлением с глаголом *žiti* и его дериватами. Ср. заголовки из сербского и чешского Интернета: серб. *Откриј – доживи – уживај* «Открой – переживи (узнай) – наслаждайся»; *живи и уживај у сваком тренутку!!!* «живи и наслаждайся каждым мгновением», *заграби живот великом кашиком и уживај у сваком залогату* «черпай жизнь полной ложкой и наслаждайся каждым ее куском», *уживај, живот је упак кратак* «наслаждайся, жизнь коротка», чеш. *žij a uživej život naplno!* «живи и пользуйся («наслаждайся») жизнью сполна!»).

Если в реальности полезное и приятное зачастую противопоставляются – приятное осмысливается как потенциально вредное, а полезное – как нередко горькое и трудное (ср. пословицу *не все приятное полезно*), то для практики лексико-семантического развития характерна идея закономерной полезности приятного и приятности полезного, что отражается в фактах диахронического и синхронного перетекания этих смыслов друг в друга. Эти смыслы роднит и устойчивая связь с кулинарными значениями (ср. внутреннюю форму глагола *наслаждаться*, семантику слав. *uživati* ‘есть, пить’ и нем. *genießen* ‘есть, наслаждаться, пользоваться’). Во взаимодействии этих смыслов у южных и западных славян в гнезде **uživati* развился традиционный концепт жизненного позитива.

§ 2. Глаголы с семантикой температурного воздействия

В настоящем параграфе проанализирована семантика близких по смыслу глаголов с семантикой кулинарной обработки пищи (**pekti*, **pražiti*, **smažiti*, **žariti*) и со значением воздействия огнем (**paliti* и **žegti*).

В случае с кулинарным значением глагола **pekti* основным приемом семантической реконструкции представляется описание лексико-семантической типологии интересующего нас явления в современных славянских языках. Базой этого описания является ситуативный анализ – выявление ситуаций, которые носители современных славянских языков называют глаголом **pekti*, и определение границ его ситуативного поля, за пределами которого лежит сфера обозначения семантически близких глаголов **pražiti*, **smažiti*, **žariti*. Наряду с разного рода контекстами, важные источники ситуативного анализа – электронные корпуса (в нашем случае это был Интернет) и анкетирование носителей языка, позволяющие изучить сочетаемость и употребление интересующих нас лексем (близкая методика использована в (Рахилина, Плунгян 2007)), семантика которых не может быть описана только на базе славянской толковой и диалектной лексикографии, обычно замыкающей эти лексемы друг на друга¹⁵. В результате проведенного анализа были выделены семантические параметры, по которым кулинарный термин **pekti* в славянских языках противопоставляется глаголам *pražiti*, **smažiti*, **žariti*.

На базе лексических противопоставлений между разными славянскими языками и оппозициями глаголов в рамках одного языка в семантическом пространстве славянской кулинарии «нежидких продуктов» выделяются следующие элементарные области: обработка нежидкого продукта в печи, на раскаленной поверхности, на костре, на сковороде с маслом, на сковороде с большим количеством масла, на сковороде всухую (обжаривание сыпучих продуктов). Глагол **pekti* в славянских языках используется для называния первых четырех кулинарных процедур, а также, в некоторых языках, для обозначения обработки жидкостей, технологически сходной с приготовлением твердого продукта (с.-х. *peћи ракију* обозначает ситуацию, подогрева на костре казана с

¹⁵ Вот примерный характер вопросов, вошедших в нашу анкету по семантике глагола **pekti*: «Что можно печь?»; «Что значит печь мясо, картошку? Как и где это делают?» и пр.

фруктовой массой)¹⁶. ‘Обработка нежидкого продукта в печи’ – ядерное значение глагола, наиболее устойчиво реализуемое в сочетании **pekti xľěbъ*. В этом значении у него отсутствуют варианты/синонимы по славянским диалектам (кроме таких вторичных явлений, как, например, хорват. чак. *paliti kruh*). Прочие значения **pekti* в ряде языков могут иметь иное лексическое воплощение. Основной водораздел между денотативной сферой **pekti* и прочими ситуациями проходит по признаку использования масла при жарке на сковороде. С последним значением **pekti* встречается только у южных славян, для которых вообще характерно самое широкое в славянском ареале использование глагола, вплоть до варки напитков.

В славянском языковом пространстве выделяются четыре типа лексического членения этой кулинарной области: русский – оппозиция **pekti* – **žariti* ‘в закрытом пространстве, в «вольном духу» / на открытом огне’; западнославянский, белорусский, украинский – оппозиция **pekti* – **smažiti* – **pražiti* / **paliti* ‘без масла / на сковороде на масле / прокаливать сыпучий продукт всухую’; словенский – оппозиция **pekti* – *cvreti* – **pražiti* ‘прокаливать продукт / прокаливать в большом количестве масла / прокаливать сыпучий продукт’; восточный южнославянский – оппозиция **pekti* – **pražiti* ‘без масла / на масле’.

Такое положение продолжений глагола **pekti* в современных славянских лексических системах позволяет реконструировать его древнюю кулинарную семантику как ‘приготавливать пищу на костре или в печи воздействием тепла от раскаленной поверхности или непосредственно от огня, то есть «сухим образом»’, противопоставленную семантике глагола **variti* ‘приготавливать пищу воздействием тепла от воды или приготавливать пищу жидкой субстанцией’¹⁷. Для **pekti* правомерно реконструировать и обобщенное значение ‘готовить’ (то же явление, что в **variti* ‘варить’ → ‘готовить’), ср. укр. *пекарня* ‘кухня, поварня’ (УРС 1961, 237), русск. *печен* ‘стряпуха’ (СРНГ 27, 5). Приготовление на масле как вторичная культурная реалья и соответственно более поздняя семема у славян характеризуется большим лексическим разнообразием и выражается, помимо

¹⁶ Ср. следующее семантическое явление: польский глагол *smażyć* ‘жарить’ может обозначать и варку варенья: *smażyć konfitury*.

¹⁷ Добавим, что **pekti* указывает на приобретение продуктом твердого состояния, ср. русск. *губы заpekлись, попекать* ‘подмерзать, покрываться льдом (о водоеме)’ (СРНГ 29, 300), т.е. ‘становиться твердым’, тот же переход в *загореть* ‘замерзнуть, превратиться в лед’ (Верхотурова 2005).

общеславянского древнего кулинарного термина **pražiti* (и.-е. параллели со звуковой семантикой ‘трескаться’ (Фасмер)), с помощью глаголов с исходной «природной» семантикой (**smažiti* ‘обжигать’ от **smaga* ‘жар, огонь, сухость, ожог’, **žariti* ‘обдавать жаром, теплом’), о позднем характере появления которых в кулинарной сфере свидетельствует и их ареальная ограниченность, а позднее и звукоподражательная семантика (словен. *cvreti*).

Далее мы рассмотрим, что могут дать для семантической реконструкции данные современной синонимии. Глаголы **paliti* и **žegti* представляют собой пример очевидной праславянской семантической близости, следы которой сохранились в славянских языках в форме синонимии по основному значению ‘предавать огню’ (русский язык, старославянский/церковнославянский и в разной степени диалекты других славянских языков) и в форме семантического параллелизма мотивированных этими глаголами гнезд.

По признаку большей/меньшей употребительности одного из элементов пары южнославянские говоры делятся на два четких ареала. Первый ареал образуют словенские говоры, в которых обычным средством выражения семантики ‘предавать огню’ является глагол *žgati*, а глагол *paliti* считается редким и устаревшим. Дистрибуция и семантический спектр словенского *žgati* очень близки к русск. литер. *жечь* (SSKJ, 1703). Широкое употребление глаголов гнезда **žeg-* в значении ‘предавать огню’, т.е. в контекстах типа русск. *жечь дрова, жечь бумагу* – словенско-русское явление, по-видимому не имеющее параллелей в других современных славянских языках¹⁸. Второй ареал в южнославянской диалектной системе образуют сербскохорватские, болгарские и македонские говоры, в которых основным и, как правило, единственным средством выражения семантики ‘предавать огню’ является глагол **paliti*, а глагол **žegti* встречается крайне редко. По этому признаку данные говоры демонстрируют общность с современными западнославянскими, украинскими и белорусскими диалектами.

В своем основном значении ‘сжигать’ глагол **žegti* встречается только в некоторых болгарских говорах (Златоград, Павелско, Асеновградско, Ардинско, Банско), ср. *изжегвам, нажежавам, жежа* (БЕР 1, 530). В прочих значениях глаголы гнезда **žeg-* спорадически представлены в болгарских, македонских

¹⁸ Нужно иметь в виду, что производные от глаголов, например существительные, могут выражать это значение и в других языках, ср. польск. *pożoga* ‘пожар’.

говорах и на территории сербских говоров в Воеводине, Черногории, Дубровнике, Лике, на западе Сербии, в некоторых чакавских говорах, что в целом производит впечатление разрушения некогда целостного ареала распространения этого глагола на большей части, если не на всей южнославянской территории. Более широкое распространение имеют в Южной Славии различные именные дериваты гнезда **žeg-*, из которых наиболее широко встречается слово *жега*, *жег* ‘жара, зной’ (с.-х., болг., макед.). На более раннем хронологическом срезе ситуация была, видимо, иной и данный глагол был географически распространен и употреблялся у южных славян гораздо более широко, о чем свидетельствуют старославянские тексты (ср. *жешти*, *иждешти*, *ожешти*, *съжигати* и пр. (Старославянский словарь 1999)), древнесербские (*жећи*) (Даничић 1, 334) и хорватские и сербские тексты XVII–XIX вв. (RJAZU 95, 270). О выходе из употребления и исчезновении глагола **žegti* прямо свидетельствует то, что в говоре, территориально чрезвычайно близком к говору Вука Караджича, зафиксировавшего лексему *жећи* в своем словаре (Карацић), в наше время она уже не известна (сообщение М. Петрович-Савич, с. Бела Црква, область Раджевина в северо-западной Сербии).

При сопоставлении спектров **paliti* и **žegti* в разных славянских языковых системах у этих глаголов и их производных наблюдается общий набор первичных значений (‘уничтожать огнем’, ‘зажигать (источник тепла, света)’, ‘греть’, ‘обжигать’) и многих вторичных (‘вызывать жжение’, ‘стрелять’, ‘бить, ударять’, ‘жалить, кусать’, ‘прогоркнуть’).

Внутри одной системы (в языках, сохранивших синонимию **paliti* и **žegti*) глаголы нейтрализуются только в своем первичном значении ‘уничтожать огнем’, ср. русск. *спалить дом* и *сжечь дом*, ц.-слав. *Господь [...] сожег содомляны* (Октоих, глас 1, канон, песнь 3) и *попалит огонь супостаты* (Ис. 64: 2), русск. *прожечь* и *пропалить рубаику*. В русском языке (относительно церковнославянского трудно делать какие-либо выводы в силу отсутствия его настоящих носителей или полного электронного корпуса) *палить/спалить/пропалить* – *жечь/сжечь/прожечь* хотя и обозначают одну ситуацию, тем не менее не могут быть автоматически заменимы один другим в конкретном контексте.

Спалить (дом) по сравнению с нейтральным *сжечь* – лексема с экспрессивной семантикой, характерная для русского просторечия и включающая негативный эмоционально-оценочный компонент значения. Как правило, употребление *спалить* указывает на то, что, по мнению говорящего, действие совершается/совершено не рационально, а стихийно, бесконтрольно, по неосторожности, со злым умыслом или под действием эмоционального стресса: *Огонь потек, как молния, спалил на запад все, вплоть до Москвы-реки* (НКРЯ, С.Соловьев); *Ты мне кажи, кто это дом мой спалил, — я его изувечу!* (НКРЯ, Сергеев-Ценский); *Третьеклассник из села Николаевка [...] чуть не спалил родную школу* (НКРЯ, из газет); *Первым делом Шнур спалил злосчастный плакат* (НКРЯ, «Без консервантов»). В силу семантического негатива *спалить* обычно не употребляется в повелительном наклонении (ни одного подтверждения в Национальном корпусе русского языка для *спали, спалите*). Экспрессия глагола препятствует широкому употреблению его в форме несовершенного вида для обозначения процесса (*палить что-то*) и использованию в эмоционально-нейтральных или тем более деловых контекстах: *Неизвестна причина, по которой Гоголь сжег (?спалил) второй том «Мертвых душ»*; *Инквизиция сожгла (?спалила) на костре выдающегося мыслителя Джордано Бруно* (НКРЯ); *Советую тебе сжечь (?спалить) документы*; *Сжечь (?спалить) отходы можно в специально отведенном месте. Спалить* чрезвычайно плохо сочетается с обозначениями рациональной (созидательной) нормы – модальными словами и словами, обозначающими совет, предписание. По данным Интернета, наиболее частотные субъекты этого глагола – «несознательные» и неорганизованные слои населения, дети, бомжи, пьяные: *дети чуть не спалили трамплин, бомжи палят чердаки и подвалы*. Семантику стихийности подтверждает приоритетная сочетаемость *спалить* с неодушевленными субъектами, которые с трудом сочетаются с осознанным *жечь*, типа *счетчик может спалить квартиру* (из Интернета), при «плохом» сочетании *?счетчик может сжечь квартиру*. Объект *спалить*, как правило, масштабен, это разного рода недвижимость (дома, населенные пункты, имущество), на действия с бумагой он указывает существенно реже (статистика по корпусу – один случай на сорок девять; для *жечь* бумага, напротив, самый естественный объект), и плохо сочетается с названиями мелких предметов

([?]спалить крошки; *Врач тоже закурил, посмотрел, как горит спичка, послунывил пальцы, перехватил спичку за обгоревший конец и сжег* ([?]спалил) *всю спичку до края*, НКРЯ, Шукшин). В ц.-слав. *попалити* также предпочитает крупные или множественные объекты: ср. *не сожещи* ([?]попалити) *свитка* (Иер. 36: 25), *тело... во еже сожещи* ([?]попалити) *е* (1 Кор. 13: 1–3). Экспрессивную семантику интенсивности и хаотичности глагол сохраняет во вторичном значении ‘стрелять’: *палить со всех сторон, во все стороны, из всех орудий* при невозможности **палить в цель, он метко, хорошо палит, учиться палить, (не) пали!* (при обращении к одному человеку), *кто палил?* и т. д. В диалектном языке, по указанию Даля, *палить* в значении ‘стрелять’ также характеризуется масштабностью, обозначая стрельбу из крупных орудий, ср. пример, противопоставляющий флот и пехоту: *Сухопутные пушкарки стреляют, моряки палят*.

В силу ограниченности префиксальных образований от *палить* в русском, сопоставлению прямых употреблений *палить* и *жечь* подлежит еще только одна пара: русск. *обжечь* ‘заставить обгореть, обуглиться со всех сторон’, *обжечь конец бревна*, ‘повредить огнем или чем-н. горячим, едким, жгучим кожный покров, поверхность чего-н.’, *я сегодня обожгла себе утюгом левую руку*, ‘обрабатывая, подвергнуть действию сильного огня для придания твердости, прочности’, *обжечь кирпич* – и *опалить* ‘обжечь с поверхности, обжечь верхний слой, покров чего-н.’, *опалить цыпленка, опалить волосы, ткань*. Словосочетания *обожженные деревья* и *опаленные деревья* указывают на разные ситуации: в первом случае деревья существенно повреждены, скорее всего, и в области стволов, а во втором – у деревьев обгорела только листва (ТСРЯ). Семантическая оппозиция «контакт с огнем поверхности предмета»/«глубокое повреждение предмета огнем», очевидная в русск. паре *опалить/обжечь*, в церковнославянском реализуется также бесприставочными продолжениями **paliti* и **žegti*: *Бога зачениши во чреве Дево, Духом Пресвятым, пребыла еси неопалима, понеже Тя купина законоположнику Моисею, палимая нежегемо, яве предвозвести, огонь нестерпимый приемишую* (Октоих, Глас 1 канон, песнь 3). Характеристика *палимая нежегемо*, относящаяся к неопалимой купине, может быть однозначно интерпретирована как «объятая пламенем, но не повреждаемая им» (ср. русск. перевод: «куст, горевший и не сгоравший»). Сходное противопоставление обнаруживается в хорватском тексте:

plam ki pali a ne žeže (RJAZU 9, 589), который можно перевести как «огонь, который охватывает пламенем, но не жжет». В русском сходная оппозиция бесприставочных **paliti* и **žegti* также присутствует, ср. *палить* ‘удалять (не нужное) на поверхности при помощи огня’ (*палить ворс, гуся при жечь ворс, гуся* – ‘уничтожать огнем весь объект’) и *жечь* ‘производить ожог, ощущение жжения’ (*крапива больно жжет* – **крапива больно палит*; *горячий чай жжет горло*; *от горчичника уже жжет*; *кислотой ему жгло руки*). Из последних примеров видно, что русское *жечь/обжечь* не обязательно связано с пламенем, оно может описывать воздействие на объект высокой температурой (у *палить* это встречается редко, только в случаях типа *спалила платье утюгом*), низкой температурой (*холодная вода обжигала кожу, мороз обжигал лицо*) или едким веществом. Поэтому солнце может быть жгучим и палящим, но ветер – только жгучим, ср. ц.-слав.: *и повеле Бог ветру знойну жегущу* (Ион. 4: 8).

Хотя **paliti* и связано с пламенем, конкретное значение ‘предавать огню’ в нем может реализоваться как более широкое и абстрактное ‘истреблять’, что не свойственно **žegti*, который обычно реализуется как глагол, обозначающий конкретную ситуацию. В ц.-слав. *попали терния моих согрешений; поपालити страсти; непокорившаяся проповеданию твоему поपालити восхотел* (Минея, 30 апреля, канон, песнь 5) очевидно переносное значение уничтожения, которое в данных контекстах не может быть выражено глаголом *сожещи* (*сожещи* во всех приведенных случаях указывает на конкретную ситуацию предания огню).

На основании изложенного материала у **paliti* можно предположить следующие семантические компоненты, отличающие его от **žegti*¹⁹: стихийность, вредоносность и масштабность производимого огнем действия; направленность на поверхность, в том числе с функцией ее очищения; обязательная связь с пламенем.

¹⁹ Повторимся, что в других славянских языках и даже в русских говорах картина соотношения **paliti* и **žegti* совершенно иная, у большинства славян (кроме русских и словенцев, которые, правда, утратили синонимию в пользу **žegti*) **paliti* абсолютно доминирует в системе и является нейтральным глаголом, не имея семантических ограничений, подобных русским литературным и церковнославянским. Однако, скорее всего, экспансия продолжений **paliti* по сравнению с **žegti* – относительно позднее явление: в славянских языках «старшего» периода продолжения **žegti* употреблялись весьма активно. Если же рассматривать географическое распространение нейтрального **paliti* относительно нейтрального **žegti* как древнее (праславянское) ареальное явление, то семантические параметры, актуальные для русского и церковнославянского (а последние не могут не быть связаны со старославянскими), можно считать релевантными для части праславянских диалектов, но не учитывать их в праславянской реконструкции нельзя. Выделенные на русском материале семантические признаки, как мы покажем ниже, в «латентной» форме присутствуют в метафорических семантических спектрах продолжений и дериватов **paliti* у всех славян.

Эти семантические особенности перекликаются с основным русским диалектным значением *палить* – земледельческим, терминологическим (о его ключевом характере для *палить* свидетельствует огромное число словообразовательных производных с соответствующим значением, ср. *пальник, палок, пальные места, палик* (Даль)), указывающее на ситуацию полного выжигания больших площадей, иногда выходящую из-под контроля и перерастающую в бедствие: *палить степи, камыши, новину* (= *пускать пал, выжигать*), *пал* ‘лесной, степной, полевой пожар или поджог’, ‘продукт этого процесса, то есть сгоревший лес’, ‘выжженное в лесу место’ (= *гарь, паленина, пожог*), ср. болг. *паленак* ‘кустарник, выжженный для того, чтобы на его месте росла молодая трава’ (БЕР 5, 29) (о глаголе **paliti* как термине подсечно-огневого земледелия см. (Куркина 1998)). Продолжением земледельческого значения весьма возможно и является стилистическая и эмоциональная окраска русского лит. *палить*.

Теперь остановимся кратко на семантической деривации двух глаголов в разных славянских языках, подтверждающей правомерность реконструкции у **paliti* и **žegti* названных дифференциальных признаков. Гораздо более тесная, чем у **žegti*, связь с пылающим огнем у **paliti* вырисовывается прежде всего на основании этимологических характеристик последнего (ср. родственные **plame, pylati, pepel*), далее на базе многочисленных вторичных обозначений огня (типа русск. *пален* ‘костер’), названий блюд, имевших прямой контакт с пламенем (укр. *паланичка* ‘кусочки, спеченной на костре картошки’, *паланица* ‘корж, испеченный на плите’ (СБГ, 379)), наименований красного цвета (укр. *палити* ‘краснеть, зреть’, болезней и эмоций, для которых свойственна огненная метафора (русс. *воспаление, распалиться гневом*, словацк. *pálit’* (кого-то) ‘быть влюбленным в кого-то’ (SSN), болг. *паленък* ‘жених’, *паленица* ‘невеста’ (БЕР 5, 29)). Глагол **žegti* крайне редко мотивирует названия огня²⁰ (в русских говорах по данным Верхотурова 2005 зафиксировано всего одно наименование), но чаще обозначает излучение света и мотивирует названия его источников (с.-х *жижак* ‘искра, лампада’, чеш. уст. *žehati* ‘светить’ (SSJČ 4, 908), в.-луж. *žehlić so* ‘то же’, *žehlavka* ‘электрическая лампочка’ (Трофимович 1974, 458), польск. *żglić się* ‘тлеть, мерцать’ (SJP 10, 1430)), а в

²⁰ Ср. польск. *pożoga* ‘пожар’.

метафорической сфере обычно связывается не со страстями, а с укорами совести (ср. *жжение совести*).

Связь *палить* с поверхностью отражена в восточнославянских названиях хлебов, мотивированных значением ‘слегка подгоревший, подпаленный’: русск. *паленица*, *палиха* ‘подпаленная пресная лепешка’, *паленик* ‘ком теста, лепешка, испеченная в золе’ (Даль), укр. *паланица* ‘корж, печенье’ (СБГ, 379) (ср. *сжечь тирог*, указывающее на значительное повреждение субстанции, не случайно **žegti* не развивает кулинарную семантику ‘печь’, в отличие от **paliti*, ср. хорват. чак. *paliti* ‘печь хлеб’ (Jurišić 1973, 147)).

Семантику глубокого (проникающего) воздействия на предмет в **žegti* позволяют реконструировать значения, отсутствующие в спектре **paliti*: значение клейма (с.-х., болг., макед. *жиг*, словен. *žig*) и метафорические значения остроты, укола, укуса, чрезвычайно характерные для **žegti*. Ср. польск. *żgać* (SJP 10, 1430) ‘колоть, ударять ножом’: *pożgał nożem* (SJP 6, 1340), *żegadło* ‘острый предмет, медицинский инструмент, щипцы’ (SJP 10, 1415–1416), в.-луж. *žahadło* ‘жало’ (Трофимович 1974, 457), укр. *жигати*, *жигнути* ‘колоть’ (СБГ, 144), *жигало* ‘шило для упряжи’ (*шорник* [...] *жигалом проколював або прожигав* (СБГ, 114), макед. *жегне* (РМНП 2, 263), болг. *жегна* ‘колоть’ (БЕР 1, 529), укр. *жигати* ‘кусать’ (ЕСУМ 2, 191), русск. *жигать* ‘жалить, кусать (о насекомых, змеях)’ (СРНГ 9, 165). В русских говорах в парадигме названий жалящих насекомых представлены наименования, мотивированные только глаголом **žegti*, но не **paliti*: русск. *жгуха* ‘муха’, *жигалица* ‘мелкая мошка’, *жегун* ‘непарный шелкопряд – вредитель дубовых лесов; ядовитая пыльца его вызывает на теле сильный зуд’, *жегошка* ‘насекомое, которое пьет кровь, клещ’ (Верхотурова 2005).

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в семантике глаголов температурного воздействия важным является противопоставление открытого/закрытого огня (ср. оппозицию **paliti* – **žegti* в прямом значении, при обозначении процессов психической жизни («жжение совести» и «распаление страсти»), а также семантическую структуру глагола **pekti* (приоритетную связь глагола с обработкой пищи не на открытом огне и параллелизм с **žegti*: укр. *випікати* – *выжигать*, *припікати* – *прижигать*).

§3. Семантический спектр слова **zēlʲje*

Слово **zēlʲje* интересно для семантического описания вследствие полисемии, которую демонстрируют продолжения этой праславянской лексемы в разных славянских языках и которая в славянском континууме имеет четкие ареальные характеристики. Семантика лексемы включена в вопросник Общеславянского лингвистического атласа (Вопросник ОЛА, 229), а также в вопросник Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ, 191). Соответствующие карты не опубликованы, но доступные архивные материалы послужили отправной точкой для данного описания²¹.

Обобщенно набор значений слова **zēlʲje* можно представить следующим образом: ‘трава, растение с тонким стеблем’, ‘сорняки’, ‘настой из трав’, ‘овощи, огородные культуры: щавель, капуста (*Brassica capitata*)’ (Вопросник ОЛА, 229). Эти значения образуют два крупных компактных ареала: юго-западный – чешско-словацко-южнославянский (огородная культура) и северо-восточный – польско-восточнославянский (дикая трава и настой из трав). Значение ‘трава’ обычно встречается и в юго-западном ареале, и, наоборот, у восточных славян спорадически фиксируется значение овоща. Так что противопоставление культурного и дикого в значении лексемы не столь яркое – скорее, в нем содержится синкретичное представление о зеленом растении с разными функциями. Более важной в межъязыковой полисемии слова кажется оппозиция полезный – вредоносный, частично пересекающаяся с оппозицией культурный – дикий, но не совпадающая с ней.

Структурно лексема представляет собой собирательное существительное с суффиксом *-je*, производное от **zēlʲ*, ср. (Skok 3, 648), по той же модели, что и псл. **bylʲje* ‘трава’ от **bylʲ* с тем же значением, *květʲje* ‘цветок, цветы’ от *květʲ* (ЭССЯ 3, 150, 164). Значение собирательности (множественности) в современных славянских языках не является основным, часто лексема используется для обозначения одного растения.

Связь с травой характерна и естественна для номинаций зеленого цвета, для которого трава является прототипом и составляет основу значения в разных языках

²¹ Автор выражает глубочайшую признательность Т.И. Вендиной за возможность ознакомиться с архивными материалами обоих атласов.

(мнение Р. Токарского, А. Вежбицкой, см. толкование Вежбицкой лексемы *green* (Teodorowicz-Hellman 2000, 75)). Лексема *зеле* входит в ряд наименований молодых растений по признаку зеленого цвета, ср. с.-х. *зелењак* ‘зеленая трава’ (Динић 2008, 254), русск. *зелень* ‘трава’ (СРНГ 11, 251), *зеленка* ‘трава’ (СРНГ 11, 248).

Для южнославянских и юго-западнославянских языков характерным является значение **съедобного** растения, дикорастущего или огородного. В литературном чешском, словенском, болгарском и частично в хорватском языках лексема служит обозначением капусты (чеш. *zelí*, словацк. диал. *zelie*, словен., хорв. *zelje*, болг. *зеле*), повсеместно это обозначение распространено в чешских и словенских говорах, в большинстве болгарских (кроме южных), в части хорватских (прилегающих к словенской территории), южных черногорских (Ћупић 1997, 126), восточных сербских (Динић 2008, 254) и некоторых македонских говорах (ОЛА 2012, Карта № 13). В тех областях юго-западного ареала, где у продолжений слова **zelbje* нет значения ‘капуста’, а это, главным образом, сербские и македонские говоры, где в этом значении распространены лексемы *купус* и *зелка*, слово **zelbje* может обозначать съедобные дикие и огородные травы, листовые овощи. Для сербского языка наиболее характерно значение ‘щавель’. В диалектах *зеле* встречается как название крапивы (Гаговић 2004, 90), лебеды, листовой свеклы, шпината, голубоватого амаранта (РСАНУ 6, 786), а также зафиксировано как общее название овощей и дикорастущих съедобных трав. Ср. *Преко цијелога дана ни залогаја, а вечеравши тек осолјено дивље зеле* «Весь день – ни куска, а на ужин – только соленые дикие травы» (РСАНУ 6, 786); *народ питається млеком са разним дивљим зелем и листом* «молоком с разными дикими травами и листьями» (РСАНУ 6, 786); *кртола и друго зеле имају добар изглед* «у картофеля и других овощей хороший вид» (РСАНУ 6, 786); *пуно свачега на тржишту: круха, меса, зельа (поврталъа)* «много всего на рынке: хлеба, мяса, овощей» (РСАНУ 6, 786); *на сам, браћо, [...] посејао кромпира, пасуља и другога зельа* «я, братья, посадил картофель, фасоль и другие овощи» (РСАНУ 6, 786). Словосочетание *ливадско (польско) зеле* (букв. ‘луговая, полевая зелень’) указывает на съедобные дикорастущие травы: цикорий, лопух, кислицу, крапиву, лебеду, лук порей, одуванчик, спаржу и пр. В болгарских (БЕР 1, 631) и македонских говорах лексема

используется для названия лебеды, шпината, щавеля, чеснока, лопуха и вообще трав, употребляемых в пищу, ср. макед. *ошла баба до градина, да набери росно зелје да ми месит пресен зелник* ‘пошла старуха в огород набрать свежей зелени, чтобы замесить пресную зеленую питу’ (РМНП 2, 432). Съедобную зелень и овощи слово обозначало и в старославянском языке: *а изнемага(а)и зелие да гъсть* (Старославянский словарь 1999, 235).

В восточнославянских языках у лексемы наиболее ярко и широко представлено значение **дикорастущего травянистого** растения. Русск. диал. *зелье* ‘трава, сорняки, бурьян’ (СРНГ 11, 253): *В огороцике осталось зелье выполоть* (ЛЯРНГ архив, пункт 52); *Картошка сѣлита уся у зялле* (ЛЯРНГ архив, пункт 731); *Вот трава зелона, ее зельём и кличим* (ЛЯРНГ архив, пункт 440); укр. литер. *зілля* ‘различные, особенно пахучие травянистые растения’: *Панночки зібрали зілля и пішли довивати віночків на веранду* (Л.Украинка) (Словник української мови 3, 573), укр. диал. ‘сорняки, трава с тонким стеблем, травянистое растение с листьями, полевые цветы, разнотравье’ (ОЛА архив), бел. *зелле* (ТСБМ, 240) ‘трава, сорняки’. Однако в древнерусском языке слово использовалось для обозначения **съедобной** зелени и овощей (*бэ же самъ эда хлѣбъ соухъ и зеліе варено без масла* (Срезневский 1, 970)), это значение изредка фиксируется в украинских и русских говорах: укр. ‘щавель’ (ОЛА архив, пункт 171, 495), ‘овощи, огородные культуры’ (ОЛА архив, пункты 470, 512, 515, 520, 849), ‘капуста’ (ОЛА архив, пункты 495, 836), русск. ‘зелень (лук, огурцы)’ (ЛЯРНГ архив, пункт 102), ‘свежие овощи и травы, употребляемые в пищу’ (ЛЯРНГ архив, пункты 669, 701, 735, 736), ‘ранняя зелень’, ‘ранние овощи’ (ЛЯРНГ архив, пункт 905), ‘щавель’ (ЛЯРНГ архив, пункт 90), ‘овощи’ (ЛЯРНГ архив, пункт 603), ‘съедобные травы’ (ЛЯРНГ архив, пункт 829).

Польский язык по признаку дикий – культурный в семантике продолжений лексемы **zelje* занимает промежуточное положение между южнославянскими и восточнославянскими языками. В польской лексикографии у слова *ziele* отмечается значение ‘однолетнее растение с зеленым стеблем’ и ‘горох’ (SJP 8, 494), но в современном употреблении слово указывает только на некоторые виды съедобных и лекарственных трав (приправы, укроп, ромашку, подорожник), которые обычно заготавливают на зиму в сушеном виде, с чем связано уст. *zielarz* ‘аптекарь’.

Значения сорняка и лекарственной травы лексема выражает в **серболужицких** говорах (ОЛА архив). Переходной от южного типа к восточному можно считать и семантическую структуру лексемы в **сербскохорватском** языке, где она может обозначать дикорастущую траву с различными свойствами (ср. *Недељом и свеци иђаше он с овима у поље и показиваше зелье што је отровно* «По воскресеньям и праздникам он ходил с ними в поле и показывал ядовитые травы» (РСАНУ 6, 786) и часто, как и в польском языке, входит в состав народных названий лекарственных и ядовитых растений (РСАНУ 6, 786).

Значение **лекарственного** или **ядовитого** растения – это третий мотив в семантике лексемы, характерный для центральной, о чем было сказано, и в большей степени для восточной Славии. Польский и украинский языки являются центром ареала распространения у лексемы значения ‘лекарственное растение’, к которому с запада и юга примыкают серболужицкие и сербский языки. В украинском языке слово в значении лекарственного растения представлено почти повсеместно (ОЛА архив), в украинском слово часто обозначает и пахучие травы (денотативная область, близкая к лекарственным и ядовитым растениям). Русский же язык, в основном, демонстрирует значение не лекарственной травы, а лечебного травяного настоя, отвара, то же значение представлено и в белорусском: бел. *варыць зеле, лячыцца зеллем* (ТСБМ, 240). Значение лекарства слово выражало и в древнерусском языке: *зеле* ‘снадобье из трав’ *обще да буде(т) зелье общему недугу, якоже и зелья лѣчебнаго больнии стомахъ* (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. 7, 369). В современных украинских говорах значение травяного отвара зафиксировано лишь в нескольких пунктах (ОЛА архив), но представлено в литературном языке: *Дай мені якого зілля, щоби тут, отут перестало боліти* (И. Франко) (Словник української мови 3, 573). Значение отвара у слова **zelʲje* и использование лексемы как термина народной медицины представляет собой регулярную метонимию, характерную для разных названий трав, ср. русск. *травя* ‘настой, отвар из некоторых растений’. Более специфической является чисто восточнославянская и преимущественно русская связь лексемы с нанесением вреда человеку и конкретно с колдовством. В русских говорах как название травяного отвара слово обычно указывает на отраву или колдовской напиток, что отразилось и на литературном значении: *Зельем атравить можна любова* (ЛЯРНГ архив, пункт

467). *Зелье это отравы из трав когда делают* (ЛЯРНГ архив, пункт 717). *Калдун иво зельем приманил* (ЛЯРНГ архив, пункт 748). *Зель, он штоп людей травить, да ат ниво умирают* (ЛЯРНГ архив, пункт 433). Это значение слово выражало в древнерусском языке, встречается оно в украинских и белорусских говорах: укр. *зілле* ‘волшебное зелье’ (Грінченко 1996, 152), *призили* ‘приворожить’ (Полесье) (ЕСУМ 2, 258), *зелиничьство* ‘знахарство’ (Словник української мови 3, 369), бел. *зеле* ‘отрава, употребляемая колдунами’, *зелиць* ‘растительным снадобьем наводить слепоту, отнимать рассудок, очаровывать, обольщать’ (Носович 1870, 207).

Приобретение лексемой значения колдовской отравы можно считать простым развитием медицинского значения. Однако значение колдовского или ядовитого отвара является частным случаем обозначения в русском языке словом *зелье* всякого несъедобного и подозрительного снадобья. *Что за зель ты мне налил!* (ЛЯРНГ архив, пункт 7). *Не суп, а зелье приготовила* (ЛЯРНГ архив, пункт 904). Эти значения можно рассматривать и как вторичные по отношению к *зелье* ‘отрава’, и как находящиеся с ним на одной ступени деривации и реализующие негативный потенциал травы и зеленого. По данным Лексического атласа русских народных говоров, напитки, обозначаемые словом *зелье*, часто имеют горький вкус, подозрительный вид или просто непригодны для употребления внутрь: ‘терпкий напиток из полыни’, ‘горькое питье’, ‘горький продукт’, ‘что-то горькое’, ‘невкусный привкус’, ‘отвар зеленого или коричневого цвета’, ‘разновидность плохой самогонки’, ‘вино (сомнительного свойства)’. *Зелье – это когда очень невкусно и очень горько* (ЛЯРНГ архив, пункт 34). *Зелье это наподобие самогона, хреновый самогон* (ЛЯРНГ архив, пункт 747). В сербскохорватском и украинском языке лексема может использоваться для негативной оценки продукта, вещи (‘бросовый продукт’ ← ‘трава’) (РСАНУ 6, 686; Словник української мови 3). Ср. с.-х. *зеле* ‘табак плохого качества’: *ој ли запалити од овог зельа* (Гаговић 2004, 90).

У русских и украинцев лексема встречается как обозначение спиртных напитков, табака (БАС 4, 1193; МАС 1, 607; Словник української мови 3, 573), причем часто с отрицательным эпитетом *погане, бісове, кляте* (Словник української мови 3, 573), кофе, чая, пороха (МАС 1, 607). Значение ‘алкоголь’ представлено в шестидесяти пунктах Лексического атласа русских народных говоров: *Зелье – эт*

прям первый враг у мужиков. Как выпьет и себя не помнит (ЛЯРНГ архив, пункт 713). *У нас есть в сяле такие пьяницы, и семью, и работу потеряли. И кто их только это зелье пить заставлял* (ЛЯРНГ архив, пункт 714). *У нас зелье на праздник пьют* (ЛЯРНГ архив, пункт 954)). Следует отметить, что значение ‘напиток’ может быть производным как от значения ‘трава’ (‘травяной напиток’), так и напрямую от зеленого цвета (‘питье зеленого цвета’).

Восточнославянское *зелье* в значениях ‘сорной травы’ и ‘плохого напитка’ имеет широкий круг негативных оценочных употреблений и метафор. В украинском языке словом *зілля* может быть названа всякая напасть, будь то комары, грызуны или вредители, в том числе люди (Словник української мови 3, 573). В русском языке от значения ‘отравы’ производны негативные этические значения: литер. о злом, вредном человеке (БАС 4, 1193; МАС 1, 607), диал. ‘злое дело’, ‘грубый, сердитый человек’, ‘резкий человек’, ‘высочка’, ‘плохой человек’, ‘беспутный человек’, ‘зло’ (ЛЯРНГ архив). *Ну и девчонка – зелье!* (ЛЯРНГ архив, пункт 828). *Так говорят, когда ково-то ругајут, ну и зелје же ты говорят* (ЛЯРНГ архив, пункт 7). *Если кто кому злое што сделал то назовут зелье* (ЛЯРНГ архив, пункт 7). *Этот человек – сущее зельё, всем вредит* (ЛЯРНГ архив, пункт 69). Ср. укр. *z’il’a* ‘недобрый, непорядочный человек’, *z’il’a* ‘скверный человек’ (ЛЯРНГ архив, пункты 501, 474). Помимо негативных оценок, **zельje* развивает значение ‘бойкий’ (русс. ‘о бойком человеке’, укр. ‘об энергичной женщине’ (Словник української мови 3, 573), польск. *ziółko* ‘хулиган’). Негативные коннотации русского слова *зелье* отражает и сочетаемость лексемы в составе ботанических названий: *вонючее зелье, жабячье зелье, ведьмино зелье* (СРНГ 11, 253–254). Не исключено народно-этимологическое притяжение *зелье* ‘отрава’ к гнезду *злой*.

Связь *зелья* со злом может быть как развитием значения дикого, вредоносного в самом слове *зелье*, так и корениться в семантике травы и зеленого, для которых характерен ряд негативных коннотаций. В сербскохорватской паремиологии присутствует идея о потенциальной вредоносности диких трав: *Боље знано зелье јести, од питомога (знана) зельа глава (трбух) не боли, јеђи зелье из свога врта, бери зелье покрај себе* «лучше есть знакомую траву, от культурной (известной) травы голова (живот) не болит, ешь траву со своего огорода, собирай

траву рядом с собой», букв. «только в том человеке, которого ты хорошо знаешь, можно быть уверенным» (обычно говорится в связи с женитьбой или замужеством) (РСАНУ 6, 786). Во всех славянских языках *зеленым* называется бледный, неестественный, болезненный цвет кожи у человека. Зеленый цвет приписывается коже человека в ярости: макед. *зелен од јад* (ТРМЈ 2, 207), русск. *позеленел от злости*. В восточносербских говорах слово *зеленица* обозначает ‘пасмурную и холодную погоду’: *Наступила е таква зеленица да се све помрзимо* «наступил такой холод, что все замерзли» (Динић 2008, 253), а слово *зеленикакав* выражает общую отрицательную оценку ‘очень плохой, никакой’ (Динић 2008, 253). Сюда же примыкают обозначения в сербском языке корнем *зел-* серого цвета: *зељов* ‘пес серо-зеленой шерсти’, *зекан* лошадь серо-зеленой масти (Ћупић 1997, 126) (о заимствованном характере семантической связи ‘зеленый’ – ‘серый’ см. (Ivić 1995)). Для сравнения отметим, что значения ‘травя’ и ‘отравя’ могут быть связаны и иным образом, как производные от значения ‘гнить’, ср. **traviti* ‘переваривать, потреблять, отравлять’ (Schuster-Šewc 20, 1526).

При описании семантики лексемы следует сказать о ее отношении к семантически близким словам **trava* и **byľje*. С уверенностью можно сказать, что слово **zeľje* не употребляется в значении ‘зеленого покрова земли из травянистых растений’, которое свойственно слову **trava*, и общеславянское *лежать на траве* не может быть выражено с помощью слова **zeľje*. В древности **zeľje*, возможно, выполняло функцию родового ботанического термина, типа современного русск. *травянистое растение*, которую оно отчасти сохранило в современных языках, ср. польск. *oj chmielu, chmielu, ty bujny zieli* «ой, хмель, хмель, буйная трава» (Karłowicz 6, 380). На юге и западе Славии лексема частично или полностью преобразовалась в сельскохозяйственный термин и стала использоваться как название огородных культур, а на востоке, напротив, стала употребляться как название огородных вредителей – сорняков и специфических трав – пахучих, дурманящих, лекарственных, ядовитых. Значением огородной культуры слово **zeľje* отличается от **byľje*, которое также обозначает конкретные растения, а не земной покров и тяготеет к выражению значений ‘растение’, ‘сорняк, бурьян’ и ‘лекарственная трава’.

§4. Прилагательные с семантикой общей и эстетической положительной оценки²²

Лексема *леп* ‘красивый, хороший’ является ядром семантического поля красоты в сербскохорватском языке. Значение ‘красивый’ также выражают следующие синонимы слова *леп*: *виђен*, *главан*, *главит*, *красан*, *наочит*, *обичан*, *прикладан*, *пристао*, *пристануо*, *убав*, *угледан*, *узорит*, *ћузел* (Караџић), *згодан*. Праславянскими в этом ряду синонимов являются слова **lěръjь*, **golъnъ* (ЭССЯ 7, 13), **golvitъ* (ЭССЯ 7, 10), **krasъnъ* (ЭССЯ 12, 109), **naočitъ* (ЭССЯ 22, 200), **obvuъsnъ*, однако значение красоты у большинства из этих слов (кроме **lěръjь*, **krasъnъ*) является, вероятно, относительно новым. Слова *убав* и *ћузел* являются заимствованиями (*ћузел* – из турецкого, *убав* – из персидского (Skok 3, 534)). Прочие слова возникли на сербскохорватской почве. Во внутренней форме этих названий прослеживается несколько мотивов: бросающийся в глаза, привлекающий внимание (*виђен*, *угледан*); выделяющийся головой, лицом, глазами (*главан*, *главит*, *наочит*, ср. макед. *личен*); годный, соответствующий норме (*прикладан*, *пристао*, *пристануо*, *згодан*). Данные модели продолжают и.-е.: ‘подходящий, тот, который в пору’ (греч. *ōraios*), ‘видный’ (др.-англ. *wlitig*) (Buck 1949, 1191–1193) (ср. русск. *взрачность* ‘красота’ (Даль), *взглядный* ‘видный, красивый’ (СРНГ 4, 254), *невзрачный*, *неприглядный* ‘некрасивый’, *личистый* ‘красивый’ (Вендина 2007, 207–208), *пригоже* ‘красиво’ (СРНГ 31, 166), *гожель* ‘красота’ (СРНГ 6, 277), чеш. *hezký*, бел. *прыгожы*). Продолжения лексемы **krasъnъ* ‘красивый’ (из **krasa* ‘цвет жизни’, ‘красный цвет’ (ЭССЯ 12, 97, 109)) в сербскохорватском языке обычно являются эмоционально окрашенными (‘прекрасный’) и употребляются значительно реже, чем **lěръ* (ср. дериваты *крас-*: *красота* ‘красота’ (Караџић; Вујичић), *красник* ‘красавец’ (Караџић; Елезовић), *красница* ‘красавица’ (Елезовић)).

Центральное положение лексемы **lěръ* в поле красоты в сербскохорватском языке – западноюжнославянская особенность: только в словенском и сербскохорватском **lěръ* является главным средством выражения значения ‘красивый’ и в этом значении широко употребляется в литературном языке. Хотя это слово (**lěръjь*) имеет общеславянское распространение (болг., макед., с.-х. *леп*, словен. *lep* ‘красивый, хороший’, чеш., словацк. *lepy* ‘красивый, очаровательный’,

в.-луж. *lepy* ‘милый, привлекательный, красивый’, др.-русск., ц.-слв. *lěpyи* ‘красивый, хороший’, русск. *лепый* ‘хороший, красивый, прекрасный, благовидный’, ст.-бел. *лєпыи* ‘добрый, пригожий’ (ЭССЯ 14, 225–226)), вне западноюжнославянского ареала слово употребляется ограничено. В других славянских языках доминируют лекемы: болг. *хубав*, макед. *убав*, пол. *piękny*, *ładny*, чеш. *pěkný*, словацк. *pekny*, чеш. *hezky*, укр. *гарний* ‘красивый, хороший’, бел. *прыгожы*, русск. *красивый*. В болгарском и македонском языках **lěpъjъ* имеет статус диалектизма. В западнославянских языках и в украинском языке широко употребляется только форма сравнительной степени прилагательного **lěpъ*, которая стала выполнять функцию сравнительной степени прилагательного **dobrъ* (польск. *lepsz*, чеш., словацк. *lepší*, ниж.-луж. *lěpši*, укр. *ліпші* ‘лучший’). Само же прилагательное **lěpъ* в западнославянских литературных языках отсутствует или занимает маргинальное положение (ср. поэтизм в словацком), а в польском языке оно утрачено и в диалектах. В русском языке **lěpъ* также представлено только в диалектах (и в словах *нелепо*, *нелепый*), причем ограничено (в СРНГ имеется всего несколько подтверждений – псков., смолен., олонек.), ср. *лепый* ‘красивый, прекрасный, хороший’: *Она на лицо лепа*, а также в форме сравнительной степени: *лепший* ‘лучший’: *Выбрала лепшейших морковин* (СРНГ 16, 368).

Материал всех славянских языков, как тех, в которых **lěpъ* является ядром поля красоты, так и всех прочих, свидетельствует о двузначности или семантической синкретичности этого прилагательного, совмещающего значения эстетической и общей положительной оценки – ‘красивый, хороший’, подобно тому, как прилагательное **dobrъ* совмещает общую и этическую оценку: ‘хороший, добрый’. Значение ‘красивый’ в этом слове, по всей видимости, вторично по отношению к ‘хороший’, и в этом случае для **lěpъ* необходимо предположить какой-то древний семантический компонент, который придавал этому слову значение особой формы добра, по сравнению с лексемой **dobrъ*, а также **bolgъ*.

Согласно словарю К.Д. Бака, в индоевропейских языках значение ‘красивый’ «в большинстве случаев [...] формируется на основе выражений одобрения или восхищения самого разнообразного характера, например: ‘хороший, уместный, приятный, веселый, вежливый, пригодный, подходящий, умелый, яркий, аккуратный’. Многие слова расширили свое значение и стали применимы ко всему,

что доставляет удовольствие» (Buck 1949, 1191). Этимологически лексема **lěрь* связана с и.-е. корнем **leip-* ‘мазать жиром, маслом, клеить’ (ср. **sъmazьlivъjь* ‘привлекательный’ из **mazati*) (ЭССЯ 14, 225–226). Согласно болгарскому этимологическому словарю **loipos* уже на и.-е. уровне имело семантику ‘пригодный’ (БЕР 3, 362). Исходя из этимологического значения корня, источником семантики красоты в этом слове можно считать ‘хороший (совершенный) по форме, по внешнему виду’ (греч. *eumorfos*, лат. *formosus* (Buck 1949, 1191) и ‘приятный на вид’. Сходную внутреннюю форму имеет и славянское прилагательное **ladъnъjь* ‘красивый, хороший’ из **laditi* ‘приводить в порядок’ (ЭССЯ 14, 12).

Можно предположить, что **lěрь* первоначально заключал в себе не современную идею красоты, а идею совершенства, пригодности, общего положительного впечатления от вида предмета. В таком значении продолжения **lěрь*/**lěро* употреблялись в старославянских и древнесербских текстах: *лѣпо есть* ‘должно, надлежит, уместно’, *лѣпъ* ‘приличный, уместный, надлежащий’ (Старославянский словарь 1999, 314), *тако ли лѣпо вамъ есть на таковыя муже въоружати се?*, *исплатише ми лепо почтено* (Даничић 2, 29–30). С идеей совершенства, выражаемой словом **lěрь*, можно связать и сакральную семантику этого прилагательного в старославянском и церковнославянском языке, передававшего понятие Божественной красоты в противоположность красоте земной, обозначавшейся словом *красота* (Вендина 2007, 194). Тот же мотив прослеживается в макед. фолькл. *леп Господ*, *лепа литургија* ‘благой Господь’, ‘святая литургия’ (РМНП 4, 53).

Продолжения слов **lěрь*/**lěро* в современных западноюжнославянских языках часто выражают общую положительную оценку²³ (то есть более древнее значение), ср. словен. *lepa plaća*, с.-х. *лепа плата* ‘хорошая зарплата’, словен. *lepa služba*, с.-х. *леп посао* ‘хорошая работа’, словен. *lepa lastnost*, с.-х. *лепа црта*

²³ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная автором в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Кулешова М.Л., Якушкина Е.И. Корреляция значений ‘хороший’ и ‘красивый’ в славянских языках // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 389–391. Объем статьи – 0,4 п.л., вклад автора диссертации – 0,2 п.л.

‘хорошая черта’ (Кулешова, Якушкина 2019)²⁴. В сербском литературном и диалектном языке *леп/лепо* в качестве общей положительной оценки широко используется с разными объектами и ситуациями: *у вече дође те правимо политику, једући лепу телетину и пијући по чашу лепога винца* «он приходил вечером и мы обсуждали политику, ели хорошую телятину и пили хорошее вино» (РСЈ), *то је веома лепа књига, ја ти је препоручујем* «это очень хорошая книга, рекомендую», *лепо смо се испричали* «мы хорошо поговорили»; *лијепо ти је ова ливада покошена!* «хорошо этот луг скошен» (сказка *Зла жена*), *лијепо ти је јавор уродио* «хороший плод принес клен» (народная песня *Два брата и златокоса Мара*). Характеристика объекта или ситуации с помощью *леп/лепо* обычно означает, что объект хорошо выполняет свою функцию: *леп пут* – это не разбитая дорога, *леп стан* – удобная, хорошо расположенная квартира, *леп музеј* – интересный музей, ср. *ископао је леп гроб у задњем делу баште* «он выкопал хорошую могилу в глубине сада» (KSSrJ). Часто полной нейтрализации с оценкой **dobrъ/*dobro* в подобных контекстах не происходит. Выбор **lěръ/*lěро* указывает на то, что объект или ситуация устраивают говорящего, нравятся, «приятны» ему (в этом смысле оценка **lěръ/*lěро* более субъективна, чем оценка **dobrъ/*dobro*, передавая личное впечатление от реальности, а не общепринятое мнение). Связь *лепо* с идеей соответствия норме проявляется в таких употреблениях, когда это слово теряет свое основное лексическое значение, а означает, что действие выполняется как положено: *Брже боље отрчи мој отац, те доведе кобилу и жетеоци лијепо стану жети по ладу* «отец быстро сбегал за кобылой, и жнецы принялись спокойно жать в тени» (сказка *Лаж за опкладу*); *а кад дође к њему, он стане лијепо са својим коњем, па га запита, шта ће* «когда он к нему пришел, тот остановил коня, как положено, и спросил его, чего он хочет» (сказка *Бевојка, удовица и пуштеница*). Ср. макед. *Марко лепо мајка ја послуша* «Марко мать послушал, как положено» (РМНП 4, 57).

Приведем несколько примеров того, как носитель сербского литературного языка объясняет различия в использовании оценок **lěръ/*lěро* и **dobrъ/*dobro*. Предложение *Има лепу плату* означает, что человек может на эту зарплату нормально жить и иметь для жизни все самое необходимое, а *има добру плату* значит, что человек много зарабатывает и занимает хорошую должность; *леп посао*

²⁴ Эстетической оценке свойственно соединяться с оценкой общей не только в словах **lěръ/*lěро*, но и в других славянских лексемах со значением ‘красивый’ (Кулешова, Якушкина 2019).

– это интересная работа, связанная с интересной профессией, а *добар посао* – это прежде всего хорошо оплачиваемая работа; *лепо сам се сместила* означает «удобно», а *добро сам се сместила* – легко, без проблем; *лепо вози* – аккуратно, соблюдая правила, а *добро вози* – профессионально; *радио је тамо лепо неколико година док...* – у человека до определенного момента не возникало проблем в работе, а *добро радио* – качественно и профессионально выполнял свою работу; *изабрала је леп факултет* – означает, что факультет интересный, а *добар факултет* – перспективный. Поскольку использование *леп* подразумевает приятность оцениваемой ситуации для субъекта, то в контексте *он се продао за добру плату* использование *леп* оказывается невозможным. Содержащийся в *леп* компонент ‘объект нравится субъекту’ способствует тому, что эта лексема в сербском языке используется с целью установления контакта при коммуникации, часто при деминутивах: *лепа ти је ова салатица* ‘хороший у тебя получился салатик’, *леп ти је овај аутић* ‘хорошая у тебя машинка’.

Мотивация лексемы **lěръ* и совмещение в ней эстетической и общей оценки позволяет высказать предположение о восприятии эстетического в народной славянской культуре не как «всего красивого, прекрасного, всего того, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение» (Ожегов), а как соответствия норме.

В традиционной культуре понятие красоты тела или лица во многом заменяется понятием физической нормы, здоровья, крепости, силы, отсутствия телесных аномалий (ср. ‘здоровый’ как один из и.-е. семантических источников значения ‘красивый’ (др.-греч. *kalos* (Buck 1949, 1191–1193)). Так, в русских говорах красивым называется крепкий, здоровый, сильный мужчина, а некрасивым – тщедушный, слабосильный, маленького роста (Вендина 2007, 210). В болгарской родинной и послеродовой обрядности продуцируется не красота ребенка, а крепость ног и спины (Седакова 2018, 155), наличие усов и бороды у мужчины, румянец и белая кожа, отсутствие пятен на коже, белые зубы (Седакова 2018, 153, 154), внимание уделяется и таким частям тела, которые в городской культуре в меньшей степени вовлечены в сферу эстетического (поясница, суставы, ступни, колени) (Седакова 2018, 156–157).

Сербскохорватская народная проза и эпический и лирический фольклор не

содержат описаний красоты лица или тела. Само слово *леп* встречается в текстах этих жанров достаточно редко. Обычно оно употребляется как эпитет при обозначении девушки (*лијена дјевојка* или *лијена Мара, Хајкуна* и др.), которая является героиней песен и сказок. В редких случаях контекст с определенностью указывает на то, что *леп* действительно обозначает физическую красоту девушки (*Имао некакав цар јединицу шћер, преко мјере лијену* «была у царя единственная дочь, чрезвычайно красивая» (сказка *Лијене хаљине много шта учине*)). Чаше *леп* при слове *девојка* выступает как устойчивый эпитет, семантика которого, учитывая диал. боснийское *лијена дјевојка* ‘хорошая, красивая, добрая девушка’ (устное сообщение носителя говора), не обязательно сводится к чисто эстетической оценке: *Бор садила лијена дјевојка // Бор садила, бору говорила* «сажала сосну красивая девушка, сосну сажала, сосне говорила» (народная песня *Бор садила лијена дјевојка*)²⁵. То, что красота не является идеалом народной культуры отражается и в нехарактерности мотива красоты для благопожеланий. В них *леп* появляется в значении общей оценки: *Од неба му росјело те му добро и лијено родило* «желаю, чтобы на него сходила роса с неба и он имел хороший урожай» (Karadžić)²⁶.

Возможно в связи тем, что «прекрасное» для народной культуры не является идеалом, оно часто оценивается неоднозначно и даже негативно. Наиболее ярко это прослеживается в сербских пословицах. В пословицах слово *лијено* как правило вовлекается в отрицательное ассоциативное поле. Лексема *лијено* в пословицах часто соотносится с *слијено* (правда, эта связь является результатом и фонетического притяжения): *Боље је мало слијена но премного лијена* «лучше быть немного слепой, чем слишком красивой» (Вукове народне пословице 1996, 36); *не*

²⁵ Пожалуй, единственный жанр, в котором активно развивается мотив женской (девичьей) красоты, – сербскохорватские севдалинки. Это тексты, сложившиеся преимущественно в мусульманской городской среде под влиянием ориентальной культуры (Sevdalinke 1968, 11). Ср.: *Ја каква је на Бендбаши трава / Још је љепша Диздарева Фата! / Чело јој је турска хамајлија, / Два јој ока – два врела студена, / Обрвице – с мора пијавице, / Трепавице – крила ластавице, / Два образа – два ђула румена, / Медна уста – кутија шећера, / Ситни зуби – дизија бисера. / Над главом јој двије шефтелије, / У њедрима – два бијела голуба, / Двије руке – два алај бајрака, / Двије ноге – два златна дирека* «Какая красивая на Бендбаши трава! Но еще прекрасней Диздарева Фата! Ее лоб – турецкий оберег, два глаза – два студеных источника, брови – морские пиявки, ресницы – крылья ласточки, щеки – алые розы, медовые уста – коробка сахара, мелкие зубы – жемчужные бусы, над головой – два персика, на груди – два белых голубя, две руки – два знамени, две ноги – две колонны» (Sevdalinke 1968, 146).

²⁶ Иногда красота в фольклоре связывается с дорогими тканями и драгоценными металлами (камнями): *Сребро и злато и лијену чоху и кадифу* «серебро и золото, красивую ткань и бархат» (песня *Старина Новак и кнез Богосав*); *прстен, какога још у своме вијеку није виђела, тако је био лијеп* «кольцо, какого в жизни не видела, такое оно было красивое» (сказка *Царичина снаха овца*).

плаче слијеп што није лијеп, већ што не види бијели свијет «слепой плачет не потому, что некрасивый, а потому, что не видит белого света» (Вукове народне пословице 1996, 214); *с поља лијеп, а унутра слијеп* «снаружи красивый, а внутри слепой» (Вукове народне пословице 1996, 294); красота противопоставляется уму, мудрости: *залуд је лијена брада кад је слаба глава* «зачем человеку красивая борода, если у него слабая голова» (Вукове пословице 1996, 94), *и пањ је лијеп обучен и накићен* «и пенёк красив, если его нарядить и украсить» (ср. русск. *наряди пня и пенёк хорош будет*) (Вукове пословице 1996, 114); доброты: *и змија је лијена али зла* «и змея красивая, но злая» (Вукове пословице 1996, 110); *калина је лијена гледати али зла зобати* «калина красиво выглядит, но злая на вкус» (Вукове пословице 1996, 137); красота подразумевает дороговизну, которая оценивается негативно: *ако није лијено, није ни скупо* «если не красиво, значит и не дорого» (Вукове пословице 1996, 20); красота лишает человека имущества: *ко има лијену кућу и лијену жену није господар од ње* «у кого есть красивый дом и красивая жена – тот им не хозяин» (Вукове пословице 1996, 148); ненадежность: *кад је лијено вријеме јапунце понеси, а на зломе чини шта ти драго* «в хорошую погоду возьми с собой плащ, а в плохую – делай, что хочешь» (Вукове пословице 1996, 128); источник зла: *на лијенога дим иде* «на красивого дым идет» (Вукове пословице 1996, 195); не является ценностью: *свако лице с носом лијено* «любое лицо с носом – красиво» (Вукове пословице 1996, 281). Ср. также выражение *лијене ријечи* ‘пустые обещания’: *вазда је пун лијенијех ријечи, а онда о(д) тега не буде ништа!* «он говорит много красивых слов, но ничего не делает» (Бојанић, Тривунац). В эпическом фольклоре встречается мотив «красивая девушка приносит зло» (песня *Милан-бег и Драгутин-бег*, в которой герой по просьбе невесты убивает брата).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что более древним семантическим компонентом лексемы *леп* является общая положительная оценка на основании визуального впечатления, а не оценка эстетическая. Обозначая положительное впечатление, производимое на органы чувств, лексема *леп* образует оппозицию со словом *добар*, выражающим сущностную оценку предмета. Сербские фольклорные тексты подтверждают поздний характер формирования категории красоты в сербской народной культуре.

§ 5. Лексические способы выражения значения ‘праздник’ в сербскохорватских говорах

В данном параграфе рассматривается семантика и география сербскохорватских обозначений праздничного дня **svętkъ*, **svęтьсь*, **porzđnikъ*, **bolgъ dънь* и их дериватов.

Славянские обозначения праздника как особого, почитаемого или нерабочего дня относятся, в основном, к трем гнездам **svęt-*, **porzd-* и **bolg-* (**svęto*, **svęta*, **svętkъ*, **svęтьсь*, **svęть dънь*, **porzđnikъ*, **bolgъ dънь*). Сербскохорватские лексемы с этим значением, насколько можно судить по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 2015) и диалектным словарям, отличаются особым разнообразием, среди них есть не только дериваты перечисленных корней, но и другие образования: *svetak*, *svetac*, *praznik*, *blagdan*, *fešta*, *свечаник*, *добар дан* и др.

Лексемы со значением ‘праздник’, мотивированные корнем **svęt-*, в различной форме и с разной степенью частотности встречаются во всех славянских языках, кроме болгарского (укр. *свято*, бел. *свята*, польск. *święto*, *świętek*, чеш. *svátek*, словацк. *sviatok*, в.-луж. *swjaty dzeń*, словен. диал. *svetek*, с.-х. *svetac*, *svetak*, макед. *сведен*, русск. диал. *святки*, но также и литер. *Святки* в другом значении). В сербских и хорватских говорах представлены две лексемы, мотивированные прилагательным **svęть*: **svętkъ* и **svęтьсь*. Название **svętkъ* повсеместно фиксируется в чешских и словацких и некоторых словенских говорах (ОЛА 2015), присутствует оно и в польских говорах (Karłowicz 5, 363). На сербскохорватской территории этот архаизм сохранили кайкавские и чакавские говоры (*svetak*, *svetek*) и южно- и центральносербские (пп. Тучеп, Србовац, Дренча, Велика Крушевица, Ораховац) (*светак*): хорв. *raditi svetkom i petkom* «работать без выходных», с.-х. *у нас се тај светак не светкује* «у нас этот праздник не празднуется» (Елезовић), *нит се зна петак ни светак* «не знают ни пятниц, ни праздников» (Елезовић), *нико од нас не ради светкем* «у нас никто по праздникам не работает»; *нете жене ни леб да умесе кад је светак* «женщины даже хлеб не пекут по праздникам» (Букумирић 2012, 547). Лексическая близость хорватских кайкавских и чакавских говоров к чешско-словацким – характерное явление, как и продолжение подобных изоглосс

на востоке южнославянского ареала. Подобные изоглоссы опоясывают штокавскую территорию (ср. *gnoj* ‘навоз’, *pravje, pravi* ‘рассказывает’, **pletji-, *pletja* ‘спина’ и др.), на которой, в отличие от периферии, обычно развиваются инновации. В данном случае такой инновационной метонимией в штокавских говорах стало использование для наименования праздника лексемы *светац*, исходно ‘святой, прославленный Церковью в лике святых’ с переносом обозначения на календарный праздник, день, когда празднуется память святого (Карацић), и на церковный праздник вообще (Далмација 2004, 272), ср. зет.-сен. *Божју угодник* ‘праздник’ (ОЛА 2015), вост.-герц. *данас је светац* «сегодня праздник» (Карацић), *данас је светац, зашто радиш у шакама* «сегодня праздник, почему ты работаешь» (Далмација 2004, 272), хорв. *Božić je veliki svetac* «Рождество – это большой праздник», зет.-сен. *уватила сам два свеца да одем у Морачу и да се вратим* «воспользовалась двумя выходными днями, чтобы сходить в Морачу и вернуться» (Станић). Эта метонимия основана на отождествлении святых с днями их памяти, а также на олицетворении праздников, не связанных с памятью святых (Толстая 2010, 185–191).

Хотя слово *светак* не характерно для большинства штокавских говоров, в них представлены его дериваты. Это лексемы *светковати* ‘праздновать’ (ср. *у нас се тај светак не светкује* «у нас этот день не празднуется», *светкујете ли тај дан* «празднуете ли этот день» (Елезовић), *овођен се више не светкује никакав светац* «здесь больше не празднуют ни один праздник» (Ћупић 1997, 432)), *светковина* ‘праздненство, торжество, *das Feiern*’, ‘праздник’, *свечан* ‘праздничный, торжественный’ (*и радним и свечаним даном* ‘и по рабочим, и по праздничным дням’), *свечаник* ‘праздник, *der Feiertag*’, *свечаница* ‘*der Kalender*’, *свечар* ‘тот, кто сегодня празднует славу, день своего святого-покровителя’ (Карацић; РСЈ), *свечарство* ‘праздник славы’, *свечарити* ‘праздновать (славу)’ (РСЈ). Слова *свечан* и *светковина* являются важным средством выражения семантики праздника в литературном сербском и хорватском языке (лексема *светковина* в литературном языке секуляризовалась и обозначает любое торжество). Из дериватов корня **svęt-* в южносербских говорах еще присутствует лексема *светога* ‘праздник славы’ и *светогар* ‘тот, кто празднует славу’ (Чемерикић).

Название нерабочего дня на базе гнезда **porzd-*, по всей видимости, является южнославянским диалектизмом. Слово **porzdьnikъ* повсеместно распространено на болгарской территории и практически повсеместно употребляется в македонских и словенских говорах (за исключением нескольких пунктов) (ОЛА 2015). На территории Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины эта лексема встречается наряду с образованиями от **svet-*, но на территории Хорватии продолжения **porzdьnikъ* в ОЛА не зафиксированы. Южнославянская лексема *празник* также представлена в русских, украинских говорах и некоторых восточных и центральных белорусских пунктах ОЛА, а также в польских говорах (Karłowicz 4, 344).

Распространенное в штокавских говорах слово *празник*, мотивированное прилагательным *празан* ‘пустой’, буквально обозначает нерабочий, «не заполненный трудом» день. Ср. вост.-серб. *Празна недела* ‘неделя после Пасхи’ (Динић 2008, 638) и литер. серб. *празан* ‘праздный’ (*многе дангубице и нераднице дошле на трг од дуга празна времена* «много праздношатающихся и лентяев собралось на площади, чтобы скоротать время» (РСЈ)), ср. польск. *dzień próżny* ‘Крещение’. Близкую мотивацию имеет словен. диал. обозначение праздника от формы **ne dēlati: ndiū, nedīaū* (**nedēľ*) (ср. общеслав. **nedēľ’a* ‘нерабочий день’) (ОЛА 2015). Такие обозначения праздника соотносятся с названиями обычных, рабочих дней, мотивированных семантикой труда: призрен.-тимок. *делник* ‘рабочий день’ (Митровић 1984, 69; РСЈ), *делнични дан* (Митровић 1984, 69), *тежатник* ‘рабочий день’ (Динић 2008, 807), и входят с ними в антонимические отношения: *од делнице прави празнице, сал да не работа* «рабочие дни превращает в праздник, лишь бы не работать» (Чемерикић), *дъньс не празник дъньс тежатник* «сегодня не праздник, а рабочий день» (Динић 2008, 807), *у Подриму је сѣге винобере, у работу су да ги се не зна ни делник ни добр дън* «в Подрима сейчас сбор винограда, столько работы, что не различают рабочих дней и праздников» (Чемерикић), *дъньс се празњуе затој што е празник, а јутре се работи ел е тъг тежатник* «сегодня не работаем, потому что праздник, а завтра работаем, потому что рабочий день» (Динић 2008, 638). (В восточнославянских говорах заимствованная из церковнославянского лексема *празник*, напротив, могла приобретать возвышенную семантику большого праздника, ср. укр. *празник* ‘престольный праздник, религиозный праздник, большой праздник (Рождество, Пасха)’ (ОЛА 2015), в

отличие от *свято, свето*). Сербский диал. глагол *празновати* выражает значение «не работать в церковный праздник», точнее, «соблюдать запрет на работу в церковный праздник», и может не указывать ни на какие-то обрядовые действия или торжественные церемонии (ср. *сад се не празнује сваки светац* «сейчас по некоторым праздникам работают» (Елезовић)). В этом заключается одна из особенностей народного восприятия праздника, которое можно выразить как «особый день в календаре, в который запрещено работать или производить некоторые виды работ под страхом наказания». Праздник вызывает у народа страх, ср. номинацию праздника *страшник* (ОЛА 2015, черногорский пункт Требалево), об эпитетах праздников типа *страшный* см. (Толстая 2010, 168–169, 187).

Запрет на работу в праздник и представления о наказании, постигающем работника, широко отражен в сербских народных поверьях, фольклоре и языковых формах. *О празницима не радимо ништа, нит месимо тога дана, већ што гледамо стоку* «по праздникам мы не работаем, даже хлеб не печем, только за скотиной смотрим» (Букумирић 2012, 470). Нарушение запрета на работу в праздник в южных сербских говорах получило обозначение с помощью корня *грех-*: *греховати* ‘работать в праздник’ (RJAZU 3, 432): *овај је светац у великом поштовању [...] неће нико [...] на његов дан греовати (радити)* «этот святой очень уважаем, никто не захочет в его день “грешить” (работать)» (Елезовић); *греувати* ‘работать, но только по небольшим, незначительным праздникам’: *остај работу, на дѣньшнѣ дѣн ли т си нашла да греујеш* «бросай работу, нашла день, когда работать»; *мицак је празник ће опрости Бог ако греујемо дѣньс* «маленький праздник, Бог простит, если будем сегодня работать»; *дѣньс је Павловдан, греује се* «сегодня Павлов день, можно работать»; *тој њојно греување и у дѣнове кѣд не се греуе, да Бог да да искочи на добро* «то, что она работает в те дни, когда работать не положено, добром не закончится» (Чемерикић). Как видно из приведенных текстов, действие запрета на работу в праздник зависит от отношения традиции к тому или иному дню: в более почитаемые дни работы запрещаются, в менее почитаемые запрещаются частично или не запрещаются вовсе, кроме того, действие запрета может ослабляться в зависимости от ситуации, а также по мере утраты традиции (*Сад се не празнује сваки светац* «сейчас не празднуют каждого святого» (Елезовић)). По верованиям эгейских македонцев, «если праздник легкий, то работать не грех. А есть праздники

важные (тяжелые), когда работать запрещено» (Пеев 1999, 288). «Девушкам на выданье, а особенно уже просватанным, разрешается *греховати* и в праздники больше, чем принято, чтобы они вовремя подготовили приданое и подарки» (Чемерикић).

Как и в других славянских традициях, градация праздников по степени важности и силе запрета на работу в сербском языке может выражаться лексически: *празничкаво* ‘наполовину праздничный день’, *дњњс празничкаво, па се не работи у руће* «сегодня небольшой праздник, можно работать руками» (Динић 2008, 638), ср. бел. *svjatce* ‘малый, родовой праздник’ (ОЛА 2015).

От действия, выражаемого у сербов глаголом *празновати*, имеющего мало общего с современным представлением о праздновании, нужно отличать иную форму празднования – действие, обозначаемое глаголом *славити*. Этот глагол в народном языке обозначает празднование *славы* – праздника святого, являющегося покровителем семьи. Этот праздник, в отличие от *празника*, является семейным торжеством и подразумевает целый ряд церемоний (освещение и преломление славского хлеба, возжение в доме славской свечи, званый обед и др.). В литературном сербском и хорватском языке этот глагол стал употребляться для обозначения любых торжеств, то есть празднования в современном смысле слова (ср. с.-х. *славити Нову годину*, *славити рођендан* ‘праздновать Новый год, день рождения’). В народном же языке до сих пор сохраняется оппозиция *славити Ђурђевдан* ‘славить Юрьев день’ и *празновати Ђурђевдан* ‘не работать в Юрьев день’.

Преимущественно в чакавских, призренско-тимокских говорах (и в македонских), а также в отдельных зетско-сеницких, кайкавских и хорватских штокавских говорах (ОЛА 2015) для обозначения праздника используется лексема *blagdan* или словосочетание *благ (у) дан*. Ср. данные словарей: *blajdan* ‘церковный праздник’ (Šimunović 2009, 116), *благ дан* ‘слава’, ‘большой праздник’ (Карацић), *благ дан* (Томић 1989, 14), *благдан* (Peić, Ваčlija; РСГВ 1, 123), *благден* ‘праздник, нерабочий день’: *одавно смо ели пшеничан леб на благден* «давно мы ели на праздник пшеничный хлеб» (Динић 2008, 32), ср. макед. *благ (голем) ден* ‘праздник’ (Пеев 1999, 139). Это образование соотносится с македонской и лужицкой номинацией *сведен* (ДРМ) и *swjaty dzeń* (букв. «святой день» (ОЛА

2015)), а также с призр.-тимок. *добр дѣн* ‘праздник’ (‘*благдан, свечани дан*’, значение, противоположное слову *делник*) (Чемерикић). На фоне этих обозначений у слова (корня) *благ* в номинациях праздника на синхронном уровне можно усматривать как значение общей положительной оценки («хороший день»), так и сакральное значение («священный день»). Первое значение широко распространено в сербскохорватских говорах: *благ* ‘хороший’ (о земле, корнях, поступке, удаче, судьбе, времени), ‘блаженный, счастливый’, *благо* ‘все хорошее’, ‘все ценное в прямом и переносном смысле’ (RJAZU 1, 396), *благовати* ‘наслаждаться’ (РСГВ 1, 124) и др. Сакрально-религиозное употребление производных корня *благ-* восходит к старославянской книжности, но также встречается в народных говорах: *Блага Марија, Благы Бог; сачувај ми ђецу благи Боже* «сохрани моих детей, благословенный Боже» (Станић). В современной Хорватии словом *blagdan* обозначаются только церковные праздники (государственные праздники обозначает лексема *praznik*), что может свидетельствовать в пользу сакральной семантики корня *blag-* в этом образовании. Однако в юго-восточной Сербии словом *благдан*, как кажется, обозначают праздник вообще, при этом данное обозначение коррелирует с призренско-тимокскими названиями непостных дней: *благдан* ‘день, когда не постятся’: *леба ти треба и за пос и за благдан* «хлеб тебе нужен и на пост, и на скоромный день» (Марковић 1986, 269), *ако је сахрана била у постан дан, а четересница у благдан, кољу брава* «если похороны были в постный день, а сорок дней в скоромный день, то закалывают свинью» (Ђорђевић 1958, 511), *блага среда* и *благы петак* ‘среда и пятница, в которые нет поста’ (Марковић 1986; Јовановић 2004, 347), *блажан дан* ‘непостный день’ (Јовановић 2004, 348) – и, шире, обозначениями скоромной пищи (юго-восточносербско-македонско-болгарская изоглосса), ср. *блажити* (Карацић) (с пометкой – «внизу за Моравой») ‘есть жирную пищу, скоромное’, *блажан* ‘жирный, скоромный’: *да л они данас готве блажно ел посно* ‘они сегодня готовят скоромное или постное’ (Марковић 1986, 270), *благота* ‘молочные продукты’ (Елезовић; Златановић).

Исходя из сакральной семантики предположительных и.-е. соответствий корня **bolg-* (авест. *bərəχda* ‘желанный, дорогой, ценный’, *bərəjayeti* ‘приветствует, воздаст почести’, *bərəg-* ‘ритуал, обычай’, др.-инд. *bṛhas-pátih* ‘господин молитвы’) (ЭССЯ 2, 174) можно предположить архаическую природу наименования **bolgъ*

dьнь ‘праздник’, аналога номинации **svęť dьнь*. Об архаичности этого наименования свидетельствует и ареал его распространения, так называемый южнославянский латеральный пояс, для которого обычно свойственны лексические архаизмы.

Раздел III

Лексические синонимы типологического происхождения

§1. Глаголы с семантикой понимания

В большинстве современных славянских литературных языков основным средством выражения семантики понимания являются продолжения псл. слова **orzuměti*, производного от **umь* (Черных 1994, 290; Skok 3, 544). Этот глагол до сих пор в большей или меньшей степени известен всем славянским языкам, отсутствует он только в литературном македонском: русск. *разуметь, разумеать*, укр. *розуміти*, бел. *разумець*, польск. *rozumieć*, с.-луж. *rozumieć*, чеш. *rozumět*, словацк. *rozumieť*, словен. *razumeti*, с.-х. *razumeti*, болг. *разумявам*. Наиболее широкая сфера употребления данного глагола из всех славянских языков отмечается в польском, украинском и белорусском языках, а также в словенском и серболужицком. В украинском и белорусском языках набор значений и круг контекстов этих глаголов близок к русскому глаголу *понимать* и даже включает значение чувственного познания, которое отсутствует у продолжений глагола **orzuměti* в других языках, в частности польском. Ср. русск.: *Он сразу понял, что было источником аромата, который он учуял на расстоянии. И тот час же понял, что хочется есть*; бел.: *Ён адразу зразумеў, што было крыніцай паху, які ён адчуў на адлегласці. І ў той же момант зразумеў, што хоча есці*; укр.: *Він відразу зрозумів, що було джерелом аромату, який він відчув на відстані. І в ту ж хвилину зрозумів, що хоче їсти*; польск. *Ja od razu zorientowałem się* (букв. 'сориентировался') *co było źródłem zapachu, który wyczulem na odległości. W tym momencie poczułem* (букв. 'почувствовал'), *że chce się jeść* (русские тексты заимствованы из работы (Иомдин 2006)).

В прочих славянских языках в период с XIV по XVIII в. глагол **orzuměti* был вытеснен на периферию поля лексемами с исходным значением действия рукой – 'разобрать', 'взять', 'схватить'²⁷: болг. *разбирам*, макед. *разбира, сфаќа*, русск. *понимать*, чеш. *chápat*, словацк. *chápat*, с.-х. *sxvatatu/shvaćati*. Наиболее радикально этот процесс прошел в болгарском, македонском и русском литературных языках, в которых лексема **orzuměti* очень редка или вообще не

²⁷ Метафора 'взять' – 'понять' и 'схватить' – 'понять' представлена также в разных европейских языках (англ. *to take* 'брать', *to catch* 'ловить', нем. *begreifen* 'ловить', *fassen* 'хватать', венг. *felfogni* 'хватать', франц. *comprendre* 'содержать', греч. *καταλαμβάνω* 'хватать', лат. *concipio* 'собирать, принимать').

представлена, и менее радикально в чешском, словацком, хорватском и сербском языках, где сформировалась синонимическая пара «разуметь» – «схватить». Заметим, что болгаро-македонская метафора «разбирать» и метафора «брать, хватать», развившаяся у других славян, семантически принципиально различны. Об этом свидетельствует македонский язык, в котором глагол *разбира* употребляется примерно в тех же случаях, что и сербский *разумети*, и так же, как сербский *разумети*, противопоставлен глаголу хватания *сфака*. Метафоры типа «схватить» – «понять» известны и другим славянским языкам, однако в них они носят периферийный характер и не оказывают существенного влияния на употребление основного глагола понимания **orzuměti* (ср. статус русск. лексем *схватывать* (*на лету*) или *улавливать* по сравнению с ядерной лексемой *понять*).

Наша цель – показать, что развитие семантики понимания у глаголов хватания в разных славянских языках шло сходным путем. Отражением этой общности является очень близкое распределение значений между синонимами «разуметь» и «схватить» в современном чешском, словацком, сербском, хорватском языках и в русском литературном языке XVIII в., а также сходные пути развития ментального значения у глаголов хватания в разных славянских языках. Источником для исследования послужили словари, корпуса и данные поисковых сайтов чешского, словацкого, хорватского, сербского и русского языков, а также анкетирование их носителей.

Вначале мы рассмотрим, какая область значений осталась за глаголом **orzuměti*, а какая закрепилась за глаголами хватания в сербскохорватском, словацком, чешском²⁸ языках (1), далее сопоставим эти данные с данными русских текстов XVIII – начала XIX в. (2) и выскажем предположения о причинах формирования семантики понимания у глаголов слав. гнезда **jěti* (3).

1. В центральных славянских языках ядром значения глагола **orzuměti* является языковое понимание, то есть распознавание языковых знаков. К этой группе значений относится, во-первых, общая языковая компетенция типа русск. *я понимаю по-английски*: серб. *разумем енглески*, словацк. *rozumiem po anglicky*. Тожественным образом указывается на компетенцию в разных областях знания, которые в данном случае трактуются как знаковые системы, которыми можно

²⁸ Чешский материал был использован в меньшей степени. Главным образом, исследование выполнено на материале сербскохорватского и словацкого языков.

владеть или не владеть: словацк. *rozumieť fyzike*, серб. *разумем физику* «я разбираюсь в физике».

Помимо языковой способности, типичным значением данного глагола является понимание речи. Человек, не разбирающий слов по причине быстроты речи собеседника, скажет: словацк. *Prepáčte, nerozumiem. Hovorte pomalšie, prosím*; серб. *Извините, не разумем вас, говорите полако* «Простите, я не понимаю. Говорите, пожалуйста, медленнее». Глагол «хватать» ни в значении языковой способности, ни акустического восприятия речи не употребляется.

К характерным объектам глагола **orzuměti* принадлежат единицы языка и прочие символические знаки (слова, предложения, фразы, жесты) и тексты. Слово как простой языковой знак употребляется только с глаголом **orzuměti*. Более сложные языковые объекты, содержание которых может не вытекать из смысла составляющих его слов (предложение, фраза, текст), в чешском, словацком и сербскохорватском в принципе могут сочетаться с глаголом «хватать», хотя предпочитают глагол **orzuměti*: чеш. *Tu větu nechápu / Té větě nerozumím* «Я не понимаю этого предложения». *Nerozumím tomu textu / Nechápu ten text* «Я не понимаю этого текста», словацк. *Nerozumel som tomuto textu / Nepochopil som tento text* «Я не понял этого текста», серб. *Нисам разумео/схватио ову реченицу* «Я не понял этого предложения». То же касается жестов, в силу нежесткой связи в них означающего и означаемого: серб. *Нисам разумео/схватио његов гест* «Я не понял его жеста».

Употребление глагола **orzuměti* в данных контекстах указывает на то, что субъект не понимает, что означает языковая форма, а употребление глагола «хватать», – что он не может проникнуть в смысл текста, который для него остается неясным, несмотря на абсолютное понимание языковой оболочки. Так, словацкое предложение *Kedže som tak trochu Poliak, rozumel som tým textom* «Будучи отчасти поляком, я понимал эти тексты» описывает ситуацию языкового понимания: человек – поляк, поэтому понимает по-польски. При замене же *rozumet'* на *chápat'*: *Kedže som tak trochu Poliak, chápal som tieto texty* предложение будет описывать культурную ситуацию: человек – поляк, поэтому он хорошо понимает смысл сказанного, его актуальность, важность, подтекст (сам текст, при этом, может быть, скажем, на французском). Эта же особенность отражена в словацком

предложении: *Rozumel som tomu, čo ľudia hovorili, rozumel som tomu, čo som videl, ale nechápal som zmysel* «Я понимал, что говорили люди, понимал, что происходило вокруг, но не улавливал смысл всего этого».

Наряду со значениями ‘знать язык’ и ‘понимать речь/текст’ к кругу типичных значений глагола **orzuměti*, не свойственных его синонимам, относится значение ‘подразумевать’, т.е. наделять языковой знак значением, как правило, неизвестным собеседнику. Словацк. *Čo rozumiete pod týmto termínom?*, серб. *Šta razumete pod ovim terminom?* – «Что вы понимаете под этим термином?». Если перефразировать данные предложения, используя глагол «хватать», то смысл изменится от трактовки языкового знака к трактовке понятия, за ним стоящего. Словацк. *Ako chápete tento termín?*, серб. *Kako схватате taj термин?* – «Как вы понимаете этот термин?». Значение ‘считать, что X есть Y’ свойственно глаголу «хватать» во всех исследуемых языках. Словацк. *V staroveku Herodotos chápal históriu ako zisťovanie znalostí* «В древности Геродот понимал историю как установление фактов», серб. *Сада посао схватам као забавни део живота* «Теперь я отношусь к работе как к развлечению». Глагол **orzuměti* этого значения не имеет и не употребляется в конструкциях типа «понимать X как Y» или «понимать X так или иначе».

В противопоставлении синонимов в значениях ‘понимать текст’, ‘подразумевать’ и ‘трактовать’ обнаруживаются принципиальные различия в семантике глаголов. **Orzuměti* описывает восприятие знака, установление связи между формой и содержанием на основании языковой компетенции. «Хватать» ориентирован на смысл, в который человек проникает на основании экстралингвистической компетенции. С оппозицией ‘понять форму’ – ‘понять смысл’ связано противопоставление более простого и более сложного понимания, тем самым более общего, объективного и более индивидуального, субъективного. Это противопоставление очень похоже на оппозицию русских понятий *значение* и *смысл*, за которыми стоит два типа содержания, выделенных И.М. Кобозевой: «информация, связываемая с X-ом конвенционально, т.е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации» и «информация, связываемая с X-ом в сознании Y-а в период времени T, когда Y

производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации» (Кобозева 2000, 13).

Примечательно, что именно глагол «схватить» может употребляться без объекта как обозначение способности человека хорошо соображать, быстро схватывать: хорв. *Lasno shvaća* «легко схватывает», словацк. диал. *Tot chlapec skoro chápe* «этот парень хорошо соображает», *Má visoké čeuo bude dobre chápat* «У него большой лоб, он будет сообразительным» (SSN 1994, 653). Глагол же **orzuměti* указывает на норму, стандарт, а не на индивидуальный дар человека. Сербское предложение *Он све разуме* «Он все понимает» описывает общечеловеческую способность, отсутствие которой означало бы, что человек болен.

Идея постижения смысла открыла для глагола «схватить» широкие возможности употребления в значении ‘понять факт, ситуацию’. В современных языках это значение является ядерным для «схватить», в нем он употребляется наиболее широко, почти полностью вытеснив глагол **orzuměti*.

В чешском и словацком **orzuměti* в данном значении встречается очень редко, причем его употребление носит всегда факультативный характер и обычно менее предпочтительно, чем употребление *chápat/chápat’*. Употребление *rozumět/rozumiet’* в данных контекстах по сравнению с *chápat/ chápat’* не несет никакой особой смысловой нагрузки и является лишь особенностью предпочтений говорящего. Ср. словацк. *Je to ideologická vražda [...] ktorá má zastrašiť spoločnosť, aby každý rozumel/ chápal, že stať sa to môže hocikomu, hocikedy* «Это идеологическое убийство [...], которое должно заставить общество понять, что это может случиться с кем угодно и когда угодно». В сербском и хорватском **orzuměti* в данной позиции также в большинстве случаев заменим на *схватити*: *Схватам/разумем да је то неизбежно* «Я понимаю, что это неизбежно». Об исключениях скажем ниже.

Постараемся ответить на вопрос, когда в данном значении возможно употребление **orzuměti*.

Глагол **orzuměti* сочетается с простыми информационными объектами, смысл которых очевиден. Это обычно некий непреложный факт, который, «сам собой разумеется» и может быть познан путем логического рассуждения, дедуктивно, на основании предшествующего знания, по принципу «если А, то Б». Употребление говорящим глагола **orzuměti* означает, что, по его мнению, любой

человек сделает такой вывод: словацк. *Ako bývalá novinárka plne rozumiem/chápet, akú dôležitú úlohu hrajú médiá v demokratickom živote* «Как опытная журналистка я понимаю, какую важную роль играют СМИ в демократическом обществе», серб. *Разумем да се од пензије не може живети* «Я понимаю, что на пенсию прожить нельзя».

В сербском и хорватском языках общеизвестные истины житейского и научного характера, а также нравственные нормы предпочитают глагол *razumeti*: серб. *Разумем да треба штедети струју* «Я понимаю, что необходимо экономить электричество», *Разумем да се деца морају старати о болесним родитељима* «Я понимаю, что дети должны заботиться о больных родителях». Фактически, при объектах такого рода глагол **orzuměti* указывает не на понимание, а на объективное знание факта, над которым человек не размышляет, а просто принимает как данность той культуры, к которой он принадлежит. В чешском и словацком языках, однако, в данном случае возможны оба глагола, причем *chápat'* предпочтителен (так же как и с другими объектами-фактами): словацк. *Ja chápet že treba šetrit' elektrinou* «Я понимаю, что нужно экономить электричество».

Употребление *схватати* в сербском языке с очевидными фактами типа *схватам да се треба старати о родитељима* указывает на понимание не как на автоматическое знание, а как на осмысленную личную позицию говорящего, достояние его опыта и внутренней жизни. Тем более это касается результативного значения: *Схватила сам да треба штедети струју* (здесь понимание – результат опыта: что-то случилось и человек понял, что нужно экономить электричество). Подобный вид понимания в других славянских языках, в которых отсутствует ментальный глагол «хватать», обычно выражается дериватами глаголов с семантикой ‘знать’: русск. *осознать*, словен. *spoznati*, польск. *poznać, uświadomić sobie*, укр. *усвідомити*, бел. *усвядоміць*. Они указывают на понимание ситуации, которая лично касается человека, а само понимание представляют как внутреннюю рефлексию. Ср. русск. *Я постепенно осознаю, что утратил лучшего друга. Трудно осознать истину*. Интересно, что в чешском и словацком подобные глаголы (*spoznati, uvedomovat' si*) гораздо менее частотны, периферийны, говорящий легко без них обходится, пользуясь глаголами хватания.

В каких случаях возможно употребление только глагола «схватить» и недопустимо употребление глагола **orzuměti*? Понимание факта или ситуации, обозначаемое глаголом с семантикой хватания, носит опытный характер, это вывод, сделанный на основании наблюдений – внешних признаков, которые человек по своему интерпретирует: словацк. *Už počas prvého mesiaca služby som pochopil, že som sa dostal do cudzej armády*; серб. *Beћ prvog meseca službe схватио сам да сам се нашао у некој туђој војсци* «Уже в течение первого месяца службы я понял, что попал в какую-то чужую армию»; словацк. *Pochopila som že život nie je jednoduchý*; серб. *Схватила сам да живот није једноставан* «Я поняла, что жизнь – сложная штука».

Объект глагола «схватить» обычно сложен, не тривиален и отнюдь не очевиден, его понимание требует от человека определенных душевных и ментальных способностей и усилий: словацк. *Ešte nikdy sa jej nepodarilo pochopiť tie rýchle a náhle zmeny v sestrinom správaní* «Ей еще ни разу не удалось понять быстрые и внезапные перемены в поведении сестры». Использование «схватить» обычно описывает понимание в динамике как творческий акт, догадку, прозрение, как результат работы, проделанной сознанием, или как озарение свыше. Примечательно, что в.-луж. глагол *zapřimnyć* ‘схватить, понять’ употребляется в близком круге контекстов: *...słowa a sady, kotrychž zmysł njemóžeš wšak tak bjeze wšeho z rozumom zapřimnyć* «...слова и фразы, смысл которых, однако, не удастся так запросто уловить»; *Jenička móžnosć, tutu temu lěpje zapřimnyć, je přeslědženje klósterskich chronikow* «Единственная возможность лучше понять эту тему – это изучение монастырских хроник»; *jako by njemohl zapřimnyć, rozmachuje z rukomaj* «в недоумении разводит руками»²⁹.

Только глаголы хватания способны выражать интуитивное и чувственное понимание факта, которое достигается не столько работой мышления, сколько действием иных инструментов познания и носит спонтанный и необъяснимый характер: серб. *Колико пута треба да [...] покрај мене прођеш с њим па да схватим [...] како ти ништа не значим* «Сколько раз тебе нужно [...] пройти с ним мимо меня, чтобы я понял, [...] что я для тебя ничего не значу»; словацк. *Jedneho dna zapocul zvon zo svatyne a nahle sa mu myseľ otvorila. Vtedy pochopil...* «Однажды он

²⁹ Автор выражает благодарность С.С. Скорvidу за предоставление данных примеров.

услышал звон из храма, и вдруг его озарило. Внезапно он понял...». Ср. несколько русских примеров употребления глагола *понимать* в значении чувственного (зрительного, слухового, вкусового) восприятия, которые в переводе на сербский и словацкий допускают только эквивалент «схватить»: *Он сразу понял, что было источником аромата, который он учуял на расстоянии*, серб. *Одмах је схватио где је био извор мириса коју је осетио на растојању*, словацк. *Hned' pochopil, čo bolo zdrojom vône, ktorú zacítil z diaľky*; *И тот час же понял, что хочется есть*, серб. *И истог тренутка је схватио да је гладан*, словацк. *A vtom pochopil, že sa mu chce jesť*.

Глаголы «схватить» и **orzuměti* в значении понимания факта различаются еще одним признаком. Названиями фактов и ситуаций глагол **orzuměti* управляет только в имперфективной форме и, как правило, в актуальном значении, поэтому понимание ситуации в нем представлено как состояние, а не как действие. Употребление данного глагола с результативной семантикой, то есть в форме совершенного вида прошедшего времени, в сочетании с обозначениями фактов или ситуаций обычно указывает на понимание как результат объяснения, то есть на понимание речевого акта. Русское предложение *Понял я: больше песен не петь*, описывающее вывод на основании различных наблюдений, нормально переводится на сербский как *Схватио сам да не смем више да певам*. Употребление в этом контексте лексики *разумети* меняет смысл ситуации на ‘понять с чьих-то слов, понять приказ, то есть я понял, когда мне сказали больше не петь’: *Разумео сам да не смем више да певам*.

Глагол «схватить» указывает на понимание в динамике. С названиями фактов он обычно употребляется в перфективной форме с результативным значением. В отличие от **orzuměti*, «схватить» может употребляться в форме настоящего исторического и сочетаться с лексическими показателями скорости (‘быстро’, ‘внезапно’, ‘вдруг’). Ср. серб. *Убрзо схватам што иначе не могу органски да га поднесем* «Я быстро понял, что он мне неприятен». Примечательно, что глаголы хватания вошли в сферу понимания именно с результативным значением: первыми в новом значении стали употребляться формы совершенного вида прошедшего времени. Согласно Чешскому национальному корпусу, глагол *pochopiti* в значении ‘понимать’ употреблялся еще в XIV в., тогда как имперфективный *chápat(i)* (*chápal*) впервые встречается в текстах второй половины XIX в. В современных языках

результативные употребления хватательных глаголов в сфере понимания также более частотны.

Наряду с языковой и ситуативной сферой, глаголы **orzuměti* и «схватить» употребляются в значении сочувствия другому человеку, типа русск. *я понимаю твою горе*. В чешском и словацком из сферы человеческого понимания, так же как из ситуативной сферы, **orzuměti* практически вытеснен глаголом «схватить»: чеш. *Chápu její žal* «Я понимаю ее горе», *Jsem moc stará na to, abych tu rozuměla/abych ho chápala* «Я слишком стара и не могу его понять»; словацк. *Nechápeť ľudí, ktorí svoj súkromný život predajú televízii* «Я не понимаю людей, которые свою частную жизнь продают телевидению». Единственное употребление, которое отсутствует у «схватить» в чешском и словацком, это взаимное понимание (‘понимать друг-друга’), обозначаемое только глаголом **orzuměti*: словацк. *Francúzsky prezident si očividne najlepšie rozumel so Schröderom a belgickým premiérom* «Французский президент, по всей видимости, лучше всего находит общий язык со Шредером и бельгийским премьером».

В сербском же и хорватском **orzuměti* обозначает такое понимание, которое является нравственной нормой и синонимично любви, уважению, сочувствию, а *схватити* обозначает не эмоционально-нравственную позицию, а глубокое, целостное осмысление, познание другого человека и его проявлений, проникновение в мотивы его поведения, своего рода философское восприятие другого, что не всегда доступно субъекту. Серб. предложение *Стара сам не могу да га разумем* «Я слишком стара, чтобы его понять» свидетельствует о нетерпимости субъекта к конкретным проявлениям человека и указывает на недостаток, вину субъекта, а *Стара сам не могу да схватим* – говорит о беде субъекта, («это не в моей власти, хотела бы, но не могу, принять мировоззрение молодых мешает разница поколений»).

2. Подобно описанным синонимическим парам, происходило распределение значений и в русской паре *разуметь* – *понять* в языке XVIII – первой половины XIX в.³⁰. В XVIII – начале XIX в., по данным НКРЯ, в русском языке значения ‘понимать язык / текст / говорящего человека’ и ‘подразумевать, иметь в виду’ выражались преимущественно глаголом *разуметь*: *Сии стихи коль славенского*

³⁰ Эта пара сформировалась примерно в то же время, что и *разуметь* – *схватить*, то есть в XVII–XVIII вв., подробнее см. об этом п. 3.

языка свойству противны, всяк видеть может, кто оной разумеет (НКРЯ, Ломоносов); Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может (НКРЯ, Новиков); У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою вовеки того разуметь не может (НКРЯ, Фонвизин); Священные законы, определяющие сие устройство, разумеет мы под именем законов фундаментальных (НКРЯ, Фонвизин). Благородные разумеются все те, кои или от предков благородных рождены (НКРЯ, Екатерина II). Значение ‘подразумевать, иметь в виду’ – единственное сохранившееся у глагола по сей день и не являющееся устаревшим (БАС 12, 533–534), ср. *Я разумею книжку о санскрите на английском языке, работы Иванова и Топорова* (НКРЯ, Даниэль).

Глагол *понимать* в сочетании *понимать язык* активно входит в употребление лишь во второй половине XIX в. Среди представленных в корпусе текстов, датированных XVIII – первой половиной XIX в., содержится всего около десятка примеров подобного употребления (первые – Карамзин, 1793; Нарезный, 1814; Погорельский, 1828). Примерно такую же статистику имеет и употребление *понимать что-то под чем-то* (первый пример – митрополит Филарет, 1825–1824).

В XVIII в. глагол *понимать* широко употреблялся в значении ‘осознавать положение дел’, причем часто со сложными, трудно постигаемыми объектами (ср. русск. *постичь, сделать вывод*). *Довольно понимал, что мои недоброжелатели сим способом делают меня у его высочества несчастливым* (НКРЯ, Шаховской); *И как благость Его излианна на все твари Его: то, когда еще и мысль оную совершенно не понимает, но сердце уже чувствует* (НКРЯ, арх. Платон). *Разуметь*, напротив, редко употреблялся в этом значении, причем указывал на понимание более очевидного факта, простого и доступного. *Он [...] не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами* (НКРЯ, Новиков); *Все видели и разумели, что сие предприятие супруги княжеской ни с умом, ни с рассуждением человеческим не согласовалось* (НКРЯ, Чулков). В языке Пушкина глагол *понимать* употреблялся уже в десять раз чаще, чем *разуметь* в том же значении (*она одна бы разумела стихи неясные мои*): соответственно 111 и 13 раз (Словарь языка Пушкина 3, 537, 958).

Трудно судить о стилистических различиях синонимов в этом значении. С осторожностью выскажем наблюдение, что употребление *разуметь* с ситуациями и фактами более характерно для писателей архаического славянизированного стиля (архиепископ Платон, Новиков). Во всех текстах Фонвизина, представленных в НКРЯ, присутствует только одно подобное употребление, но оно явно восходит к просторечию, а не к книжной традиции. *Матушка, он с тобою амуруется! Разумеешь ли ты хотя это?* (Бригадир). Вообще *разуметь* используется Фонвизиним лишь в выше перечисленных значениях: *разуметь* «слово, текст, субъекта речи; область знания, дело»; *разуметь* ‘иметь в виду’ (в том числе *что-то через что-то*); как вводное слово *разумеется*. Все прочие объекты управляются глаголом *понимать/понять*.

3. Как сформировалась семантика понимания в славянских гнездах со значением хватания – в силу контактных или внутриязыковых причин, с достоверностью установить весьма сложно. Глаголы **xapati* и **xvatati* вполне могли развить новое значение самостоятельно, стихийно (подобный семантический переход типичен, как отмечалось выше), но немецкое окружение (*begreifen, fassen*), безусловно, его поддерживало и стимулировало. В гнезде **ję-/ jьm-*, скорее, можно предположить, что новая семантика появилась как сознательная инновация, книжным путем, что и воспрепятствовало широкому распространению новых лексем (исключение, правда, составляет русский язык!). Изложим наши аргументы в защиту этой гипотезы.

В др.-русс. языке глагол *пояти* (*пояти*) (Срезневский 2, 1187, 1339–1340) обычно выражал значения ‘взять в собственность, получить’, ‘поймать, схватить’, ‘привести’, ‘затопить’. Значение понимания ему, по всей вероятности, свойственно не было. Хотя в некоторых контекстах лексикографы его и выделяют, но мнения относительно трактовки этих употреблений расходятся³¹. В изданиях русских памятников XI–XVII вв., снабженных словоуказателями, не удалось обнаружить случаев употребления глаголов *пояти/пояти/понимати/поимати* в значении понимания (Молдован 2000; Шестоднев 1998; Книга нарицаемая Козьма Индикоплов 1997; Зализняк 2004; «Пчела» 2008; Вести-куранты 1972; Вести-

³¹ Срезневский значение понимания усматривает в тексте *могущи пояти величество толикия брани* (XIV в.), однако в (Словарь русского языка XI–XVII вв. 17, 68) значение глагола в этом фрагменте толкуется как ‘справиться с чем-то’.

куранты 1976; Вести-куранты 1980; Грамотки 1969; Памятники южновеликорусского наречия 1993; Памятники деловой письменности 1984; Назиратель 1973). Правда, Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. у глагола *понимати* выделяет современное значение в тексте XIV в.: *ни аще иного ничтоже оного не понимающе. яко убожество и богатство. свобода же еже речем и работа* (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. 7, 171).

В картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.³² единственный пример употребления глаголов гнезда **je-* в значении ‘понимать’ обнаруживается в «Римских деяниях», переводе с польского языка 1688 г.: *и понял себе что чужеложник некоторой с его женою спит* (Словарь русского языка XI–XVII вв. 17, 68).

Последовательно употребляться глагол *поняти/пояти* ‘понять’ начинает в начале XVIII в., причем впервые он встречается в переводных сочинениях. Примеры: *Протчее [...] из преждеписанного возможно поняти* (Картотека древнерусского словаря, Кугорн 1702, 160)³³. *Да бы крепость сих наших манир толь лучше пояти возможно было* (Картотека древнерусского словаря, Кугорн 1702, 8). *Появши сие [устройство] нетрудно будет в практике сочинять* (Картотека древнерусского словаря, Вобан. 1724, 202)³⁴. *Слово Божие толь пространно, высоко же и глубоко, яко умом человеческим [...] поятися никакоже может* (Картотека древнерусского словаря, Систима, 1)³⁵. *Сладость разумения от знаменования сих характеров поемли* (Картотека древнерусского словаря, Систима, 58). *Словом реици нравов его никтоже пояти можаше кроме Бога* (Картотека древнерусского словаря, Систима, 8).

В широкое употребление глаголы *поняти/понимати* входят лишь во второй половине XVIII в. В текстах 1700–1730 гг., представленных в НКРЯ, объемом в 100 тыс. слов (документы, письма и сочинения Татищева), слова гнезда *поня-/понима-* не встречаются ни одного раза (глагол *разуметь* в разных формах

³² Автор выражает благодарность сотрудникам Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики Института русского языка РАН за предоставленную возможность использования картотеки и за помощь в сборе материала.

³³ Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте... господина барона фон Кугорна. М., 1702. (Перевод с нидерландского).

³⁴ Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана. СПб., 1724. (Перевод с французского).

³⁵ Книга систима, или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722. (Перевод с латыни).

встречается 30 раз). В текстах 1730–1750 гг. слова этого гнезда в современном значении встречаются трижды, в текстах Татищева. В 1750–1760 гг. – глагол *понять/понимать* представлен уже 70 раз – у архиепископа Платона (Левшина) и Ломоносова (правда, глагол *разуметь* в текстах этого периода более частотен, он встречается 259 раз).

«Немецкий лексикон» Вейсмanna (1731) глагол *verstehen* ‘понимать’ переводит только глаголом *разумети*: *я домашнего дела не разумею, ты не разумеешь моего намерения, изрядно что разумети, разумеется, он ничего по-гречески не разумеет* (Вейсманнов немецкий лексикон, 687), а глагол *begreifen* ‘схватить, понять’ – глаголами: *осязати, касатися рукою, вмещати* (в первом значении) и *умом понимати*³⁶, *постизати*: *ich kan das nicht begreifen – в ум мне не вмещается, не могу разумом поняти* (Вейсманнов немецкий лексикон, 73). Примечательно, что в этом словаре *понимати* употреблено в ментальном значении в сочетании с объектом *ум*: в то время *понимать* еще воспринималось как живая метафора «понимать ← охватывать, вмещать умом». «Новый лексикон на французском, немецком и латинском языках» Волчкова (1755–1764) использует новый глагол шире и без объектных уточнений: фр. *comprendre* здесь переводится как 1) *понять, уразуметь, fassen, begreifen* и 2) *содержать, обнять, осязать* (Новый лексикон, 501), *entendre* – *разуметь, понять* (Новый лексикон, 873), *concevoir* – 1) *зачать, принять плод* и 2) *умом понять, разуметь, fassen, begreifen* (Новый лексикон, 504).

Представляется неслучайным внезапное распространение глагола *пояти* в новом значении в петровское время, в эпоху формирования языка науки, взрыва переводческой деятельности и интенсивного влияния немецкого, французского и латинского языков на литературный язык в России (Биржакова 1972, 50–51). При этом характерно, что он распространялся в языке переводчиков и авторов, прекрасно владевших классическими и европейскими языками и сознательно относившихся к словоупотреблению³⁷. В слове *пояти* ‘понять’ можно предположить кальку с латинских или немецких, а возможно, и других (французских, а может быть, и греческих) источников, поскольку всем этим языкам

³⁶ Первая лексикографическая фиксация глагола *понимати* ‘понимать’.

³⁷ «Переводная книга – один из важнейших источников проникновения иноязычной лексики в русский язык, источник письменных заимствований» (Биржакова 1972, 61).

известны обозначения понимания с внутренней формой ‘брать, охватывать, хватать’. Не исключено, что в разное время жизнь новой лексемы поддерживали разные влияния: сначала латыни, потом – немецкого языка, и в 50–60-е годы XVIII в. – французского. В любом случае развитие значения происходило не в церковно-славянском, в котором оно отсутствует по сей день, а в светском книжном языке нового типа (ср. ц.-сл. *пояти* ‘взять, забрать’, ‘жениться’ (Словарь церковно-славянского и русского языка 3, 418)).

Возможно также, что *пояти* ‘понять’ не было прямым заимствованием, а обязано своим возникновением существительному *поятие* ‘понимание’, которое лексикографически зафиксировано раньше глагола.

В «Лексиконе треязычном» Ф. П. Поликарпова-Орлова (1704) глагол *пояти* и его варианты не представлены ни в одном значении, зато в нем содержатся лексемы *поятие* – *κατάληψις* (‘захват, постижение, восприятие’), *capacitas* (‘способность в себе содержать нечто, емкость, объем’, ‘способность к пониманию’) и *поятный* – *χωρητικὸς* (‘способный вместить’), *δεκτικὸς* (‘могущий вместить, восприимчивый’), *κατάληπτικὸς* (‘схватывающий, восприимчивый’), *comprehensibilis* (‘уловимый, познаваемый, восприимчивый’), *сарах* (‘вместительный’, ‘способный к пониманию’) (Лексикон треязычный, 30)³⁸. В начале XVIII в. слово *поятие* в значении ‘понимание’ достаточно широко употреблялось в научных сочинениях – переводных или испытавших влияние латинских, греческих и немецких источников. Ср. употребления лексемы *поятие* в Арифметике Магницкого (1703) – *понеже заключается в них не ино ичто, но токмо еже от разума утешение и к поятию обучения [...] Паки ино показание [...] предложено, такожде ради лучшаго поятия во исчислении* (Картотека древнерусского словаря, Арифм. Магн., 3). *Удобнаго бо ради и скорейшаго поятия возводится* (Картотека древнерусского словаря, Арифм. Магн., 244); в «Географии генеральной...» (1718), (перевод с латинского Поликарпова) – *Писание Божественное в вещех физических (сиречь естественных) глаголет по мнению и поятию народа общаго* (Картотека древнерусского словаря, Геогр. ген., 45); в «Книге системе, или состоянии мухаммеданския религии» (1722) – *Яко он выше ума и поятия человеческого слова*

³⁸ К сожалению, не удалось проверить наличие этих слов в «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды 1627 г. в силу недоступности издания. В более ранних текстах, отраженных в картотеке, это слово встречается только в контексте *поятие жены* (Картотека древнерусского словаря, Кормчая Балаш. 292, первая четверть XVII в.).

творит и учит (Картотека древнерусского словаря, Систима, 49–50); в «Кратком известии о хинском служении» (1731) – *Небесныя советы суть выше поятія человеческим разумом* (Картотека древнерусского словаря, Кратк. изв. о хинск. служ., 254).

Развитию ментальных значений у русских слов *поятие* и *пояти* могли способствовать польск. *pojąć* ‘схватить, понять’ (Linde, 848) и *pojęcie* ‘имя действия от *pojąć*’ (Linde, 849) (ср. факт фиксации нового значения в переводе с польского языка). Из польского в XVI–XVII вв. активно заимствовались термины филологии, культуры, истории (Биржакова 1972, 171).

Польские лексемы *pojąć* ‘понять’ и *pojęcie* ‘понимание’ в свою очередь могли испытать влияние латыни или немецкого. Брюкнер к польск. *pojąć* ‘схватить, понять’ дает комментарий «ср. нем. *begreifen*», не называя его калькой (Brückner 1985, 202). Значение понимания у глагола существовало уже в XVI в. и было достаточно распространенным (80 примеров употреблений *pojąć co* ‘понять что-то’ в (Słownik polszczyzny XVI wieku 26, 223–224)), причем в значении ‘понять’ глагол имел те же латинские эквиваленты, что в первичном ‘схватить рукой’ (*concipere, apprehendere, arripere*) и во вторичном ‘взять в жены’: (*capere, accipere, habere*) (Słownik polszczyzny XVI wieku 26, 221, 223–224). Совпадение прямых и переносных значений латинских и польского слов в свете значительного латинского влияния на польский книжный язык, а также малоупотребительность лексемы *pojąć* ‘понять’ по сравнению с *rozumieć* позволяет предположить в польск. *pojąć* ‘понять’ кальку с латинского. Также вероятно калькирование и в польск. *pojęcie* ‘вмещение’, ‘понимание, познание’, ‘разум’ (Słownik polszczyzny XVI wieku 26, 235).

Изложенному предположению о книжном характере современного русск. *понять* и польского *pojąć* ‘понять’, казалось бы, противоречит присутствие этих лексем в русских и кашубских говорах (кашуб. *pojąć* ‘взять с собой’, ‘жениться’, ‘пригласить’, ‘схватить’, ‘понять’: *tego się nie da pojic* «это невозможно понять» (Karłowicz 4, 214–216, со ссылкой на *Ramult S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*)). Кашуб. *pojąć* ‘понять’ может быть результатом внутреннего развития (ср. территориально близкое луж. *zarpjnyć* в том же значении), русское диалектное (пенз., дон., новосиб. (СРНГ 29, 261)) *понимать* ‘понимать’ – результатом влияния литературного языка, стимулированного типичностью

мотивации. Детально проследить историю возникновения этого значения в русских говорах препятствует дифференциальный характер диалектных словарей.

Аналогичное сербское слово *поимати* ‘брать, принимать; понимать’ (у серб. *poјeti* значение понимания отсутствует) также, по всей вероятности, является калькой. Глагол *поимати* ‘брать, принимать’ в значении понимания впервые отмечен в «Словаре сербского и немецкого языка» Дж. Поповича (1879–1881) в качестве эквивалента для нем. *begreifen* (RJAZU 10, 464, 472) и носит книжный характер. Серб. *poјмити* ‘осознать’ также позднего происхождения, оно образовано от существительного *појам* ‘понятие’, в XIX в. заимствованного из чешского *poјem*.

Славянский материал ясно показывает, что типологический характер носит не только модель ‘схватить’ – ‘понять’, но и особенности внедрения глагола хватания в поле понимания, усвоение им новых значений и отношения со старым глаголом **orzuměti*. Семантика нового глагола развивается всегда в одном направлении: от значения ‘понять факт, ситуацию’ к значению ‘понять смысл языкового знака’, с тем отличием, что в разных славянских языках представлены разные этапы этого процесса. Оппозиция «разуметь» – «схватить» зародилась в языке позднего Средневековья, языке духовной литературы, но в полной мере оформилась в Новое время в языке светском. Сознвая, что появление нового глагола понимания могли вызвать причины контактного характера, отметим, однако, что для этого существовали и причины внутриязыкового свойства. Этот процесс стимулировала потребность языка в выражении новых смыслов, которые не мог выражать глагол **orzuměti*, а именно индивидуальной, творческой, нередко чувственной и динамичной интерпретации явлений жизни.

Выводы к главе I.

В первой главе настоящего исследования описано несколько феноменов сербскохорватской лексико-семантической системы на фоне других славянских языков (инославянский материал привлекался для описания в каждом из разделов в разной степени, в зависимости от характера исследуемого объекта). Выбранные для анализа феномены носят, по существу, случайный характер, являя собой отдельные примеры развития сербскохорватской лексики. Однако, именно благодаря этой внешней случайности, вскрываемые анализом повторяющиеся лексико-семантические характеристики сербскохорватского языка можно рассматривать как закономерные. Рассмотрим эти характеристики.

1. Семантическое развитие праславянского этимологического гнезда. Семантический параллелизм праславянских гнезд представляет собой явление, воплощающееся сходным образом в разных славянских языках. Индивидуальность сербскохорватского (и, вероятно, любого другого славянского) языка в этом процессе проявляется, в основном, в предпочтении какого-то корня для реализации того или иного значения. Семантический потенциал праславянского корня обладает большой жизнеспособностью и силой, он хорошо сохраняется в каждом славянском языке вплоть до современных диалектов, которые способны порождать слова и значения по тем же семантическим законам, которые действовали и в древности. В семантическом параллелизме, по всей видимости, реализуются если не универсальные, то очень типичные для человеческого сознания смысловые связи, что также способствует их широкому продуцированию во всех славянских языках.

2. Семантическое развитие праславянской лексемы. Если семантическое развитие корня, как правило, носит общеславянский характер (хотя в отдельных языках оно может быть характерным явлением, а в других – маргинальным), то семантическое развитие праславянской лексемы обычно носит диалектный характер и может быть исследовано лингвогеографически.

Исследованный материал демонстрирует несколько ареальных типов семантического развития праславянских слов в сербскохорватском языке:

а) сербскохорватский язык переживает сходные лексико-семантические процессы с большинством славянских языков, кроме словенского и русского (вытеснение продолжений глагола **žegti* продолжениями глагола **paliti*);

б) сербскохорватский язык переживает сходные семантические процессы со словенским, чешским, словацким и отчасти польским языком (развитие семантики получения удовольствия у глагола **uživati*);

в) сербскохорватский язык переживает сходные семантические процессы с южнославянскими и юго-западнославянскими языками (семантическое развитие слова **zelbje*); сербскохорватский язык демонстрирует семантические явления, переходные от южнославянского типа к польскому и восточнославянскому (сочетание в слове **zelbje* семантики дикорастущего и культурного растения);

г) сербскохорватский язык переживает сходные семантические процессы со словенским языком. Сербскохорватский и словенский языки, в отличие от других славянских языков, хорошо сохраняют праславянскую лексему **lěpъ* в значении ‘красивый’;

д) сербскохорватский язык переживает сходные семантические процессы с болгарским языком (семантическое развитие глагола **pekti* и его противопоставленность в кулинарной сфере глаголу **pražiti*.);

е) сербскохорватский язык переживает сходные семантические процессы с чешским и словацким языками (семантическое развитие глагола **orzuměti*).

Обращает на себя внимание, что в семантическом развитии праславянской лексики сербскохорватский язык часто демонстрирует сходство с юго-западнославянским ареалом, то есть с чешским и словацким языками. При этом общих специфически южнославянских семантических процессов в нашем материале обнаружено не было.

На материале рассмотренных семантических явлений у сербскохорватского языка не было обнаружено периферийных черт. Данный язык, как правило, относится к центральному славянскому ареалу, переживая инновационные процессы, общие для разных славянских языков. В то же время сербскохорватскому языку свойственно сохранять особенности праславянской лексической системы (сохранение лексемы **lěpъ*).

3. Способ номинации. Семантические модели, которые реализуются не в развитии многозначности слова, а в процессе словообразования, также имеют ареальные характеристики. По способу номинации праздника сербскохорватский язык входит в южнославянский ареал (номинация с помощью корня **porzd-*) и в

ареал, который условно можно обозначить как «центральный», включающий все славянские языки, кроме русского и болгарского (**svętkъ*, **svęтьсь*).

Глава II

Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении

В отличие от предыдущей главы, посвященной семантике континуантов праславянских слов, демонстрирующих значительную общность с другими славянскими языками, в данной главе исследуются лингвоспецифические концепты и значения, сформировавшиеся на почве сербского языка³⁹ или, шире, – балканославянских языков. В главе дается описание нескольких семантических областей, важных для сербской традиционной духовной культуры: «честь и совесть», «мужество», «судьба», «страстное желание», «упрямство». То, что языковая субстанция рассматривается нами в корреляции с традиционной духовной культурой, определяет основной метод, используемый в данной главе как этнолингвистический.

Перечисленные семантические области отличает явление лексического тиражирования смыслов, «концентрация», или «притяжение», синонимов – «тенденция обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов» (Ульман). В данной главе выделяются три семантические области «притяжения смыслов»: «чувство собственного достоинства» (*образ, част, поштење, понос, чојство, јунаштво*), «следование своим желаниям» (*инат, пркос, мерак и ђеф*), «судьба» (*срећа, кismet, бат, игбал*).

Как видно из приведенных примеров, для лексических полей судьбы и этики характерно присутствие большого числа турцизмов, являющихся важным источником синонимии в сербском языке. Это наименования судьбы и удачи *кismet, бат, игбал*, а также лексемы *инат, мерак и ђеф*, не имеющие точных соответствий среди исконной сербской лексики.

Настоящее исследование выполнено преимущественно в рамках Московской этнолингвистической школы с целью реконструкции элементов народного мировоззрения на базе языковых и неязыковых данных. Однако, в отличие от школы Н.И. Толстого, в исследовании, наряду с диалектным, используется материал литературного языка и литературные тексты, что не свойственно

³⁹ Данная глава основана преимущественно на сербском языковом и текстовом материале и полученные результаты релеванты преимущественно для сербской традиции, поэтому здесь и далее мы, в основном, используем лингвоним «сербский».

классической московской этнолингвистике с ее опорой на диалектный материал и фольклорные и этнографические данные. Мы не противопоставляем применительно к сербской традиции диалектный и литературный материал, традиционную и элитарную культуру в силу их преемственности и тесной взаимосвязи, в основе которой лежит деятельность Вука Караджича. Чисто внешне такой подход совпадает с подходом Люблинской этнолингвистической школы с ее интересом как к культуре деревни, так и к культуре города (Бартминьский 2005, 33–38), но, в отличие от нее, изучение материала литературного языка и элитарной культуры для нас не представляло специальную задачу – мы его просто использовали как равноправный источник *народного* мировоззрения. Яркая черта люблинской школы – опора на анкетные данные также отсутствует в данной работе.

Предлагаемые реконструкции фрагментов народного мировосприятия методологически наиболее близки к исследованиям С.М. Толстой (Толстая 2008, 333–484), Е.Л. Березович (Березович 2014, 422–455), И.А. Седаковой (Седакова 2007, 49–102).

Данное исследование вписывается в круг лексико-семантических и этнолингвистических работ, посвященных аксиологическому аспекту языка. Прежде всего – в цикл исследований люблинской школы, выполняемых в рамках программы EUROJOS, целью которой является описание ценностей современной европейской культуры. Работы этого исследовательского коллектива собраны в пяти выпусках «Аксиологического словаря славян и их соседей» («Дом», «Европа», «Труд», «Честь» и «Свобода» (Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów, 2015–2017). Сербские исследователи, входящие в коллектив авторов, выпустили свои работы по данной тематике отдельным сборником «О ценностях в сербском языке» (Ајдачић 2015).

Выбор данных лексем не был преднамеренным, а сделан в ходе наблюдений над сербской лексикой и может быть объяснен следующими критериями. Исследуемые слова выполняют текстообразующую функцию, то есть обозначаемым ими понятиям посвящены фольклорные тексты, литературные произведения и прецедентные высказывания, а также с ними связываются комплексы народных верований и представлений. Некоторые из этих понятий становятся предметом рефлексии носителей сербского языка над своим мировоззрением и национальным

характером. Кроме того, для данных слов характерна высокая деривационная и фразеологическая активность и развитые синонимические связи, которые создают развернутый «текст» соответствующих понятий.

Раздел I

Синонимы в этической лексике

§ 1. Сербские обозначения «чести» и «совести»

В сербском языке имеются три лексемы, соответствующие русскому слову *честь* и две лексемы, соответствующие русскому слову *совесть*. Значение чести выражают слова *част* – продолжение общеславянского **čьstь*, *образ* (исходно ‘лицо’) и *поштење*, образованное от глагола *поштити* ‘почитать’. В общенародном сербском языке значение совести обычно выражается заимствованным из церковнославянского языка словом *савест*, но отчасти его выражает и упомянутая лексема *образ*⁴⁰. Два слова, *образ* и *поштење*, являются исконными для сербской народной этики, их употребление в крестьянском языке зафиксировано в начале XIX в. Слова же *част* и *савест* как обозначения нравственных понятий возникли на почве литературного языка, в середине и второй половине XIX в., под влиянием иноязычных образцов.

В перечисленных сербских названиях чести представлены две семантические модели – телесная и социальная. Первая модель основана на зрительном восприятии внутреннего состояния человека, через лицо и глаза, ср. русск. *безличье* ‘нравственное ничтожество человека, бесхарактерность’ (Даль) и общеслав. **bezočьnъ(jь)* ‘наглый, дерзкий’ (ЭССЯ 2, 35) (ср. ст.-сл. *безочитъ*, *безочивъ*, серб. *безочит*, чеш. диал. *bezočivý* ‘бесстыдный’, словацк. *bezočivý* ‘наглый’, русск. ц.-сл. *безочивый* ‘безглазый, бесстыдный’, болг., макед. *безочен*, серб. *безочан* ‘бесстыдный, наглый’, словен. *bezočen* ‘распущенный’, польск. *bezczelny* ‘наглый, дерзкий’). Модель *лицо* – *честь* регулярна и встречается в различных языках⁴¹. Социальная модель является отражением регулярной многозначности ‘уважение’ – ‘почет’ – ‘чувство собственного достоинства и свод нравственных правил’. Бак в словаре индоевропейских синонимов высокую оценку называет одним из главных семантических источников чести (Buck 1949, 1143).

В традиционной сербской этической системе, отражение которой можно обнаружить в некоторых современных диалектах, центральным нравственным понятием было понятие чести, выраженное словом *образ*, исходно ‘лицо’. Как и

⁴⁰ В § 2 описана еще одна лексема (существующая в разных вариантах), близкая по значению к русск. *совесть*, – *човечанство*. Она носит диалектный характер и не принадлежит общенародному языку.

⁴¹ Например, греч. *αναίδης* ‘бесстыдный’ и перс. *би-чайм-о-ру* ‘бесстыжий, наглый’ образованы по той же модели ‘отрицание + название глаз, зрения’ (ЭССЯ 2, 13).

понятие чести, выраженное другими лексемами, *образ* имеет внутреннюю и внешнюю стороны: он совмещает в себе внутреннее нравственное чувство, которым человек руководствуется в своих поступках, и внешнюю репутацию. Вук Караджич, сам человек из народа, семантику *образа* передал двумя немецкими словами: Scham ‘стыд’ и Ehre ‘честь’ (Караџић). «Внутреннее» значение реализуется реже, обычно в высказываниях типа «у него есть *образ*/нет *образа*» и «если бы у него был *образ*». При переводе подобных высказываний на литературный русский язык в качестве эквивалента слову *образ* появляется *совесть*: *Да има образ не би бил так’в* «Если бы у него была совесть, он бы себя так не вел» (Јовановић 2004, 492); *Он да има образ не би смео да ми погледа у очи* «Если бы у него была совесть, он бы не смел мне посмотреть в глаза» (Елезовић); *Нема образ* «У него нет совести» (Караџић); *Има образа да гледа по народу* «У него хватает совести смотреть людям в глаза» (Станић). Однако более точным эквивалентом для внутреннего нравственного чувства было бы народное слово *стыд*, как оно реализуется в выражении *ни стыда ни совести*, поскольку *стыд*, как и *образ*, в отличие от русской *совести*, – понятия светские, обычно не содержащие религиозного смысла (ср. *Бога не боится, людей не стыдится; од Бога грехота, од људи срамота; ни Бога се не боји, ни од људи се срами*). Со стыдом и совестью *образ* объединяет то, что эти чувства могут присутствовать или отсутствовать в человеке и определять степень его нравственности. В отличие же от стыда и совести, *образ* – не только нравственное чувство, но и нравственный облик человека, что обуславливает такие контексты, как *поштен образ, светао образ* ‘порядочность’, букв. «честное лицо» и «светлое лицо», *сраман образ* ‘подлость’, букв. «позорное лицо» (RJAZU 8, 451). Образ – это такой же этический «орган», как и душа, и часто они выступают как устойчивая параллель, воплощая две стороны нравственной жизни: ответственность перед Богом и перед людьми. Перед Богом отвечает душа, а перед людьми – *образ*, ср. *Ко има образа има и душу* «У кого есть лицо, у того есть и душа» (Вукове пословице 1996, 148), *чисте душе и опрана образа* «с чистой душой и лицом» (RJAZU 8, 451). *Ја сам се потурчио, изгубих оба свијета, душу и образ* «Я принял турецкую веру и потерял оба мира, душу и лицо» (RJAZU 8, 451). То, что *образ* – это, как и душа, часть человека, обязательно ему присущая, хотя и с возможностью потери, отличает эту лексему от других сербских обозначений чести.

Значение нравственной репутации реализуется обычно в контекстах типа «лишить чести», «защитить честь» и «иметь черную/белую честь»: *ударија ми на образ* букв. «он ударил по моей репутации» («затронул мою честь»), *освијетлити образ* букв. «сделать лицо светлым» («совершить что-то значительное») (Станић), *чувати образ, спасавати, бранити* «беречь, спасать, защищать честь». Очень часто внутреннее и внешнее значения реализуются синкретично, ср. *нема веће ствари од образа* «нет ничего важнее чести» (Станић); *Ако ти може образ поднијети* («если твоя честь это вынесет») (Карацић); *Не дам ја свога образа за тако нешто* «Не отдам я за это своей чести» (Далмација 2004, 194). Примером синкретичности служат контексты с внутренней формой «иметь черную/белую честь»: *бео ти образ!* (также *светао ти образ*) букв. «у тебя белое лицо» («честь тебе и хвала!»), *црн ти образ* букв. «у тебя черное лицо» («как тебе не стыдно») (Елезовић), *познавају га Црногорци и Приморци по црном образу и по лажима* «черногорцам и приморцам он хорошо известен по подлости и обману» (RJAZU 8, 451).

В дериватах слова *образ* отражается семантика внутреннего нравственного чувства, а не репутации, ср. *образан* ‘человек, у которого есть чувство стыда’ (Карацић, Елезовић), ‘честный, порядочный человек’ (РСЈ), *образлија* ‘честный, порядочный человек’ (Станић). *Образан човјек не би тако поступио* «Честный человек так бы не поступил» (Бојанић, Тривунац).

Образ входит в число важнейших ценностей сербской народной культуры: ср. пословицу *све за образ а образ ни за што* «Все отдам за честь, а честь ни за что» (RJAZU 8, 451). Особенно это понятие важно для черногорцев, народа военной, рыцарской культуры. В главном литературном произведении черногорцев, поэме «Горный венец», *образ* неоднократно упоминается как величайшая ценность:

Удри за крст, за образ јуначки,
ко гођ паше свијетло оружје,
ко гођ чује срце у прсима!
Пойдем за крст, за честь геройскую,
Все, кто носит оружие,
Все, у кого есть в груди сердце.

У черногорцев *образ* воспринимался не только как личный кодекс чести, но и как честь страны и народа:

Но примајте вјеру прађедовску,
да бранимо образ отачаства.
Примите веру предков,
Чтобы мы защитили честь отечества.

Черногорский *образ* включает в себя верность своей вере, свободе, своему народу, своей стране, мужество и великодушие. В той же поэме величайшим предательством *образа* называется измена своей вере и народу, переход черногорца в мусульманство ради приобретения материальных благ:

Ти издао пријед и послијед,
обрљао образ пред свијетом,
похулио вјеру прађедовску,
заробио себе у туђина!
Ты предал и прежде, и потом,
Ты предал, замарал свою честь перед миром,
Осквернил веру предков,
Отдал себя в рабство чужакам!

Страх животу каља образ често;
слабостима смо земљи привезани.
Страх часто оскверняет честь,
Наши слабости привязывают нас к земле.

Носителями этого нравственного кодекса в черногорской культуре были не только мужчины, но и женщины, честь которых заключалась в сохранении верности супругу или отцу: отец, дочь которого была похищена будущим мужем и вышла замуж без родительского благословения, говорит: *Да се је сјетила чија је кћи и што је женски образ, хћаше се самодавити прије него пусти попа да јој стави на главу вијенац без очина допуштења* «Если бы ты вспомнила, чья ты дочь и что такое женская честь, ты бы скорее наложила на себя руки, чем дала бы себя обвенчать без родительского разрешения» (М.С. Љубиша, *Суд добрих људи*). Черногорка, которую венецианский вельможа склонял к прелюбодеянию, обещая, что отпустит из-под ареста ее мужа, говорит: *Дражи је мени мој образ но муж и син, пак их оба објесио сјутра, не дам*

поштења у мито «Мне дороже моя честь, чем муж и сын, даже если бы ты их завтра повесил, я не дам своей чести как взятку» (М.С. Љубиша, *Шћепан мали*).

Для современной сербской культуры понятие *образа* как обозначения личной нравственности утратило свою актуальность, сейчас это слово употребляется только в составе фразеологизмов и в пословицах, а также в патетических, эмоционально окрашенных текстах. Слово *образ* ассоциируется с нравственностью прошлого, у современных же людей, по общим представлениям, «образа нет»: *Образ је некада био најважнија особина човека, а сада не може ни да се зацрвени* «Честь была некогда важнейшим свойством человека, а сейчас люди даже не краснеют» (из Интернета). Как правило, фразеология и паремиология, в состав которой входит это слово, используется в языке политики и спорта, где слово *образ* становится синонимом патриотизма: *Власт се може изгубити, али образ – не* «Власть можно потерять, но честь – нет» (Ивица Рачан); *Вричани преокретом спасили образ* «Баскетболисты переломили игру и спасли свою честь» (из Интернета). В политических текстах обычно оправдываются, используя выражение *образ ми је чист* «у меня чистая совесть», а обвиняют, используя фразеологизм *нема образа* «нет совести, чести». В Черногории часто раздаются патриотические призывы, вроде *Црна Гора, сачувај образ!* «Черногория, береги честь!». В сербском языке широко распространилась производная отрицательная оценка *безобразан, безобразник* «наглый, хам, неприличный».

На смену слову *образ* в литературном языке XIX в. пришло слово *част* «честь» и заняло главное место в лексике социальной этики. В народном языке начала XIX века слово *част* имело значение «почесть, почет, уважение»: *весело пити, у части бити* «весело пить, в чести жизнь проводить» (Карацић). То же значение было свойственно слову *чьсть* в церковнославянском языке, в языке сербского фольклора и в литературном языке первой половины XIX века (RJAZU 1, 904; Broz, Iveković 1, 149–150). Это же значение характерно для слова в современных диалектах. О чуждости традиционному языку этического значения чести свидетельствует и следующее наблюдение простого серба, носителя диалекта: *Ови комунисти куну се части ми, ил' часна реч, а ми славе ми* «Это коммунисты клянутся честью или дают честное слово, а мы клянемся днем своего святого» (Букумирић 2012, 669). Современные же значения «совокупность высших морально-этических принципов личности» и «достоинство» в крестьянском языке, очевидно, отсутствовали и впервые были зафиксированы лишь в

1936 г. (Бакотић 1936, 1352) в следующей формулировке: 1) принципы справедливого и правильного человека; 2) хорошая репутация, приобретенная честной и разумной жизнью. Эти значения устойчиво вошли в сербский литературный язык в последней трети XIX века, когда появились такие словоупотребления: *Моје ми части* «клянусь честью» (С.Матавуљ, *Последњи витезови*), *увреда части* «оскорбление чести» (Р.Дамановић, *Краљевић Марко*), *очувати своју част* «беречь свою честь» (Л.Лазаревић, *Швабица*), *мученик части и поштења* «невольник чести» (Л.Лазаревић, *Вертер*). Это слово становится частотным в языке офицеров, дуэлянтов: *задовољење части* ‘сатисфакция’ (Л.Лазаревић, *Швабица*), *официрска част* ‘офицерская честь’, *изгубити част* ‘потерять честь’ (Л.Лазаревић, *Вертер*).

Расширению значения сербского слова *част*, по всей видимости, способствовали иноязычные образцы, одним из которых был русский. В русифицированном литературном языке XVIII – начала XIX века у сербов широко использовался русизм *чест(ь)* ‘честь’ в том числе в значении ‘личного достоинства’: *противъ онихъ, кои дерзнуть повредить честь твою* (Славено-сербский магазин, 32). Возможно, что с середины XIX в., когда стал входить в широкое употребление литературный язык на народной основе и на смену слову *чест(ь)* пришло исконное сербское слово *част*, народная лексема переняла от книжной круг ее значений и употреблений.

Согласно современным анкетным данным (Ајдачић 2015, 76), слово *част* в восприятии молодых носителей языка, как правило, ассоциируется с внутренним сводом нравственных правил и с репутацией. Эти значения представлены в таких выражениях, как *част не допушта, не дозвољава* «честь не позволяет», *људи од части* «люди чести», *судска част* «честь судьи», *новинарска, лекарска, војничка част* «честь журналиста, врача, военного», *чувати, бранити, спасавати, осветлати част* «спасать, защищать честь», *увреда части* «оскорбление чести», *згазити част* «попрать честь». Однако в повседневном разговорном употреблении эти значения обычно не встречаются, они характерны только для книжного или высокого стиля и фактически являются устаревшими. В современном же разговорном языке обычно встречается значение чести как «признания» – *част ми је* ‘для меня большая честь’, *имам част да представим* ‘я имею честь представить’, *концерт у част* ‘концерт в честь’, *указати част* ‘оказать честь’, *почасни члан* ‘почетный член’; *велика ми је част била играти у клубу* «играть в клубе для меня было большой честью». Похожие контексты приводятся

для лексемы и в словаре конца XIX в., составленном по текстам 20-х- 70-х годов XIX в. (Broz, Iveković 1, 150): *На част му* «в честь него», *за мене ће бити особита чест и радост ако она читатељима буде толико по вољи* «для меня будет особой честью и радостью, если читателям понравится эта (книга)». Таким образом, до сих пор в народном языке живет именно исконное значение слова *част*, а инновационное значение «совокупность норм поведения» сейчас фактически является архаизмом, за исключением, может быть, воинской чести. В современном языке в значении совокупности моральных норм слово *част* ведет себя так же, как слово *образ*, то есть встречается при повествовании о людях прошлого: *Човек коме је част већа од живота* «человек, для которого честь важнее жизни» (об адъютанте короля); в декларативных заявлениях высокого стиля: *Моја се част ставља у питање* «затронута моя честь» или переходит из области личной этики в коллективную (честь народа – *Наша борба за нашу част била је легитимна јер су нас желели уништити као народ* «Наша борьба за нашу честь была легитимной, так как нас хотели уничтожить как народ»), где может вообще утрачивать этическую составляющую, как, например, в спорте. Те же семантические процессы можно наблюдать и в русском языке (ср. современное употребление русского выражения *защитить честь*).

Честь, как совокупность нравственных правил и репутация, в традиционной сербской этике также обозначалась лексемой *поштење* ‘честь, честность, порядочность’, производной от глагола *поштити* ‘уважать, почитать’ (Карацић), которая в отличие от предыдущих обозначает и душевные свойства человека, порядочность, честность. *Његово поштење није од јуче* «Его всегда отличала порядочность» (Далмација 2004, 234). Это значение в современном языке у слова является основным, тогда как значение репутации отошло на второй план.

Понятие совести в христианском или русском смысле этого слова выражается лексемой *савест*. В сербской культуре оно, очевидно, книжного происхождения, в диалектном языке начала XIX в. оно представлено не было, а получило широкое распространение, благодаря переводу Нового завета Вуком Караджичем (Petrović 2015, 312). Напомним, что исконным для традиционной сербской культуры является синкретичное понятие о совести-лице, воплощенное в слове *образ*.

Подводя итог, скажем, что в современном литературном языке традиционная система этических оценок и понятий разрушена. Положительные этические понятия и

оценки выходят из употребления, так что на основании лексических данных этический идеал современного общества сформулировать практически невозможно. В языке XIX в., а также в современной диалектной речи представлены такие оценки, как *поштен*, *честит*, *частан*, *образан* ‘человек высоких нравственных устоев’, в языке же современного города, помимо общей оценки *добар човек*, употребляется только слово *поштен*, причем преимущественно в дескриптивном значении ‘порядочный, честный’.

§2. Сербские обозначения «мужества» и «героизма»

В сербском языке существуют слова *чојство* и *јунаштво*, связанные с сербскими лексемами *човек* ‘человек, мужчина’ и *јунак* ‘молодой мужчина, воин, герой’, и обозначающие понятия, приблизительно соответствующие русским «достоинство, мужество, героизм». В сербских и черногорских фольклорных и авторских текстах эти лексемы связаны устойчивыми синтагматическими отношениями: *У стиду гине чојство и јунаштво* «Позор губит достоинство и мужество» (Вукове народне пословице 1996, 336), *У невољи изгубе чоештво и јунаштво* «В беде потеряют достоинство и мужество» (Любиша) (RJAZU 4, 683), *Црногорце красе чојство и јунаштво* «черногорцев украшает достоинство и мужество» (из Интернета). Такая общность свидетельствует о тесной связи между этими понятиями в сербской народной этике и дает основание рассматривать семантику этих слов в рамках одного исследования (формула, подобная сербской, функционирует и в албанской народной этике, см. Соболев 2013, 94).

Чојство – фонетико-словообразовательный вариант лексемы, представленной в разных диалектах сербского языка и содержащей корень *човек* и суффикс *-ство*. В форме *чојство* эта лексема распространена в черногорских говорах (Ћупић 1997, 555; Станић), в южных и восточных сербских говорах: *човечанство* (Динић 2008, 893), *човесто* (Јовановић 2004, 364), *човество*, *човесто* (Елезовић), *човество* (Марковић 1986, 482). Черногорская лексема *чојство* фиксируется иногда и словарями литературного языка (Московљевић 1990, 890), но более обычно для него слово *човештво* (РСЈ 2007, 1521).

Все эти лексемы представляют собой фонетические адаптации церковнославянской лексемы *чловѣчство*, которая в текстах сербских и хорватских авторов встречается с XIII в., чаще всего в формах *чов(ј)ечанство* и *чов(ј)ештво* (RJAZU 2, 65, 76). В старославянском и церковнославянском языках лексема *чловѣчство* употребляется для обозначения человеческого рода (1) и человеческой природы (2), как правило, при указании на человеческую природу Иисуса Христа, соответственно греческому слову *ἀνθρωπότης* (Старославянский словарь 1999, 782), а в древнесербском и древнерусском языках – и в значении человеческой природы вообще: *На никога гледае ни одлагае на наше чловѣчство* (Даничић 3, 471). *Ничто же о нем лукавно помысли, якоже подобаше по человечеству* (Срезневский 3, 1496).

В истории сербского языка слово *човѣчство* формально и семантически распалось на две лексемы: форма *чов(ј)ечанство*, за некоторыми диалектными исключениями, утвердилась в значении ‘человечество’, а *чов(ј)еиство* – в значении ‘человеческая природа, то, что присуще человеку’, обычно в нравственном смысле. В современном сербском литературном языке *човеиство* описывается как ‘поведение, согласное человеческим принципам’ (Московљевић 1990, 890) или – более узко – как *човечност* ‘човеколюбие, гуманность, благородство’ (РСЈ 2007, 1520). Так же описывают эту лексему и некоторые диалектные словари (Марковић 1986, 482; Станић). Большинство диалектных словарей трактует это слово не как черту характера – гуманность, или човеколюбие, а как **совокупность нравственных принципов, этический закон**. Авторы словарей определяют это понятие через такие литературные слова, как *морал* ‘нравственность’, *поштење* ‘порядочность, честность’, *достојанство* ‘достоинство’, *понос, част, углед, образ* ‘честь’ (Ћупић 1997, 555). Часто эти слова употребляются как синонимы для *чојство* в текстах: *Заборави на своју част и на човјеиство* «Он забыл о своей чести и человечности» (RJAZU 2, 76); *Чојски је он син, од њега можеш очекивати само поштење и чојство* «Он из хорошей семьи, от него можно ожидать только честных и благородных (сообразных человеческому достоинству) поступков» (Ћупић 1997, 554).

Слово *человечество* в значении совокупности добрых человеческих свойств, то есть в современном сербском диалектном значении, употреблялось в русском литературном языке XVIII–XIX вв.: *Доблестные юноши мало имеют человечества в груди и смотрят на все как-то официально* (Добролюбов). *Обращения не понимают, человечества нет никакого* (Островский). *Поклялся я быть вечно верным дружбе и человечеству* (Пушкин). *Просто-напросто, по человечеству, хотелось его [раненого] успокоить* (Куприн) (БАС 17, 883). В этом значении лексема *человечество* отмечена и в словаре Даля, который толкует ее как ‘добрые свойства и природа людей, милосердие, любовь к ближнему, сочувствие’: *В нем нет человечества, людскости*⁴² (Даль). Положительному этическому значению в русском языке, так же как и в сербском, предшествовало безоценочное значение ‘человеческие свойства’: *Уста без жизни, волосы клочками, Глаза тупые с бледными зрачками. – Да, точно вы сказали. В нем*

⁴² Как и в русском, в сербскохорватском языке значение ‘добрые свойства человека’ дублируется дериватами от корня *l’ud-*: *уљудство, уљудност*. Ср.: *Neumoran je bio u ređivanju čovičstva i uljudnosti* «Он непрестанно совершал дела человечности» (RJAZU 2, 66); *Koji svojim pijanstvom uljudstvo i čovištvo grde* «Которые своим пьянством поносят человеческое достоинство» (RJAZU 2, 66).

давно, все человечество умерщвлено (Майков). Сколько дозволяло мне мое слабое человечество, я исполнил долг свой и не запятнал его гнусным поступком (Лажечников) (БАС 17, 883).

Сербские синонимы слова *чојство* – *част*, *образ*, *поштење*, *достојанство* ‘честь, достоинство’ обозначают этический регулятор не только чисто нравственного, но и социального характера (отсюда *официрска част* «офицерская честь»), а также репутацию человека в глазах других, которую можно потерять, замарать или отмыть и о внешнем виде которой нужно заботиться, ср. пословицу *рука руку мије а образ обадвије* «руку моешь рукой, а лицо (честь) – двумя руками». Слово *човеиство* не имеет значения репутации, оно обозначает атрибут человека, похожий на русскую *совесть*, но не равный ей, поскольку одновременно указывает на совокупность качеств, приличествующих человеку, и тем самым приближается к русскому *личность* ‘совокупность свойств, присущих данному человеку’. Сербы и черногорцы, когда хотят человеку вынести нравственный приговор, отрицают в нем всякое присутствие «человечества»: *Никакво човесто нема* «Никакой совести у него нет» (Јовановић 2004, 676). *Мало је човесто у овога* «Мало в нем человеческого»; *Никако човесто немаш* «Нет у тебя совести» (Елезовић). *Срам те било где ти е човечанство* «Как тебе не стыдно, где твоя совесть»; *Ти од човечанство ништа немаш* «Совести у тебя нет» (Динић 2008, 893). По-сербски отсутствие в человеке *чојства* означает не то, что он лишен «человечности» в русском смысле этого слова, то есть «бесчеловечен», «жесток», а то, что в нем отсутствуют какие бы то ни было признаки личности.

Своеобразие семантического наполнения слов *чојство/чов(ј)еиство* у сербов и черногорцев связано с особенностями их представления о «настоящем» человеке, которым прежде всего является мужчина. Как известно, в сербском языке слово *човек* имеет два значения – ‘человек’ и ‘мужчина’. По данным исторического словаря, слова *чојство/чов(ј)еиство* в черногорских и сербских диалектных текстах, в том числе в составе формулы *чојство и јунаиство*, употребляются именно в значении ‘то, что присуще мужу’ (RJAZU 2, 66). Такая производность объясняет мужественный характер черт, обозначаемых у сербов и черногорцев словами *чојство/чов(ј)еиство*. В русской языковой картине мира сущностью человека является сострадание, милующее сердце, доброта (*человечный, человечность*), внимательность, отзывчивость к другим людям (*человеческое отношение*) (МАС 4, 660; Словарь русских синонимов). В сербских и

черногорских дериватах слова *човек* отражена не только идея гуманности, но достоинства и благородства. *Човечност* ‘човеколюбие, гуманность, благородство’ (РСЈ), *човечан* ‘исполненный человеколюбия, свойственный благородному, доброму человеку’ (Московљевић 1990, 890), *чоеквати* ‘жить по-человечески, с достоинством, честно’ (Гаговић 2004, 299). «*Чойство* (человечность) включает в себе понятие о человечности или гуманности с придачею еще и других качеств: ума, характера, честности и великодушия. Если он говорит: “я сам чоек”, это значит, что он считает себя обладающим всеми указанными качествами. “Чоече!”⁴³ говорит черногорец, обращаясь к кому-либо, он, не перечисляя его заслуг и достоинств, скажет только: “Баш е чоек”, и в этом одном слове соединяются все достоинства, или “чоек од чоека”, когда его отец и другие предки были доблестные люди. Если он не обладает никакими достоинствами, то он “нечоек, бестиа” [...] У черногорцев с этим именем [человека] соединяется понятие чего-то возвышенного, сильного, мужественного. “Я говорю тебе, как человеку”, “ты поступи, как человек”, “я поступлю с тобой как с человеком”, в этих выражениях видно, как высоко он ставит достоинство человека» (Ровинский 1897, 372). В сербской традиционной культуре слово *човек* может выступать как высокая нравственная оценка, без атрибута «настоящий», как этого требует русский язык, поэтому, в отличие от русского языка (Розина 2003, 372), сербский *човек* может выступать в позиции оценочного предиката: *Она је човек* «Она настоящий человек».

Именно в Черногории слово *чојство* приобрело особый статус, став названием важного культурного концепта, национального идеала. В Сербии это слово, как и выражение *чојство и јунаштво*, употребляется только применительно к черногорцам, а в ассоциативных исследованиях слово *чојство* у двух информантов засвидетельствовано как реакция на стимул *Црногорци* (Пипер, Драгићевић, Стефановић 2005, 515). Соответствующее черногорскому слову *чојство* сербское слово *човештво* и обозначаемое им понятие в Сербии особого культурного статуса не приобрело.

Слово *јунаштво* по семантической мотивации близко к слову *чојство*: оно производно от слова *јунак* ‘воин, добрый молодец’, ‘сильный, смелый, мужественный человек, герой’, в древнесербском языке обозначавшего молодого мужчину (Даничић 3,

⁴³ Ср. русск. устар. *человек* ‘слуга’ и уничижающее обращение к низшему: *Человек!* Такие употребления несут семантику безликости, говорящего не интересует индивидуальность собеседника, он уподобляет его предмету.

535). Лексема *јунаштво* фиксируется с XVI в., тогда же начинает распространяться и значение ‘герой, сильный, смелый, мужественный человек любого возраста’ (RJAZU 4, 682), которое со временем становится основным. В отличие от сербского *херој*, лексема *јунак* описывает свойства личности – мужество, великодушие – и свойства человеческого сердца, что отражают такие употребления, как *јунак срцем* «герой сердцем» (RJAZU 4, 682). Подобно слову *човек*, лексема *јунак* выражает высокую нравственную оценку человеческой личности, которой присуще *човештво*: *Ti si [...] mudar и јунак, па ћеш све твоје душмане својим чоешћом обезоружати* «Ты мудрый и мужественный, поэтому ты обезоружишь своим благородством всех своих врагов» (RJAZU 2, 66). Такие употребления особенно характерны для народного языка и авторских текстов XVIII–XIX вв., но живы и в современном употреблении, ср. примеры из электронного корпуса сербского языка: *Ко је јунак, напријед!* «Кто тут смелый, вперед!»; *Марко је био изузетан јунак* «Марко был человеком редкого мужества»; *Она је о њему знала да је јунак, поштен, скроман* «Она знала, что он мужественный человек, честный, скромный» (KSSrJ).

Помимо этого значения, в современном сербском языке слово *јунак* широко используется в качестве социальной оценки, синонимично слову *херој*. В этом случае оценка *јунак* присваивается не за внутренние качества человека, а за поступок, который общество оценивает как исключительный (по внешним проявлениям). *Инспектор спасао штене и постао јунак* «Инспектор спас щенка и стал героем» (из Интернета). Такие употребления, однако, редки. В силу своей этичности, оценка *јунак* абсолютно позитивна, а потому возвышена и применима, скорее, к историческим, легендарным личностям. Она встречается в историческом и фольклорном контексте, когда речь идет о Косовском бое, о Королевиче Марко и прочих богатырях-героях эпических песен; к современникам эта оценка, с большей степенью вероятности, будет применена посмертно: *гроб незнаног јунака* «могила неизвестного солдата (букв. героя)» (PCJ 2007, 511–512). При оценке общественно значимых поступков современных лиц, как правило, будет использовано слово *херој* ‘исключительно смелый человек, велики јунак’, ‘великий человек своего времени’ (PCJ 2007, 1461): *Херој «наранџасте револуције» Јушченко* «Герой “оранжевой революции” Ющенко»; *Председник Месић дочекан је на Косову као херој* «Президент Месич встречен в Косово как герой» (из Интернета).

Звание, присваивавшееся за героизм в Народно-освободительном движении Югославии, называлось *народни херој* (РСЈ 2007, 1461).

В переносном значении *јунак* употребляется для обозначения важной роли человека в каких-либо событиях: *јунак градских салона* «герой городских салонов», *јунак дана* «герой дня»; в спорте – *јунак утакмице* «герой матча», для обозначения персонажа художественного произведения – *јунак романа* «герой романа», *главни јунак у филму* «главный герой фильма».

Слово *јунаштво* ‘смелость, храбрость’, ‘героический поступок’ (РСЈ 2007, 512) обладает тем же фольклорно-историческим ассоциативным фоном, что и слово *јунак*. В современном языке употребляется исключительно как название легендарной национальной черты сербов и черногорцев – смелости, мужества, ср. *заклињати се у српско јунаштво* «клясться сербским мужеством», в отличие от слов *хероизам*, *херојство*. В корпусе сербского языка слово *јунаштво* отсутствует (KSSrJ).

Сербы считают *јунаштво* своей национальной чертой и устойчиво называют его «сербским»: *српско јунаштво*. В восприятии черногорцев *јунаштво* – главная черногорская черта, в новом государственном гимне она упоминается как основной атрибут Черногории: *Ој јунаштва свјетла зоро, мајко наша Црна Горо!* «Эй, мужества светлая заря, мать наша, Черногория!».

Концепты *чојство* и *јунаштво* поэтизированы черногорским народным писателем, выходцем из племени Кучи, воеводой Марко Миляновым в сборнике рассказов «Примјери чојства и јунаштва» (1900 г.). Основное их содержание, по Милянову, заключается в самопожертвовании, ср. современный диалектный текст, отражающий память народа об этом: *Војвода Марко је вазде зборио да је чојство ка чуваш другога о себе* «Воевода Марко всегда говорил, что человечность – это предпочитать другого себе» (Ћупић 1997, 555). *Чојство* и *јунаштво* тесно сближаются, так что границу между примерами первого и второго провести невозможно – это великодушные поступки, в которых проявляются одновременно оба свойства.

Наиболее типичный пример *чојства* и *јунаштва* – это прощение обидчика и отказ от мести. Родственник убитого прощает и отпускает убийцу, который уже находится в его руках, или спасает убийцу от турок. Часто человек поступает таким образом, если убийца – последний сын в семье и с его смертью прекратится род. В одном рассказе мать убитого дает хлеб убийце сына, которого хотели убить у нее на

глазах: *Јеђи, Радоване, па иди дома! За кај не гледам Века живого, нећу ни да гледам тебе мртвога!* «Ешь, Радован, и иди домой! Если я не вижу Веко живого, не хочу смотреть и на тебя мертвого» (Миљанов, № 43). В другом случае убийца не хотел защищаться от мстителей, признавая свою вину (*дужан сам ти крв* «я должен тебе кровь»). За это преследовавшие его Лука и Ёован простили его: *ово су Луки и Јовану у велике међу народом броји* «Это считается в народе великим подвигом Луки и Ёована» (Там же, № 68). Еще в одном рассказе герой не убивает турка, а берет его в плен и предоставляет ему возможность жить в своем доме (Там же, № 47). Вторая типичная ситуация, раскрывающая *чојство* и *јунаштво*, – это преданность православной вере и своему народу, от которой не отрекаются под угрозой смерти (ср. языковую антонимию слов со значением ‘герой’ и ‘предатель’, например, *Вук Бранковић – јунак или издајник?* «Вук Бранкович — герой или предатель?»). Третья ситуация – самопожертвование на войне. Мать, провожая сыновей на войну, хочет, чтобы они погибли: *Да жалим синове кад се царство дијели!.. Кад не би гинули беше се звали кћери, а не синови, оста би укор на њин траг* «Как же мне жалеть сыновей, когда разделяют царство! Если бы они не погибали, то назывались бы дочерьми, а не сыновьями, на них бы лежал укор» (Там же, № 42). По Милянову, к области *чојства* и *јунаштва* относятся и такие проявления человека, как терпение поношения, признание своей вины, скромность, преданность дружбе. Милянов в этих чертах видел христианский нравственный идеал. В предисловии к своей книге следование принципам *чојства* и *јунаштва* он называет добродетелью и Божьим благословением – *добročинство, великодушност, Боже благо, Божи благослов*, а в другом месте противопоставляет дикое *јунаштво* – благочестивому: «Они оба были героями, оставившими в народе память о своем геройстве, не зверском, а благородном, исполненном благочестия и великодушия по отношению к туркам и к любым врагам: Века в течение пятнадцати дней принимал у себя в доме схваченного им турка, после чего, снабдив оружием, в добром здравии проводил домой» (Там же, № 69).

Мы не располагаем данными, которые бы достоверно свидетельствовали о времени формирования единого концепта *чојство* и *јунаштво*, однако, скорее всего, он имеет сравнительно позднее происхождение, в старейших сборниках песенного фольклора соответствующая формула отсутствует ⁴⁴. В текстах XIX в. она

⁴⁴ Устное сообщение сербского фольклориста М. Детелич.

засвидетельствована очень мало (RJAZU 4, 683), причем только на территории Черногории: представлена в сборнике пословиц Вука Караджича: *У стиду гине чојство и јунаштво*, с пометой «в Черногории» (Вукове пословице 1996, 336) и в рассказах черногорского писателя второй половины XIX в. Степана Митрова Любиши, родом из Боки Которской: *У невољи изгубе чојство и јунаштво* (RJAZU 4, 683). По всей видимости, своим последующим широким распространением представление о «человечности» и «мужестве» как основе традиционной черногорской этики обязано М. Миляннову.

В современной Черногории эта идея необычайно популярна. Ее тиражируют исследования по черногорской этнопсихологии, в которых *чојство* и *јунаштво* называется «оплотом народных обычаев в Черногории» (из путеводителя), «высшими этическими принципами, свойственными нашему человеку» (этнопсихолог Г. Станоевич); ее используют политические деятели в патриотических заявлениях. Председатель парламента Р. Кривокапич 16 июля 2004 г. при провозглашении независимости Черногории заявил: «Пусть справедливость, *чојство* и *јунаштво* вновь станут главным законом в Черногории, пусть завоеванная свобода принесет нам счастье, пусть наш флаг будет развеиваться перед зданием ООН».

С точки зрения современных черногорцев и сербов, *чојство* и *јунаштво* – принципы черногорской этики прошлого, ныне утрачиваемые, поэтому в неофициальном дискурсе, на Интернет-форумах чаще можно встретить высказывания, обратные политическим: «Никто у нас никогда не отнимал ничего черногорского: нашу историю, культуру или язык, а о *чојству* и *јунаштву* мы сами позаботились, продав их за чечевичную похлебку»; «Черногория и черногорцы предпочтут [...] “положение нищих” [в ЕС], а не честь и достоинство, *чојство* и *јунаштво*»; «черногорцев украшает *чојство* и *јунаштво*, а ты...» (из Интернета). После признания Черногорией независимости Косова в сербском еженедельнике «НИН» появилась статья под заголовком: «Ни чојства, ни јунаштва».

Для сербской народной этики характерно представление о высоком достоинстве человека и его моральном призвании. Примечательно высказывание сербского патриарха Павла: «Если бы последний серб должен был остаться в живых ценой чего-то нечеловечного, нечеловеческого, и если бы этим последним сербом был я, я бы не согласился на это. Пусть лучше мы исчезнем как люди, чем выживем как преступники и

нелюди». Нормальной является вера не только в собственное достоинство, но и в достоинство других людей – человека вообще, который а priori – существо нравственное и заслуживает уважения. Высокая самооценка человека с точки зрения сербского языка носит здоровый характер, она не ущемляет окружающих, но возвышает самого человека. Смысл ‘гордость’ (как черта характера), который в русской этике имеет негативную окраску превозношения над ближним, ср. русск. *гордый человек*, у сербов тесно соединен со смыслом ‘чувство собственного достоинства’ (*понос*) и считается положительным качеством, а у черногорцев национальной добродетелью. Идея превосходства над ближним хотя присутствует, но выражена слабее, чем в русском языке (ср. русск. *гордыня, высокомерие, чванливость* и серб. *охолост*). Низкая самооценка, в отличие от идеи достоинства, менее органична для сербского традиционного языка и даже имеет отрицательные коннотации (*покоран* ‘покорный, т.е. раб’). В сербской традиционной культуре человек осознает себя как личность с выраженным самосознанием (Ровинский 1897, 260). Понятие чести и достоинства у сербов лексически выражено гораздо богаче, чем в русском языке (см. выше), при этом сербская «честь» менее социальна и более человечна, она не имеет сословных штампов и менее связана с внешним кодексом поведения (ср. (Санников 2006, 414–419)), а более – с общечеловеческими принципами. Она может быть у каждого человека как неотчуждаемое извне свойство (честь и достоинство, по-сербски, нельзя унижить, **унизити част, образ, достојанство*), от самого человека зависит, сохранит он ее или нет (*погазити част* «растоптать свою честь»). В сербской картине мира больше равноправия и меньше иерархичности и условности, что является результатом сословной однородности сербского общества до середины XIX в.

Раздел II

Турцизмы как источник синонимии в сербском языке

Интерес к проблеме турцизмов был характерен для южнославянской лексикологии на протяжении всей ее истории. Итогом изучения турцизмов на данный момент является, прежде всего, инвентаризация лексем турецкого происхождения, которую можно считать практически исчерпывающей (так, в процессе сбора материала для «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ) было записано лишь незначительное число слов, не зафиксированных в ранее опубликованных работах (Соболев 2004, 217)); лексикографическая обработка; выявление полевой (тематической) структуры заимствований; описание процесса их фонетической и морфологической адаптации, стилистических характеристик; хронологизация заимствований и их этимологизация.

Как свидетельствуют последние исследования, осуществленные в рамках проекта МДАБЯ, на современном этапе представляется актуальной системная разработка семантической и ареалогической проблематики турецких заимствований. Такой подход подразумевает семантическое и географическое портретирование заимствованной лексики в сопоставлении со словами, занимающими близкие или идентичные семантические ячейки. Применительно к терминологии природы и материальной культуры задачи изучения формулируются как «детальное описание семантики и точная ареалогическая и историко-лингвистическая характеристика каждой лексики», «объяснение причин формальной и семантической вариативности/инвариантности тюркской лексики», «детальное описание системного статуса тюркских заимствований» (Соболев 2004, 217, 218). Методика подобных исследований основана на сравнении состава и устройства определенных лексико-семантических групп в разных балканских говорах, выявлении диалектной специфики в семантическом наполнении турцизмов и построении общебалканской семантической амплитуды отдельных лексем с последующей ареалогической интерпретацией. Эти задачи и методы вполне актуальны и для исследований заимствованной этнокультурной лексики. Однако при изучении имен культурных концептов встают еще две серьезные теоретические задачи. Первая задача – **определение роли диалекта-донора и диалекта-реципиента в формировании семантики заимствованного слова** в балканском диалекте, поиск ответа на вопрос

«действительно ли славянское слово, которое оказалось вытесненным, полностью передало ему все свои лексические значения [...], привносит ли заимствованное слово какие-либо коннотации из языка-донора» (Седакова 2000, 81). Вторая задача – **выявление причин заимствования** названий для концептов, известных славянской традиции и до контактов с турецкой культурой и имеющих целый ряд автохтонных (праславянских или собственно южнославянских) обозначений (ср. точку зрения Р. Драгичевич, объясняющей вытеснение турцизмами исконной лексики их экспрессивностью и дифференциацией значения) (Драгићевић 2018, 45–66).

Большой интерес представляет состав турецких заимствований в сфере культурных концептов, выявление тех фрагментов народной этики, эстетики, онтологии, которые оказались наиболее восприимчивыми к заимствованиям. Инвентарь турцизмов с абстрактной семантикой, в том числе обозначающих «духовную жизнь человека», который для македонского языка приводится к книге О. Яшар-Настевой (Яшар-Настева 2001, 102–104, 106–108), дает следующую панораму значений: ‘гнев, раздор, насилие’, ‘страх, мука’, ‘горе, беда’, ‘клевета, измена’, ‘помощь’, ‘добро, польза’, ‘любовь’, ‘милость’, ‘наслаждение, удовольствие’, ‘счастье, судьба’, ‘доброе дело’, ‘честь’. Лексемы, выражающие эти значения весьма частотны и важны для картин мира, выражаемых южнославянскими диалектами, однако не все они в равной степени культурно значимы. Среди них можно выделить три группы лексем, которые, несомненно, носят ключевой характер для южнославянской народной духовной культуры, поскольку за ними стоят обширные текстовые поля, включающие фольклорные тексты, поверья, обряды. Это лексика любовных переживаний (*севда, мерак, кахар*), на которой основана лирическая поэзия, лексика доброго дела (*севан, аур*)⁴⁵, обслуживающая кодекс балканской благотворительности, и лексика судьбы (*касмет, игбал* и др.).

§1. Лексико-семантическое поле судьбы

Концепт судьбы в южнославянских культурно-языковых диалектах складывается из большого диапазона смыслов и мотивов и выражается, с одной стороны, обширным лексическим полем, а с другой – колоссальным корпусом текстов различных фольклорных жанров (о болгарских представлениях о судьбе см. Седакова 2007).

⁴⁵ Турецкое влияние на южнославянское лексико-семантическое поле доброго дела подробно рассмотрено в работах Якушкина 2004; Якушкина 2004а.

Славянскую лексическую парадигму судьбы в говорах сербского, македонского и болгарского языков составляют продолжения праслав. **(vъ)strětja* ‘встреча’ (серб. *срећа*, макед. *среќа*, болг. *среща*), **čęstь* ‘часть, доля’ (серб. *чест-им*), **děl-* ‘делить’ (болг. *делба*), **sǫd-* ‘судить’ (серб. *судба, судьбина*), **rěk-* ‘говорить’ (серб. *нарок*). Семантическое поле южнославянского **(vъ)strětja* – наиболее распространенного среди данных наименований – включает такие значения, как: 1) ‘судьба, доля, то, что человеку суждено’, аксиологическое содержание слова в данном значении амбивалентно, оно сочетается и, как правило, уточняется определениями с семантикой ‘хороший’ – ‘плохой’: макед. *арна и лоша среќа*, болг. *добра и зла среща*, серб. *добра, срећна, зла, (х)уда, тешка, зла срећа* «хорошая, счастливая, плохая, тяжелая, злая доля» – *има једна глуга девојка [...], она има бољу срећу но и ација* «есть тут одна глухая девушка... у нее доля лучше, чем даже у господ» (Шаулић 1922, 179) и *да Бог да домаћину у свачему срећу добру, сретну и берићетну, пуну и богату* «дай Бог хозяину во всем доли хорошей, счастливой и благополучной, изобильной и богатой» (Broz, Iveković 2, 458), болг. *такава ми была среща-та* ‘так мне суждено’ (Геров 5, 247); 2) ‘сила, управляющая человеческой жизнью (внешняя или присущая человеку)’: *нанела га срећа* ‘принесло его’; 3) ‘счастье (благополучие)’: серб. *Бог даде срећу и напредак* «Бог дал счастье и благополучие, удачу» (Самарџија 1995, 159) и ‘удача’: серб. *имаиш срећу* ‘тебе повезло’. Другие названные лексемы реализуют отдельные фрагменты этого семантического спектра (в целом синкретичного и с трудом поддающегося членению). Исключение составляют, пожалуй, лишь отдельные слова, мотивированные глаголом с семантикой определения судьбы, типа серб. *судба*, которые иногда (достаточно редко) встречаются в значении фатума, ср. серб. *Судба шћаше да се на ђувезији, деветом колену освети за неправде и злости предкове* «Судьбе было угодно в лице жениха, девятого колена, отомстить за неправду и злобу его предков» (Самарџија 1995, 159).

Наряду с автохтонными славянскими наименованиями судьбы, в балканославянских диалектах (с разной степенью географической распространенности и употребительности) для обозначения судьбы и счастья используется ряд турцизмов: серб., макед., болг. *кисмет, касмет, късмет* ‘доля, судьба, счастье’ (от тур. *kismet* ‘счастье, удача’, реже ‘судьба’); серб., макед. *аир* ‘добро, счастье, благополучие’ (от тур. *hayir* ‘добро, благо, польза, толк’); серб. *бат, бакт, бафт, батуна, бактуна*, серб., болг. *бахт* ‘счастье, благополучие, судьба’ (от тур. *baht* ‘счастье, судьба, доля’); серб.

нафака, навака ‘доля, судьба’, ‘счастье, благополучие’ (от тур. *nafaka* ‘средства к существованию, алименты’); серб. *талих, талија* ‘счастливая доля, удача’, ‘судьба’ (от тур. *talih* ‘судьба, рок, счастье, удача, успех’); серб., болг., макед. *игбал* ‘счастье, удача’ (от тур. *ikbal* ‘счастье, успех, удовольствие’), серб. *берићет*, макед. *берикет* ‘урожай, счастье, благополучие’ (от тур. *bereket* ‘благоденствие, счастье, урожай’).

Территориальное распространение данных лексем демонстрирует три типа основных ареалов. Продолжения тур. *kismet*, которые из всех названных слов географически распространены у славян наиболее широко, представлены в восточной части Южной Славии. Ядром этого ареала являются болгарские говоры, о чем свидетельствует, прежде всего, частотность употребления в них соответствующей лексемы, практически не имеющей лексических конкурентов. Говоры черногорские, косовские и юго-восточные сербские относятся к его периферии, признаком чего является ослабление позиций лексемы в системе, преимущественное употребление синонимов, семантический сдвиг в сторону значения ‘рок, фатум’. Продолжения тур. *ikbal* распространены в центральном ареале с ядром в Черногории и Косове, включающем также говоры Македонии, Боснии и Герцеговины. Близкие ареалы демонстрируют продолжения тур. *nafaka* и *baht*. Третий тип ареала («разорванного» характера) не составляет единого континуума, он представлен продолжениями тур. *talih*, которые фиксируются преимущественно в сербских ресавских говорах и в некоторых говорах Черногории, а также в Банате у переселенцев из Герцеговины (ареалы выделены на базе диалектных словарей и этнографической литературы).

Насколько можно судить по типовым контекстам их функционирования, данные лексемы реализуют значения того же семантического спектра, что и исконные южнославянские слова, и имеют сходную дистрибуцию. При этом каждая из заимствованных лексем выражает лишь часть значений, свойственных славянским словам, и не может заменить славянские обозначения во всех типах контекстов. Этот спектр, моделью которого можно считать южнославянскую семантическую амплитуду слова **(vъ)strětja*, турецкие заимствования расчлениют на две области. К первой относятся значения, связанные с идеей счастья-судьбы, а ко второй – с идеей счастья-успеха. Первую группу значений выражают продолжения турецких слов *kismet, talih, ikbal, baht*, для которых в языке-доноре основной является семантика судьбы, рока и счастья-успеха. К этой же группе примыкают продолжения лексемы *nafaka*, первичным

для которой стало значение материального содержания, положенного человеку, как в юридическом смысле, так и в религиозном: ‘то, что человеку определено съесть и выпить на этом свете’ (РСАНУ 14, 589; Карацић), давшие, с одной стороны семантику ‘предопределенное’, а с другой – ‘благосостояние, счастье’. Вторую группу значений выражают продолжения лексем *hayir* и *bereket*, в которых семантика счастья связана с ‘добро, польза’ и ‘благосостояние, изобилие, урожай’.

Приведем материал, демонстрирующий соотношение семантических полей турцизмов и семантической амплитуды слова **(vъ)strětja*⁴⁶.

1) ‘судьба, то, что человеку суждено’:

болг. *кога Господ дава кѡсмет*, *не пыта чий си сын* «когда Господь дает счастье (судьбу), не спрашивает, чей ты сын» (Геров 2, 446), *какву је нафаку Бог коме дао, онакав му је и живот* «какую кому Бог дал судьбу, такая у него и жизнь» (РСАНУ 14, 589) (ср. серб. *давати*, *делити срећу*);

серб. *таква је моја батунa*, *такав је кисмет*, *така му је била његова талија* (Елезовић), болг. *такъв му был кѡсмет-тъ* (Геров 2, 446), *нафака му беше да...* (Чемерикић) «так суждено», *није био кисмет* «не судьба» (Елезовић). *Ако му је [...] већ била таква талија да га море удави, бар да га оно мртво врати матери земљи* «Если уж ему [...] было на роду написано утонуть в море, пусть бы оно, по крайней мере, вернуло его матери-земле» (Broz, Iveković 2, 553); (ср. серб. *таква му је срећа*, *тако му је суђено*, болг. *такава ми была срецата* (Геров 5, 247) «так суждено»);

серб. *све ће буде ако је к'смет* (Митровић 1984, 138), *ако је била таква талија* «все произойдет, если это суждено» (ср. *ако је суђено*), *кисметска деоба* «суд по жребию» (РСАНУ 9, 500);

серб. *рђаве сам бати* (РСАНУ 1, 324)), *рђаве сам талије* букв. «у меня плохая доля, мне не везет» (Карацић), *добра игбала*, *добре нафаке* «у X хорошая доля» (ср. *лоше*, *зле сам среће*);

серб. *талија ме тако потерала* «судьба так сложилась» (Филиповић 1958, 286), *потерала ме нафака сама да биднем* «судьба так сложилась, что я осталась одна» (Елезовић) (ср. *срећа ме тако потерала*).

2) ‘счастливая доля’ и ‘счастливый случай’:

⁴⁶ Поскольку это слово сохранилось преимущественно в сербских говорах, материал по его семантике был заимствован из них.

серб. *имати/немати талију*, *имати бата* у нечему, болг. *имам/нямам късмет* ‘иметь/не иметь удачу’, *имао сам игбал те ми сва ђеца претекоше* «мне повезло, что все мои дети спаслись» (Стијовић 2014, 214) (ср. серб. *имати срећу*); *имаши више бата* (РСАНУ 1, 324), серб. *имати вељи кисмет* «тебе больше везет» (ср. серб. *имаши више среће*); *з бафтом* «со счастливой долей»; *ако Бог да бата* «если Бог пошлет удачу» (ср. серб. *ако Бог да срећу*). *Ако буде старога талиха Турци ће ни платити Батрића* «если будет нам сопутствовать бывшая удача, турки заплатят нам за Батрича» (RJAZU 18, 40), *није имала талиха, и остаде рано удовица с петоро мале ђеце* «плохая у нее была доля, и осталась она рано вдовой с пятью маленькими детьми» (Ћупић 1997, 480), *он је човек без бахта* «он человек без удачи» (РСАНУ 1, 324), *искочи му игбал* «ему повезло» (Елезовић), болг. *работи ми бахтът* «мне везет» (БТР);

серб. *на моју талију, на бафт* (Дучић 1931, 310) «на мое счастье», болг. *на наши бахт* «к нашему счастью» (БТР); (ср. *на моју срећу*), *имадо нафаку да га затекнем дома* «мне повезло, что я его застал дома», *немадо бат да га стрефим у чаришију* «мне не посчастливилось встретить его в центре города» (Чемерикић) (ср. *имао сам срећу да...*).

3) ‘успех в деле, благополучие, прибыль’:

макед. *аир да не видиш!* (РМНП 1, 13), *што год радили и главили, ајер и срећу имали* «что бы вы не делали, (дай вам Бог) успеха» (РСАНУ 1, 45), *нека ти је са аиром, аир ти било!* (Станић) (ср. *нека је са срећом*) «да сопутствует тебе успех» (благопожелание), *од пијаницу ни своја кућа аир нема* «от пьяницы и собственному дому прибýtка нет» (Митровић 1984, 8) (семантику счастливой доли данная лексема часто выражает в благопожеланиях, где она весьма частотна); *ту обаве једну кратку молитву ради бахта и напретка* «они совершили краткую молитву ради благополучия и успеха» (РСАНУ 1, 324) (*ради среће и напретка*)⁴⁷.

О семантической дублетности континуантов слова **(vъ)strětja* и его турецких эквивалентов свидетельствуют двойные номинации типа серб. *како коме срећа пође и талија* «как кому повезет», *и вук срећу у гори имаде, моја Златка среће ни игбала* «и у волка в лесу есть счастье, а у моей Златки ни счастья, ни доли» (РСАНУ 7, 212), *Бог ти*

⁴⁷ К сожалению, для нас остается открытым вопрос о возможности употребления турцизмов в контекстах типа *живети у срећи* ‘жить в довольстве, благополучии’. Подобных примеров мы не обнаружили, однако нельзя исключать, что некоторые турцизмы, а именно *бахт* и *икбал*, могут употребляться в этой конструкции.

д'о сваку *срећу* и *нафаку* теби и свакоме твоме «Дай Бог тебе всякого счастья и удачи, тебе и твоим близким» (РСАНУ 14, 589).

Сходный характер носит не только языковая сочетаемость славянских и турецких по происхождению слов, но и их текстовая дистрибуция – от паремий (болг. *роди мя мамо с кѣсмет па ме врли на купице* «роди меня, мама, счастливым и брось меня в навоз» (Геров 2, 446) (ср. серб. *роди ме мајко срећна па ме на буњиште баџи*), серб. *аирлија!* ‘удачи!’ (Митровић 1984, 8) (ср. серб. *нека је са срећом!* болг. *добра среџа! честита му е годината!* (благопожелания) (Геров 5, 247)), до сказок о доле-судьбе (ср. запись из Лесковца о неудачливых и удачливых братьях, где свойство последних именуется *срећа* (СНПЛ, 218–219), и из Баната, где оно же именуется *талија* (Филиповић 1958, 286)).

Подобная, практически не знающая исключений заменимость слова *срећа* на турецкие наименования свидетельствует о том, что, вероятнее всего, заимствование шло преимущественно путем наложения новых лексем на исконное семантическое поле и устоявшийся круг контекстов бытования славянских слов. Исключение составляют отдельные периферийные и редкие употребления, в которых заимствованные лексемы сохранили специфические значения языка-донора. Влияние же чисто семантическое, то есть влияние турецкого семантического поля судьбы на амплитуду славянских наименований, скорее всего, отсутствовало (во всяком случае, что касается слова *срећа*).

Встречаются контексты, в которых обозначения судьбы словами турецкого происхождения не могут быть свободно замещены на слово *срећа*. Это прежде всего случаи употребления лексемы *кисмет* в значении фатума, высшей силы, управляющей ходом событий. С этой семантикой слово *кисмет*, не характерное для сербского литературного языка, фиксируют тезаурус сербского народного и литературного языка РСАНУ и толковый словарь литературного языка Матицы сербской (с пометой «областное»): *предати се кисмету* ‘предаться судьбе, воле рока’, *што се у књигу од кисмета упише не може нико побркати* «что записано в книге судьбы, никто не может нарушить» (РСАНУ 9, 500) (эти употребления, несомненно, можно понимать и в смысле судьбы – программы индивидуальной жизни, но словари выделяют здесь значение судьбы-рока). Насколько это значение свойственно народной культуре сказать трудно, поскольку данные тексты носят авторский, а следовательно, полукнижный-

полународный характер (в словарях отдельных говоров нам подобные употребления не встретились). В этом значении в сербском литературном языке употребляется славянское слово *судбина* (*предати се судбини*), которое, однако, достаточно редко встречается с этой семантикой в фольклорных текстах (например, *судбина се од свога рада и реда одвратити не да* «судьба не позволяет отойти от своего хода и порядка» (Самарџија 1995, 159)) и которое В. Караджич воспринимал как книжное. Идея же рока, фатума как силы, управляющей ходом событий, чужда славянским народным верованиям, что дает основание предположить ее заимствованный характер⁴⁸.

Нельзя исключать возможность влияния на славянское народное сознание культуры мусульманского востока, в которой идея судьбы («предопределения», «времени» (Caskel 1926)), управляющей происходящим, играет большую роль. Для нас наибольший интерес имеет тот факт, что вера в судьбу представляет собой лейтмотив арабского народного творчества и прежде всего сказок «Тысяча и одна ночь», которые буквально, по выражению В. Каскеля, «обрамлены» идеей судьбы (Caskel 1926, 57). Так, герои сказок неизменно произносят монологи, в которых рассуждают о том, что ничто не во власти человека, все кончается смертью, каждый должен быть готов к ударам или подаркам судьбы и все принимать с равным спокойствием: *К заботам всем повернись спиной / и дела свои поручи судьбе!* (Книга тысяча и одной ночи 1, 54); *Надеюсь, что, может быть, судьба повернет узду / И благо доставит мне, – изменчиво время!* (Книга тысяча и одной ночи 3, 160); *Рассудило время, чтоб быть в тебя мне влюбленному...* (Книга тысяча и одной ночи 3, 231).

Наряду с турецкими обозначениями судьбы-счастья в южнославянских говорах распространилось много дериватов этих лексем, частью заимствованных из турецкого языка, частью образованных на почве славянских говоров с помощью собственных словообразовательных средств. Это названия признаков 'имеющий/не имеющий счастье, удачу' и, крайне редко, 'относящийся к судьбе'. Последнее значение нам встретилось лишь однажды: *кисметска деоба* «суд по жребия» (РСАНУ 9, 500). Первый же признак лексически широко тиражирован. Приведем примеры: *бахтли* (*батли*), *батан*, *батлијаст*, *аирли*, *навачан*, *талишан*, *икбали*, *игбалан*, *берићетан* 'счастливый, удачливый': *он је батан човек, све му успева* «он удачливый человек, ему все удастся» (РСАНУ 1, 328), *него почмимо о чему бахтњијем и занимљивијем* «давайте

⁴⁸ С уверенностью можно сказать, что славянские представления о судьбе основаны прежде всего на идее личной доли, которую человек получает от рождения.

поговорим о чем-нибудь более веселом и интересном» (РСАНУ 1, 340), *био сам ти [...] батли од јутра: крмача ми опрасила седморо* «мне [...] с утра везет, у меня свинья семерых поросят принесла», *батли човеку и стриљенови мед граде* «удачливому человеку и шершни мед приносят» (РСАНУ 1, 333), *здрава и жива, сретна и бахтли била* «чтобы тебе быть здоровой и живой, счастливой и удачливой» (РСАНУ 1, 340), *добре си нафаке и игбали главе* «ты везучий и счастливый», *стара чељад вели да је игбали ће има много будала да они доносе срећу дотичноме мјесту* «старики говорят, что счастливо то место, где много дураков, потому что они приносят счастье этому месту», *да Бог да хаирли и игбали био почетак!* «дай Бог, чтобы начало было счастливым» (РСАНУ 7, 213), *ајерлија човек, што почне, иде му у напредак* «счастливый человек, что ни начнет, все у него получается» (Чемерикић), *наши су сви у женидбу игбални* «наши все удачно женились» (Стијовић 2014, 214), *Бог ће њему и његовој деци дати века сретна, берићетна и велика* «Бог ему и его детям даст жизнь счастливую, благополучную и долгую» (Самарција 1995, 159), *батлија* (РСАНУ 1, 333), *бахтација* (РСАНУ 1, 340), *икбалија, игбалција* (Стијовић 2014, 214), *кисметлија* ‘человек, которому все удастся’: *ко је батлија и свраке му јајца доносе* «кто удачливый, тому и сороки яйца несут» (РСАНУ 1, 333), *Ново је игбалија, све му иде од руке* «Ново – удачливый, у него все получается» (Стијовић 2014, 214).

Значение ‘неудачливый’ лексически выражается не столь разнообразно. Изредка в сербских говорах в этом значении встречаются славянские образования с отрицательным формантом типа *безбатник* и *неталичан*, а также турцизмы *аурсуз* (РСАНУ 1, 40), *ајерсџ* (Чемерикић), *игбалсуз*, *берићетсуз* (Škaljić 1966, 341, 139), однако преимущественно эта семантика выражается лексемой *баксуз* (из тур. *bahtsız* ‘несчастный, неудачливый, злосчастный, невезучий’, мотивированного словом *baht* ‘счастье’) и ее производными *баксузан*, *баксуштина*, *баксузетина*, *баксузина*, *баксузљив*, *баксузаст*, *баксузник*, *баксузница*, *баксужњак*, *баксузли* и др. Из всех турцизмов, принадлежащих к полю судьбы, в сербских говорах это слово получило самое широкое распространение, лучше всего адаптировалось, развив большое словообразовательное гнездо, и вошло в сербский литературный язык, благодаря чему в настоящее время употребляется далеко за пределами изначального ареала. На сегодняшний день это слово активно употребляется даже в Хорватии, хотя в конце XIX в. словарь Югославянской академии наук (RJAZU) это слово не фиксировал. Причиной

огромной популярности этого слова, очевидно, является его яркая эмоциональная окраска. В современном литературном языке слово *баксуз* употребляется в значении 'человек, которого преследуют неудачи': «*баксуз* – это человек, который, играя в лото, ошибся на один номер, человек, который опоздал на автобус или поезд, человек, провалившийся в открытый канализационный люк» (из Интернета). То же значение фиксируется и в говорах ('*рђаве талије човек*' «неудачливый человек», *баксус је човек коме ништа од руке не иде, све му наопако иде, супротно батлији, несрећан* «баксус – это человек, у которого ничего не получается, все у него идет шиворот-навыворот, противоположно батлији, несрећан» (РСАНУ 1, 262)): *понеки је баксуштина цео век, што год узне да ради, све му изиђе наопако* «кто-нибудь может быть неудачником всю жизнь, за что ни возьмется, все у него идет навыворот» (Марковић 1993, 23), *много је та човек баксужљив, што год узне да ради, све наопако* «этот человек – большой неудачник, за что ни возьмется, ничего у него не получается» (Марковић 1986, 265). Эмоциональная окраска этого слова приближает его к междометиям, выражающим неудовольствие происшедшим: в сербской речи возможны восклицания типа *баксуз!* как реакция на любое свое или чужое неудачное действие. Обозначения неудачников связаны со словом *баксузлук* 'беда, несчастье, неприятность, неудача, зло', несколько отличным от слова *несрећа* (несмотря на их взаимозаменяемость) тотальным, роковым, неизбывным характером преследующих человека неприятностей: *стално ме ео неко доба прати баксузлук, ништа ми не иде од руке* «меня с некоторого времени постоянно преследуют неудачи, у меня ничего не получается» (Ћупић 1997, 12). В южносербских и болгарских говорах у продолжений тур. *bahtsiz* наблюдается смещение семантики в сторону оценки характера 'плохой человек', однако при этом сохраняются культурные коннотации, связанные с судьбой.

Как можно заметить из приведенных диалектных текстов, содержание признаков турцизмов обычно раскрывается через такие дефиниции, как '*коме све успева, све иде од руке, иде у напредак*' «кому все удастся, у кого все получается, продвигается» и '*коме све иде наопако*' «у кого ничего не получается». Это свойство может быть как временно присущим человеку, благоприобретенным (ср. продуцирование этого свойства в благопожеланиях), так и врожденным свойством иметь или не иметь успех. По свидетельству М. Филиповића, в Таково верят, что «некоторые люди рождаются *сретни*, *батли* или *са талијом (талични)*, а другие

баксузи: такой человек работает, трудится, но у него ничего не получается, хозяйство разваливается, сам он сломает ногу, сопьется» (Филиповић 1972, 208). Счастье, или удачливость (*талија, бат*) понимается как положительная «сила, которую человек приносит с собою на свет, которая содержится в человеке, излучается на окружающих» и дается человеку по *Божју наређењу* (по Божией воле) (Филиповић 1972, 208). В Таково об одном человеке рассказывают, что он прошел войну невредимым, потому что *имо неку талију*, а о другом, образованном и богатом и имевшем все условия, чтобы хорошо жить, но тем не менее жившем очень тяжело и умершем в нищете, что *није имао талију* (Филиповић 1972, 208). В фольклоре это представление отражается в сюжетах следующего типа: семья никак не может разбогатеть несмотря на то, что все усердно работают, отец передает управление хозяйством старшему сыну, но семья продолжает бедствовать. Так, во главе семьи, по очереди, становятся все братья. Когда старшим в семье делают младшего сына, дела в хозяйстве начинают идти прекрасно, и таким образом выясняется, что он, в отличие от остальных, *срећан* (СНПЛ, 218–219).

В восточнославянском фольклоре также встречается мотив распространения счастливой доли человека на окружающих (ср. сказку «Счастливое дитя»: приказчик слышит предсказание, что родившийся у купца ребенок будет приносить удачу, похищает его и добивается в жизни больших успехов (Афанасьев 1957, 305–306)), однако, в отличие от южнославянской народной культуры, он не получает устойчивого закрепления в языке (за исключением тех случаев, когда речь идет о «счастливом» предмете, ср. сочетание *счастливый билет*, в котором *счастливый* выражает значение ‘приносящий удачу’). В южнославянских говорах свойство человека (животного, предмета) положительно или отрицательно влиять своим присутствием на ход дел также может выражаться славянскими словами (ср. *нафакали и срећан пас* букв. «счастливая собака», о собаке, которая приносила удачу (Чајкановић 1927, 187)), однако лексикализация этого значения преимущественно достигается с помощью заимствованной лексической парадигмы.

Наиболее часто значение ‘приносящий удачу/неудачу окружающим’ выражается производными *baht*: серб. *бахтли (батли), батлија*, макед. *батлија* ‘счастливый, приносящий удачу другим’ (РМНП 1, 65): *батли муштерија* «покупатель, у которого легкая рука» (РСАНУ 1, 333). С этой же семантикой употребляются серб. *таличан, талишан* (Филиповић 1972, 208), *нафакали* (Чајкановић 1927, 187), *аирлија: баш је*

аирлија чича Риста јер кад год ми он чини севте добро пазарим «дядя Риста приносит удачу, когда он у меня бывает первым покупателем, у меня всегда хорошая выручка» (РСАНУ 1, 40). Противоположную семантику выражает, главным образом, лексема *баксуз* и ее дериваты, в том числе частотны глаголы *баксузирати*, *баксузити* ‘приносить неудачу’: *пусти ти баксуза у кућу, па ће ти све наопако ићи* «пусти баксуза в дом, все пойдет наыворот»; *бежи отаде баксузе, не баксузи тај рад* «пошел вон, баксуз, не порти мне работу» (РСАНУ 1, 262); *немој ми кварити посао, баксузнице један* «не порти мне работу, баксузник»; *несретниковић и баксуштина који да довати за сирово дрво, осушило би се* «несретниковић и баксуштина, если бы он взялся за дерево, то оно бы высохло» (РСАНУ 1, 263). Также, хотя и чрезвычайно редко, встречается с этой семантикой слово *аталија* ‘приносящий несчастье’ (РСАНУ).

В проникновении в южнославянские диалекты турецкой лексики судьбы, безусловно, решающую роль сыграли культурные факторы. Важная роль, которую вера в судьбу играет в ориентальном сознании, подразумевает ее частотное, интенсивное выражение в вербальном языке и языке культуры, что естественно более или менее активно воздействовало на славянское окружение. При этом процесс влияния был не только языковым: наряду с лексической парадигмой, славяне заимствовали ориентальные фольклорные тексты о судьбе (сербский этнограф М. Филипович отмечал, что в Сербии бытуют варианты сказок о судьбе из «Тысяча и одной ночи» (Филиповић 1958, 286)).

Однако наряду с фактором культурной экспансии, безусловно, имели место и внутриязыковые механизмы этого процесса: поле судьбы в славянских диалектах оказалось по ряду причин «слабым местом». Одной из существенных причин усвоения заимствований представляется асимметрия плана содержания и выражения славянских слов, отражающих целый спектр значений и не всегда однозначно интерпретируемых, что могло создать внутреннюю потребность поля в терминологизации, закреплении самостоятельных знаков за специфическими значениями (ср. замечание И.А. Седаковой о семантике болгарского турцизма *мерак* ‘желание’: турцизм «воспринимается как очень емкое, выразительное понятие, которое невозможно передать славянскими по происхождению синонимами “желание”, “удовольствие”» (Седакова 2017, 106–107) . Эта внутренняя потребность поля судьбы в структурировании, приобретении самостоятельными семантическими ячейками отдельных лексических знаков,

подтверждается историей литературного сербского языка, в котором полисемантическое (и при этом семантически синкретичное) *срећа* уступило часть своего спектра слову *судбина*, сохранив за собой только значения удачи и благополучия. При внедрении турцизмов в славянскую лексико-семантическую систему, как кажется, действовал тот же механизм разграничения судьбы, доли, счастья и успеха, прибыли, благосостояния и, в целом, механизм семантической специализации. Некоторые культурные значения, которые хотя и могут быть выражены словом **(vъ)strětja* и его производными, но принадлежат к периферии его семантического поля, и их реализация требует текстовой поддержки и нередко жанрово обусловлена. В турцизмах же, которые семантически устроены гораздо проще, именно эти специфические значения становятся ядерными. Ср. несколько неопределенную идею хорошей доли, заложенную в слове **(vъ)strětja* (по степени абстрактности содержания приближающемся к русск. *счастье*), которая в лексеме *aup* реализуется в значении ‘прибыток, успех в деле’ (приближается к русск. *спорина* в примере *спорина в кваиню!*), который зависит от природы участников предприятия и всех присутствующих, имеющих способность приносить *aup* или лишать его⁴⁹.

⁴⁹ Видимо, наиболее остро потребность в специализации ощущалась в признаковом участке поля. Доказательством этому служит то, что признаковые слова в сербских говорах по горизонтали (географически) и по вертикали (по разным стратам языка) распространились гораздо шире, чем названия судьбы (интересно замечание Т. Джорджевича о том, что слово *батли* в сербских говорах употребляется чаще, чем *бат* (Ђорђевић 1938, 170)).

§2. Обозначения упрямства

В восприятии носителя сербского языка одними из главных характеристик поведения сербов в межличностных отношениях и на исторической сцене является выражение *за (у) инат* ‘наперекор, на зло, несмотря ни на что’ и синонимичное ему наречие *упркос*. Они связаны с двумя близкими по значению лексемами, *инат* и *пркос*, в семантике которых соединены отрицательно и положительно оцениваемое сопротивление человека жизненным обстоятельствам, которое считается особенностью сербского национального характера (*чувени српски инат* «знаменитое сербское упрямство») и в зависимости от ситуации может быть передано русскими лексемами *упрямство, неуступчивость, упорство, непокорность, сопротивление, противодействие, протест, бунт*. Более частотная и популярная лексема *инат* происходит от соответствующего турецкого слова со значением ‘упрямство, упорство’ (Škaljić 1966, 346), а вторая, *пркос*, связана со славянским корнем **perk-*, представленным в русск. *перечить* (Skok 3, 46).

Для иллюстрации частотности сербского слова *инат* при описании конфликтной ситуации, которая в русском языке выражается самыми разнообразными, в том числе и синтаксическими средствами, приведем несколько примеров переводных текстов: «Она удивлялась, сердилась, приписывала знакомство с Варей капризам и властолюбию своих дочерей, которые “уж и придумать не знают, что ей *сделать напротив*”» (Ф.М. Достоевский) – «[...] *koje prosto već “ne znaju šta da izmisle, samo da joj nešto u inat učine”*»; «Но Дуняшка *закусила удила*: она тоже побледнела от негодования и злости» (М.А. Шолохов) – «*Ali Dunjaška nastavi inat: i ona preblede od jeda i zloće*». «Бекки просто воспользовалась им, чтобы *досадить* Тому Сойеру» (М. Твен) – «[...] *devojčica ga prosto-naprosto izradila da pomoću njega tera inat Tomu Sojeru*»; «Сударь, не плюйте здесь, – сказал Швейк, с любопытством глядя на пришельца. – И ещё раз плюну, *видите, вот так!* – упрямо сказал строгий господин» (Я. Гашек) – «[...] *reče Švejk gledajući radoznalo u nepoznatog gospodina. – E, baš hoću, za inat, evo još jedanput! – reče tvrdoglavo strogi gospodin*».

Вук Караджич в своем словаре 1818 г. *инат* переводил как *der Streit* ‘спор’, а *пркос* как *der Trotz* ‘упрямство’ (Караџић). В более поздней сербской и хорватской лексикографии лексемы *инат* и *пркос* трактуются как синонимы со значением

‘свойство поступать из упрямства, исходя не из своей выгоды, а только потому, что другому это неприятно’ (RJAZU 3, 834; 12, 834), ‘капризное, вызывающее поведение, противоречие’ (РСАНУ 7, 724), ‘неуступчивость’ (Далмација 2004, 245). В традиционной культуре это свойство однозначно оценивается отрицательно. В народных пословицах *инат* трактуется чуть ли не как главная антиценность сербского народа: *од ината нема горег заната* «нет худшего занятия, чем упрямство», *инат баби душу губи* «упрямство губит душу женщины», равно осуждается и *пркос*: *воевод. пркос кола ломи* «упрямство телегу ломает» (говорится при конных соревнованиях о последствиях спортивного азарта) (Вукове пословице 1996, 238, 114, 266). Ср. черногорскую пословицу *Драго је сам себи најприје врат сломио* «“Хочу” прежде всего само себе шею сломало» (о человеке, который все делает только по той, причине что ему так хочется) (Вукове пословице 1996, 79). Отрицательную силу и действенность чувства, обозначаемого словом *инат*, иллюстрирует фольклорная ситуация, в которой сербский эпический герой из духа противоречия может даже отказаться от своей веры. «В каком бы случае ты, Марко, принял турецкую веру?» – спросил султан Марка Кралевича. А тот ему ответил: «*За инат* (назло кому-то/если бы меня заставляли сделать наоборот), светлый царь» (Вукове пословице 1996, 262). В народном языке XIX в. слово *инат* часто выражало семантику раздора, ссоры, вражды: «Когда встали сваты, начался между ними *инат* (спор), кто из них лучше» (РСАНУ 7, 724, из собрания народной прозы В. Караджича), «с тех пор как Срея и Милутин поссорились [...] каждый день между ними была перепалка и *инат*» (РСАНУ 7, 724, М. Глишић). В современных текстах *инат* и *пркос* в значении отказа от созидательного компромисса, неуступчивости, непокорности часто упоминаются в ряду негативных черт человеческого характера, таких, как зависть, нетерпеливость, мстительность.

Негативные *инат* и *пркос* чаще всего встречаются в бытовых ситуациях спора, когда человек руководствуется принципом «ни за что не уступлю» или *проявляет (показывает) свой характер* (ср. русскую фразу, хорошо описывающую *инат*: *Конечно, последовательнее было бы стоять на своём. Но тогда и ему придётся проявлять характер. И чем дело кончится, неизвестно* (В. Войнович)). Типичными проявлениями *ината* и *пркоса* являются нежелание уступить соседу при размежевке и нежелание уступить цену покупателю. В Славонии в качестве названия поля дважды зафиксирован топоним *Пркос*, что связано с тем, что некогда оно было предметом спора (RJAZU 12,

231–232). В Сараеве в честь *ината* своего хозяина одно строение XIX в. носит название *Инат кућа* (букв. «упрямый дом»). За его снос хозяин не только запросил с городских властей, планировавших построить на его месте ратушу, баснословную сумму, но и потребовал по кирпичику перенести его на другое место. Лексема *инат* фигурирует и во множестве других ситуаций, в которых человек руководствуется желанием настоять на своем. Приведем один народный анекдот. «Приехал как-то один человек в Сараево, чтобы купить немного соли. И спрашивает продавца: “Почем ока соли?” – “Полтора гроша”, – отвечает продавец. А человек: “Я что не в своем уме, чтобы платить тебе полтора гроша за оку соли, если в Мостаре она по грошу”. Поехал в Мостар и купил оку соли за грош. Когда приехал он домой, спрашивают его, где он был столько времени. А он отвечает: “Я уз *инат* (назло) продавцу из Сараева поехал в Мостар и взял оку соли за грош – он же запросил полтора гроша!”» (Шаулић 1931, 159–160).

Инат и *пркос* – это сознательное и разрушительное стремление человека к конфликту. «Ученики отвечали плохо. Учителя [...] считали [...] это упрямством (*инатом*) и наказаниями заставляли нас учиться. Тогда и вправду начинался *инат* [...] ученики говорили “не буду учить его предмет”» (Св. Маркович) (РСАНУ 7, 724). В отличие от русского слова *упрямство* и эквивалентного ему сербского *тврдоглавост*, *инат* и *пркос* не могут обозначать неосознанное беззлобное упрямство, которое встречается у животных и может быть связано с недостатком ума (*тврдоглав као ован* «упрямый как баран») или присуще людям как немощь и вызвано непониманием ситуации, что приводит к неправильной на нее реакции (*старост пак одликују тврдоглавост, слабост и болест* «для старости характерно упрямство, слабость, болезни» (KSSrJ, Ж.Требьешанин)).

В политическом и социологическом дискурсе последних десятилетий лексемы *инат* и *пркос* используются для описания поведения сербов в международной политике и по отношению к переменам, вызванным распадом Югославии. «Мы [сербы] можем принять реальность или проявлять *инат* (‘упрямство, упорство’), но когда мы проявляем *инат*, мы всегда создаем проблемы только своей стране, своему народу и своим детям [...] наша страна ради национальных интересов должна приспособиться к стандартам международного сообщества» (КСС). Как видно из приведенного примера, в зависимости от позиции человека, создающего или воспринимающего текст, в

подобных употреблениях *инат* может оцениваться и как отрицательное, и как положительное явление.

В целом, для современного сербского узуса характерно изменение аксиологической трактовки *ината* и *пркоса*. Наряду с коннотацией раздора, у этих лексем развилась коннотация борьбы, упорства, что сформировало представление о созидательном *инате* и *пркосе*. Возможны ситуации, когда дух противоречия и сопротивления, обозначаемый лексемой *инат*, оценивается однозначно положительно. «Он покупал в хорватских киосках все сербские иллюстрированные издания у *инат* (‘наперекор, назло’) продавцам, которые не хотели уточнять, что у них есть из сербских изданий» (КСС). Особенно это очевидно в ситуациях, в которых *инат* трактуется как созидательная сила (наперекор обстоятельствам сделать что-то хорошее), что получило широкое распространение в современном сербском языке. В этом значении *инат* входит в ряд таких понятий, как «мужество», «бескомпромиссность», «упорство», «настойчивость». Это значение часто актуализируется в героической ситуации справедливой борьбы человека за свои права. Такой *инат* получает оценку *здрави* (*то је здрави инат* «это здоровый инат»): «Баранду в 1987 г. украсила новая школа, которую сами жители построили для двухсот своих ребят, на собственные добровольные пожертвования и с помощью кредитов, выданных из краевого бюджета, благодаря ходатайству высокопоставленных лиц, у *инат* (‘наперекор’) тогдашней администрации общины и района, которые решили закрыть старшие классы начальной школы в Баранде и переселить их в Опово» (КСС). «Среди тридцати важнейших культурных событий 2002 года, двадцать пять – плод сумасшедшего упорства, культурного *ината* (‘борьбы, сопротивления’), потребности сделать что-то своими силами, без помощи со стороны» (КСС).

Положительные *инат* и *пркос* могут быть героическими и часто встречаются как атрибут сербского патриотизма (*родољубив пркос* «патриотический пркос»): «Пока было легко уехать, я не хотел уезжать из *ината* (‘из упрямства, духа противоречия’), потому что думал, что не годится всем уезжать, нужно бороться» (КСС); «Признаюсь, что я часто представлялся сербом, из сопротивления конформизму, если не сказать из *ината* (‘из упрямства’)» (КСС); «Маленькая Сербия – большая победа, *пркос* (‘сопротивление’) Европе. Путь, которым должны идти все страны мира. Это современная политика»; «Он холодным шведам объясняет наш нынешний и

исторический *пркос* ('борьбу') [...]: "Мы голову даем за честь, а честь не даем за голову". Сродни патристическому *инату* и *пркосу инат* и *пркос* спортивный. «Прогноз, что кубок Винса Ломбарди для нас останется лишь пустой мечтой, укрепил *пркос* ('боевой дух') моих коллег по команде. *Инат* ('упрямство') был нашим основным двигателем к титулу чемпионов» (KSSrJ, «Политика»).

Одновременно с развитием положительной оценки упрямства в сербском языке обозначилось и семантическое различие между словами *инат* и *пркос*. В целом неделимый и синкретичный концепт сопротивления, обозначаемый этими лексемами, в глубине обнаруживает два полюса: ярко негативной бытовой неуступчивости, которую обычно выражает *инат*, и аксилогически амбивалентной социальной и политической непокорности, которую чаще выражает *пркос*. Между лексемами присутствуют и стилистические различия, обычно свойственные в балканославянских языках турцизму и его славянскому эквиваленту (для турцизма характерна бóльшая экспрессивность и разговорный характер, ср. (Седакова 2013, 166)).

Романтическая трактовка упорства как непокорности, отстаивания своей чести в большей степени характерна для *пркос*, который стал своеобразным символом борьбы сербского народа. Добрице Эричу принадлежит стихотворение «Пркосна песма» («Упрямая песня»), посвященное исторической судьбе сербов, исполненной трагизма и борьбы, из которой Сербия выходит духовно непокоренной: *Ја кћи Божја, Србија // с погнутом главом, изјављујем драговољно // кроз ланце и жицу // пред сведоцима Силом, Муком и Неправдом // да крива сам и признајем кривицу* «Я, дочь Божия Сербия, через цепи и проволоку, добровольно признаю перед свидетелями Силой, Мукой и Несправедливостью, что я виновата и признаю свою вину». Такой *пркос* входит в ряд высоких нравственных ценностей, таких как любовь, сила, братство, воля, достоинство, смелость, борьба, страдание, верность, честь и получает высшую оценку: «Шайкача [головной убор четников] – это больше, чем обычная шапка, это символ *пркоса* ('упорства'), мужества, нежности и *ината* ('борьбы')» (KSSrJ, М. Капор). В сербской культурологии принято даже различать *инат* и *пркос* как злонамеренную разрушительную и благую созидательную силы. «*Пркос* и *инат* происходят из одной человеческой потребности – потребности в противоречии. Однако в отличие от *пркоса*, который нас стимулирует преодолевать неблагоприятные обстоятельства, *инат* – это *пркос* ради *пркоса*, которым мы наносим вред прежде всего себе. В отличие от

мстительного *ината* [...], *пркос* несет в себе этический потенциал протеста, [...] *пркос* – положительное качество (*врлина*), а *инат* – порок» (Јовановић 2009).

Исходя из этой трактовки, женитьба у *инат* ('назло') родственникам представляет собой своеобразную месть под лозунгом «мне не разрешают, а я сделаю по-своему», а женитьба *упркос* ('вопреки') – это отстаивание идеи, идеала под девизом «мне не разрешают, но я буду бороться за свое счастье». На основании текстовых данных можно сделать вывод, что если *инат* а ргіогі считается негативной чертой человеческого поведения, а уже в зависимости от позиции говорящего может наделяться положительным содержанием, то *пркос* не имеет однозначной негативной окраски, более того у него есть и очевидный положительный ареол. Другими словами, положительная оценка *ината* носит окказиональный характер, а у *пркос* – узуальный.

В этом особом значении, не совпадающем с семантикой *ината*, *пркос* можно перевести на русский язык как *непокорность* и *бунт*, борьбу одиночки против более сильного большинства, бунт Прометея, который по-сербски обозначается именно словом *пркос* (*прометејски пркос*). «Эта борьба [...] – постоянный *пркос* и знак непокорности сербского народа» (KSSrJ, «Политика»). «Это *пркос* сербского народа, а для тех, кто хочет нас уничтожить, – доказательство, что нас уничтожить нельзя» (KSSrJ, «Политика»). Бунт, обозначаемый как *пркос*, может носить экзистенциальный характер сопротивления миру, когда человек вступает в борьбу с неотвратимыми обстоятельствами, угрожающими его жизни: «Он продолжал свой *пркос* по отношению к миру, он не хотел примириться со старостью и смертью» (KSSrJ, Д. Киш). С помощью слова *пркос* регулярно описывалось поведение Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: в знак протеста он отказался от предложенной ему судом защиты и пожелал защищать себя сам: «Поведение Милошевича я воспринял как чистый сербский *пркос*, который вряд ли ему поможет в суде» (KSSrJ, «Политика»).

Понятие *ината* и *пркоса* представляется функционально близким понятию свободы, также возникающему в ситуации угрозы интересам, самореализации человека. Примечательно, что в традиционной сербской культуре, носящей крестьянский характер, понятие свободы не получило развития, тогда как для черногорской культуры оно, напротив, очень характерно и является высокой ценностью и идеалом общества. В народных песнях и у черногорских авторов XIX в. «черногорская свобода» называется прекрасной, святой, дорогой, что связано с военным характером их культуры,

сформировавшейся в постоянной борьбе с турками и другими соседями, угрожавшими их земле, ср. *Пропала слобода црногорска, јер ће на нас ударити Млечићи и Турци* «Погибла черногорская свобода, пойдут на нас венецианцы и турки», *Војите на Турчина за крст часни и лијепу слободу* «Война с турками за честной крест и прекрасную свободу» (М.С. Любиша) (RJAZU 15, 555), *Црногорци који вазда у слободи живе* «Черногорцы, которые всегда жили свободно» (народная песня) (RJAZU 15, 555). Свобода как величайшая ценность предстает и в вариантах известной песни, легшей в основу современного гимна Черногории: *Волимо вас, брда тврда, и стравичне ваше кланце, који никад не познаше срамотнога ропства кланце. [...] Слободе ће чувар бити наша брда, наше горе, докле земљу сунце грије и докле се људи боре.* «Мы любим вас, крепкие горы и страшные ущелья, которые никогда не знали цепей унижительного рабства. [...] Стражем свободы будут наши горы, наши холмы, пока солнце согревает нашу землю и люди борются». Сербская система ценностей, напротив, сформировалась не на отношениях с внешними силами, угрожавшими их стране, а на внутренней, семейной, межличностной модели отношений между братьями. В традиционном восприятии братья могут жить *у инату* ('в ссоре') или *у слоги* ('в согласии'). Через эту семейную модель воспринимается и внутренняя политика, и сербская история, трагедии которой заключаются в нарушении братства (ср. югославянскую идею братства сербов и хорватов), или согласия, единства⁵⁰. Согласие (*слога*) считается одной из высших общественных ценностей сербского народа, которая противопоставляется в народной культуре разрушительному *инату*, или спору, разногласию, междоусобице (*неслога*). В своем гимне сербский народ просит Бога: *Сложи српску браћу драгу на сваки дичан, славан рад, слога биће пораз врагу а најјачи српству град.* «Примири (*сложи*) сербское дорогое братство для всякого славного труда, согласие (*слога*) будет поражением для врага и сильнейшей опорой для сербства». Геральдический символ, представленный на современном гербе Сербии, – крест с четырьмя знаками в форме буквы «с», – в народной культуре объясняется как девиз *Само слога Србина спасава* («Только согласие спасает сербов»), который широко используется с XIX в. до наших дней в официальных и неофициальных текстах. В современном сербском мировосприятии *слога* должна заменить *инат* во внутренних отношениях, чтобы стать выражением

⁵⁰ Ср. пример употребления этого слова П. Ивичем: «У доба огорчене борбе хрватске народне странке против Пеште и Беча *слога* са Србима је била императив тренутка» (Ивић 1971, 190) («В период ожесточенной борьбы хорватской Народной партии против Пешта и Вены *единство* с сербами было исторической необходимостью»).

коллективного *ината* по отношению к окружающему миру. В рок-песне «Я знаю, что все против Сербии» (группа «Рибља чорба»), написанной по следам агрессии НАТО против Югославии, есть такие слова: *Сад кад нас бомбама гађају, Срби се више не свађају, јер наше гесло саопштава да само слога Србина спашава* «Сейчас, когда на нас бросают бомбы, сербы больше не ссорятся, потому что наш девиз – только согласие спасает сербов».

§3. Обозначения сильного желания

Данный раздел посвящен сербским лексемам *мерак* ‘желание, наслаждение’ и *ћеф* ‘прихоть, каприз’.

Лексема *мерак* имеет турецкое происхождение (тур. *merak* ‘интерес, любопытство, влечение’) и распространена в разных балканских языках (о болг. слове *мерак* см. (Седакова 2017)). В отличие от своих славянских синонимов, в частности сербского *жеља*, она выражает специфическое значение сильного желания, связанного с получением удовольствия (обычно телесного, ср. турцизм *лезет* ‘удовольствие, получаемое от еды и напитков’). Подобно другим абстрактным лексемам турецкого происхождения, таким, как *инат* ‘упрямство’, *кисмет* ‘судьба’, *севдах* ‘любовная тоска’, на основе этого значения у сербов сформировался важный культурный концепт. Данная лексема характерна и для хорватского языка.

Основное значение лексемы *мерак* – это сильное, страстное желание (по-сербски *махнита жеља* – «безумное желание»), непреодолимое влечение к совершению какого-то действия или обладания каким-то предметом. Объект *мерака*, как правило, связан со страстью к чему-либо: это карты, алкоголь, еда и женщины или, если субъектом *мерака* является женщина (что бывает очень редко), то мужчины (*фрљити мерак на некога* «положить глаз на кого-то» (РСЈ): *Имам мерак да пијем прије јела ладну пиву* «Мне бы хотелось выпить перед едой холодного пива» (Далмација 2004, 158). *Видио сам свега доста ал ми на те мерак оста* «Я многое видел в жизни, но тебя продолжаю любить». *По мераку сам узео девојку* «Я женился на девушке, которая мне понравилась» (РСЈ). В качестве предиката *мерака* часто выступает глагол *вуче* ‘тянет’: *Ама хоћу да играм* (карата) [...] *мерак ме вуче* «страсть как хочется поиграть в карты» (РСЈ). Но в принципе объектом *мерака* может быть любой предмет или действие: *оћеш ти да ми дадеш* [...] *рукавице мерак ми је* «не отдашь ли ты мне [...] перчатки, очень они мне нравятся» (Чемерикић). *Имо сам мерак да купим ону Алексину њиву, али нијесам успио* «Я хотел купить поле Алексы, но не вышло» (Далмација 2004, 158). *Е, баиш кад ти је мерак, ето узми је* «Раз тебе так хочется, возьми это» (РСЈ).

Во втором значении слова *мерак* ‘наслаждение, большая радость, удовольствие, хорошее настроение’ (серб. *уживање, задовољство, угодно*

расположење) отражена обычная связь обладания желаемым объектом и положительных эмоций, ср. *чинити мерак* ‘наслаждаться (*уживати*)’: *Пуцао је од мерака у ваздух* «От избытка радостных чувств он стрелял в воздух» (РСЈ); *Мерак ми је тако да га задевам* «Мне нравится над ним подшучивать» (Елезовић). Разновидность этого значения – желание получать удовольствие, наслаждаться: *На мерак сам остао, не знам шта ће дете тамо учинит* «Я хотел остаться с вами посидеть, не знаю, что там ребенок сотворит» (Елезовић); *Волим овако да мерачим, ти да читаш а ја да слушам* «Люблю я так наслаждаться: ты читаешь, а я слушаю». В третьем значении ‘тоска, уныние, отчаяние’ (серб. *меланхолија, потиштеност од велике жудње*) также заложена идея эмоциональных последствий желания, в данном случае невыполненного. *Али ће тада умрети од мерака* «Тогда он умрет от тоски» (РСЈ). *Остаде ми мерак што не отидо у Дечане* «Мне очень жаль, что я не съездил в Дечаны» (Чемерикић). Это значение может выступать и как ‘несчастливая любовь’: *болна лежи од мерака болна лежи од севдаха* «Она болеет от тоски, болеет от любви» (Чемерикић).

Реже *мерак* сочетается с нейтральными объектами и обозначает простое желание: *имам мерак на шљиве* «мне хочется слив» (РСЈ), *имао би мерак да је видим* «я хотел бы с ней увидеться». *Нема мерак за работу* «Нет желания работать» (Елезовић).

Присутствие в человеке развитой желательной силы оценивается традицией положительно, как норма: *Како си тако човек без мерака?* «Как же ты так живешь без желаний?» (Елезовић); *Ко не зна шта мерак је тај није пробао све* «Кто не знает, что такое страсть, тот не знает жизни» (З. Чолич). Склонность к наслаждению жизнью приписывается традицией сербскому народу как национальная черта: ср. *српски мерак* (название музыкальной композиции в народном стиле).

Желание обладать каким-то объектом или использовать его в своих целях, а также желание заниматься каким-то делом выражается также глаголом *мерачит* ‘желать чего-то’: *Одавно Милан мерачи на Милицу, изгледа ће је запросит* «Давно уже Милану нравится Милица, наверное, попросит ее руки». *Мерачи Марко на Миличино имање, а не на њу* «Марко зарится на имение Милицы, а не на нее саму». *Мерачим ово теле, процењујем колико је тешко* «Смотрю на этого теленка, хочу оценить, сколько он весит» (Ћупић 1997, 226–227).

В семантике и устойчивой сочетаемости дериватов слова *мерак* и прежде всего в названии деятеля – *мераклија* ‘тот, кто умеет получать удовольствие от жизни’, идея наслаждения и разгула, получения удовольствия от общения с женщинами, музыки и напитков проявляется особенно ярко. Носитель такой жизненной позиции – прежде всего мужчина. Со словом *мераклија* связывается образ завсегдатая «кафан» (сербских традиционных кафе, трактиров), гурмана, любителя приятной беседы или кутежей: *за веће мераклије било је и кафана изван чаршије* «для больших кутил были заведения и подальше от центра города» (РСЈ). Ср.: *мераклијска кафана* «кафана, где собираются любители покутить», фактически это то же самое, что «настоящая кафана» (*Код мераклије* – название кафаны в Косовской Митровице (Чемерикић)), *мераклијско лумповање* ‘кутеж’ – также плеоназм, *мераклијске навике* ‘привычки завсегдатая кафаны’ (РСЈ 2007, 698).

Часто эта лексема требует выражения объекта (‘любитель/знаток/ценитель чего’): *Сава је био мераклија за пиће и јело* «Сава был любитель выпить и поесть» (Далмација 2004, 158); *мераклија за песму, за свирку, на ракију, на сарму, на рум, на девојке, за вино* «любитель/ценитель песен, музыки, ракии, сармы (название блюда), рома, девушек, вина» (РСЈ; Чемерикић). *Много је мераклија за ракију* «Он большой любитель ракии» (Елезовић). *Радован је био мераклија и за пиће, и за људе, и за жене* «Радован был ценителем спиртного и женщин, любителем мужского общества». *Мало је био мераклија за друштво, ка што је био покојни Томаш* «Мало было таких любителей общества, как покойный Томаш» (Ћупић 1997, 226–227). Но слово может употребляться и без объекта: *Од њега по мераклију човека неће нађеи* «Большого любителя хорошо провести время найти трудно» (Чемерикић). Ср. примеры из хорватского корпуса: *Ђурица бјаše велики kavopija i meraklija, знао је кад kava valja, а за duhan је mogao odrediti, не само sortu, већ и од којег је branja* «Джурица был большой любитель кофе и жизнелюб, он разбирался в кофе, мог определить не только сорт табака, но и какого он урожая» (НЈК, Мирко Ковач). *Он је увјек први отварао igranku, а играо је – veseljak – да су све pocikivali: Gledaj načelnika, alaj veze, meraklija!* «Он всегда первым начинал танцевать, и танцевал, весельчак так, что все приговаривали: «Посмотри на начальника, умеет погулять!»» (НЈК, Войин Елич).

Второе значение слова *мераклија* – охотник до женского пола, бабник (‘тот, кто любит смотреть на женщин и проводить время с ними’): *стари мераклија* (РСЈ). Носителем этого признака может быть и женщина: *мераклика* ‘женщина легкого поведения’ (Митровић 1984, 179).

Процитируем толкование *мерака*, предлагаемое в русскоязычном Интернете. «Мерак – это не просто отдых, это умение наслаждаться самыми простыми вещами: чашечкой утреннего кофе, пением за свадебным столом, общением с хорошим другом, футбольным матчем, обществом своих детей, поджаренной “кобасицей” и т. д., и т.п. И если японцы способны отдаться целиком любованию сакурой, то сербы (и не только) знают толк, скажем так, в позитивном расслаблении. Так что не верьте, что все жители Балкан страшно ленивы. Это не наплевательское отношение к работе, это МЕРАК – искусство предаваться отдыху по полной программе» (<https://jugoslovo.com/два-самых-балканских-слова/>).

Значение сильного желания в сербском и других балканославянских языках также выражает турцизм *ћеф* (араб. *kauf*, тур. *keyif* ‘веселое настроение, желание, прихоть’, болг. *кеф* ‘хорошее расположение духа’, ‘воля, хотение, прихоть’ (Геров 2, 363)): *терати ћеф* ‘самовольничать, самоуправствовать’, *није му то по ћефу* «это ему не нравится». *Дође му ћеф да се жени* «захотелось ему жениться» (РСЈ). В данной лексеме семантика желания может получать форму прихоти: *Имају увек доста новаца за личне ћефове* «У них всегда достаточно денег на свои прихоти» (РСЈ). Обозначая прихоть, каприз, *ћеф* по значению приближается к слову *инат* ‘упрямство’: *Шта ти би, Лујо, да гласаш комунисте? [...] Од ћефи, рече Лука* «Почему ты, Лујо, голосовал за коммунистов? [...] Захотелось, – ответил Лука» (РСЈ). Ср. также глагол *ћефнути се* ‘захотеться’: *Станодавац узима за кирију [...] колико највише може да добије, а када му се ћефне – да отказ* «Хозяин квартиры берет за аренду [...] так много, как только может, а когда ему захочется – отказывает» (РСЈ 2007, 361–362). *Мајка: Узми, сине, поједи то из тањира. Син: Јешћу кад је мене ћеф и што је мене ћеф* «Мама: Возьми, сынок, поешь это из тарелки. Син: Я буду есть, когда хочу и что хочу» (<http://vukajlija.com/cef>). Ср. хорв. текст: *dok mi se na kraju ne pričini da je on sam i samo za svoj ćef sve te bačve otvorio i svi tu rumeniku isprolijevao* «пока ему, наконец, не показалось, что он сам и только для своей прихоти открыл эти бочки и вылил все вино» (НЈК, Иван Раос).

Во втором значении лексемы *ћеф* и ее дериватов заключена идея получения удовольствия, как и в слове *мерак* (РСЈ). *Не могу гледати да Турци с главом његовом себе ћеф чине* «Не могу смотреть, как турки с его головой развлекаются» (РСЈ); *Ма матором је то ћеф, оде тако сваке недеље на пецање, понесе флашу ракије, забаци удицу у воду и сам се лепо са собом напије* «Ну, старику это в удовольствие, ходит каждую неделю на рыбалку, берет бутылку ракии, забрасывает удочку в воду и напивается наедине с самим собой» (из Интернета). Удовольствие, называемое словом *ћеф*, часто связывается со спиртным: *ћефити се* ‘развлекаться, веселиться’, *ћефлија* ‘в хорошем настроении, подвыпивший’: *(Испод вињага) се свако вече окупљале еснафлије и ћефиле се уз ракију и мезе* «В винограднике каждый вечер собирались ремесленники, веселились под ракию и закуску», *ћефлисан* ‘навеселе, в хорошем настроении вследствие действия алкоголя’: *Ћефлеисани радници, касно у ноћи, враћају се у своје квартире* «Подвыпившие работники поздно ночью возвращаются на свои квартиры»; *У углу вагона [...] седи жгољав човек, ћефлија* «В углу вагона [...] сидит костлявый человек, подвыпивший» (РСЈ 2007, 362).

Выводы к главе II

Народные представления, рассмотренные в данной главе, сформированы в рамках нескольких хронологических пластов. К наиболее древнему пласту из исследованных нами концептов относятся представления о судьбе. Эти представления в своей основе архаичны и сформированы мифологическим сознанием. Для этих представлений характерна идея предопределенности человеческого поведения и происходящих с человеком событий его долей в широком смысле слова, включая и имманентные свойства удачливости и неудачливости. Этот пласт представлений исконно выражался общеславянской лексикой, сказочными мотивами и сюжетами, пословицами и народными поверьями. Концепт судьбы и счастья, по всей видимости, можно связать еще с древнеславянской культурой.

Второй пласт представлений развился на почве сербской культуры. К ним можно отнести кодекс социальной этики, описывающий нормы поведения человека в обществе. Хотя этот кодекс имеет общеславянские корни, которые демонстрирует

обслуживающая его общеславянская лексика, язык сербской социальной (секулярной) этики сформировался в результате развития собственно сербской культуры, выдвинувшей в качестве одной из своих доминант концепт героической личности. Этот кодекс, несмотря на его разрушение в современной сербской культуре, выраженное на языковом уровне в выходе из употребления обслуживающей его лексики, продолжает существовать в национальном сознании, определяя тенденции развития значений. Об этом свидетельствует недавнее притяжение к лексико-семантическому полю достоинства слов *инат* и *пркос*, трансформировавшихся из понятий разрушительного характера в обозначения созидательной силы, исходящей от героической личности.

Наличие третьего пласта обусловлено внешними влияниями на язык сербской народной культуры. Оно прежде всего выразилось в притоке турцизмов, вступивших во взаимодействие с лексикой предыдущих хронологических уровней. Они значительно изменили язык сербской культуры и способствовали формированию в ней новых представлений или уточнению старых, закрепляя их лексически. Большую роль в формировании сербских этических концептов сыграли элитарная культура (ср. формирование концепта *чојство и јунаштво* под влиянием литературного произведения) и иноязычные, в частности русский и церковнославянский, образцы, которые привели к трансформации этических понятий (ср. вытеснение концепта *образ* концептом *част*, усвоение сербским языком слова *савест*).

Наконец, к четвертому хронологическому пласту можно отнести развитие такого явления, как продолжение семантического освоения турцизмов, которое, как мы заметили выше, происходит и в современном языке, приводя к образованию новых концептов.

Глава III

Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении.

Междиалектные синонимы в сербскохорватских говорах

Настоящая глава посвящена лингвогеографическому изучению сербскохорватской лексики. В ней содержится исследование ареалогических характеристик сербскохорватских лексем на материале карт «Общеславянского лингвистического атласа», сербскохорватской диалектной лексикографии и полевых исследований. Первый параграф содержит общий обзор типов сербскохорватских лексических изоглосс, которые выделяются на материале ОЛА. Во втором параграфе дается ареалогическая характеристика некоторых лексем из первого издания словаря Вука Караджича, отражающего ядро сербской лексики. Третий параграф посвящен географии (меж)диалектных синонимов праславянского происхождения. В четвертом – девятом параграфах дается характеристика лексических особенностей различных сербских и хорватских говоров на материале полевых исследований.

В ситуации отсутствия сербскохорватского, равно как и сербского и хорватского диалектных атласов, «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником для описания лингвогеографических особенностей сербскохорватской лексики. Материалы атласа используются в данной главе и как самоценный источник, и как вспомогательный, привлекаемый для того, чтобы вписать лексику говора в более широкий лингвогеографический контекст и определить, пусть и упрощенно, место конкретного говора в сербскохорватском диалектном континууме.

Однако «Общеславянский лингвистический атлас», естественно, не отражает многих особенностей сербскохорватского лексического ландшафта, как по причине редкой сетки пунктов, так и по причине того, что вопросник ОЛА ориентирован на исследование материала в общеславянском масштабе. С целью выявления особенностей лексики разных типов сербскохорватских говоров нами был предпринят целенаправленный сбор материала по анкете, составленной на основе лексических вопросов «Сербскохорватского диалектного атласа» (Upitnik za SDA) и

«Хорватского диалектного атласа» (Upitnik), практически идентичных друг другу.

Первоначально в вопросник были включены все лексические (L) и семантические (Sm) вопросы атласа/атласов (около 600). В ходе опробования вопросника автором в с. Кола в западной Боснии (май, 2019 г.) число вопросов было сокращено для большего удобства полевой работы. В основном, были исключены семантические вопросы, а также вопросы, предположительно характеризующиеся невысокой степенью лингвогеографической релевантности (*отварати, опет, онда, пре, после, тако, толико, редак, дубок, низак* и др.). Итоговая версия вопросника насчитывает 370 вопросов. Всего было проведено три крупных полевых исследования: в селе Кола в окрестностях Баня-Луки, в селах Шеховцы, Подрашница и Барачи в окрестностях Мркониц-Града и в селе Сиче в окрестностях г. Славонски-Брод. Кроме того, в работе используется материал нескольких анкет, записанных автором в индивидуальных беседах с носителями диалекта, а также заполненных по просьбе автора сербскими лингвистами.

При описании полевого материала применяется следующая методика. Для выявления лексической специфики сербскохорватского говора мы обращаемся к сравнению лексики, представленной в анкете из того или иного села, с лексикой сербского или хорватского литературного языка, засвидетельствованной в толковых словарях. Такое сравнение применяется нами для того, чтобы при описании анкет из разных пунктов, мы могли располагать показателем *tertium comparationis* и тем самым удобнее сопоставлять лексические типы разных говоров. Этот показатель демонстрирует степень близости (удаленности) говора от общесербского/общехорватского словарного фонда, и с его помощью можно сравнивать говоры, принадлежащие к разным диалектам. Слова из дифференциальной части проверяются по диалектным словарям с целью выявления в говоре локальных слов и слов более широкого диалектного распространения. Следующий этап анализа подразумевает описание лексического варьирования внутри одного диалекта и выделение его общих характерных признаков. Для этого сопоставляются анкеты говоров различных сел, относящихся к одному диалекту. На заключительном этапе анализа лексика рассматриваемого диалектного типа сопоставляется с лексикой говора или говоров, относящихся к иным диалектным типам, и выделяются изоглоссы, их противопоставляющие.

§1. Лексические изоглоссы в сербскохорватском языковом континууме на материале ОЛА

Важным этапом в развитии славянской лексической лингвогеографии стало появление лексических выпусков «Общеславянского лингвистического атласа». Т.И. Вендина отмечает, что «отсутствие должного внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом [...] с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума [...]. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня. Атлас позволил не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря ОЛА появилась возможность “паспортизировать” праславянскую лексику и проследить ее судьбу в пространстве *terra Slavia*» (Вендина 2018, 61–62). Наиболее крупным результатом анализа лексических карт ОЛА являются две монографии Т.И. Вендиной, посвященные типологии славянских ареалов, демонстрируемых картами атласа, и описанию лексических ареалов русских говоров и их связей с другими славянскими языками (Вендина 2014; Вендина 2009), ср. также и другие опыты анализа лексики конкретного языка на материале карт ОЛА (Рембишевска, Сятковски 2016; Керемидчиева 2016).

В данном параграфе на базе материалов лексико-словообразовательных выпусков «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 1988, 2003, 2007, 2009, 2012, 2015) рассматриваются ареальные связи и ареальное членение сербскохорватских говоров и общие и дифференциальные лексические и семантические признаки сербскохорватского диалектного пространства.

В диалектологии сербскохорватское пространство очерчивается пучками фонетических и морфологических изоглос вдоль словенско-хорватской и сербско-

болгарской государственной границы (Ивић 1994, 30, 39). Изоглоссы, делящие это пространство, как правило, проходят в направлении север – юг или северо-запад – юго-восток, выделяя на сербскохорватской территории западные (северо-западные) и восточные (юго-восточные) ареалы (Ивић 1994, 44). Черты, по которым выделяются западные ареалы, объединяют соответствующие говоры со словенскими. Они отделяют кайкавскую и чакавскую территорию (или кайкавскую и северо-западную часть чакавской) от штокавской и делят штокавскую область на западную и восточную. Павле Ивич указывает также на существование двойных изоглосс: при тождестве признаков на западе и востоке южнославянской территории может выделяться центральный ареал с особым развитием (например ареал утраты звука «х»), захватывающий обычно штокавские и македонские говоры (Ивић 1994, 49–50). Исследования также указывают на пересечения между северо-западной и юго-восточной частью южнославянского ареала, то есть на лексические связи словенской и чакавско-кайкавской области с болгарско-македонской (Толстой 1997, 160, 166). Помимо деления на западный и восточный ареалы и выделения центральной «расщелины» в южнославянской зоне, противопоставленной западу и востоку, для членения сербскохорватского пространства важно понятие латерального пояса, охватывающего окраинные говоры, прежде всего чакавские и черногорские, и противопоставленные основному массиву говоров, но демонстрирующие связи с западно- и восточнославянскими языками. Его существование и архаическую природу на лексическом материале показал Н.И.Толстой (Толстой 1997, 124, 145).

1. *Сербскохорватский диалектный континуум как целое*⁵¹. В материалах атласа обнаруживается немного лексем, которые бы объединяли все без исключения сербскохорватские говоры и при этом бы отсутствовали в соседних диалектах, то есть являлись бы специфическими и общими кайкавско-чакавско-штокавскими и демонстрировали бы сплошной тип ареала. Это такие слова, как *реч* ‘слово’, *боре* ‘морщины’, *загонетка* ‘загадка’, *погреши* ‘ошибется’. К этим данным,

⁵¹ Приступая к изложению результатов по обработке сербских и хорватских лексических материалов атласа, необходимо отметить, что в силу того, что атлас работает в очень крупном масштабе, с ограниченной сеткой пунктов, он может не отражать островных ареалов или точных границ крупных ареалов. Материалы атласа нуждаются в уточнении на базе лексикографических источников, которые могут показать единичные фиксации лексемы (в том числе в прошлом) на территориях, для которых она по данным атласа не характерна.

однако, не следует относиться как к абсолютным, так как на картах атласа как специфическое сербскохорватское слово предстает и лексема *лист* 'икра ноги', однако, согласно (ЭССЯ 17, 43), она фиксировалась в старопольском и староукраинском. Большинство общих сербскохорватских слов отсутствуют на западной или восточной периферии ареала (первое бывает чаще, второе – реже) или несколько выходят за пределы хорватских и сербских говоров. Это слова *пуши* 'курит', *ћак* 'ученик' (кроме Истрии, Адриатического побережья Хорватии и черногорско-сербского пограничья), *пљувачка* 'слюна' (кроме приморско-черногорского ареала), *кажипрст* 'указательный палец' (кроме приморского ареала, но с фиксацией в нескольких пунктах в Македонии), *загонетка* 'загадка' (кроме Градища), *песма* 'песня' (кроме некоторых кайкавских пунктов), *баџи* 'бросит', *воћњак* 'сад', *купус* 'капуста', *плетеница* 'коса', *бркови (брџи)* 'усы' (кроме северо-западной Хорватии, но последнее обозначение встречается на словенской территории), *репа* 'свекла', *лук* 'чеснок' (кроме северо-западной Хорватии и побережья), *трепавице* 'ресницы', *гробље* 'кладбище', *славуж* 'соловей', *мравињак* 'муравейник', *зоб* 'овес', *летина* 'урожай' (кроме восточной Сербии), *стомак* 'желудок', *мрав* 'муравей' (кроме северо-западной Хорватии и восточной Сербии), *рода* 'аист', *пераја* 'плавник' (кроме хорватского Адриатического побережья и восточной Сербии) и др.

Как единое целое сербскохорватская территория может входить в состав и западного, и восточного южнославянского ареала. Со словенским и хорватские, и сербские говоры объединяют лексемы *зеница* 'зрачок', *срећа* 'счастье', *округао* 'круглый', *корак* 'шаг', *желудац* 'желудок', *масан* 'жирный (о мясе)', *дивљи* 'дикий', *медвед* 'медведь', *шкрге* 'жабры', *крчи* 'корчует', *јаро жито* 'хлеба, которые сеют весной', *страши* 'пугает', *млати* 'молотит' (две последние лексемы не фиксируются в восточной Сербии).

Из восточно-южнославянских говоров вся рассматриваемая нами область чаще (иногда за исключением некоторых окраинных пунктов) объединяется с македонскими говорами (*образ* 'щека' (также в зап.-болг., при словен. *lice*), *капак*, *очни капак* 'веко' (словен. *veka* и др.), *зглоб* 'запястье' (словен. *zapest* и др.), *табан* 'подошва' (словен. *po(t)plat*), *памти* 'помнит' (словен. *spu(t)in'a* и др.), *вилице* 'челюсти' (словен. *čel'ust* и др.), *бубрези* 'почки' (словен. *ledvice*)), реже с

македонскими и болгарскими: *село* ‘деревня’ (словен. *vas*), *сланина* ‘сало’ (словен. *špeh*), *јак* ‘крепкий’, *уже* ‘перевясло’ (словен. **poverzslo*), *детелина* ‘клевер’ (словен. *detelja*), наименования типа *слепе очи*, *слепо око*, *слепоочница* ‘висок’ (ср. словен. обозначения, производные от **sълъ*, например, *sence*), *плаши* ‘пугает’ (словен. преимущественно *straše*), *тиква* ‘тыква’ (словен. *biča* и др.), *сунцокрет* ‘подсолнух’ (кроме сев.-зап. Хорватии, словен. **sъlnьčenica*).

Выше приведенный материал показывает, какие области обычно отпадают от центрально-южнославянского единства. Это северо-западная Хорватия, Адриатическое побережье Хорватии, Черногория и восточная Сербия. Рассмотрим подробнее их лексическое своеобразие.

2. *Северо-запад Хорватии – хорватская кайкавская и северная чакавская области.* Наибольшее скопление лексических изоглосс в сербскохорватском ареале наблюдается южнее словенско-хорватской границы (не все изоглоссы точно совпадают – некоторые проходят севернее, некоторые – южнее). Они отсекают кайкавские говоры или кайкавские и северные чакавские и истрийские. Кайкавские и северные чакавские говоры по сравнению с основным массивом хорватских и сербских говоров выделяют следующие лексемы: *veselje*⁵² ‘радость’ (ср. *радост*), *kita* ‘коса’ (ср. *плетеница*), *slina* ‘слюна’ (ср. *пљувачка*), *zelje* ‘капуста’ (ср. *кунус*), *svirki, ocvirki* ‘пережаренные кусочки сала’ (ср. *чварци*), *ima rad(a), ima rat* ‘любит’ (ср. *воли*), *zdenec* ‘колодец’ (ср. *бунар*), *zabi, pozabi* ‘забывает’ (ср. *забравља*), *blagdan* ‘празник’ (ср. *празник*), *potplat* ‘стопа’ (ср. *табан*), *štrče se* ‘катится’ (ср. *котрља се*), *teka* ‘тетрадь’ (ср. южн. чак. и славон. *bilježnica*, серб. *свеска*). Кайкавские говоры, согласно атласу, характеризуются лексемами: *črevo* ‘живот’ (ср.: основная хорватская и сербская лексема – *трбух*), *vrhnje, vrhnja* ‘сливки’ (ср. *кајмак*), *ide zamuž* ‘выходит замуж’ (ср. *удаје се*), *muzikaš* ‘музыкант’ (ср. *свирач*), *ropovka* ‘песня’ (ср. *песма*), *fučka* ‘свистит’ (ср. *звижду*), *kotura se* ‘катится’ (ср. *котрља се*), *kirica* ‘стакан’ (ср. *чаша*), *melja* ‘мука’ (ср. *брашно*), *mlezivo* ‘молозиво’ (ср. *грушевина*), *šištiš* ‘летучая мышь’ (ср. *слијети/слепи миш*), *vugorek* ‘огурец’ (ср. *кроставац*), *sunčenica* ‘подсолнух’ (ср. *сунцокрет*), *selina* ‘земля, которую не пахали много лет’ (ср. *ледина*) и др. Многие из перечисленных лексем объединяют говоры северо-западной Хорватии со словенскими, а также с чешскими и

⁵² Запись диалектных слов дается в упрощенном виде.

словацкими. Вместе с последними кайкавские говоры образуют так называемый паннонский ареал (Толстой 1999, 27; Куркина 1992, 23), представленный в том числе такими лексемами, как *jetra* ‘печень’, *list* ‘письмо’ (кайк. и примор., польск., словацк., зап.-укр.), *zdenec* ‘колодец’ (кайк., вост.-словен., ср. зап.-слав. **studьnyja*), *trahtar* ‘воронка для переливания жидкости’ (сев.-зап. хорв., словен., чеш.), *zelje* ‘капуста’ (сев.-зап. хорв., словен., чеш., а также черног. и центр. и сев.-болг.), *vugorek* ‘огурец’ (кайк., зап.-словацк., вост.-чеш. и польск.), *vidi se* ‘нравится’ (Градище, словацк., сев.-польск., карпат.). Следует обратить внимание на существование кайкавско-западнославянских изоглосс, которые не включают основной массив словенских говоров (ср. *vugorek* ‘огурец’, при словен. *kukumar*).

Говоры северо-запада Хорватии имеют общие лексемы с восточной периферией центрально-южнославянского ареала: южными сербскими говорами (сев.-зап. хорв. *svetek, svetak* ‘праздник’, далмат., славон. *svetac*, ю.-серб. *светак, светац* – при центральном *празник*), восточными сербскими говорами (*пуж* ‘улитка’, при центральном *спуж*).

Как правило, в говорах северо-западной Хорватии, в отличие от штокавских, не представлена лексическая интерференция и дублетность.

Объединяясь по ряду лексических признаков с кайкавскими говорами, северные чакавские и истрийские говоры противопоставляются южным чакавским (далматинским) (например, *slina* и *pljuna* ‘слюна’), а последние в свою очередь могут объединяться со штокавскими. Как единое целое все говоры Адриатического побережья образуют приморский ареал.

3. *Приморский ареал.* Особый ареал в составе сербскохорватского массива образуют приморские хорватские (истрийские, далматинские) говоры, нередко объединяющиеся с приморскими черногорскими. Для этого ареала характерны многочисленные романизмы, отсутствующие в других хорватских и сербских говорах: далмат., истр. *kantur, katur, kantadur* ‘певец’, *dota* ‘приданое’, *balun* ‘мяч’, далмат. *kapsa*, истр. *kasa, kaca* ‘гроб’, далмат. *gustijerna, guštarna*, черног. *бистерна* ‘колодец’, далмат., черног. *kantun* ‘горбушка’, далмат. *pirija*, черног. *пирија, пирица* ‘лейка, воронка для переливания жидкости’, далмат., истр. *marangun*, черног. *марагун* ‘плотник’, далмат. *intrada*, черног. *интранда* ‘урожай’, далмат. и черног. *karta* ‘бумага’, далмат. *pomidora*, черног. *памидора* ‘помидор’,

далмат. и черног. *kapula* ‘лук’, *kukumar* ‘огурец’ и др. Помимо романской лексики, говоры приморского ареала выделяют некоторые диалектизмы славянского происхождения: далмат. и черног. *pljuna* ‘слюна’, *utrobica* ‘печень человека’, далмат. *prajčevina*, черног. *прашћевина* ‘мясо свиньи’, далмат. *kosica* ‘волосы’, *mladi* ‘мужчина имеющий невесту’, *kažiput* ‘указательный палец’ (иногда эти слова отличаются от центральных штокавских словообразовательной моделью, ср. шток. *pljuvačka, kosa, mladoženja, kažiprst*). Характерно для ареала и присутствие архаизмов: далмат., черног. *skorup* ‘сливки’ (ср. русск. *скорлупа*), *vraska* ‘морщина’ (ср. чеш., словацк. *vráske, vráski* в том же значении, русск. ц.-слав. *враска* (Фасмер)), далмат., черног. *muka* ‘мука’, *objed, obed* ‘обед’.

4. Говоры северо-запада Хорватии и приморской зоны, то есть западная и юго-западная периферия сербскохорватского ареала, обнаруживают значительное лексическое сходство⁵³, ср. *drob, drobec* ‘живот, брюхо животного’ (сев.-зап. Хорватия, Приморье, Черногория, при шток. *трбух*), *blagdan* ‘праздник’ (сев.-зап. Хорватия и Черногория, шток. *празник*), *hiti, hita* ‘бросит’ (шток. *баца*), *pripoveda, pripovida* (шток. *прича*) и др. ‘рассказывает’, *vlasī* ‘волосы’ (шток. *коса*), *tanca* ‘танцует’ (шток. *игра*) (сев.-зап. Хорватия, приморские говоры) и др. С одной стороны, они противопоставляются центральному штокавскому массиву, а с другой – часто объединяются со словенскими говорами: *pir* ‘свадьба’, *pleše* ‘танцует’ (сев.-зап. Хорватии, Приморье, Словения при шток. *свадба, игра*), **poverzslō* ‘перевясло’ (сев.-зап. Хорватии, Приморье, Чехия, Словакия при шток. *уже*).

Иногда этот ареал расширяется на восток и охватывает отдельные болгарские и македонские говоры, образуя латеральный южнославянский пояс, который нередко имеет свое продолжение в западнославянских языках. Ср. *образ* ‘лицо’ в словенских, чакавских, черногорских, западных и южных болгарских говорах и географически центральное *образ* ‘щека’; *мошња* ‘боб’ (южн. Черногория, Далматинские острова), *мошиа* (южн. Македония), *тошња, тошница* (Истрия, Кварнер, два пункта в восточной Словении), *мишница* (окрестности Сисака в Хорватии) – шток. *махуна, мехуна*; *ваља се* ‘катится’ (о мяче) (южн. Черногория, Далмация, сев. Словения, два пункта в Македонии) – шток. *котрља се*; *књига*

⁵³ В ряде случаев (атлас иногда этого не показывает) общность северо-запада Хорватии и приморской зоны является частным случаем западносербскохорватской общности. Так, лексемы *hiti, hita* ‘бросит’, *pripoveda, pripovida* ‘рассказывает’, *vlasī* ‘волосы’ распространены и в Боснии.

‘письмо’ (южн. Черногория, Далмация и отдельные македонские пункты) – шток. *писмо*; *pravje*, *pravi* и другие дериваты от *prav-* ‘рассказывает’ (Адриатическое побережье, Словения, частично Болгария, также Чехия и Болгария) – шток. *прича*.

Этот ареал может опоясывать центральные штокавские говоры: **pletji*–**pletja* ‘спина’ (Словения, кайкавская область, Приморье, Черногория, Македония, Воеводина) в противоположность центральному *леђа*; *крило* ‘плавник’ (Приморье, Славония, южная Сербия) – при общем с.-х. *пераја*; *укопа*, *укопље*, *копа* ‘похоронит’ (Черногория, Словения, Македония, частично Босния и Хорватия) – при шток. *сахрани*.

5. *Штокавский ареал*. Как преимущественно штокавские лексемы можно выделить следующие: *зглоб* ‘сустав’, *кажипрст* ‘указательный палец’, *воћњак* ‘сад’, *црни лук* ‘лук’, *бели лук* ‘чеснок’, *славуј* ‘соловей’, *љуби* ‘целует’, *удаје се* ‘выходит замуж’, *нева* ‘поет’, *невач* ‘певец’, *скакавац* ‘кузнечик’, *пацов* ‘крыса’, *сече хлеб* ‘режет хлеб’, *свеска* ‘тетрадь’, *махуна* ‘бобы’, *свадба* ‘свадьба’, *котрља се* ‘катится’ (о мяче), *звижди* ‘свистит’, *левак* ‘воронка для переливания жидкости’, *слепи миш* ‘летучая мышь’, *ђубре* ‘навоз’, *озимо жито* ‘хлеба, которые сеют осенью’, *васкрс* ‘Пасха’ и др. Выделяется пласт лексики, общей для штокавских и чакавских говоров: *воли* ‘любит’, *лутка* ‘кукла’, *сећа се* ‘помнит’, *свиђа се* ‘нравится’, *чобан(ин)* ‘пастух’, *расте*, *нарасте* ‘подходит’ (о тесте), *чварци* ‘пережаренные кусочки сала’, *мрав* ‘муравей’, *купус* ‘капуста’, *ледина* ‘земля, которую не пахали много лет’, *хельда* ‘гречиха’.

Штокавские слова могут иметь параллели в македонско-болгарской области. Это обычно турцизмы: *мираз* ‘приданое’, *бут*, *бутина* ‘бедро’, *кајмак* ‘пенка на молоке, сливки’, *баишта*, *баишча* ‘огород’, *ђубре* ‘навоз’, *реже* – славянские диалектизмы *игра* ‘танцует’, *свиђа се*, *свиди се* ‘нравится’.

Как известно, штокавский ареал, а в особенности центральная его часть, так называемая новоштокавская, носит инновационный характер по отношению к соседним говорам (Ивић 1971, 41). Некоторые из перечисленных лексем являются инновациями, противопоставляющими этот ареал прочим хорватским и сербским говорам (*воleti* ‘любить’, *леђа* ‘спина’, *сече хлеб* ‘режет хлеб’, *бели лук* ‘чеснок’, *кајмак* ‘сливки’ (и др. турцизмы) и т. д.).

Важная характеристика штокавских говоров – их центральное положение в сербскохорватском и южнославянском ареалах и, следовательно, противопоставленность западной и восточной периферии. Роль центра они выполняют не только относительно сербскохорватской территории, но и относительно всего южнославянского ареала. Штокавские лексемы часто разрывают единство сербскохорватского или всего южнославянского ареала, сохраняющего по периферии другое слово или другие слова. Эту ситуацию иллюстрируют ареалы таких лексем, как *купус* ‘капуста’ (кроме штокавской территории представлена в Далмации и в Истрии, но в Словении, сев.-зап. Хорватии, Черногории, восточной Сербии, Болгарии, Македонии, Чехии – *зеле* и подобные лексемы); босн., южн.-чак., зап.-серб. *пуж* ‘улитка с раковиной’ (при словен., сев.-хорв., центр. и вост. серб. *спуж*). Центральный ареал может иметь различную конфигурацию: это может быть Босния (босн. *гујавица* ‘дождевой червь’ при *глиста* на территории Сербии и Хорватии), центр., южн. и вост. Сербия и северная Македония (*качар* ‘человек, делающий бочки’ при хорв., сев.-серб., черног., болг. *бачвар*), штокавский ареал и западная Болгария (*бели лук* ‘чеснок’ при вост.-болг., словен., хорв. кайк. производных от **česnъ*) (ср. выделение ареала «балканский центр» на этнолингвистическом материале в (Плотникова 2004, 286, 295)).

Важным также представляется то, что некоторые лексемы, характерные для севернославянских языков, в сербскохорватском континууме зафиксированы преимущественно в штокавских говорах или только в них. Примером могут послужить слова *свадба* ‘свадьба’, *празник* ‘праздник’ (последнее, кстати, объединяет штокавский со словенским, минуя хорватский кайкавский с его лексемой *blagdan*), *свиђати се*, *свидети се* ‘нравиться’ (ср. словацк. *vidi sa*, карпат. *vydyc’ :a*).

В штокавском ареале выделяется несколько периферийных зон, отличающихся от общего массива штокавских говоров архаизмами и собственными инновациями. Это прежде всего Черногория и восточная Сербия, однако несколько примеров подтверждают и особый статус Славонии, в которой фиксируются слова, общие с севернославянскими языками и отсутствующие в большинстве штокавских говоров. Это такие лексемы, как *korito* ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного

куска дерева' (шток. *nañve*, *korito* также в словацких, в карпатских и некоторых русских говорах), *čeljusti* 'челюсти' (шток. *вилице*, *čeljusti* также в Словении, Истрии и восточной Сербии), *kika* 'волосы' (шток. *коса*, русск. *кика* 'женский головной убор', в центральной Сербии и в сербском пункте в Румынии *кика* 'коса'). Архаикой отличаются и воеводинские пункты (чаще Башайд, общ. Кикинда, ср. *скоруп* 'сливки' и *плећи* 'спина' (такие же лексемы фиксируются в Черногории) при шток. *кајмак* и *леђа*).

Лексика черногорских говоров, принадлежащих к штокавской группе, но характеризующихся периферийными чертами – инновационными и архаическими, часто отличается от лексики основного штокавского массива и позволяет относить черногорскую территорию к различным периферийным для сербскохорватского континуума ареалам (см. о приморском ареале и латеральном южнославянском поясе). Частично черногорские говоры входят в восточно-южнославянский ареал. Его образуют слова: *вика* 'зовет' (также в Македонии, южной Сербии, Болгарии), *плећи* 'спина' (также в Македонии), *кромид* 'лук' (также в южной Сербии и Македонии), *невјестица*, *невљестица*, *нестица*, *невица* 'ласка' (близкие лексемы зафиксированы в Македонии (*невестулка*) и восточной Сербии (*невеста*, *невестулка*, *невеска*, *невестуљћа* и др.), ср. *ласица* на территории Сербии, Боснии и Хорватии и у западных и восточных славян (у последних с суффиксом -к-); *клуцидрво* 'дятел' (ср. один пункт в Македонии, *клукајдрво*; в центральной и западной Сербии, Боснии, Славонии – *детлић*). В черногорских говорах засвидетельствовано большое число архаизмов: *сера*, *сери́на* 'молозиво' (шток. *грушевина*, польск. *siara*, словацк. диал. *šara*)⁵⁴, *жеђа* 'жажда' (центр. шток. *жеђ*, макед. *жед*, словен. *žeja*, далмат., ю.-зап. босн. и герцег. *žeda*, *žeja*, *žaja*, болг., русск., укр. карпат. *жажда*), *скоруп* 'каймак' (серб., макед., болг. *кајмак*, сев.-хорв., далмат., истр. *skorup*, *škorup*, ср. русск. *скорлупа*), *стегно* 'бедро' (серб. *бутина*, словен., чак., чеш., словацк., укр., бел., зап.-русс. **stegno*), *бедро*, *бедрица*, *бедра* 'бедро' (серб. *бутина*, словен., хорв. *bedro*, ю.-русс. *бедро*), *плећи* 'спина' (центр.-шток. *леђа*, сев.-хорв., ю.- и зап.-серб., макед., польск., зап.-укр., **pletji*, *pletja*), *мука* 'мука' (серб. *брашно*, словен., зап.- и вост.-слав. **moka*), *чешњак* 'чеснок' (шток. *бели лук*, в словен., зап.- и вост.-слав. языках продолжения **česnъ* и

⁵⁴ Также в Македонии: *серајливо млеко* (Пештани, запись А.А.Плотниковой).

под.), *objed*, *obet* ‘обед’ (шток. *ручак*, макед. *ручек*, зап.- и вост.-слав. **obědъ*) и др. Черногория может объединяться с юго-западной Сербией, ср. такие локальные, свойственные только для данного ареала инновации, как *навлака*, *повлака* ‘сливки’, *кора* ‘скорлупа’.

Восточная и южная Сербия, как и северо-запад Хорватии, может выпадать из всего центрально-южнославянского ареала и присоединяться к болгарскому (возможно, только к западноболгарскому) и/или македонскому: *трепке* ‘ресницы’ (при общем серб., хорв. *трепавице*), *мустаћи* ‘усы’ (шток. *бркови*), *стасује* ‘поднимается (о тесте)’ (шток. *расте*), *вунија*, *инка* ‘воронка для переливания жидкости’ (шток. *левак*), *жед* ‘жажда’ (серб., хорв. *жеђа*, *жеђ*), *градина* ‘огород’ (серб., хорв. *башића*, *врт*), *берићет* ‘урожай’ (серб., хорв. *летина*), *чука* ‘молотит цепом’ (серб., хорв. *млати*). Обращает на себя внимание, что индивидуальность говоров восточной Сербии в материалах атласа проявляется не очень ярко (ср. большое число лексических и культурных признаков этого региона, выделенных в (Плотникова 2004, 252–308)).

6. Для ареального членения сербскохорватского континуума важным представляется вопрос об изолексах, отделяющих *западный и восточный южнославянский ареалы*. Хотя в материалах ОЛА также присутствуют примеры изолекс, совпадающих с границей Сербии и Болгарии или проходящих восточнее от нее (ср. *реч* ‘слово’, *боре* ‘морщины’, *песница* ‘кулак’), однако гораздо чаще лексическая граница смещается к западу. Она может отсекают от сербскохорватского массива восточную Сербию и объединять ее с Болгарией и/или с Македонией (примеры см. выше), но может проходить и еще западнее.

Граница может проходить по центральной Сербии, объединяя центрально- и восточносербские говоры с болгарскими или болгарскими и македонскими: серб. *грбина*, *грбача* ‘спина’ при западном серб., черног. *плећи*, *плећа* и *леђа*, хорв. *pleća*, словен. и польск. **pletji*, *pletja* и болг. **gъrbъ*; *веђа* ‘бровь’ при западном, в том числе словенском, *obrva* и при интерференции двух лексем в западной Сербии и Черногории; *берићет* ‘урожай’ (при западном серб., хорв., словен. *letina*), *косиште* ‘палка, на которую насажена коса’ (зап. *kosilo*); *овас* ‘овес’ (зап. *зоб*; в центральной и восточной Сербии доминирует *овас*, но в южн. Сербии и зап. Болгарии есть две фиксации слова *зоб*).

По границе Сербии и Боснии проходит изолекса ‘подмышка’ (на западе дериваты **pazucha* – на востоке дериваты **mušьka*), объединяющая говоры Хорватии, Боснии и Черногории со словенскими, чешскими и словацкими, а говоры Сербии с болгарскими, македонскими и русскими. Граница обозначений легких и печени человека **pljutja* (зап.-слав., словен., сев.-зап. хорв., далмат., босн., зап.-серб.), **jętra* (та же география, с тем отличием, что из зап.-слав. языков лексема представлена только в чешском) и дериватов турцизма *џигер* (босн., славон., серб. *бела џигерица* и *црна џигерица*, макед. и болг. *bělъ džigerъ* и *čъrnъ džigerъ*) представлена большой областью интерференции (Славония, Босния, зап. Сербия). Похожее разбиение на западный и восточный ареалы показывают изоглоссы *vласи* ‘волосы’ и *коса* (зоной интерференции в этом случае является Босния, а самый восточный пункт, где употребляется лексема *власи*, находится в западной Сербии), *млнар* ‘мельник’ (зап.-слав., словен., хорв., ю.-черног.) – *воденичар* (серб., макед., болг.), *страши* ‘пугает’ и *плаши* ‘то же’ (с.-х. территория представляет собой пример интерференции запада и востока (словен. *straši* – болг., макед. *плаши*)).

Восточнее Дрины появляются серб.-макед. лексемы *судија* ‘судья’ (зап. *sudac*), *свеска* ‘тетрадь’ (зап. – *bilježnica*, *teka*, правда, не во всех случаях имеются данные из Боснии), *мастило* ‘чернила’ (на западе – *tinta*), *хартија* ‘бумага’ (зап. – *papir*). По центральной Боснии проходит изолекса *парадајз* ‘помидор’ и *патлиџан*. В боснийском, черногорском и зап.-серб. ареале засвидетельствована интерференция лексем *луг* и *ливада* ‘луг’, тогда как в восточной Сербии употребляется только *ливада*, как в болгарском и македонском, а в Хорватии – *lug*, присутствующее и в словенском.

Помимо того, что по территории сербскохорватского ареала может проходить граница, отделяющая запад и восток Южной Славии, сам он также членится на западную и восточную части.

Граница может проходить по реке Дрине, отделяя Сербию от Боснии и Хорватии. Черногория в этом случае включается то в западный (хорватско-боснийский), то в восточный (сербский) ареал. Так, изолекса ‘жених’ *заручник* – *вереник* противопоставляет северо-западную Хорватию, Славонию и Боснию (*zaručnik*) Сербии и Черногории (*вереник*), с тем что в юго-западной Сербии и Герцеговине зафиксированы обе лексемы, а западная лексема записана также в

карпатских говорах. Лексема *врт* ‘огород’ не фиксируется в центральной и восточной Сербии (только в одном пункте на боснийской границе и втором – на черногорской). Восточнее Дрины не встречается лексема *цима* ‘картофельная ботва’. Граница может проходить по центральной Боснии: *prstenjak* ‘безымянный палец’ и *домали* (*прст*) и *домалић*, *šaka* ‘кулак’ и *песница*, *žeđ* ‘жажда’ и *жеђа*, *lupina* ‘скорлупа’ и *љуска*, *štakor* ‘крыса’ и *пацов*.

Граница может отсекаать северо-западную Хорватию: так, лексема *комишја* ‘сосед’, характерная для Славонии, Черногории, Сербии и Македонии встречается к юго-востоку от этой границы, а на северо-западе Хорватии – только *susjed*. То же касается обозначения *сече хлеб* ‘режет хлеб’ (сев.-зап. хорв. *reže hleb*), *слепи миш* ‘летучая мышь’ (сев.-зап. хорв. *šišmiš*) и др.

Проведенное исследование лексических изоглосс позволяет сделать следующие выводы. Границы сербскохорватских лексических ареалов редко совпадают с языковыми границами и границами крупных диалектов, хотя и соотносятся с ними. Лексические материалы «Общеславянского лингвистического атласа» демонстрируют деление сербскохорватского континуума на кайкавско-северночакавскую зону, отличающуюся наибольшим лексическим своеобразием по сравнению с другими говорами рассмотренной территории, приморскую, черногорскую, восточносербскую и центральную (центральноштокавскую). Хорватские и сербские говоры часто представляют собой переходную зону от запада к востоку Южной Славии, совмещая в себе признаки ее западного и восточного ареалов, и реже проявляются как единое целое. Помимо деления на западный и восточный ареалы для рассматриваемой зоны чрезвычайно важным является противопоставление центра и периферии.

§ 2. Ареалогическая характеристика лексики словаря Вука Караджича 1818 г.

В данном параграфе выявляются ареалогические признаки лексического фонда, представленного в Словаре Вука Караджича 1818 г. Первое издание вуковского словаря наиболее полно отражает сербскую новоштокавскую лексику, сыгравшую ключевую роль в формировании сербского литературного языка, что делает важным всестороннее, и в том числе лингвогеографическое, исследование данного лексического собрания. Поскольку Словарь за небольшими исключениями включает лексику родного говора Вука Караджича, а именно говора с.Тршич, расположенного в западной Сербии, то в данном исследовании фактически дается ареалогическая характеристика лексики говора Тршича начала XIX в. Ареалогические признаки лексики Словаря выделяются на основании ее сопоставления с лексическими данными, содержащимися в опубликованных выпусках «Общеславянского лингвистического атласа». Общеславянский атлас, хотя и имеет на сербскохорватской территории достаточно разреженную сетку пунктов и в большей степени предназначен для прослеживания соответствий на общеславянском уровне, при отсутствии национальных сербского, боснийского и хорватского атласов, позволяет выявить определенные закономерности членения даже небольшой территории (Якушкина 2018). Ареальная характеристика говора, отраженного первым изданием Словаря, дана П. Ивичем (Ивић 1971), однако лексические признаки она не учитывает.

Как было показано в предыдущем параграфе, в штокавских говорах существуют пары междialeктных синонимов, которые манифестируют противопоставленные ареалы (*зоб* – *овас* ‘овес’, *зеле* – *купус* ‘капуста’, *власи* – *коса* ‘волосы’, *челюсти* – *вилице* ‘челюсти’, *врт* – *башића* – *градина* ‘огород’, *леђа* – *плећи* ‘спина’, *јетра* – *црна џигерца* ‘печень’, *плућа* – *бела џигерца* ‘легкие’, *луг* – *ливада* ‘луг’, *папир* – *хартија* ‘бумага’, *шака* – *песница* ‘кисть руки’, *кажипут* – *кажипрст* ‘указательный палец’, *скоруп* – *кајмак* ‘сливки’, *мука* – *брашно* ‘мука’, *обед* – *ручак* ‘обед’, *благдан* – *празник* ‘праздник’, *хита* – *баца* ‘бросает’, *приповеда* – *прича* ‘рассказывает’, *образ* ‘лицо’ – ‘щека’, *књига* ‘письмо’ – ‘книга’, *гној* – *ђубре* ‘навоз’, *крило* – *пераја* ‘плавник’, *укопати* – *сахранити* ‘похоронить’, *пуж* – *спуж* ‘улитка’, *жмире* – *чварци* ‘пережаренные кусочки сала’, *гујавица* – *глиста* ‘дождевой червь’,

бачвар – *качар* ‘бондарь’, *чешињак* – бели лук ‘чеснок’, *корито* – *наћве* ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного уска дерева’, *варити* – *кувати* ‘варить’, *жеђа* – *жеђ* – *жед* ‘жажда’, *стегно*, *бедро* – *бутина* ‘бедро’, *веђа* – *обрва* ‘бровь’, *пазуво* – *подмишка* ‘подмышка’, *страшити* – *плашити* ‘пугать’, *млинар* – *воденичар* ‘мельник’, *судац* – *судија* ‘судья’, *парадајз* – *патлиџан* ‘помидор’, *тинта* – *мастило* ‘чернила’, *заручник* – *вереник* ‘жених’, *штакор* – *пацов* ‘крыса’, *прстењак* – *домали прст* ‘безымянный палец’ и др.). На основании пучков лексических изоглосс перечисленных и других лексических пар на штокавской территории были выделены западный и восточный ареалы, центральный ареал и несколько периферийных – славонский, черногорский, восточносербский.

Чтобы проследить основные ареальные характеристики лексики тршицкого говора, мы проверили фиксацию вышеприведенных лексем в первом издании Словаря Вука Караджича. Эта проверка дала следующие результаты.

Представленная в словаре лексическая система тршицкого говора в качестве дублетов или синонимов, то есть в одном или в близком значении в ряде случаев содержит слова и западного, и восточного типа. В Словаре зафиксированы следующие лексемы, которые в материалах ОЛА обычно ареально противопоставлены: *приповиједати* и *причати* ‘рассказывать’, *судац* и *судија* ‘судья’, *жеђа* и *жеђ* ‘жажда’, *страшити* и *плашити* ‘пугать’, *гној* и *ђубре* ‘навоз’, *(х)итити* и *бацити* ‘бросить’, *веселити се* и *радовати се* ‘радоваться’ (первое слово в приведенных парах характерно для западного ареала, а второе – для восточного). Согласно ОЛА, лексема *приповедати* у сербов встречается только в Башаиде (Кикинда) и в Свинице (Румыния), основной же ареал данной лексемы находится в Хорватии. Дважды это слово зафиксировано в Боснии среди неправославного населения. Лексема *причати*, напротив, характерна для всей Боснии и Герцеговины, Славонии, Черногории и Сербии. Согласно словарю Югославянской академии, глагол *приповиједати* в значении ‘рассказывать’ употребляется в сборниках песен и пословиц, собранных Вуком, в переводе Библии Д. Даничича и в сочинениях Вука (RJAZU 12, 100). Во втором издании Словаря Вука *приповиједати* имеет помету «южн.» (Караџић 1972, 595). В современных сербских диалектных словарях глагол *приповедати* не фиксируется (в силу дифференциального характера большинства сербских диалектных словарей фиксации интересующих нас лексем в сербской

диалектной лексикографии встречается очень мало). Относительно слов *судац* и *судија*, к сожалению, данные из Боснии и Герцеговины отсутствуют, а в тех материалах, которыми мы располагаем, на сербской территории слово *судац* засвидетельствовано только в двух приморских пунктах в Черногории (согласно словарю Югославянской академии *судац* в сербских текстах встречается только в записях народных песен (RJAZU 16, 887)), тогда как в Хорватии, напротив, отсутствуют подтверждения лексемы *судија*. Во втором издании словаря это слово дано без пометы (Карацић 1972, 723). Слово *жеђа* встречается в сербских говорах в Герцеговине и Черногории, и далее ареал этой лексемы рапространяется на запад, тогда как в Сербии и центральной и восточной Боснии засвидетельствовано только слово *жеђ*. В словаре Югославянской академии в сербских текстах слово *жеђа* также представлено только в народных песнях, собранных Караджичем (RJAZU 76, 275–277), а в словаре Сербской академии, помимо этих песен, к данному слову приводится также иллюстрация из Б. Ђопића (РСАНУ 5, 329). Во втором издании Словаря *жеђа* дано без пометы, но с отсылкой к *жеђ* (Карацић 1972, 157). Глагол *страшити* на сербскохорватской территории, главным образом, согласно атласу, распространен в Черногории и Далмации (почти повсеместно), также засвидетельствован в языке сербского населения в Сиваце, в Бачке, в Неменикучах в окрестностях Белграда и в Свинице в Румынии; спорадически этот глагол встречается в кайкавской Хорватии, а массово распространен в словенском языке и западнославянских говорах. Второе издание Словаря дает это слово без помет (Карацић 1852, 718). С ареалом глагола *страшити* почти совпадает область распространения лексемы *гној* ‘навоз’, представленной на сербскохорватской территории в Черногории, Далмации, в кайкавских говорах, отдельных пунктах Боснии и Герцеговины среди хорватов и бошняков, а широко распространенной в Словении и западнославянских языках. В сербских говорах за пределами Черногории (Ћупић 1997, 158; RJAZU 3, 215 (со ссылкой на Любишу: *Земље остале без гноја и јалове* «земли остались без удобрения и бесплодными»)) слово зафиксировано только в Ясенике в Герцеговине. В словаре Сербской академии из произведений сербских авторов к этому слову приводятся иллюстрации из Д. Лапчевича и Л. Мичевича (РСАНУ 3, 384). Для говоров Сербии более характерна лексема *гној* ‘гной’. Во втором издании Словаря приводятся оба значения: ‘der

Eiter' и 'der Duenger' (Карацић 1972, 90). Глагол *(х)итити* 'бросить' на сербскохорватской территории, по данным атласа, распространен только в кайкавской Хорватии и Далмации (данная изоглосса охватывает также словенские и серболужицкие говоры), в других же областях зафиксирован глагол *бацити*. В лексикографии глагол *итне* 'бросит' зафиксирован в говоре Радимни (Томић 1989, 52), согласно нашим полевым записям встречается в западной Боснии. В сербских говорах глагол *(х)итати* обычно выражает значение 'торопиться' (Митровић 1984, 131; Ћупић 1997, 149). Во втором издании глагол *хитати* дан с отсылкой к *бацити* (Карацић 1972, 804). О глаголе *веселити се* в значении 'радоваться чему-то' на сербскохорватской территории данные в атласе отсутствуют, в ОЛА он засвидетельствован только в Словении, тогда как на всей территории Сербии и Боснии употребляется глагол *радовати се*. Согласно словарю Югославянской академии, *веселити се* 'радоваться чему-то', наряду с *жеђа*, можно считать самым западным из всех перечисленных слов, то есть наиболее ограниченно встречающимся в сербских текстах (RJAZU 20, 767–770). Согласно словарю Сербской академии, из сербских авторов это слово встречается у С. Матавуля и С.М. Любиши. Во втором издании словаря слово дается без помет. Примечательно, что на сербской территории это слово употребляется в Черногории, которая часто обнаруживает связи с хорватским и, шире, западным ареалом: *ја се весељах да ме је Бог довео гдје се право суди* «я радовался, что Бог привел меня туда, где судят по правде» (С.М. Любиша) (RJAZU 20, 769).

Можно предположить, что связь тршицкой лексики с лексикой западной части сербскохорватской территории осуществлялась через герцеговинский ареал, который, однако, в течение 150 лет, прошедших со времени публикации Словаря, утратил часть западной лексики: некоторые из приведенных и употреблявшихся Вуком лексем, согласно ОЛА, не засвидетельствованы на сербской территории и зафиксированы только в хорватских говорах (правда, это может быть следствием различных побочных факторов, например, разреженности сетки пунктов или особенностей сбора материала). Так, глагол *приповиједати*, не зафиксированный в ОЛА в сербских говорах, сам Вук употреблял в своих сочинениях: *за смрт Марка Краљевића различно се приповиједа* «О смерти Марка Кралевића рассказывают разное» (RJAZU 12, 100), *Шта се о нему зна [...] или приповиједа* «Что о нем знают

[...] или рассказывают» (RJAZU 12, 100). Лексемы *жеђа*, *гној* ‘навоз’, *приповедати*, *судац* и *итати* ‘бросать’ употребляются или употреблялись в недавнем прошлом в говоре Раджевины в западной Сербии (устное сообщение М. Петрович-Савич, носителя говора с. Бела Црква).

Из лексических дублетов, присутствующих в Словаре и имеющих различные географические характеристики, интерес представляет также пара *допасти се* и *свиђети се*. Глагол *допадати се* в восточной части сербскохорватского ареала зафиксирован в пунктах Тучеп (Ракош), Плячковица (Вране), Жепа (Рогатица, среди мусульманского населения) параллельно с глаголом *свиђати се* (ОЛА 2015). Большая часть фиксаций глагола *допадати се* приходится на северночакавскую территорию, кайкавскую Хорватию и Словению, а также это слово зафиксировано в трех пунктах в южной Македонии. Вук также использовал это слово в значении ‘нравиться’ (Broz, Iveković 1, 244). Согласно ОЛА в сербских говорах употребляется глагол *свиђати се*, *свидети се*, который можно назвать штокавским словом с периферийными македонскими и болгарскими параллелями.

Кроме существования дублетов, свидетельствующих об интерференции западной и восточной лексики в говоре Тршича, для обозначений некоторых понятий в Словаре представлены только слова **западного** типа, распространенные в Черногории, Герцеговине, Далмации, Хорватии и Словении. Так, в Словаре представлена лексема *заручник* ‘жених’, тогда как лексема *вјереник* в Словаре отсутствует, а слово *вјереница* имеет значение ‘вјерна љуба (верная возлюбленная)’. Во втором издании Словаря *вјереник* дается с отсылкой к *заручник*, а *вјереница* к *заручница* (Карацић 1972, 66). Согласно атласу, слово *заручник* (иногда вместе со словом *вереник*) представлено в сербских говорах в пункте Крива Риека (Частина), Триебине (Съеница), Ясеник и Груде в Герцеговине, Миличи (Власеница), ср. также фиксацию в сербских говорах Боснии (Далмација 2004, 96). Словарь Югославянской академии не приводит примеры употребления этого слова самим Вуком, как и другими сербскими авторами, однако в его изданиях народных песен это слово встречается достаточно часто: *није мајка једнога сина* (ожалила) [...] *већ дјевојка првог заручника* «не мать оплакала единственного сына [...], а девушка первого жениха» (RJAZU 22, 365), встречается оно также и в вуковских изданиях народной прозы (РСАНУ 6, 365).

Также в Словарь включены слова *стегно*, *бедро* ‘бедро’, которые в материалах ОЛА обнаруживаются в Черногории, Далмации, западной Герцеговине, северной Хорватии и Словении, основное же (по атласу) сербское слово *бут* в Словаре имеет значение ‘der Schinken’ (во втором издании – ‘Oberschenkel’ (Карачић 1972, 50)). Согласно словарю Югославянской академии, слово *бедро* широко употреблял сам Вук в переводе Нового Завета, встречается оно и в народных песнях (RJAZU 1, 222–223), употребление слова *стегно* примерами из народных песен не подтверждается, а из сербских авторов оно встречается только у Даничича (RJAZU 16, 517). Еще одна западная лексема, присутствующая в Словаре, это *пазуо* (в говорах также *пазух*, *пазуво*). Лексема распространена, в основном, к западу от Дрины, к востоку от нее слово встречается в северной Шумадии и западной Сербии (*пазу* засвидетельствовано также в Косово (Букумирић 2012, 406)), тогда как на остальной территории Сербии, в македонских и болгарских говорах засвидетельствована лексема *мишка*, *подмишка* (ОЛА 2009, карта 29).

В основном фонде Словаря, то есть без помет «у Црној Гори» или «по југо-западним крајевима», также присутствуют и другие западные лексемы, которые в атласе выделяются как приморские локализмы (лексемы, характерные для черногорского и далматинского ареала) или лексемы, характерные для пограничья Сербии и Черногории, но в действительности встречаются и в других западных областях, например в Боснийской Краине (экспедиционные записи автора в с. Кола). Это слова: *кажипут* ‘указательный палец’, *скоруп* ‘слой жира на кипяченом молоке’ (штокавское слово *кајмак* в Словаре дано с отсылкой к *скоруп*), *(х)рбат* ‘спина’, *повлака* ‘сливки’, ‘сметана’.

Ряд лексических признаков, извлеченных нами из ОЛА, связывает трищипкую лекиску с **центральной** штокавским ареалом: *образ* ‘щека’ (ср. *образ* ‘лицо’ в словенских, чакавских, черногорских и западных и южных болгарских говорах), *ма(х)уна* ‘стручок’ (ср. *мошња* (южная Черногория, Далматинские острова), *мошиа* (южная Македония), *тошња*, *тошница* (Истрия, Кварнер, два пункта в восточной Словении) и др.); *(х)ельда* ‘гречиха’ (в западной Сербии, на севере Черногории, в Боснии и Герцеговине, на западе Воеводины, ср. сев.-зап. хорв. *hajda*; на территории центральной, восточной Сербии, Македонии и Болгарии название для данного растения не зафиксировано); *качар* ‘бондарь’ (в центральной,

южной и восточной Сербии и северной Македонии, ср. хорв., сев.-серб., черног., болг. *бачвар*, второе издание Словаря также включает лексему *бачвар*).

В то же время в Словаре присутствуют дублиеты, свидетельствующие об интерференции **центральной** и **периферийной** (обычно **черногорской** или, шире, **приморской**) лексики: *чварци* и *жмире* (последнее слово характерно для черногорского ареала); *укопати* (в Черногории, Далмации, Боснии) и *сахранити* (в Сербии, Боснии и Герцеговине, Славонии; в Словаре также представлен глагол *погрепсти*, который, согласно атласу, вообще не встречается на сербскохорватской территории); *челуст* и *вилаца* (слово *čeljusti* также засвидетельствовано в Словении, Истрии и восточной Сербии). Учитывая удаленность ареала лексемы *челуст* от тршицкого, можно предположить, что в прошлом этот ареал был шире и, возможно, включал также и Черногорию.

Среди дублетов есть слова, характерные для приморского ареала, включая Хорватское побережье: *плећи* ‘плечи’ наряду со словом *раме* (зафиксировано в ОЛА в чакавских говорах); *књига* ‘письмо’ (в этом значении также и во втором издании Словаря (Караџић 1972, 279) (в атласе слово зафиксировано в южной Черногории, Далмации и отдельных македонских пунктах), наряду со словом *писмо* (лексема *књига* ‘письмо’ также широко распространена в народных песнях (RJAZU 5, 118–119).

Встречаются в Словаре и **восточные** лексемы. Примером может послужить слово (*црвен*) *патлиџан* ‘помидор’. Изоглосса этой лексемы проходит по центральной Боснии и к западу от этой границы лексема не встречается. В Боснии, Герцеговине и Сербии, согласно ОЛА, употребляются обе лексемы (*патлиџан* и *парадајз*), но *патлиџан* чаще, тогда как в болгарских и македонских говорах зафиксировано только слово *патлиџан*. Для востока характерна и лексема *мастило* ‘чернила’.

Лексический тип первого издания Словаря Вука Караджича характеризуется переходностью и смешанностью, отражая особенности западной и восточной зоны сербскохорватского ареала. При этом тршицкий говор проявляет себя как типично новоштокавский, поскольку лексическая интерференция является важной чертой этого ареала, насколько можно об этом судить на основании данных ОЛА. Во втором издании Словаря некоторые западные лексемы утратили статус

основных и стали маркироваться как более редкие (через отсылку к более частотным).

§ 3. Праславянские лексические изоглоссы в сербскохорватском ареале

В данном параграфе рассматривается география и семантические свойства синонимических пар, сформировавшихся в праславянском языке и в настоящее время ареально противопоставленных на сербскохорватской территории.

Сербскохорватский диалектный континуум отличается значительной неоднородностью на всех языковых уровнях. Дифференциация между тремя наречиями восходит к праславянской эпохе (ср. различия в форме местоимения «что», различные рефлексy сочетаний *tj и *dj). В период распада праславянского единства дифференциация, предположительно, существовала и внутри штокавского наречия (ср. гипотезу Д. Брозовича о существовании западной и восточной штокавщины (Brozović 1985, 63)).

Одним из первых реконструкцией древнего членения сербскохорватского континуума на базе лексики занялся Н.И. Толстой в серии статей 1962–1976 гг. «Из географии славянских слов» (Толстой 1997, 122–222). Н.И. Толстой опирался на исследование хорватского этнографа Б.Братанича о центральном и латеральном ареалах славянской территории Балканского полуострова, а также на некоторые наблюдения сербского лингвиста И. Поповича (ср. Поповић 2007, 328–329). В работах Н.И. Толстого картографированы и рассмотрены ареалы распространения лексем *киша* и *дажд*, *десни* и *прави*, *зној* и *пот*, *цепаница* и *полено* и др., которые демонстрируют противопоставление центральной и латеральной южнославянских зон и, предположительно, могут быть следствием заселения Балканского полуострова двумя разными потоками (при этом важно, что лексика латерального пояса всегда имеет параллели в севернославянских языках). Изучению сербскохорватско-севернославянских лексических связей Н.И. Толстой придавал большое значение и собрал в этой области обширный лексический материал, поддерживая и дополняя гипотезу хорватского этнографа М. Гавацци о древней общности словенских, кайкавских, чакавских и западнoславянских диалектов (Толстой 1997, 261–270).

Исследованию праславянских реликтов в хорватских говорах, прежде всего чакавских, а также сепаратным связям хорватских говоров с другими славянскими диалектами, посвящены классические работы С.В. Зайцевой (Zajceva 1967), Г.

Невекловского (Neweklowsky 1987), В. Борыся (Boryś 2007). Эта тема разрабатывается в монографии Л.В. Куркиной, в которой описана специфическая западноюжнославянская лексика и выявлены изоглоссы, связывающие словенско-сербскохорватский ареал с западно- и восточнославянскими языками, с чешско-словацкими и болгаро-македонскими говорами (Куркина 1992). Исследованием праславянских изоглосс на сербскохорватском материале активно занимается сербская этимология. В ходе работы над «Этимологическим словарем сербскохорватского языка» исследователи стараются «как можно более точно установить ареал каждого сербскохорватского слова и его связи в широком славянском контексте с целью выяснения исторических отношений между славянскими диалектами» ((Bjeletić 1998), где см. примеры конкретных изоглосс).

О.Н. Трубачев отмечал, что лингвогеографическое изучение славянской лексики может раскрыть очень древние диалектные связи: «сохранение в отдельных славянских языках, наряду с огромным большинством общеславянской лексики, также небольших, но весьма характерных групп древней по виду лексики, не обнаруживающей общеславянского характера и вместе с тем исконной [...], говорит [...] о том, что лексическая дифференциация может отражать древние отношения» (Трубачев 2004, 205). Применительно к сербскохорватскому ареалу, О.Н. Трубачев указывал на важность выявления серболужицко-сербскохорватских изоглосс (Трубачев 2004, 290) (ср. приводимые ученым в пример изоглоссы *терати* и *трајати*), словенско-сербскохорватско-украинско-белорусских (Трубачев 2004, 289). Н.И. Толстой также уделял особое внимание сепаратным связям между славянскими диалектами, в настоящее время географически удаленными, видя в них указания на древние праславянские диалектные связи, причем прежде всего ученый занимался инвентаризацией чакавско-восточнославянских параллелей (Толстой 1997).

В сербской и хорватской диалектологии факты лексики в реконструкции древнего диалектного членения сербскохорватской территории систематически не привлекались, что, возможно, связано с тем, что сербский и хорватский диалектные атласы находятся еще на стадии подготовки. У классиков сербской диалектологии существуют лишь упоминания о некоторых лексических изоглоссах, разделяющих сербскохорватский континуум (см., например, (Ивић 1985, 39), где называются

изоглоссы, дифференцирующие западные и восточные говоры: *хлеб – крух, огањ – ватра, крст – криж*; (Поповић 2007, 328–329), где приводится список лексем, противопоставляющих большинство штокавских говоров прочим сербскохорватским: *играти – плесати, огледало – зрцало, гвожђе – железо* и др.). Традиционный приоритет использования фонетических и морфологических признаков в лингвогеографическом анализе был связан с недостатком лексических данных, во многом восполненным, как указывает Т.И. Вендина, в последние годы публикацией «Общеславянского лингвистического атласа», открывшего широкие возможности для изучения праславянских лексических изоглосс и привлечения лексических признаков к реконструкции праславянского диалектного состояния (Вендина 2018, 61–62).

Большую ценность представляют собой два опыта систематического картографирования сербской и хорватской лексики. Это исследование В. Помяновской, в котором представлены карты названий животных в 92 южнославянских пунктах, в том числе 54 сербскохорватских (Romianowska 1970), и монография А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии», в которой выделены и описаны южнославянские ареалы, образуемые терминами народной духовной культуры южных славян (Плотникова 2004)⁵⁵.

Настоящее исследование продолжает разрабатывавшуюся в перечисленных работах проблематику и посвящено выделению и описанию изоглосс, образуемых в сербскохорватском ареале словами, имеющими праславянское происхождение (ср. близкое исследование, выполненное на словацком материале (Pukanec 2008)). В основу исследования положен список дифференциальных лексем, содержащихся в вопроснике неизданного Сербскохорватского диалектного атласа. Из около пятисот противопоставленных синонимических пар и рядов, включенных в вопросник, около пятидесяти образовано континуантами праславянских лексем. Синонимические отношения между этими словами в ряде случаев являются праславянским наследием, а в некоторых случаях, как можно предположить, –

⁵⁵ Из лексикологических лингвогеографических работ, выполненных на западнославянском материале, отметим исследование А. Габовштяка, который рассматривает словарный состав словацкого языка с точки зрения его географических характеристик, выделяя на материале лексики крупные ареалы и выявляя, к каким тематическим областям относится общая и дифференцированная лексика (Габовштяк 1981), а также монографию, посвященную словенско-словацким лексическими связями (Habovštiak 1993).

результатом семантической инновации и более позднего сближения (например, **svatъba* – **pirъ* ‘свадьба’).

В обследованном материале представлены следующие дифференциальные лексические пары и ряды праславянского происхождения:

1) тематическая группа «Семья»:

**mati* – **majъka* ‘мать’, **molditiъ* – **momъkъ* ‘молодой мужчина, юноша’, **svatъba* – **pirъ* ‘свадьба’, **modliti* – **prosi* ‘просить’;

2) тематическая группа «Человек и части тела»:

**nosъnica* – **nozdrъ* ‘ноздря’, **pъrsъ* – **grъdъ* – **nъdro* ‘грудь’, **volsi* – **kosa* ‘волосы’, **čъrvo* – **drobъ* ‘живот человека’, **bacati* – **xytiti* ‘бросить’;

3) тематическая группа «Дом и домашняя утварь»:

**kъtja* – **xyъa* – **domъ* ‘дом’, **staja* – **kotъcъ* ‘хлев’, **kolъbъka* – **zybъka* ‘колыбель’, **gъrnъcъ* – **lonъcъ* ‘горшок’, **ručnikъ* – **ubrusъ* ‘полотенце’;

4) тематическая группа «Еда»:

**borъbъno* – **mъka* – **melivo* – **mel’a* – **mlivo* ‘мука’, **kruhъ* – **xlъbъ* ‘хлеб’, **goldъnъ* – **olъcъnъ* ‘голодный’, **guliti* – **luščiti* / **ljuštiti* ‘очищать кожуру’, **rъzati* – **kriъzati* ‘резать’;

5) тематическая группа «Земледелие»:

**klipъ* – **kočanъ* ‘початок’;

6) тематическая группа «Домашние животные»:

**pъrčъ* – **jarъcъ* ‘козел’; **pastuhъ* – **žerbъcъ* ‘жеребец’;

7) тематическая группа «Птицы»:

**kokotъ* – **pъtъlъ* ‘петух’, **mamiti* – **vabiti* ‘подзывать птицу’;

8) тематическая группа «Дикие животные»:

**guja* – **zmъja* ‘змея’;

9) тематическая группа «Деревья и фрукты»:

**korenъ* – **žila* ‘корень’, **loza* – **tъrsъ* ‘виноград’, **žirъ* – **želъdъ* ‘желудь’, **xvorstъ* – **dъbъ* ‘дуб’;

10) тематическая группа «Земля, вода, природные явления»:

**krajъ* – **konъcъ* ‘конец’⁵⁶, **gazъ* – **brodъ* ‘брод’, **obtokъ* – **obstrovo* ‘остров’, **mъšъcъ* – **luna* ‘луна’, **cъsta* – **pъtъ* ‘дорога’, **neděl’a* – **tъjъdъnъ* ‘неделя’, **loky* –

⁵⁶ Данную пару относим к группе названий природных явлений согласно вопроснику Сербскохорватского диалектного атласа.

**bara* ‘лужа’, **šuma* – **gora* ‘лес’, **polnina* – **gora* ‘гора’, **bьrdo* – **bergь* ‘гора’, **pol’e* – **niva* ‘поле’, **vьrěti* – **kypěti* ‘кипеть’, **godina* – *lěto* ‘лето’, **morkъ* – **тъma* ‘темнота’, **zorkъ* – **luča* ‘луч’;

11) тематическая группа «Общественная жизнь»:

**darъ* – **poklonъ* ‘подарок’, **porzdьnikъ* – **světъkъ* ‘праздник’.

Как видно из приведенного списка, сохранность праславянских синонимических пар наиболее велика в группе природных явлений. В группах «Одежда» и «Ремесла» пары разнодиалектных синонимов праславянского происхождения выявлены не были. Эти группы, по всей видимости, оказались наиболее подвержены инновациям.

С целью определения географического распространения континуантов приведенных выше праславянских лексем их наличие было проверено по сербским и хорватским диалектным словарям. Ряд лексем из приведенного списка представлен в опубликованных выпусках Общеславянского лингвистического атласа (**svatьba* – **pirъ* ‘свадьба’, **modliti* – **prosi* ‘просить’, **volsi* – **kosa* ‘волосы’, **bacati* – **xytiti* ‘бросить’, **boršьno* – **mъka* – **melivo* – **mel’a* – **mlivo* ‘мука’, **pъrсь* – **jарсь* ‘козел’, **pastuxъ* – **žerbьc* ‘жеребец’; **loza* – **tъrsъ* ‘виноград’, **xvorstъ* – **dъbъ* ‘дуб’), соответствующие карты также были привлечены к анализу.

Анализ показал, что противопоставленные ареалы на сербскохорватской территории демонстрирует лишь часть приведенных выше праславянских лексем. Рассмотрим типы этих ареалов, имея в виду, что предложенная классификация носит неизбежно обобщенный и упрощенный характер: границы распространения слов, во-первых, не совпадают с принятыми границами наречий (то есть противопоставление, например, чакавского и штокавского не означает, что оно действительно для всех говоров одного и другого типа), во-вторых, часто наблюдаются обширные зоны интерференции разных наименований. Для лексем, картографированных в ОЛА, приводятся карты ОЛА.

1. Противопоставляются кайкавские/чакавские и часть зетско-сеницких говоров штокавского наречия (так называемый «латеральный пояс»)/основная масса штокавских говоров.

Этот тип представлен изоглоссами **mel’a* – **mъka* – **boršьno* ‘мука’ (см. ОЛА

2007). Наиболее древнее наименование **mqka*, возникшее на основе признака разминания зерна (ЭССЯ 20, 135–136) и характерное для западно- и восточнославянских языков, а также для словенского, сохранилось в чакавских говорах и приморских зетско-сеницких говорах штокавского наречия. Для штокавских говоров, как и для болгарских и македонских, характерно название **boršbno* (ЭССЯ 2, 212), которое В.В. Мартынов характеризует как италийское заимствование в протобалтийский, «вступившее в конфликт с исконным словом **mqka*» (Мартынов 2004, 92). В кайкавских говорах и пограничных с ними словенских употребляется слово **mel'a*, в котором мука концептуализируется как перемолотый продукт. Похожее наименование **melivo* – **mьlivo* зафиксировано в трех штокавских боснийских пунктах.

 **boršbno*

 **mel'a*

 **mqka*

ОЛА 2007, карта № 11 'мука, из которой пекут хлеб'

2. Противопоставляются кайкавские говоры / основной массив сербскохорватских говоров.

Данный тип представлен изоглоссами:

- 1) **tʲjɛdɛnʲ* – **neděl'a* 'неделя'.

Лексема *tjedan*, представляющая собой сложение местоимения **tʲ* и слова **dɛnʲ*, характерна для словенских, западнославянских, украинских и белорусских

говоров и отражает устойчивые древние связи хорватских говоров с западнославянскими языками (ср. вхождение западных хорватских говоров в паннонский ареал: *jetra* ‘печень’, *zdenec* ‘колодец’, *zelje* ‘капуста’, *vugorek* ‘огурец’ (см. §1 данной главы)). Лексема характерна для кайкавских говоров (Blažeka, Rob 2014, 460; Lipljin 2002; Hrg 1996, 113; Belović, Blažeka 2009, 499; Večenaj, Lončarić 1997, 400; Maresić, Miholek 2011, 725; Šatović, Kalinski 2012, 522; Hanzir, Horvat, Jakolić, Jozić, Lončarić 2015, 198; Malnar 2014, 466; Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 136). Штокавское и чакавское **neděl’a* ‘неделя’ (Vranić, Oštarić 2016, 660), характерное также для македонских, русских и некоторых западнославянских говоров (ЭССЯ 24, 116), хотя и вторично по отношению к названию выходного дня, но в силу представленности в разных славянских языках, по всей вероятности, достаточно древнее (у православных славян, в том числе и в восточной штокавщине, употребляется слово *sedmica*, калька с греч. (Фасмер)). В чакавских говорах славянское наименование недели может быть вытеснено романизмом *šetemo(a)na* (Barbić 2011, 360; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 229; Vranić, Oštarić 2016, 660). Лексема **tǔjъdъnъ* зафиксирована в современных косовских говорах (*majdan* ‘в любое время, всегда’ (Букумирић 2012, 594)).

2) **zъja* – **guja*/**zъja* ‘змея’.

Слово **zъja* встречается на всей сербскохорватской территории. Слово **guja*, возможно, связанное с *gъžь* (ЭССЯ 7, 168), далее с **vęzati* (ЭССЯ 7, 94), то есть исходно ‘скрученное, веревка’, встречается в болгарских, сербскохорватских и чешских говорах, на сербскохорватской территории – в чакавских и штокавских говорах (Петровић, Капустина 2011, 74; Петровић, Телић, Капустина 2013, 93; Sekulić 2005, 143; Jakšić 2015, 203; Далмација 2004, 62; Лазић 2008, 71; Цвијетић 2014, 80; Букумирић 2012, 114; Barbić 2011, 126; Čuljat 2004, 92; Jurišić 1966, 66). Во многих говорах продолжения **zъja* и **guja* сосуществуют. В кайкавских говорах продолжений **guja* мы не обнаружили, в качестве синонима для *zmija* у кайкавцев употребляется слово *kača*. Не обнаруживается слово **guja* и в сербских говорах Воеводины.

3. Противопоставляются кайкавские и северночакавские говоры /штокавские и центрально- и южночакавские.

Данный тип представлен изоглоссami:

1) **хуџа* – **кѣтја* ‘дом’.

Лексема **domъ* в значении ‘здание’ в сербскохорватских говорах обычно не встречается (исключение составляют, например, хорватские переселенческие говоры на территории Словакии (Такаџ 2004, 39)). На рассматриваемой территории для этой лексемы характерно более древнее значение ‘родной дом, очаг, семья’ (восходящее к и.-е. значению общественного института) (ЭССЯ 5, 73).

В кайкавских и северночакавских говорах для обозначения дома как здания используется лексема германского происхождения **хуџа* (ЭССЯ 8, 165–166). В большинстве славянских говоров это слово обозначает постройку худшего качества, чем дом: постройка для ночлега в горах, хижина, лачуга, загон для скота и пр. Нейтральное значение ‘дом’ свойственно словенским, хорватским, словацким и верхнелужицким говорам. В словенских и хорватских говорах слово также встречается в значении ‘комната’, ср. кайкавский материал: ‘комната’ (Blažeka, Rob 2014, 147), ‘большая комната’ (Perušić 1993, 36), ‘главная комната’ (Šatović, Kalinski 2012, 173). Параллели хорватским номинациям фиксируются в призренско-тимокских говорах, однако на основании доступного материала можно сделать вывод, что в юго-восточной Сербии у континуантов **хуџа* встречается значение «постройки худшего качества»: ср. *иџа* ‘домик’ (Митровић 1984, 116). Ср. также косов. *иџина* ‘спальня’ (Букумирић 2012, 193).

В большинстве чакавских и в штокавских говорах функционируют продолжения слова **кѣтја* (ЭССЯ 12, 76–79), свойственного южнославянским и восточнославянским говорам (у западных славян слово не зафиксировано) и возникшего, согласно ЭССЯ, как обозначение «жилого помещения с очагом или печью в углу» (ЭССЯ 12, 72), а согласно другой версии – связанного с **кѣтати* ‘убирать, прятать’ или имеющего иранское происхождение (Лома 2012, 197–198). Можно предположить, что нейтральное обозначение дома лексемой **хуџа* является хорватско-словенско-словацко-верхнелужицкой инновацией.

В говорах, в которых сосуществуют слова **кѣтја* и **хуџа*, они семантически дифференцированы, причем **хуџа* в них употребляется в общеславянском значении «плохого дома»: *kuća* ‘дом’, ‘семья’, *iža* ‘ветхий дом’ *žividu u nekoj iži* (Kranjčević 2004, 349, 269), *kuća* ‘домик’, ‘кухня’, *hiža* ‘убогий дом, хижина’ (нейтральным обозначением дома служит слово *dom*) (Такаџ 2004, 39, 54, 74).

2) **prositi* – **modliti* ‘просить’.

Континуанты общеслав. **prositi* ‘просить’ представлены во всех севернославянских языках и в словенском, на сербскохорватской территории, – в основном, в кайкавских и северночакавских говорах (и две фиксации – в Косово и в Славонии). В номинации **modliti* ‘просить’ < ‘молить (Бога)’ можно предположить южнославянскую инновацию, захватившую болгарские, македонские, штокавские и чакавские говоры. Широкое распространение этой инновации и вытеснение глагола **prositi* в значении ‘просить’, вероятно, – позднее явление. Согласно словарю Дж. Даничича, в древнесербском языке глагол *просити* ‘просить’ употреблялся достаточно широко и представлен целым рядом контекстов, но и обозначение *молити* ‘просить’ в древнесербском также существовало (Даничић 2, 461; 2, 87). О позднем характере распространения *moliti* ‘просить’ свидетельствует сохранность *prositi* ‘просить’ в говорах Градища, развившихся из переселенческих чакавских говоров XVI в.

ОЛА 2009, карта № 68 ‘просит’

○ **prositi*

△ **modliti*

3) **tъrsъ* – **loza* ‘виноград’.

Лексема **loza* ‘виноград’ распространена по всей южнославянской территории, не фиксируется только в словенских говорах (ОЛА 2012), в которых распространена лексема *trs*. Эта же лексема фиксируется в кайкавских и северночакавских говорах. Причем в кайкавских она употребляется наряду с **loza* (Lipljin 2002; Maresić, Miholek 2011, 319; Šatović, Kalinski 2012, 246). Лексемы гнезда **tъrs-* распространены и в более восточных говорах. Наиболее близко к

**tʙrsʔ* ‘виноград’ зет.-сен. *mpca* ‘происхождение, корень’, вступающее в параллель с общесербскохорватским **loza* ‘виноград, род’ (Петровић, Ђелић, Капустина 2013, 404), ср. также *trsje* ‘виноградник’ (Sekulić 2005, 601), *mpci* ‘корчевать’ (Динић 2008, 824), *mpsim* ‘резать (траву, вырезать кустарник)’ (Митровић 1984, 329).

4. Противопоставляются латеральный пояс (чакавские говоры или чакавские и зетско-сеницкие говоры) / основной массив сербскохорватских говоров.

Данный тип представлен изоглоссами:

1) **dǫbʔ* – **xvorstʔ* ‘дуб’.

На сербскохорватской территории номинация **dǫbʔ* ‘дуб’ сохранилась в чакавских говорах (с исключениями), в зетско-сеницких, а также в переходных от зетско-сеницких к восточногерцеговинским, и в Косове. Далее изоглосса **dǫbʔ* ‘дуб’ продолжается в македонских и болгарских говорах. Лексема также засвидетельствована в нескольких пунктах центрального штокавского ареала: в центральной Сербии (общ. Александровац), в Славонии и восточной Герцеговине (ОЛА 2000). Обозначение дуба с помощью лексемы **xvorstʔ* распространено практически на всей западноюжнославянской территории, а также в части болгарских говоров (ОЛА 2000; ЭССЯ 8, 130). По всей видимости, представляет собой западноюжнославянскую инновацию (более древнее значение этой лексемы, вероятно, ‘кустарник, хворост’, которое сохранили западно- и восточнославянские, а также некоторые южнославянские говоры, ср. стар. хорв. *hvrast* ‘хворост’) (ЭССЯ 8, 130). В древнесербском языке представлены оба слова (Даничић 1, 316; 3, 428).

ОЛА 2000, карта L 395 ‘дуб’

○ *xvorstъ ▲ *dqbъ

2) *želqđь – *žirъ ‘желудь’.

Согласно ОЛА 2011, общеславянская номинация *želqđь ‘желудь’ на сербскохорватской территории представлена в чакавских, зетско-сеницких говорах, в одном кайкавском и восточносербском пункте. Для большинства сербскохорватских говоров характерно название *žirъ. Данная инновация представляется достаточно древней, поскольку в древнесербских текстах *želqđь не фиксируется, а *žirъ представлен (Даничић 1, 339). Кроме сербскохорватских, она захватила часть словенских и западноболгарских говоров. Если в качестве исходного значения *žirъ принять ‘что-то употребляемое в пищу’ (ср. современные значения в словаре М. Фасмера), то *žirъ ‘желудь’ является специализацией более общего значения ‘корм’ (ср. семантический переход в говоре Истрии ‘общее название для плодов’ (Картотека ЭССЯ)).

ОЛА 2011, карта № 59 *želqđь

● *želqđь

3) *luna – *měsєць ‘луна’.

Лексема *měsєць – наиболее частотное в славянских языках название луны, характеризующееся многозначностью ‘месяц’, ‘луна’ (ЭССЯ 18, 191–195). Представлена в сербскохорватских говорах всех трех наречий (РСГВ 2, 485; Петровић, Капустина 2011, 159; Букумирић 2012, 318; Lipšjin 2002; Barbić 2011, 209; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 147; Jurišić 1973, 120; Šatović, Kalinski 2012, 260). В

чакавских и западноштокавских говорах встречается слово **luna*, имеющее и.-е. параллели со значением ‘светить’ (ЭССЯ 16, 173) (Šimunović 2009, 449; Čuljat 2004, 141; ср. также в значении ‘vrijeme žudnje za oplodom kod životinja’ (Barbić 2011, 197)).

5. Противопоставляется латеральный пояс и кайкавские говоры / основной массив штокавских говоров.

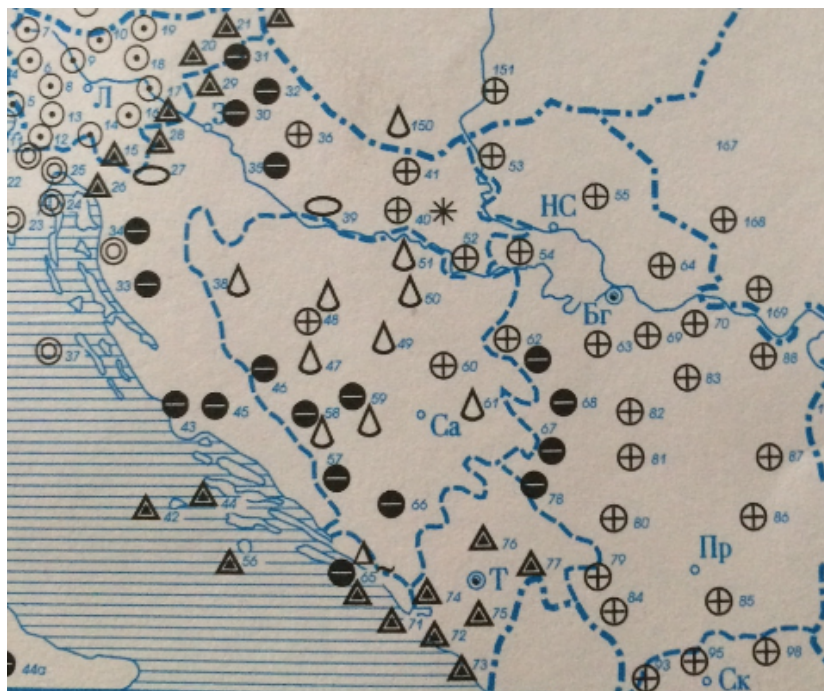
Данный тип представлен изоглоссами:

- 1) **kotъсь* – **staja* ‘хлев’.

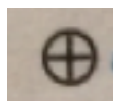
Общеслав. лексема **kotъсь* ‘загон, загородка’ (ЭССЯ 11, 214–215), иранское заимствование (ЭССЯ 11, 212)) как обозначение загона для скота характерна для чачавских, кайкавских, хорватских говоров в Бачке, зетско-сеницких говоров (Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 191; Sekulić 2005, 212; Čuljat 2004, 123; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 125; Šatović, Kalinski 2012, 218; Lipljin 2002; Marešić, Miholek 2011, 276). Лексема **staja* ‘хлев’, производная от **stajati* (Skok 3, 329) распространена в штокавских говорах (РСГВ 4, 129; Петровић, Капустина 2011, 276; Sekulić 2005, 554, Далмација 2004, 286).

- 2) **kokotъ* – **pěťль* ‘петух’.

Звукоподражание **kokotъ* ‘петух’ связывает некоторые сербскохорватские говоры с западнославянским состоянием и противопоставляет болгарскому и македонскому (ЭССЯ 10, 117). На сербскохорватской территории лексема фиксируется в кайкавских говорах, южночакавских, зетско-сеницких (Стијовић 2014, 278; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 185; Lipljin 2002; Barbić 2011, 175; Šatović, Kalinski 2012, 211), в восточногерцеговинских (Карацић, Бојанић, Тривунац). Слово **pěťль* распространено на территории Сербии (РСГВ 3, 229; Лазић 2008, 224; Динић 2008, 566; Митровић 1984, 235; Букумирић 2012, 418; Златановић). В северночакавских говорах представлена лексема *peteh* (Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 180). Лексема **pěťль* является, очевидно, южнославянским образованием, но мотивационно вписывается в разнообразный круг славянских номинаций от **pěti*.

ОЛА 2000, карта № 42 'петух'.

**rětyľ*

**kokotъ*

6. Противопоставляются кайкавские и чакавские говоры / основной массив штокавских говоров.

Данный тип представлен изоглоссами:

- 1) **kolěbъka* – **zubyъka* 'колыбель'.

В чакавских, кайкавских и некоторых западных штокавских говорах распространено слово **zubyъka* 'колыбель' (Šimunović 2009, 1070; Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 471; Blažeka, Rob 2014, 534; экспедиционные записи из с. Сиче в Славонии). В штокавских говорах используется слово **kolěbъka* (Mandić 2016, 281; Piccoli, Sammartino, Hozjan, Menac-Mihalić 2000, 181), также оно употребляется в болгарских и западнославянских говорах (ЭССЯ 10, 130–131).

- 2) **nosъnica* – **nozdrī* 'ноздря'.

Продолжения праслав. **nosъnica* в значении 'ноздря' зафиксированы в словен., с.-х. и макед., а в значении 'отверстие в мельнице' также в ст.-чеш. (ЭССЯ 25, 221). На с.-х. территории эта лексема употребляется на севере хорватской

территории, прилегающей к Словении: в кайкавских говорах (Lipljin 2002; Skok 2, 524), а также в Славонии (Skok 2, 524). Для чакавских и штокавских говоров свойственны продолжения лексемы **nozdrī*, которые в словен. и с.-х. говорах часто выступают с расширением в форме *nozdrva* (Skok 2, 525; Jurišić 1973, 135; Hraste, Šimunović 1, 674). В силу более архаичной словообразовательной структуры лексемы *nozdrī* (**nos-sri* < **ser* ‘течь’), можно предположить, что **nosъnica* является инновацией, захватившей словенские и западные хорватские говоры (вопрос о связях этого ареала лексемы с македонским нужно исследовать дополнительно).

7. Противопоставляются западные и восточные говоры сербскохорватского континуума.

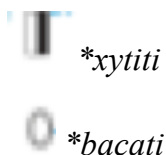
Данный тип представлен изоглоссами:

- 1) **xytiti* – **bacati* ‘бросить’.

Для обозначения броска на западе сербскохорватской территории используется глагол **xytiti*, исходно выражавший значение ‘схватить’ (ЭССЯ 8: 161). В значении ‘бросать’ он также встречается в словенских и серболужицких говорах (ОЛА 2009) и некоторых сербских (Караџић; Томић 1989, 52; полевые материалы автора работы из западной Боснии). В сербских говорах, части чакавских и чешских в этом же значении употребляется глагол **bacati* (ЭССЯ 1, 118–119), а **xytiti* сохранился, преимущественно, в значении ‘спешить’. В некоторых чакавских и западноштокавских говорах употребляются оба глагола (Babić 2008; Sekulić 2005; Vranić, Oštarić 2016).

ОЛА 2009. Карта № 152 'бросит'.

2) **gazъ* – **brodъ* 'брод'.

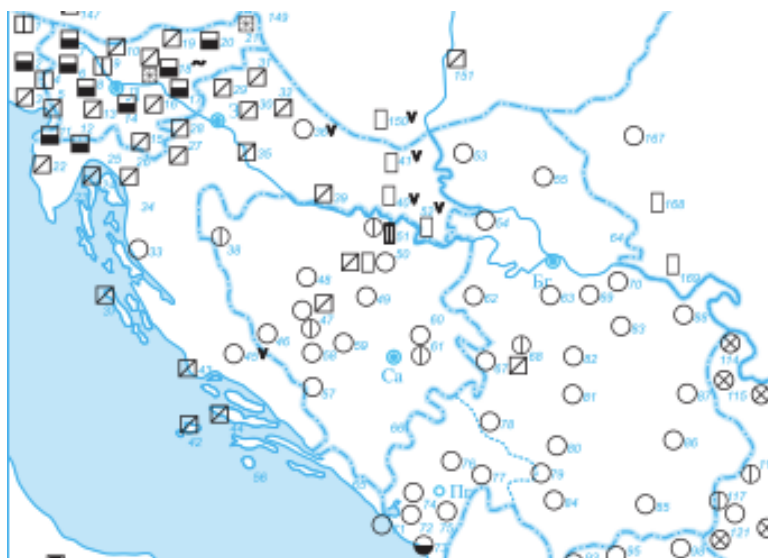
Общеславянская лексема **brodъ*, производная от глагола **bresti* (ЭССЯ 3, 36–37), помимо значения 'брод' выражает также другие значения из области перехода и переправы: с.-х. 'корабль', словен. 'пристань', русск. 'тропа'. Лексема **gazъ*, связанная с и.-е. **g^ha* 'идти' сохранилась в сербскохорватском, македонском, белорусском в значении 'брод', в словенском – 'тропа в снегу' (ЭССЯ 6, 113–114). На сербскохорватской территории лексемы часто сосуществуют в одном говоре, как в одном значении мелкого места, по которому осуществляется переправа (РСГВ 1, 55; 267), так и в разных значениях. В говорах западной части сербскохорватского ареала **brodъ* чаще встречается в значении 'корабль' (РСГВ 1, 55; Sekulić 2005, 58; Liplin 2002; Стијовић 2014, 42; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 62; Jurišić 1973, 30), а **gazъ* в значении 'брод' (РСГВ 1, 267; Sekulić 2005, 128; Далмация 2004, 51; Lipljin 2002; Стијовић 2014, 69; Čuljat 2004, 86; Maresić, Miholek 2011, 183). В восточной части ареала обычно встречается **brodъ* 'брод' (РСГВ 1, 55; Петровић, Капустина 2011, 49; Динић 2008, 46; Букумирић 2012, 56, Далмација 2004, 36).

3) **obtokъ* – **obstrovo* 'остров'.

Лексема **obstrovъ/*obstrovo* – общеславянский термин для обозначения острова (ЭССЯ 30, 79). У лексемы **obtoka/*obtokъ* – очень пестрая семантика, и ‘остров’ – не основное ее значение. Согласно ЭССЯ, значение ‘остров’ присутствует в ю.-слав. и вост.-слав. говорах, но совместно с другими значениями, главное из которых – ‘опухоль, отек’, оно же характерно и для зап.-слав. языков (ЭССЯ 30, 187–189). Обозначение **obtokъ* ‘остров’ представлено в кайкавских, некоторых западноштокавских говорах (Sekulić 2005, 376; Lipljn 2002), в чакавских для обозначения острова используется слово *škoj* (Jurišić 1973, 208; Barbić 2011. 363); в Славонии **obtokъ* обозначает ‘отек’ (Jakšić 2015, 481).

4) **volsi* – **kosa* ‘волосы’.

Исконное слав. **volsi* ‘волосы’ характерно для кайкавских, чакавских и западноштокавских говоров, тогда как вторичное **kosa* (более древнее значение **kosa* – ‘заплетенные волосы’ (ЭССЯ 11, 132)) распространено в части западноштокавских и восточноштокавских говорах (за пределами сербскохорватского ареала в болг., макед., белорусск., укр. говорах часто в форме **kosy*). В настоящее время на востоке южной Славии лексема **kosa* ‘волосы’ практически вытеснила слово **volsi*, которым обычно обозначают волосы на севере Славии (болг. *влас* ‘волос’ – редкое слово). Граница употребления лексем **kosa* и **volsi* проходит по Боснии и по северо-западной Хорватии.

ОЛА 2009, карта №25 ‘волосы на голове у человека’

○ **kosa* ◻ **volsi*

5) **lěto* – **godina* ‘год’.

Лексема **godina* – общеславянское обозначение времени (ЭССЯ 6, 187). В значении ‘год’ встречается во всех трех наречиях сербскохорватского языка (РСГВ 1, 298; Букумирић 2012, 101; Лазих 2008, 65; Sekulić 2005, 134; Jurišić 1973, 60; Maresić, Miholek 2011, 192), в некоторых кайкавских и чакавских лексема изменила значение и год обозначается словом *godišće*. Продолжения **lěto* в значении ‘год’ фиксируются в кайкавских, северночакавских и западноштокавских говорах (РСГВ 2, 408; Sekulić 2005, 241; Далмација 2004, 152; Lipljn 2002; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 134; Šatović, Kalinski 2012, 240), что соответствует общеславянской ситуации.

6) **lonьсь* – **gъrньсь* ‘горшок’.

Лексема **lonьсь* представляет собой южнославянское слово (ЭССЯ 16, 35–36), широко распространенное на сербскохорватской территории (РСГВ 2, 424; Петровић, Капустина 2011, 152; Sekulić 2005, 242; Далмација 2004, 150; Трошић 2014, 67; Лазих 2008, 164; Цвијетић 2014, 194; Букумирић 2012, 294; Стојаковић, Мандарић 2013; Lipljn 2002; Barbić 2011, 194; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 136; Jurišić 1973, 108; Šatović, Kalinski 2011, 245). Продолжения **gъrньсь* встречаются только в восточной части ареала, в сербских говорах (РСГВ 1, 324; Трошић 2014, 29; Динић 2008, 117; Митровић 1984, 62; Букумирић 2012, 110), причем могут противопоставляться слову **lonьсь* как обозначения глиняного горшка металлическому (Букумирић 2012, 294).

7) **kruhъ* – **xlěbъ* ‘хлеб’.

Лексема **kruhъ*, по всей видимости, изначально выражала у славян значение ‘кусок, обломок’. Номинация **kruhъ* ‘хлеб’ характерна для кайкавских (Blažeka, Rob 2014, 185; Blažeka, Racz 2009, 137; Lipljn 2002, 604; Belović, Blažeka 2009, 199; Maresić, Milholek 2011, 289; Šatović, Kalinski 2012, 226; Hanzir, Horvat, Jakolić, Jozić, Lončarić 2015, 220; Malnar 2014, 79; Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 149); чакавских (Mohorovičić-Maričin 2001, 127; Lukežić, Zubčić 2007, 332; Gagić 2017, 128; Milevoj 2006, 136; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 128; Velčić 2003, 185; Houtzagers 1999, 279; Moguš 2002, 61; Kranjčević 2004, 346; Jurišić 1973, 99; Vranić, Oštarić 2016, 322; Magner, Jutronic 2006, 84; Petrić 2008, 154; Šimunović 2006, 252; Benčić 2013, 256; Barbić 2011, 134; Roki-Fortunato 1997, 246), западноштокавских (Sekulić 2005, 223, 224; Japunčić 1998, 71; Šamija, Ujević 2001, 179; Kraljević 2013, 149; Znika 2017, 153),

в том числе западносербских говоров (Бојиновић 2015, 158; Бојанић, Тривунац; Далмација 2004, 140). Встречается она и на территории Сербии (Петровић, Капустина 2011, 142; Цвијетић 2014, 178). Сейчас эта лексема активно употребляется старшим поколением в Боснийской Краине. Однако для Вука это было чужое слово, в Словаре он его снабжает пометой «в западных областях» (Караџић). Слово можно трактовать как словенско-хорватскую инновацию, распространившуюся на территорию Боснии и Сербии.

В кайкавских и чакавских говорах лексема **xlěbъ* также сохранилась, но приобрела различные специализированные значения и стала обозначать вид хлеба или буханку (Vranić, Oštarić 2016, 260; Lipljn 2002): ‘большой круглый кукурузный хлеб’ (Belović, Blažeka 2009, 153), ‘буханка, кусок хлеба’ (*lib kruva*), ‘маленький пресный хлеб’ (Perušić 1993, 59), *hlejб’с* ‘круглый пшеничный хлеб’ (Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 117), *hljeb* ‘хлеб круглой формы’ (Mohorovićić-Maričin 2001, 90).

8. Противопоставляются говоры Сербии и остальной массив сербскохорватских говоров.

1) **cěsta* – **pōtъ* ‘дорога’.

Сербскохорватские говоры противопоставляются по признаку наличия в говоре обеих лексем или только лексемы **pōtъ*. Лексема **cěsta*, объединяющая сербскохорватские говоры с западнославянскими, характерна для кайкавских говоров (Hrg 1996, 51; Lipljn 2002; Šatović, Kalinski 2012, 94; Hanzir, Horvat, Jakolić, Jozić, Lončarić 2015, 90; Malnar 2014, 362; Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 53), чакавских (Gagić 2017, 55; Lukežić, Zubčić 2007, 197; Velčić 2003, 59; Kranjčević 2003, 64; Vranić, Oštarić 2016, 162; Uglešić 2017, 29; Simunović 2006, 91; Barbić 2011, 30; Jurišić 1973, 33), западноштокавских, черногорских, воеводинских и косовских (РСГВ 4, 364; Sekulić 2005, 64; Далмација 2004, 331; Ћупић 1997, 485, 540; Бојиновић 2015, 79; Зобеница 2016, 820; Букумирић 2012, 662). Обычно лексема сосуществует в говоре с лексемой **pōtъ*, обозначая проезжую, в современных условиях – асфальтированную, дорогу, тогда как **pōtъ* обозначает любой путь или проселочную дорогу (Šatović, Kalinski 2012, 424). В говорах, где употребляется только слово **pōtъ*, оно обозначает любую дорогу.

Многие синонимические пары праславянского происхождения не образуют четко противопоставленных ареалов.

1) **mati* – **majьka* ‘мать’.

В сербскохорватском ареале эти лексемы обычно сосуществуют в говорах или распределены диффузно. Однако, наблюдается географическая закономерность, что в западных говорах **majьka* употребляется в ином значении, чем ‘мать’, а обозначением матери служит лексема **mati*. Лексема **mati* является континуантом и.-е. названия матери (ЭССЯ 17, 257), сохранившегося в и.-е. языках разных ветвей, и на сербскохорватской территории распространена в говорах всех трех наречий (ср., например, (Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 140; Jurišić 1973, 116; Lipljin 2002; Maresić, Miholek 2011, 256; Vranić, Oštarić 2016; РСГВ 2, 466, Sekulić 2005, 258; Далмација 2004, 156; Лазић 2008, 170; Стојаковић, Мандарић 2013; Barbić 2011, 204; Čuljat 2004, 148; Šatović, Kalinski 2012, 256). Производная от **mati* лексема **majьka* характерна прежде всего для южнославянских языков, у западных же славян встречается ограничено (ЭССЯ, 1990, 135). В сербскохорватском ареале в значении ‘мать’ оно употребляется, в основном, в штокавских говорах (Караčić; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 213; Čuljat 2004, 145; РСГВ 2, 447). В чакавских и кайкавских, хорватских воеводинских говорах эта лексема употребляется в значении ‘бабушка’, ‘прабабушка’, ‘старая женщина’ (Lipljin 2002; Maresić, Miholek 2011; Sekulić 2005, 251), а также при именовании Матери Божией (Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 140; Jurišić 1973, 113). В сербских говорах Воеводины также сосуществуют два значения: ‘мать’ и ‘бабушка’ (РСГВ 2, 447). Такое же семантическое явление наблюдается в Радимне (‘мать’, ‘бабушка’, ‘Матерь Божия’ (Томић 1989, 168)).

2) **molditjь* – **totьkь* ‘молодой мужчина, юноша’.

Сербскохорватские говоры противопоставляются по следующим признакам: отсутствие/наличие в говоре лексемы **totьkь*. Континуанты слова **totьkь* представлены в болгарских, македонских (ЭССЯ 19, 208), штокавских (Караčić; Букумирић 2012, 328; Динић 2008, 418; РСГВ 2, 512; Sekulić 2005, 270; Лазић 2008, 176; Цвијетић 2015, 213; Петровић, Капустина 2011, 163) и некоторых чакавских (Barbić 2011, 212; Jurišić 1973, 122) говорах. Продолжения **molditjь* характерны для штокавских и чакавских говоров (в последних они более частотны, чем *totak*)

(Караџић; Barbić 2011, 210; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 148; Vranić, Oštarić 2016, 373; Lipljn 2002), и обнаруживают параллели в словенском и в старочешском *mladic* (ЭССЯ 19, 166), в древнерусском и церковнославянском *младишть/младиште* (ЭССЯ 19, 166). В кайкавских говорах юноша обозначается словом *deček*. Между продолжениями **molditjь* и **motъkъ* могут возникать семантические различия. Так, семантика **motъkъ*, в отличие от **molditjь*, может быть связана с женитьбой: *момак* – ‘неженатый молодой человек’ (РСГВ 2, 512; Sekulić 2005, 270), ‘младић за женидбу’ (Лазић 2008, 176), ‘младић у сватовима који иде уз младожењу’ (Цвијетић 2014, 213).

3) **pъrsъ* – **grъdъ* – **nědro* ‘грудь’.

Продолжения архаического соматического термина **pъrsъ*, **pъrsi* ‘грудь’ широко представлены на всей сербскохорватской территории, так же как и по всей Славии (Фасмер; Бојанић, Тривунац; Караџић; Babić 2008, 376; Barbić 2011, 265; Jakšić 2015, 615; Jurišić 1973, 173; Lipljn 2002; Maresić, Miholek 2011, 564; Vranić, Ostarić 2016, 566). Вторичное наименование **grъdъ* (родственно **grъda* (ЭССЯ 7, 149), этимологическое значение – ‘возвышение, выступающая часть тела’), хотя и имеет в значении ‘грудь’ общеславянское распространение и в том числе употребляется в словенском языке, представлено не во всех с.-х. говорах. Слово **grъdъ* не характерно для кайкавских (но (Lipljn 2002)), чакавских и прилегающих к Адриатическому побережью штокавских говоров, однако представлено в Славонии (Jakšić 2015) и на востоке с.-х. территории (Бојанић, Тривунац; Караџић; РСГВ 1, 328; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 92). В западном ареале наблюдается употребление продолжений лексики **nědro*, которая в разных славянских языках служит именованьем груди, пазухи, внутренностей и др. (вероятное этимологическое значение – ‘внутренности’, из **ne-ed* (ЭССЯ 25, 94–96). Эта лексема присутствует в кайкавских (Lipljn 2002), чакавских (Čuljat 2004, 166; Skok 1, 768) и некоторых штокавских говорах (Караџић; РСГВ 3, 62; Sekulić 2005, 326; Стојаковић, Мандарић 2013; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 251; Далмација 2004, 191; Букумирић 2012, 112). Данная лексема может обозначать как часть тела (*Né ga jì dāla od nādīr* (Lipljn 2002)), так и локус («между рубашкой и грудью» (Далмација 2004, 191)).

4) **čěrvъ* – **drobъ* ‘живот человека’.

Слово **čěrvō*, одно из основных славянских названий живота (исходно ‘кожный покров живота’ (ЭССЯ 4, 83)), в значении ‘живот’ характерно для северных кайкавских говоров (пп. 30–32 Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА 2009)). В некоторых кайкавских, чакавских, а также западноштокавских говорах обозначением живота служат продолжения слова **drobъ* (из **drobiti* ‘размельчать’, исходно ‘внутренности’). В большинстве же чакавских, кайкавских и штокавских говоров живот человека получил название *trbux* (ОЛА 2009; Skok 3, 495).

5) **rězati* – **križati* ‘резать’.

Общесербскохорватская лексема, выражающая значение ‘резать’ – **rězati* (ОЛА 2007), она же сохранилась и в восточнославянских языках. В западных штокавских и чакавских говорах встречается глагол **križati* ‘резать на куски’ (РСГВ 2, 328; Sekulić 2005, 220; Стојаковић, Мандарић 2013; Barbić 2011, 183; Jurišić 1973, 98).

6) **pъrčъ* – **jarъсь* ‘(некастрированный) козел’.

Общеслав. **kozъľъ* на сербскохорватской территории было вытеснено (Трубачев 1960, 86; ЭССЯ 12, 32) словом **jarъсь* (Belović, Blažeka 2009, 165; Mandić 2016, 242; Šimunović 2009, 349; Kranjčević 2004, 274), которое в значении ‘козел’ также представлено в македонском, в значении ‘козленок’ в болгарском, а в словенском и русском может служить обозначением другого домашнего или дикого животного. Наименование **kozъľъ* на сербскохорватской территории зафиксировано у чакавских и некоторых боснийских авторов (ЭССЯ 12, 32) со ссылкой на (RJAZU), согласно ОЛА, также в некоторых кайкавских пунктах, примыкающих к Словении. Кроме обозначения животного, в славянских языках это слово встречается для обозначения ярового ячменя (ЭССЯ 8, 181). Слово **pъrčъ* как обозначение козла и некастрированного козла встречается, помимо сербскохорватских говоров, в словенском, болгарском, македонском, а также в чешском языках и связано с названием физиологического действия (Трубачев 1960, 90), ср. *prč* ‘семенная жидкость’ (Kranjčević 2004, 274). Первоначально, вероятно, пейоративное (ср. совр. значение в (Елезовић)).

Насколько можно судить по карте Общеславянского атласа, ареалы **pъrčъ* и **jarъсь* на сербскохорватской территории носят диффузный, взаимопроникающий

характер. Обращает на себя внимание отсутствие континуантов лексемы **pъrčь* в центральной Сербии, Воеводине и Славонии. В некоторых говорах **pъrčь* употребляется в общем значении ‘козел’ (Pavešić, Magaš, Laloš 2006, 292; Milevoj 2006; Mohorovičić Maričin 2001; Piccoli, Sammartino, Hozjan, Menac-Mihalić 2000, 118), а в некоторых – в специальном ‘некастрированный козел’ и противопоставляется общему **jarьсь* или **jaruhь* (Babić 2008, 165, 358; Šimunović 2009, 349; Динић 2008, 313, 693; Стијовић 2014, 259, 556). Встречаются и случаи нейтрализации двух лексем, ср.: *Jeste vodili kozu jaruhu?* «Вы водили козу к козлу?» (Šimunović 2009, 349) при наличии в говоре слова *prčь*.

7) **pastuxь* – **žerbьсь* ‘жеребец’.

Слово **pastuxь* (словен., с.-х., болг.) – южнославянское обозначение племенного жеребца (ср. с.-х. *опасе кобилу* ‘покрыть кобылу’) (Трубачев 1960, 60). Слово **žerbьсь* – общеславянское. Согласно ОЛА на сербскохорватской территории лексема **pastuxь* распространена в Сербии и в части кайкавских говоров, а в Боснии, Славонии и некоторых кайкавских говорах фиксируется преимущественно **žerbьсь* (редкий тип ареала, когда в центре представлено общеславянское слово, а на периферии – новое).

Отдельно рассмотрим синонимические пары из тематической группы «Земля, вода, природные явления». Обращает на себя внимание, что в этой группе много синонимических пар праславянского происхождения, которые сосуществуют в одном говоре и редко противопоставляются географически.

1) **bъrdo* – **bergь* ‘гора’.

Оба слова распространены во всех южнославянских языках. В говорах, как правило, представлены обе лексемы, которые семантически различаются. Й. Цвийич описывал *брег* как отдельно стоящий холм, а *брдо* как более длинную и широкую возвышенность (Толстой 1969, 96). В словарях встречаются такие описания семантических различий: *brig* ‘manje brdo’ (Sekulić 2005, 57; Далмација 2004, 35), *брдо* ‘узвишење оштрије од брега’ (Лазич 2008, 39).

2) **krajь* – **kоньсь* ‘конец’.

Лексема **krajь* (< **krojiti*, ЭССЯ 12, 88) в славянских языках выражает семантику ‘край, конец, начало, местность, берег’. Лексема **kоньсь* (ЭССЯ 11, 5)

‘конец, начало’, реже ‘местность’ связано с **kolvъ*, выражающим значение очереди, временного предела (ЭССЯ 10, 195). Значение ‘нить’ у данного слова встречается во всех южнославянских языках, а также зафиксировано в русском (‘веревка определенной меры’) (ЭССЯ 11, 6). На сербскохорватской территории значение ‘нить’ у **kolvъ* распространено в говорах всех трех наречий (РСГВ 2, 283; Петровић, Капустина 2011, 134; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 187; Sekulić 2005, 205; Лазић 2008, 146; Букумирић 2012, 259; Liplin 2002; Šatović, Kalinski 2012, 213; Barbić 2011, 177; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 123), а временное значение представлено ограничено (функцию его выражения часто принимает на себя лексема **krajъ*). Для центральных сербских говоров значение ‘конец’ слову **kolvъ* не свойственно (Петровић, Капустина 2011, 134; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 187; Лазић 2008, 146; Букумирић 2012, 259), для некоторых чакавских тоже (Barbić 2011, 177; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 123), но присутствует в восточной Сербии (*конџи* ‘кончик стручка’ (Динић 2008, 347)), в Воеводине и в кайкавских говорах представлены оба значения (‘нить’ и ‘конец’).

3) **šuma* – **gora* ‘лес’.

География и семантические свойства этих терминов глубоко исследованы Н.И. Толстым. «Термин **gora* в значении лес широко распространен на южнославянской территории. В болгарских и македонских диалектах он почти повсеместно означает ‘лес вообще’ и встречается часто вместе с распространенным термином **šuma*, который обычно означает ‘лиственный лес’, ‘мелкий лиственный лес’. То же значение **gora* ‘лес’ известно на значительной части сербскохорватской территории, где этот термин выступает иногда наряду с синонимичным **šuma*» (Толстой 1969, 71). Семантика леса в слове **gora* сформировалась в балтославянскую эпоху и является вторичной по отношению к более древней семантике возвышенности (Лома 2013, 61–62). Как указывает А. Лома, общее значение леса у слова **šuma* в древнесербском языке не было широко распространено (Лома 2013, 62), а вероятно, исходно лексема выражала значение лиственного леса (Лома 2013, 237). В некоторых чакавских говорах слово **šuma* обозначает не лес, а сухие ветки (Barbić 2011, 369; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 237; Jurišić 1973, 211).

4) **loky* – **bara* ‘лужа’.

Лексема **bara* восходит к языку дославянского балканского населения (ЭССЯ 1, 154), а согласно ЕРСJ является производным от **obvariti* > **obariti* (ЕРСJ 2, 179), о других этимологических связях см. (Сырочкин 1997, 75–77). Распространено в ю.-слав. языках, а также в чешском и словацком. Континуанты выражают семантику ‘лу́жа, пруд, болото, грязь’. Слово **loky* также преимущественно южнославянское (ЭССЯ 16, 10), но дериваты встречаются в южночешских говорах. У южных славян распространено в значении ‘лу́жа, пруд’ и имеет и.-е. соответствия со значением ‘дыра, яма, озеро’. В древнесербском языке слово обозначало небольшую лужу, из которой пьет скот (Лома 2013, 135). Часто слова сосуществуют в одном говоре, иногда с семантической дифференциацией. Диалектные словари отражают следующие значения континуантов **bara* ‘озеро, лужа (после дождя)’ (РСГВ 1, 94), ‘лу́жа после дождя’ (Петровић, Телић, Капустина 2013, 39), ‘лу́жа’ (Петровић, Капустина 2011, 48), ‘затопляемый луг’, ‘лу́жа’ (Далмација 2004, 23), ‘затопляемый луг’ (Ћuljat 2004, 30; Динић 2008, 18), ‘лу́жа’, ‘болото’ (Sekulić 2005, 40), ‘лу́жа, занимающая большую площадь’ (Jurišić 1973, 21; Lipiĳin 2002). Продолжения **loky* могут выражать значения: ‘лу́жа’ (РСГВ 2 423; Петровић, Капустина 2011, 152; Цвијетић 2014, 194; Петровић, Телић, Капустина 2013, 208; Динић 2008, 386; Стијовић 2014, 299; Далмација 2004, 150; Barbić, 194; Ivančić-Dusper, Bašić 2013, 136; Jurišić 1973, 108); ‘яма для сбора дождевой воды’ (Стојаковић, Мандарић 2013), ‘болотистый луг’ (Marešić, Miholek 2011, 316).

5) **pol'e* – **niva* ‘поле’.

Члены данной пары обычно сосуществуют в одном говоре. Однако **pol'e* может семантически отличаться от **niva* и обозначать не пахотную землю, а луг (Далмација 2004, 228).

Несколько изоглосс из приведенного в начале параграфа списка (**klipъ* – **košanъ*, **korenъ* – **žila*, **polnina* – **gora*, **morkъ* – **tma*, **mamiti* – **vabiti*, **vbrěti* – **kypěti*, **poklonъ* – **darъ*) мы не включили в предложенное выше описание в связи с тем, что пока нам не удалось выявить систематического географического или семантического противопоставления внутри перечисленных пар. Описание различий в этих парах требует привлечения дополнительного материала.

§ 4. Западнобоснийская диалектная лексика в общесербском контексте.

Сведениями об ареальном распределении сербской диалектной лексики наука располагает пока в незначительном объеме. Мало изучены и лексические особенности различных говоров восточногерцеговинского диалекта. В сводных описаниях сербских диалектов анализ лексического своеобразия отдельных групп говоров восточногерцеговинского диалекта прежде всего касается иноязычного влияния. Так, П. Ивич, характеризуя лексику восточногерцеговинских говоров, отмечает романское, турецкое и немецкое влияние, выделяя на этой базе такие ареалы, как Приморье и Военная граница (Ивић 1994, 136). М. Окука при описании восточногерцеговинской лексики также останавливается, главным образом, на заимствованиях. Другие аспекты лексической дифференциации (значительную стратификацию лексики, связанную с различными геополитическими факторами, интерференцию между говорами в результате миграций) исследователь только констатирует, подчеркивая неоднородность и сложность устройства восточногерцеговинской лексической системы (Okuka 2008, 68–69).

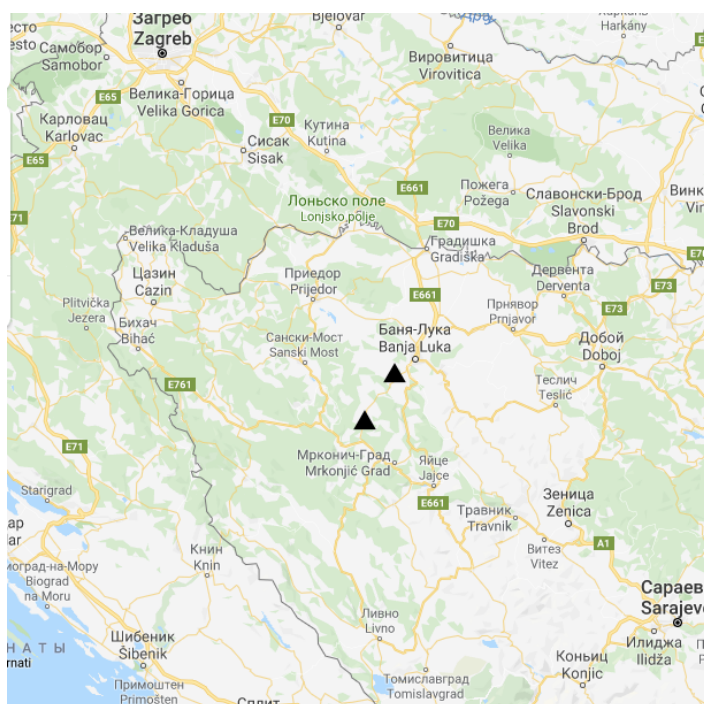
Представляется возможным и обоснованным поставить вопрос о существовании лексических изоглосс, которые выделяют восточногерцеговинскую территорию в окружении других штокавских говоров, а также делят эту территорию и связывают отдельные ее говоры с соседними диалектами. Первостепенное значение при решении этого вопроса, как нам кажется, имеет описание лексики говоров северо-западной части восточногерцеговинского диалекта (Ивић 2009, 18). Мы придаем важное значение описанию этой группы по ряду причин: это говоры переселенческие, географически удаленные от материнского ядра восточногерцеговинского диалекта, вступившие на новой территории в контакт с говорами другого типа и составляющие периферию сербского диалектного пространства⁵⁷.

В силу того, что диалектная лексикография восточногерцеговинских говоров не дает полностью сопоставимых лексических подборок (состав семем сильно

⁵⁷ Говоры западной Боснии отличаются некоторыми периферийными чертами по сравнению с наиболее типичными представителями восточногерцеговинского диалекта – говорами юго-восточной подгруппы. Они характеризуются отсутствием имперфекта, сохранением старых падежных форм в дательном, творительном и местном падежах множественного числа, редукцией гласных и др. (Ивић 1994, 168).

разнится по словарям), для решения поставленного вопроса мы прибегли к полевому сбору материала по лексическому вопроснику, составленному на основе вопросника Сербскохорватского диалектного атласа (см. с. 150–151).

В данном параграфе представлен анализ диалектного материала, записанного в мае 2019 г. в Боснийской Краине. Материал собран в селах, расположенных на горе Маняча: селе Кола, находящемся в пятнадцати километрах к юго-западу от Баня-Луки и селе Ситница, которое находится несколько южнее, чем Кола, по направлению к г. Мркониц-Град). Сбор материала был организован проф. Д. Црняк, проф. Б. Бабич и проф. Д. Козомара, за что автор выражает им глубокую благодарность. С заполненным вопросником можно ознакомиться в приложении к диссертации.

Карта №1. Обследованные населенные пункты.

Собранная лексика проверена на представленность ее в словаре сербского литературного языка (РСЈ 2007). Среди записанных слов содержится 20 % лексики, отличной от литературного языка⁵⁸, причем всего 4% приходится на значения, для выражения которых используются только диалектные слова. Остальные 16%

⁵⁸ За 100 % было принято число вопросов в вопроснике, а именно 370. При этом число лексем, полученных в качестве ответов, могло быть несколько большим за счет синонимии. Таким образом, подсчитывалось процентное отношение всех засвидетельствованных в анкете диалектных слов к общему числу вопросов (а не к общему числу записанных лексем). Фонетические варианты рассматривались как одна лексема.

составляют диалектизмы, которые сосуществуют в говоре со словами, употребляющимися и в литературном языке.

Приведем список лексем, не зафиксированных в словаре (РСЖ 2007). Большая часть диалектизмов приходится на тематические группы: «одежда», «еда и приготовление пищи», «домашнее хозяйство», «домашние животные»⁵⁹: *образ* 'лицо', *шклобучић* 'волдырь, появляющийся при ожоге', *губица* 'губа' (нейтр.), *затјевак* 'затылок', *перчин* 'волосы', *црна џигара* 'печень', *кажипут* 'указательный палец', *средопрст* 'средний палец', *плачковаст*, *плачко* 'плакса', *беседа* 'слово', *диванити* 'разговаривать', *паросник* 'ровесник, сверстник', *сестрићка* 'дочь сестры', *пиранија* 'свадьба', *млада пуница* 'жена шурина', *теготна*, *куљава* 'беременная', *пулија*, *седепић*, *седепче* 'пуговица', *шитак* 'шов', *бабаџ* и *бабџа*, *брукерић* 'застежка', *кундура* 'туфля', *ледер* 'подошва', *вертун*, *фертун*, *тканце* (у ношњи) 'фартук', *вистан* 'юбка', *гањак* 'пространство под стрехой', *препрат* 'полоскать белье', *ћута* 'круглое полено', *облић* 'полено', *жера* 'угли', *поглавач* 'подушка', *биљ* 'одеяло, покрывало', *бешика* 'колыбель', *астал* 'стол', *срча* 'бутылка', *ардов* 'бочка', *овршак* 'щепа', *лукишија* 'пепел, зола', *жишка* 'искра', *басамаке*, *лотре*, *скале* 'лестница приставная', *надвор* ' (выйти) на улицу', *котлуша*, *брема*, *маса*, *лампер*, *вучија* 'ведро (сосуд) для воды', *герма* 'то, что добавляют в тесто, чтобы оно подошло (дрожжи)', *укувам* 'замесить тесто', *крижа* 'кусоч (хлеба)', *перушина* 'листья от кукурузного початка', *окошина*, *кошња* 'луг', *брнача* 'борона', *благо*, *ајванче*, *сермија* 'скот, скотина', *паоци* 'спицы в колесе', *омужа*, *повлака* 'сырое молоко (парное)', *прасилџа* 'самка свиньи', *ћуко* 'собака', *пјевелџа* 'кукушка', *грокти* 'звук, издаваемый вороном', *кртџа* 'крот', *бурњак* 'дождевой червь', *трнка* 'улей', *свјетњак* 'светлячок', *жуга* 'моль', *штица* 'плодовая косточка', *ришак* 'картофель', *цикла* 'свекла', *шљеја* 'бревно, переброшенное через реку', *шпинат* 'шпинат', *трља* 'болтун', *милошта* 'подарок'.

Для говора очень характерна дублетность как в форме «местное слово/слово общее с литературным языком», так и в форме сосуществования различных общих с литературным языком слов для выражения одного значения.

Среди собранных лексем встретилось всего несколько слов ограниченного территориального распространения (локализмов). К этой группе отнесены слова, не

⁵⁹ Диалектные лексемы приводятся в данной статье в упрощенной записи, которая не является точной фонетической транскрипцией.

зафиксированные в словарях Сербской академии наук и Матицы Сербской (фиксация проверялась по словарю РСЈ) или зафиксированные в отдельных западных областях. Большая их часть зафиксирована в словаре змианского говора (Регодић 2011): *седенић* ‘пуговица’ (с. 257), *шитак* ‘шов’ (с. 232), *ришак* ‘картофель’ (с. 246), *шклобучић* ‘волдырь’ (ср. *шклобукови* (с. 333)). Встретилось и несколько лексем, не подтвержденных в этом словаре: *треповке* ‘ресницы’⁶⁰, *жера* ‘искра’ (не ‘угли’). Как правило, локализмы функционируют в составе синонимических пар и рядов, в которых один из членов – общесербское слово (это касается как говора села, так и индивидуального говора). Можно выделить также семантические локализмы: *пири* (о ветре) в значении ‘дуть’ (синоним для *дувати*) при общесерб. ‘слабо дуть’ (РСЈ).

Для описываемого говора характерны следующие архаизмы⁶¹: *жельезо* ‘железо’, *здјела* ‘миска, глубокая тарелка’, *жлица* ‘ложка’, *мрква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’, *плата* ‘простынь’.

В большинстве случаев можно говорить о том, что данные архаизмы были вытеснены из ряда сербских областей. Такова история слов *жлица* ‘ложка’ и *здјела* (**sъkděla* ‘миска, глубокая тарелка’, древний романизм (Skok 3, 646)), употреблявшихся в древнесербском языке (Даничић 2, 27; Даничић 1, 374) и замененных турцизмами *кашика* и *чинија*, а также слова *жельезо* ‘железо’ (Даничић 1, 333), на смену которому пришел штокавский неологизм *гвожђе*, не имеющий инославянских параллелей (ЭССЯ 7, 185–187). К этой же группе можно отнести слова *мрква* ‘морковь’ и *гра(х)* ‘фасоль’, хотя они и не зафиксированы в словаре древнесербского языка: это общеславянские слова, вытесненные соответственно унгаризмом и грецизмом.

Слова *мрква* и *гра* функционируют в говоре опрошенных информантов без дублетов, другие архаизмы имеют дублеты или синонимы: *жельезо* – *гвожђе*, *лаче* – *чакире*, *панталоне*, *здјела* – *чинија*, *плата* – *чаршав*, *жлица* – *кашика*. Как правило, эти дублеты не доминируют в речи: в большинстве случаев в речи людей старшего поколения, рассказывающих о прошлом, устойчиво преобладают названные архаизмы. Слово *чаршав*, например, оценивается информантом как

⁶⁰ Лексема зафиксирована в речи одного информанта (Ковильки Удович).

⁶¹ Под архаизмами в данном случае мы понимаем лексику праславянского происхождения, которой на части территории распространения сербского языка, а именно в центральных и восточных областях сербской языковой территории, соответствуют заимствования и новообразования.

новое. Исключение составляет лексема *жельезо*, которая встречается примерно с той же частотностью, что и слово *гвождје*.

При выявлении архаизмов в говоре встает вопрос о том, действительно ли архаические лексемы органичны для говора. По словам нескольких информантов, лексема *ручник* является новой для говора, тогда как раньше ей соответствовало слово *пешикир*⁶². Похожая ситуация наблюдается и в случае с лексемой *лаче* ‘штаны’ (**holča*, ЭССЯ 8, 56), которая обозначает брюки современного покроя, тогда как для штанов, которые носили прежде и которые ныне вышли из употребления, в говоре используется турцизм *чакишире*.

Для говора Манячи типичны следующие слова, распространенные преимущественно на западе сербскохорватского ареала (некоторые лексемы фиксируются восточнее Дрины, но основной ареал лексемы тяготеет к западу): *пир* ‘свадьба’ (центр.- и вост.-шток. *сватба*), *заручница* ‘невеста’ (вост.-шток. *в(ј)ереница*), *зоб* ‘овес’ (вост.-шток. *овас*), *кажипут* ‘указательный палец’ (центр.-шток. *кажипрст*) (см. соответствующие карты Общеславянского лингвистического атласа), *кру* ‘хлеб’, *пла(х)та* ‘простынь’, *тржница* ‘рынок’, *рижа* ‘рис’, *пунац* ‘тесть’, *цикла* ‘свекла’, *шпинат* ‘шпинат’, *ставор* ‘крыса’, *вани* ‘снаружи’, *благо* ‘скот’, *пура* ‘каша из кукурузной крупы’, *тава* ‘сковорода’, *плац* ‘рынок’, *пунац* ‘тесть’, *пуница* ‘теща’, *цеста* ‘дорога’. Данные слова были проверены по словарям (Божанић, Тривунац; Букумирић 2012; Гаговић 2004; Далмација 2004; Динић 2008; Жугић 2005; Митровић 1984; Петровић, Капустина 2011; Петровић, Ћелић, Капустина 2013; РСГВ; Стијовић 2014; Томић 1989; Трошић 2014; Ћупић 1997). В словаре говора Подкозарья (Далмација 2004) зафиксировано большинство перечисленных слов (кроме *пунац*, *пуница*, *рижа*, *ставор*, *тржница*). На втором месте по числу засвидетельствованных из этого списка слов – говоры Черногории, в которых распространены наименования: *благо* ‘скот’, *парник* ‘гость на свадьбе’, *плац* ‘рынок’ (Петровић, Ћелић, Капустина 2011), *цеста* ‘дорога’ (Ћупић 1997), *пуничичић* ‘тот, кто подлащивается к теще’ (Гаговић 2004), ср. также *пуромет* ‘дрво којим се меша качамак при кувању’ (Гаговић 2004). Несколько слов характерно для сербских говоров Воеводины: *парник* ‘ровесник’, *пуница* ‘теща’, *тава* ‘сковорода’ (РСГВ), Шумадии: *парник* ‘ровесник’, *благо* ‘скот’, ср. также *пурењак* ‘млад

⁶² Спорный факт. Согласно устному сообщению проф. Д. Козомара, обычна обратная ситуация: *пешикир* – новое, *ручник* – старое.

кукуруз печен на жару' (Петровић, Капустина 2011), Косова: *цеста* и *ван* (Букумирић 2012), *тава* 'земљани суд нарочитог облика у коме се готови јело што се у београдском говору каже *ђувеч*' (Елезовић). В словарях говоров восточной Сербии данные лексемы не обнаружены.

У перечисленных лексем разная степень устойчивости в говоре. *Зоб* 'овес' – самая устойчивая номинация из рассмотренных в этой группе, она не имеет вариантов. Также очень устойчивы номинации *заручница* (ср. в (Далмација 2004, 96) и *пир* (в последнем случае – когда речь идет о прошлом).

Как указывалось выше, для говора очень характерна дублетность. Один из источников дублетности – сосуществование в говоре исконной и заимствованной лексики. Ср.: *лубеница* – *бостан* 'арбуз', *ручник* – *пешикир* 'полотенце', *рубац* – *марама* 'платок', *мост* – *ћуприја* 'мост', *вал* – *талас* 'волна', *ципела* – *кундура* 'туфля', *стока* – *хајван* 'скот', *жага* – *тестера* 'пила', *седмица* – *јефта* 'неделя', *сукња* – *вистан* 'юбка', *пуце* – *пулија*, *дугме* 'пуговица', *сто* – *астал* 'стол', *уље* – *зејтин* 'растительное масло', *прозор* – *пенциер* 'окно', *поглавач* – *јастук* 'подушка', *плата* – *чаршав* 'простыня', *жлица* – *кашика* 'ложка', *скоруп* – *кајмак* 'слой жира на кипяченом молоке', *колијевка* – *бешика* 'колыбель'. В данных парах одно слово – более употребимо, второе – менее, и как правило архаизм. Турцизмы и грецизмы могут функционировать в говоре и как новые слова, и как архаизмы. Устаревшими, вышедшими из употребления информанты называют слова *пешикир*, *астал*, *зејтин*, *пенциер*, а инновационными – *јастук*, *чаршав*, *кашика*, *кајмак*, *бешика*. Некоторые турцизмы, представленные в сербском литературном языке, в говоре отсутствуют: отсутствует турцизм *маказе* 'ножницы' (только *нож"це*), *качамак* 'каша из кукурузной муки' (только *пура*).

В говоре наблюдается семантическая дифференциация слов, которые в общесербском языке являются синонимами. Так, слово *цеста* связывается с асфальтированной дорогой, а *друм* и *пут* – с другими видами дорог: *до сад није било честе*, *друм* «до сих не было *честе*, был *друм*». *Бачва за воду*, *буре за ракију*, *бачва за шљиве*, *буре дрвено*, *бачва пластична* «*Бачва* – бочка для воды, *буре* – для ракии, *бачва* – для слив, *буре* – деревянное, *бачва* – пластмассовая». *Врећа већа*, *џак од тањег материјала за брашно* «*Врећа* – большой мешок, а *џак* – из более тонкого материала, для муки». *Трзница за поврће*, *пијаца за стоку* «*Трзница* – овощной

рынок, *пијаца* – там, где скот продают». *Брдо веће, бријег мањи* «Брдо – холм побольше, *бријег* – поменьше».

§ 5. Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов в сопоставительном аспекте

Данный параграф посвящен проблеме лексического варьирования в пределах современных новоштокавских сербских говоров, а именно западнобоснийских, относящихся к восточногерцеговинскому диалекту, и северо-западных сербских, относящихся к шумадийско-воеводинскому диалекту. Восточногерцеговинский диалект занимает территорию к западу от шумадийско-воеводинской и граничит с чакавским и кайкавским наречиями, хотя и не имеет с ними в фонетике и морфологии специфических общих черт. Шумадийско-воеводинский занимает центральное положение в сербском лингвистическом пространстве и граничит на востоке с косовско-ресавскими говорами, которые, в свою очередь, граничат с торлакскими, имеющими большую близость к болгарским.

В сербских диалектологических описаниях лексические особенности данных диалектных групп сводятся только к характеру заимствований (Ивић 1994, 136; Okuka 2008, 68–69, 136). Между тем, проблема лексического варьирования в сербском новоштокавском ареале представляется очень актуальной в связи с поиском изоглосс, выделяющих западную и восточную части сербской языковой территории.

Данная проблема исследуется на примере лексических признаков говоров сел Манячи и Ливаньско-Поле, относящихся к западнобоснийской подгруппе восточногерцеговинского диалекта, с одной стороны, и говоров Раджевины и Подгорины, принадлежащих к шумадийско-воеводинскому диалекту, – с другой.

В области Маняча в окрестностях г. Баня-Лука (села Кола и Ситница, см. § 4) материал был собран по расширенной анкете, а в окрестностях г. Мркониц-Град (села Шеховцы, Подрашница и Барачи (Горица)⁶³) по сокращенной (о характере анкеты см. с. 150–151).

Собранный полевой материал был дополнен анкетой, отражающей лексику еще одного сербского западнобоснийского говора, носители которого в настоящее время покинули свою родину, – говора села Бастаси (область Ливаньско-Поле, общ. Босанско Грахово, село расположено примерно в 70 км к юго-западу от Мркониц-

⁶³ Село Шеховци прилегает к Маняче, а Подрашница и Барачи находятся южнее.

Града). Анкета была предоставлена носителем данного говора, проф. Банялукского университета Драгомиром Козомара, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

Шумадийско-воеводинский материал представлен двумя анкетами, отражающими говор с. Бела-Црква⁶⁴ (область Раджевина) и г. Осечина (обл. Подгорина), расположенных в северо-западной Сербии к северо-западу от г. Валева (расстояние между пунктами 15 км) (см. карту № 1). Материал из с. Бела-Црква был записан от носителя говора, сотрудника Института сербского языка САНИ Мирьяны Петрович-Савич⁶⁵, а материал из г. Осечина был записан от информанта Милены Савич (1953 г.р.). Говор с. Бела-Црква относится к группе шумадийско-воеводинских говоров, в которых рефлекс *я* имеет статус особой фонемы. Говоры Раджевины и Подгорины территориально близки к восточногерцеговинским⁶⁶.

Карта № 1. Обследованные населенные пункты.

Сопоставление восточногерцеговинской и шумадийско-воеводинской лексики предварим анализом лексической вариативности внутри восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов.

⁶⁴ В селе проживает сербское население, большая часть которого – потомки переселенцев из Герцеговины XVII – XVIII в. Потомки коренных жителей составляют меньшинство.

⁶⁵ Автор благодарит М. Петрович-Савич за значительную помощь в проведении данного исследования. Хотя материал, записанный от одного носителя, являющегося лингвистом, и не отражает в полной мере народную традицию, но для выполнения поставленных в исследовании задач представляется вполне релевантным, поскольку для нашего описания лексики важен прежде всего факт фиксации лексемы. К такой упрощенной форме сбора материала нам пришлось прибегнуть с целью охвата максимального числа пунктов, которое необходимо для лингвогеографического анализа.

⁶⁶ П. Ивич отмечает, что шумадийско-воеводинские говоры к западу от Лига находятся под сильным влиянием восточногерцеговинского диалекта (Ивић 1985, 74).

Лексическая вариация внутри западнобоснийского корпуса. Различия между лексикой с. Бастаси, самого южного из исследованных нами сел западной Боснии, и лексикой с. Кола, самого северного в обследованной области, составляют приблизительно 10%. В говоре Бастаси присутствуют следующие слова, не характерные для говора Кола: *нев^нста* ‘сноха’, *сватови* ‘свадьба’, *шиша* ‘бутылка’, *пирла* ‘воронка для переливания жидкости’, *подрум* ‘хлев’, *прасетњак* ‘свинарник’, *тањур* ‘тарелка’, *цукар* ‘сахар’, *прч* ‘некастрированный козел’, *дижва* ‘ведро для дойки’, *пуле* ‘осленок’, *кезме* ‘поросенок’, *ушкон^нти* ‘кастрировать’, *кљуцавац* ‘дятел’, *тука* ‘индюшка’, *п^нјевац* ‘петух’, *улиште* ‘улей’, *св^нјетла баја* ‘светлячок’, *тара* ‘ткацкий станок’, *мольац* ‘моль’, *оток* ‘остров’, *јавити* ‘подзывать домашнюю птицу’, *пуше* ‘дует (о ветре)’, *дуљина* ‘длина’, *мучати* ‘молчать’, *дид* ‘тесть’, *сић* ‘ведро’, *мливо* ‘мука’, *драча* ‘акация’. Лексика с. Бастаси обнаруживает больше, чем в с. Кола, лексем, характерных для запада или периферии сербскохорватского ареала, ср.: *оток*, *тука*, *пуше*, *тањур*, *дуљина*, *пуле*, *пирла*, *цукар*, *мучати*, *сватови*. Из типичных для западнобоснийских говоров архаизмов⁶⁷ (*жельезо* ‘железо’, *ћела* ‘миска, глубокая тарелка’, *мрква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’ и др.) в говоре Бастаси не представлены слова *жлица* ‘ложка’ и *плата* ‘простыня’, вместо которых употребляются турцизмы *каш^нка* и *чашаф*⁶. Кроме того, в говоре Бастаси фиксируются и другие архаизмы: *мучати* ‘молчать’, *пл^нјесан* ‘плесень’, *вари се* ‘варится’, *смеће* ‘мусор’ (без дублета *ћубре*).

Лексикой с. Кола по сравнению с с. Бастаси отличаются слова *ришак* ‘картофель’, *шљеја* ‘бревно, переброшенное через реку’, *пири* ‘дуть (о ветре)’, которые можно считать локализмами, и лексемы *јефта* ‘неделя’, *пир* ‘свадьба’, *тржница* ‘рынок’, *парник* ‘ровесник’, *старац* ‘тесть’. В сербских говорах лексемы *јефта*, *пир*, *тржница*, вероятно, ограничены боснийской территорией: *тржница* и *јефта* в сербской диалектной лексикографии других областей не фиксируются, о принадлежности лексемы *пир* к западнобоснийским говорам свидетельствует соответствующая карта ОЛА (ОЛА 2015). Лексемы *парник* и *старац* фиксируются рядом сербских диалектных словарей в Воеводине, Шумадии, но не в восточной Сербии (*парник* (Петровић, Капустина 2011, 202); *парњак* (РСГВ 3, 207)); *старац* ‘тесть’ (Далмација 2004, 287; Петровић Капустина 2011, 276; РСГВ 4, 132).

⁶⁷ См. сноску № 53.

Лексика сел Шеховци, Подрашница и Барачи, находящихся примерно на полпути между Кола и Бастаси, закономерно носит переходный характер. Бастаси и села в окрестностях Мркониц-Града объединяются рядом важных лексических изоглосс, связывающих эти говоры с Адриатическим побережьем (романизм *пирла* ‘воронка для переливания жидкости’, см. (ОЛА 2007), где в нескольких чакавских и зетско-сеницких говорах фиксируется лексема *pirija*) и, шире, с западом сербскохорватского ареала (глагол **rihati* ‘дуть (о ветре)’: *кад ветар пуне*). Данные говоры объединяются также лексемами *драча* ‘акация’, *тара* ‘ткацкий станок’, *дижва* ‘ведро для дойки’, *варим (ручак)* ‘готовлю (обед)’, *маказе* ‘ножницы’ (в Кола – только *ножице*). С другой стороны, здесь встречаются многие слова, характерные для Кола и отсутствующие в Бастаси: *ришак*, *пири*, *јефта*, *пир*, *старац*.

Говоры сел Шеховци, Подрашница и Барачи содержат некоторые элементы, не зафиксированные нами в других обследованных селах: *царза* ‘юбка’, *крај* ‘нить’, *ороз* ‘петух’, *ангир* ‘некастрированный конь’, *дојимо* ‘доить’, *пасуљ* ‘фасоль’ (наряду с *гра*), *справна* (о корове) ‘стельная’.

Лексическая вариация внутри шумадийско-воеводинского корпуса. Анкеты из Бела-Црква и Осечина содержат приблизительно 20 % различных или частично совпадающих ответов (фонетические варианты не учитывались). Приведем примеры лексических противопоставлений, записанных от информантов из Бела-Црква и Осечина: *коса* – *власи* ‘волосы’, *бубац* – *бубрег* ‘почка (орган)’, *задруга* – *породица* ‘семья’, *одати* – *шетати* ‘гулять’, *сикирати се* – *бринути се* ‘беспокоиться’, *заручница* – *вереница* ‘помолвленная девушка, невеста’, *старац* – *таст* ‘тесть’, *баба* – *ташта* ‘теща’, *сашивотак* – *шав* ‘шов’, *ципела* – *кундура* ‘туфля’, *цеп* – *ипаг* ‘карман’, *авлија* – *двориште* ‘двор’, *цреп* – *ћерамида* ‘черепица’, *ватраљ* – *жарач* ‘железное приспособление для перемешивания топлива в печи’, *мердевине* – *лотре* ‘приставная лестница’, *крпара* – *ћилим* ‘ковер’, *влаша* – *боца* ‘бутылка’, *буре* – *бачва* ‘бочка’, *кабо* – *кофа*, *видрица* ‘ведро’, *ћаса* – *чинија* ‘миска’, *квас* – *квасац* ‘дрожжи’, *наћве* – *корито* ‘деревяная посуда для замешивания теста’, *врити* – *кључати* ‘кипеть’, *љушитити* – *чистити* ‘снимать кожуру, очищать’, *просути* – *пролије* ‘пролить’, *окомак* – *кочањ* ‘вылущенный кукурузный початок’, *ольна* – *комушина* ‘листья от кукурузного початка’, *пешке* –

пешице ‘пешком’, *крепала* – *липсала* ‘пасть, сдохнуть (о скотине)’, *перуштина* – *живина* ‘домашняя птица’, *ишмиши* – *слепи миш* ‘летучая мышь’, *спуж* – *пуж* ‘улитка’, *светњак* – *свитац* ‘светлячок’, *жила* – *корен* ‘корень’, *вења* – *клека* ‘можжевельник’, *грм* – *жбун* ‘куст’, *пруће* – *шибље* ‘прутья’, *маказе* – *ножице* ‘ножницы’, *пут* – *друм*, *иада* ‘дорога’, *брод* – *газ* ‘брод’, *валови* – *талас* ‘волна’, *паре* – *новац* ‘деньги’, *ћон* – *пенце* ‘подошва’.

Степень близости лексики говоров к словарному фонду литературного языка. Бóльшая близость к словарному фонду литературного языка лексики Раджевины и Подгорины, чем говоров западной Боснии, является предсказуемой в силу периферийного характера западнобоснийских говоров. В анкете из с. Бела-Црква зафиксировано всего 6% лексики, не представленной в словаре сербского литературного языка РСЈ 2007 или представленной в другом значении (фонетические варианты как отдельная лексема не рассматривались). Это следующие лексемы: *бубац*, *бубало* ‘почка’ (*боли ме бубац*), *одати* ‘гулять’, *бут* ‘верхняя часть ноги у человека’, *задруга* ‘семья’, *палоција* ‘ровесник’, *братичкиња* ‘дочь брата’, *сестричкиња* ‘дочь сестры’, *пуница* ‘жена шурина’, *вето* (*одело*) ‘старая (одежда)’, *сашивотак* ‘шов’, *бошча* ‘фартук’, *супрет* ‘пепел’, *бешика* ‘колыбель’, *астал* ‘стол’, *ћиндија* ‘полдник’, *ужина* ‘обед’, *перуштина* ‘птица’, *бурњак* ‘дождевой червь’, *окомак*, *корен* ‘вылущенный кукурузный початок’, *олна* ‘листья от кукурузного початка’ *светњак* ‘светлячок’, *бостан* ‘арбуз’. Часть слов из этого списка имеет в говоре дублиеты, совпадающие с литературными словами, а на долю диалектизмов, у которых в говоре нет подобных дублетов, приходится 4 % от общего количества лексики в анкете. Такое же число было получено и при анализе лексики западнобоснийского говора села Кола (см. § 4, а также Якушкина 2019). Однако, в говоре с. Кола заметно выше доля дублетных пар, состоящих из диалектного и литературного слова (16 %) ⁶⁸. Таким образом, мы наблюдаем, что лексика говора села Бела-Црква более гомогенна, в меньшей степени насыщена дублетами.

Лексические различия между говорами с. Бастаси и с. Бела-Црква и г. Осечина. Из 370 вопросов в с. Бастаси записано 100 лексем (27%), не

⁶⁸ Высокий процент дублетности в этом говоре согласуется с данными карт ОЛА, часто демонстрирующими на территории Боснии зону лексической интерференции (*дуг* и *ливада*, *коса* и *власи* и др.).

зафиксированных в говоре с. Бела-Црква, из них половина приходится на дублетные пары, а именно на долю значений, которые выражаются в этих говорах с помощью различных лексем, приходится 13,5 %. Большая часть дифференциальной лексики относится к области домашнего быта и хозяйства.

Приведем список слов, которые употребляются в с. Бастаси и не зафиксированы в с. Бела-Црква и г. Осечина или зафиксированы там в другом значении: *образ* 'лицо', *губ^нца* 'губа', *диван^нти* 'разговаривать', *мучати* 'молчать', *затјевак* 'затылок', *зглоб^н* 'сустав', *црна цигара* 'печень', *шетају* 'гуляют', *лети* 'бежит', *бедра* 'часть ноги от бедра до колена', *вамилија* 'семья', *сестрана* 'дочь сестры', *куљава* 'беременная', *сватови* 'свадьба', *нев^нста* 'сноха', *дид^м*, *пунац* 'тесть', *пун^нца* 'теща', *шурњава* 'жена шурина', *роба, одјећа* 'одежда', *пулија, пуце* 'пуговица', *лаче* 'брюки', *кајши* 'пояс, ремень', *спона* 'застежка', *прегача, кецеља* 'фартук', *ограда* 'забор', *цигла* 'черепица', *пенџер* 'окно', *маша* 'приспособление для перемешивания топлива в печи', *жељезо* 'железо', *луг* 'пепел', *димљак* 'дымоход', *тепик* 'ковер', *смеће* 'мусор', *сто* 'стол', *уже* 'веревка', *ишиша* 'бутылка', *пирла* 'воронка для переливания жидкости', *подрум* 'хлев', *прасетњак* 'свинарник', *на двору* 'на улице', *надво* 'на улицу', *сић* 'ведро для воды', *мливо* 'мука', *рижа* 'рис', *ђела* 'миска', *тањур* 'тарелка', *герма* 'дрожжи', *крув* 'хлеб', *жмаре* 'шкварки', *разрезати* 'разрезать', *гул^нти* 'очищать кожуру', *вари се* 'варится', *цукар* 'сахар', *пл^шесан* 'плесень', *уље* 'растительное масло', *комуша* 'початок кукурузы без зерен', 'листья, в которые завернут кукурузный початок', *млин* 'водяная мельница', *благо* 'скот', *кошара* 'хижина пастухов', *прч* 'некастрированный козел', *варен^нка* 'сырое молоко после дойки', *дижва* 'посуда для дойки', *пуле* 'осленок', *прас^нца* 'самка свиньи', *кезме* 'поросенок', *ушкон^нти* 'кастрировать', *оро* 'ястреб', *кљуцавац* 'дятел', *гракће* 'каркает (о вороне)', *увор* 'петушиный гребень', *тука* 'индюшка', *јавимо* 'подзываем птицу', *међед^нца* 'медведица', *улиште* 'улей', *св^нјетла баја* 'светлячок', *комарица* 'комар', *дебло* 'ствол', *боровњача, боровн^нца* 'можжевельник', *смрека* 'ель', *драча* 'акация', *ракита* 'ива прямоствольная', *печурка* 'гриб', *гра* 'фасоль', *мрква* 'морковь', *црвени лук* 'лук', *копрва* 'крапива', *жага* 'пила', *тара* 'ткацкий станок', *нож^нце* 'ножницы', *цеста* 'дорога', *оток* 'остров', *талас* 'волна', *пуше* 'дует (о ветре)',

локва ‘лу́жа’, ду́лина ‘длина’, ручник ‘полотенце’, застава ‘флаг’, крадљивац ‘вор’, Дови ‘праздник св. Троицы’.

Большая часть лексических дифференциальных пар сел Бастаси и Бела-Црква, по всей видимости, лингвогеографически не противопоставляют восточногерцеговинский говор области Ливаньско-Поле шумадийско-воеводинскому говору Раджевины. Они являются следствием предпочтения в говоре той или иной лексемы или следствием случайного семантического сдвига. Например, в противопоставлении *породица* – *задруга* ‘семья’ *задруга*, по всей видимости, локально перенесено на обозначение любой семьи, вместо широко распространенного ‘большая семья’ (ср. словарь РСЈ вообще не фиксирует у этого слова значение ‘семья’). То же касается противопоставления *шетају* – *одају* ‘гуляют’, *цигла* – *цреп* ‘черепица’, *кецеља* – *бошча* ‘фартук’ и др. В целом ряде случаев лексемы из с. Бела-Црква, отсутствующие в Бастаси, употребляются в с. Кола в окрестностях Баня-Луки и, следовательно, не являются боснийско-шумадийскими дифференциальными признаками: *иглабак* ‘сустав’, *бут* ‘бедро’, *старац* и *баба* ‘тесть и теща’, *мездревине* ‘приставная лестница’, *левак* ‘воронка для переливания жидкости’, *свињац* ‘свинарник’, *стока*, *марва* ‘скот’, *вабит* ‘подзывать птицу’.

Рассмотрим, существуют ли среди перечисленных различий демонстрирующие четкие ареальные противопоставления между западнбоснийскими говорами восточногерцеговинского типа и шумадийско-воеводинскими говорами северо-западной Сербии⁶⁹. Дифференциальные пары: *димљак* – *ојак*, *гулити* – *љуштити*, *увор* – *креста*, *гра* – *пасуљ*, *мрква* – *шангарепа*, *цеста* – *пут*, *тара* – *разбој*, *црвени лук* – *црни лук*, *крув* – *хлеб* были проверены по словарям (Бојанић, Тривунац; Букумирић 2012; Гаговић 2004; Далмација 2004; Динић 2008; Елезовић; Жугић 2005; Карацић 1969; Карацић; Лазић 2008; Митровић 1984; Петровић, Капустина 2011; Петровић, Ћелић, Капустина 2013; РСГВ; Стијовић 2014; Томић 1989; Ћупић 1997). Пары *губица* – *усна*, *међедица* – *мечка*, *дебло* – *стабло* были также проверены по картам ОЛА 1988; ОЛА 2000; ОЛА 2009. Анализ дал следующие результаты.

⁶⁹ Определение шумадийско-воеводинских говоров в бассейне Колубары как говоров на северо-западе Сербии см. в (Ивич 2009, 39).

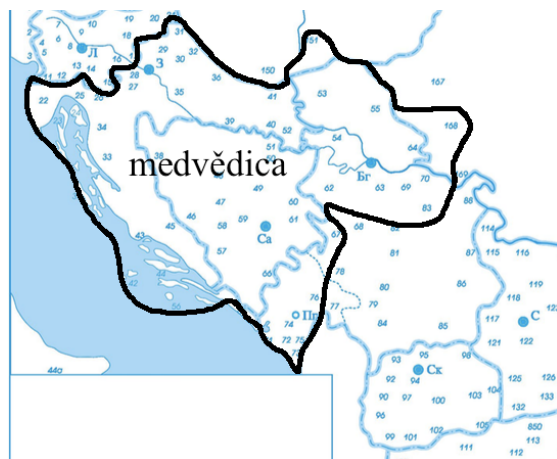
Наиболее четкое ареальное противопоставление демонстрирует изоглосса *крув – хлеб*. В Хорватии, в западной Боснии как нейтральное обозначение хлеба распространены продолжения лексемы **kruhъ*. Восточнее Дрины это слово фиксируется очень редко. Оно отсутствовало в говоре Вука Караджича, который во втором издании своего Словаря снабдил его пометой «славонское». Правда, в иллюстративных текстах во втором издании Словаря это слово фиксируется в Паштровичах (s.v. *баба руга*). На территории Сербии это слово встречается в областях Качер и Ужице (Петровић, Капустина 2011, 142; Цвијетић 2014, 178).

Похожую территориальную проекцию имеет противопоставление *тара* (Карацић; Далмација 2004, 298) – *разбој* (Карацић 1969, 700; Петровић, Телић, Капустина 2013, 348; Стијовић 2014, 561; Букумирић 2012, 513; Митровић 1984, 280⁷⁰; Томић 1989, 125; Петровић, Капустина 2011, 245; РСГВ 3, 428). Изоглоссы *мрква – шангарепа, међедица (медведица) – мечка* также разделяют сербские говоры на западный и восточный ареалы, но проходят (или проходили в XIX в.) предположительно несколько восточнее⁷¹ (см. карту № 2 «Самка медведя: *medvĕdica*» и № 3 «Самка медведя: *течка*»)⁷². На большей части территории Сербии фиксируется слово *мечка* (Карацић 1969, 398; Букумирић 2012, 319; Динић 2008, 409; Елезовић; Жугић 2005, 195; Стијовић 2014, 316; Митровић 1984, 179–180; РСГВ 2, 477). *Мечка* было зафиксировано нами и в ходе полевой работы в окрестностях Мркониц-Града. Согласно ОЛА, эти два слова демонстрируют четкое деление на восток – запад. Граница между лексемами *мечка* и *медведица* проходит по восточной Боснии и Герцеговине, западной Сербии и Воеводине, которые образуют зону интерференции.

⁷⁰ В данном словаре зафиксирован дериват.

⁷¹ Наше предположение основано на том, что в первом издании словаря Караджича, отражающем говор Тршича, зафиксированы «западные» лексемы: *мрква* и *међедица* (наряду с *мечка*).

⁷² Предлагаемые карты выполнены на основе карты «Общеславянского лингвистического атласа» «Самка медведя» (ОЛА 1988) и отражают изоглоссы *мечка* и *медведица* в упрощенном виде.

Карта № 2 «Самка медведя: *medvĕdica*»

карта № 3 «Самка медведя: *meška*»

Близкую конфигурацию имеют изоглоссы и изодоксы, выделенные А.А. Плотниковой на материале народной духовной культуры: граница терминов *вукодлак* – *вампир* ‘вампир’ почти совпадает с течением Дрины (*вукодлак* – западная лексема, а *вампир* – восточная) (Плотникова 2004, 712), а граница обычая разжигания масленичных костров и факелов – с течением Великой и Южной Моравы (к западу от этой границы представлен обычай разжигания летних костров и факелов) (Плотникова 2004, 712, 454).

Второй тип ареального противопоставления западнобоснийских говоров и говоров Раджевины и Подгорины связан с разрушением некогда единого ареала под влиянием заимствования. Этот тип демонстрируют изоглоссы *димљак* – *ојак*, *гра* – *пасуљ*, *цеста* – *пут*.

Лексема *димњ(љ)ак*, наряду с западнобоснийскими говорами, употреблялась в говоре Вука Караджича, а также встречается в Косово (Букумирић 2012, 128) и

Воеводине (РСГВ 1, 373), тогда как на большей части территории Сербии и в Черногории распространен турцизм *оџак* (Караџић 1969; Букумирић 2012, 404; Вујичић; Елезовић; Златановић; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 97; Стијовић 2014, 455 (дериват); Митровић 1984, 229; Петровић, Капустина 2011, 198; РСГВ 1, 373).

Лексема *цеста*, кроме западных сербских говоров, сохранилась в Косово (Букумирић 2012, 662) и Черногории (Ћупић 1997, 540). Возможно, вытеснена грецизмом *друм*, широко распространившимся в сербских говорах.

Лексема *гра(х)* встречается в говорах Боснии (Далмација 2004, 57), Шумадии (Петровић, Капустина 2011, 70; Лазић 2008, 67), восточной Сербии (Митровић 1984, 60; Динић 2008, 110), Черногории (Гаговић 2004, 42), употреблялась в говоре Вука Караджича. Грецизм *насуљ* Вук Караджич в первом издании своего словаря характеризует как воеводинскую лексему (ср. (РСГВ 2, 431)), также это слово характерно для Косова (Букумирић 2012, 412; Елезовић), Черногории (Стијовић 2014, 462), Шумадии (Петровић, Капустина 2011, 203; Лазић 2008, 222). Таким образом, на сербской территории, в основном, наблюдается интерференция двух лексем. Однако в западной Боснии *гра* ‘фасоль’ часто употребляется без дублета, например, в с. Кола.

Похожая ситуация наблюдается с лексемами *гулити* и *љуштити* ‘чистить’ (картофель). В Боснии для обозначения снятия кожуры с плода используется лексема *гулити* (Кола, Бастаси; (Далмација 2004, 62)). Восточнее, насколько можно судить по имеющимся данным, используются обе лексемы (ср. в Шумадии *гулити* (Петровић, Капустина 2011, 74; Лазић 2008, 71) и *љуштити* (Бела-Црква), в Воеводине (РСГВ 1, 334; РСГВ 2, 443) и Черногории (Вујичић)). Однако в Косово (Букумирић 2012, 114) зафиксировано только *гулити*. Лексема *увор*, кроме Боснии, встречается в Черногории (Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 413), Вук Караджич это слово считал герцеговинским (Караџић). Слово *креста* фиксируется в Дубровнике (Бојанић Тривунац) и в Воеводине (РСГВ 2, 325).

Некоторые лексемы, отличающие говор с. Бастаси от говора с. Бела-Црква, представлены в ОЛА, данные которого подтверждают связь записанных в Бастаси лексем с (западной) Боснией. Номинация *губице* ‘губы человека’, как показывает атлас, характерна, в первую очередь, для боснийских говоров и некоторых

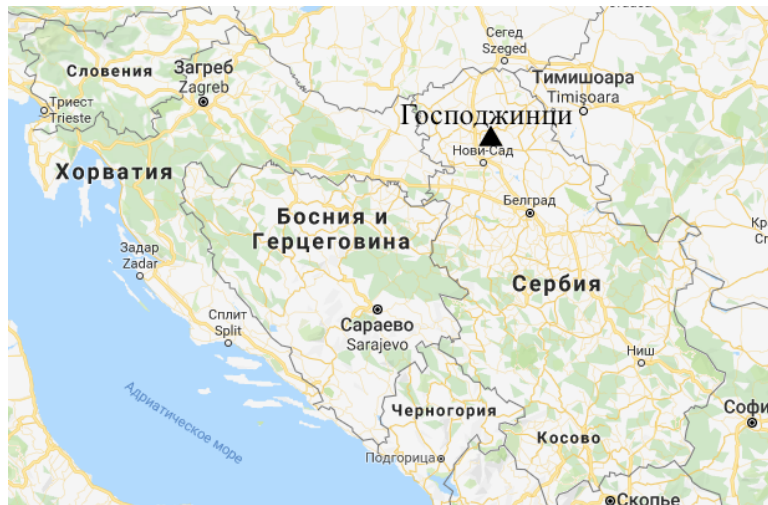
чакавских и славонских, а *усне* – для всех штокавских. Образ ‘лицо’ на сербскохорватской территории фиксируется в ОЛА в нескольких пунктах в зетско-сеницких, славонских, западнбоснийских и чакавских говорах в противоположность общесербскохорватской номинации **lice*. Из лексем *зглоб* – *иглабак* для Боснии ОЛА подтверждает только *зглоб*, а продолжения **sъgolvъkъ* фиксирует в Шумадии и Воеводине. Изоглосса *бедра* – *бут* также отделяет западную Боснию. *Црна цигара* – номинация, которая точно встречается в западной Боснии и в Мрковичи (ОЛА 2009).

Некоторые лексические изоглоссы объединяют говор с. Кола и говор с. Бела-Црква и противопоставляют их говору Бастаси: *старац*, *баба*, *левак*, *вабити*, *жглавак*, *бут*, *мездревине*, *стока*, *марва*, *омужа*, *ћура*, *острво*, *дува*, *дјетлић* (или *дето*), отсутствие лексемы *прч*.

Проведенное исследование показало, что главное типологическое отличие западнбоснийских говоров от говоров северо-западной Сербии – наличие большого числа лексических дублетов. По отношению к литературному языку западнбоснийские говоры и говоры северо-западной Сербии демонстрируют примерно одинаковую близость. По сравнению с говорами Раджевины и Подгорини, говоры Манячи и Ливаньско-Поле характеризуются сохранностью архаизмов – континуантов некоторых праславянских слов, вытесненных в Раджевине и Подгорине турцизмами и грецизмами. Своеобразие западнбоснийских говоров по отношению к говорам северо-западной Сербии также определяется лексическими связями с хорватским ареалом.

§ 6. Лексическое своеобразие воеводинского говора с. Господжинци

Данный параграф посвящен описанию лексики говора с. Господжинци (*Госпођинци*), расположенного недалеко от г. Жабаль в южной Бачке (Воеводина, Сербия, см. карту № 1), и основан на анкете, предоставленной проф. Горданой Драгин⁷³ (анкета записана по вопроснику, охарактеризованному на с. 150–151). Говор относится к бачскому поддиалекту шумадийско-воеводинского диалекта, лежащему, наряду с восточногерцеговинским, в основе сербского литературного языка.

Карта № 1

Диалектная лексика сербских говоров Воеводины подробно описана в фундаментальном «Словаре сербских говоров Воеводины» (РСГВ). В словарь вошел и материал из описываемого нами с. Господжинци. К словарю РСГВ приложено несколько карт, отражающих распространение терминов народного быта. Карты показывают, что Господжинци, как и другие села юго-западной Бачки, могут входить в разные ареалы внутри Воеводины: могут объединяться с говорами Срема (*жарити* ‘разводить огонь в печи’ (РСГВ 1, карта 6), *мердевине* ‘лестница’ (РСГВ 2, карта 8), *летве* ‘продольные доски на крыше’ (РСГВ 2, карта 6), *тава* ‘сковорода’ (РСГВ 4, карта 9), *квеч* ‘инструмент для выдавливания виноградного сока’ (РСГВ 2, карта 4), *кајмак* ‘слой жира на молоке’ (РСГВ 2, карта 3), *ћевђур* ‘дуршлаг’ (РСГВ 1, карта 5); с говорами Баната *опирача* ‘тряпка для мытья посуды’

⁷³ Автор выражает глубокую благодарность проф. Новисадского университета Гордане Драгин за неоценимую помощь в проведении данного исследования. Г. Драгин является носителем данного говора и заполняла анкету как на основании опроса автохтонных жителей села, так и на основании собственного знания диалекта.

(РСГВ 3, карта 4), *пајван* ‘веревка, которой перевязывают солому или сено при перевозке’ (РСГВ 3, карта 5), *погачар* ‘родственник невесты, который приходит в гости после свадьбы’ (РСГВ 3, карта 9), *сушара* ‘помещение для вяления мяса’ (РСГВ 3, карта 12). Карты также показывают, что изоглоссы могут разделять Воеводину на западный и восточный ареалы и северный и южный. В этих случаях Господжинци обычно входят в западный ареал и могут входить и в южный, и в северный. Говоры юго-восточной Бачки занимают центральную часть территории Воеводины. Лингвогеографическое следствие этого факта – соединение в говорах данного типа черт различных воеводинских диалектов, то одних, то других прилегающих к центру областей. Это и показывают карты РСГВ, на которых юго-восточную Бачку очерчивают изоглоссы, общие с говорами разных типов, что делает говоры южной Бачки типичными представителями воеводинских говоров. Своеобразие говоров Воеводины во многом определяется тем, что в этой области сербское население проживало и проживает в условиях межэтнических контактов (с венграми, словаками, русинами, ранее также немцами (Okuka 2008, 145)), с чем связано наличие в воеводинских говорах большого числа германизмов и унгаризмов (Okuka 2008, 136–137).

Лексика с. Господжинци чрезвычайно близка к литературному языку. Лишь 5% от общего числа вошедших в анкету лексем не зафиксированы в словаре сербского литературного языка (РСЈ 2007). Примерно таким же числом характеризуются и западнобоснийские сербские говоры (4%) (см. § 4). Однако в западнобоснийских говорах еще 16% ответов приходится на случаи дублетности, когда в говоре в одном значении засвидетельствованы две и более лексемы, одна из которых совпадает с литературной, а вторая нет. В воеводинском говоре дублетность представлена в гораздо меньшем объеме. Не отмечено подобное явление и в Славонии, где на долю диалектизмов, не зафиксированных в словаре хорватского литературного языка (НЈР), приходится 25% (см. § 8)⁷⁴.

⁷⁴ Количественные данные, полученные при сравнении анкет сербских и хорватских говоров со словарями сербского и хорватского литературных языков, как нам кажется, могут быть соотносимы между собой, но при их сопоставлении и оценке нужно учитывать следующие факты: 1) в однотономном словаре сербского литературного языка содержится 85 тыс. слов, а в электронном словаре хорватского литературного языка 116 тыс. слов.; 2) оба словаря в достаточно большом объеме включают областную лексику.

В Господжинци употребляются следующие лексемы, отсутствующие в словаре сербского литературного языка⁷⁵: *диванити* ‘разговаривать’, *плећке* ‘верхняя часть спины’, *преграша* ‘пригоршня’, *динер* ‘сверстник’, *синовац* ‘сын сестры’, *фусекла* ‘носок’, *жеравица* ‘угли’, *лотре* ‘приставная лестница’, *астал* ‘стол’, *куља* ‘палента’, *герма* ‘дрожжи’, *фруштук* ‘завтрак’, *шапурика* ‘вылущенный кукурузный початок’, *морка* ‘разновидность курицы’, *кртина* ‘крот’, *жежа* ‘крапива’, *госпоја* ‘госпожа’. Из приведенных 5% слов, являющихся диалектизмами (17 слов на 370 вопросов анкеты), четверть употребляется в говоре наряду с дублетами, тождественными литературным словам, а несколько слов представляют собой не лексические, а семантические диалектизмы, что фактически дополнительно снижает показатель отличий лексики говора от литературной.

Среди перечисленных слов есть несколько локализов, то есть территориально ограниченных диалектизмов, не зафиксированных в словаре сербского языка (РСЈ) и не обнаруженных в сербских диалектных словарях, в том числе в «Словаре сербских говоров Воеводины». Три их них – семантические: *динер* ‘сверстник’ (ср. ‘слуга’ (РСЈ), ‘друг’ (РСГВ 3, 374), зафиксировано в двух пунктах в Бачке), *синовац* ‘племянник’ (ср. ‘сын брата’), *грушавина* ‘свежее молоко’ (ср. ‘молозиво’ (РСЈ; РСГВ 1, 330), а один содержит иной вариант основы, чем у литературного слова (*преграша*).

Слово *жежа* ‘крапива’, по всей видимости, воеводинское (РСГВ 1, 452), в словарях (Бојиновић 2015; Елезовић; Карацић; Лазич 2008; Петровић, Капустина 2011; Петровић, Ћелић, Капустина 2013; Стојаковић, Мандарић 2013; Стојановић 2010; Ћупић 1997; Цвијетић 2014) оно отсутствует, а в (РСЈ) сопровождается указанием на распространение слова в Банате. Также за пределами Воеводины не было обнаружено слово *шапурика* ‘вылущенный кукурузный початок’, характерное для Бачки и центрального Баната (РСГВ 4, карта 27).

Почти половину диалектизмов составляют заимствования: германизмы *динер*, *фусекла*, *фруштук*, *герма*, *лотре*, *гонак*, унгаризм *астал*, турцизм *диванити* (из тур. *divan*). Из них *диванити*, *гонак* (в форме *гањак*), *герма* и *астал* широко распространены в сербских и хорватских говорах (*диванити*: (Бојиновић 2015, 43;

⁷⁵ При отборе слов не учитывались фонетические и морфологические варианты (например, слова отличающиеся от литературных грамматическим родом, ср. *багрена* ‘акация’ вместо *багрена*, *врба* ‘верба’ вместо *врба*).

Стојаковић, Мандарић 2013; Стојановић, 2010, с. 168) *гањак* (экспедиционные записи автора из с. Кола в окрестностях Баня-Луки), *герма, герам* (Стојаковић, Мандарић 2013; экспедиционные записи автора из с. Кола, Подрашница и других сел в окрестностях Баня-Луки и Мркониц-Града; сообщения носителей говоров из окрестностей Подновле и Требине и из с. Клокочевци в Славонии), *астал* (Бојиновић 2015, 12; Лазић 2008, 21; Петровић, Капустина 2011, 35; Стојановић, 2010, 37; Ћупић 1997, 10; Цвијетић 2014, 27)). Слово *герма*, несмотря на свое достаточно широкое распространение в сербских говорах, в Словаре говоров Воеводины не зафиксировано.

Проверка диалектизмов, отличающих говор Господжинци от литературного языка, по сербским диалектным словарям, показала, что большинство этих слов употребляется в говорах центральной Сербии (Качер: *астал, госпоја, лотре, плећке, фруштук* (Петровић, Капустина 2011); Ужице: *астал, лотре, кртина, куља, плећке* (Цвијетић 2014), а минимальное число – в говорах Черногории (*астал, кртина, фруштук* (Ћупић 1997) и косовско-ресавских говорах (*жеравица, преграша*, (Елезовић)). Несколько диалектизмов объединяют говор Господжинци с западнобоснийскими говорами и говорами Лики (*астал, диванити* (Бојиновић 2015), *госпоја, герма, диванити, жеравица, лотре, плећке* (Стојаковић, Мандарић 2013)), призренско-тимокскими говорами (*астал, диванити, плећке* (Стојановић, 2010), *фусекла* (Златановић)).

На следующем этапе исследования лексика с. Господжинци была сопоставлена с лексикой говора с. Бела-Црква в западной Сербии. Бела-Црква также находится на территории шумадийско-воеводинского диалекта, в 150 км к югу от Господжинци⁷⁶ (анкета из Бела-Црква анализировалась в предыдущем параграфе). В анкетах отличаются 27% ответов, но 10% приходится на частично отличающиеся ответы, когда в одном говоре фиксируется две лексемы, а в другом одна. Часть лексики села Господжинци (7% от общего числа ответов), не характерной для Бела-Црква, употребляется в г. Осечина, расположенном вблизи Бела-Црква (см. §5), что в среднем снижает степень лексической удаленности говоров Бачки и северо-западной Сербии. Таким образом, на долю противопоставленных

⁷⁶ Данный пункт был выбран для сравнения, поскольку нам представлялось важным сопоставить говор Господжинци с говором того же шумадийско-воеводинского типа, но распространенным южнее реки Савы. Из анкет, которыми мы располагали с этой территории, для сравнения наиболее подходила анкета из с. Бела-Црква.

дифференциальных лексем говора с. Господжинци и говоров северо-западной Сербии приходится 10%. Примерно такие же показатели получены нами при сопоставлении анкет из сел Бела-Црква и Бастаси (западная Босния) (27%, включая дублетные пары, и 13,5% чистых различий) и между говорами сел Сиче и Нови Град в Славонии (15% отличий).

Лексическая вариативность между говором Господжинци и говором с. Бела-Црква в ряде случаев является отражением дублетности, характерной для общесербского языка (как диалектного, так и литературного) и, как правило, не имеющей четких ареальных характеристик. Это следующие лексемы: *бринути се* – *секирати се* ‘беспокоиться’, *мати* – *мајка* ‘мать’, *муж* – *човек* ‘муж’, *пенце* – *ћон* ‘подошва’, *пенцер* – *прозор* ‘окно’, *жеравица* – *жар* ‘угли’, *уже* – *конопац* ‘веревка’, *кључати* – *врети* ‘кипеть’, *жито* – *шеница* ‘пшеница’, *пролити* – *просути* ‘пролить’, *брана* – *дрљача* ‘борона’, *корен* – *жила* ‘корень’, *ибун* – *грм* ‘куст’, *друм* – *пут* ‘дорога’, *свршетак* – *крај* ‘конец’, *новци* – *паре* ‘деньги’.

Слова, характерные для с. Бела-Црква и не отмеченные в Господжинци, были проверены по словарю РСГВ, который во многих случаях подтвердил их употребление в различных говорах Воеводины (*беседити* ‘разговаривать’, *груди* ‘грудь’, *вршњак* ‘сверстник, ровесник’, *бременита* ‘беременная’, *баба* ‘теща’, *шурак* ‘шурин’, *нећак* ‘племянник’, *панталоне* ‘штаны’, *ћон* ‘подошва’, *дувар* ‘стена’, *прозор* ‘окно’, *ватраль* ‘инструмент для переворачивания дров в печи’, *левак* ‘воронка для переливания жидкости’, *врећа* ‘мешок’, *качамак* ‘каша из кукурузной муки’, *ћаса* ‘миска’, *врети* ‘кипеть’, *буђ* ‘плесень’, *дрљача* ‘борона’, *улар* ‘веревка, которой привязывают коня’, *оса* ‘оса’, *зелембаћ* ‘ящерица’, *вења* ‘можжевельник’, *жара* ‘крапива’, *гљива* ‘гриб’, *брод* ‘корабль’, *доручак* ‘завтрак’, *крпара* ‘ковёр’).

Обращают на себя внимание лексемы из с. Бела-Црква, которые не зафиксированы в словаре РСГВ и которые, соответственно, можно гипотетически рассматривать как противопоставляющие говоры северо-западной Сербии говорам Воеводины. Это слова: *заручница* ‘невеста’, *рубине* ‘одежда’, *бешика* ‘колыбель’, *јемужно млеко* ‘парное молоко’, *перуштина* ‘домашняя птица’, *певац* ‘петух’, *гуја* ‘змея’, *спуж* ‘улитка’, *седмица* ‘неделя’, *Тројице* ‘праздник св. Троицы’. В

Господжинци им соответствуют: *вереница, одело, колевка, грушавина, живина, пето, змија, пужа, недеа, Дови*.

Некоторые из этих лексем отражены на картах «Общеславянского лингвистического атласа». Лексема *певац*, согласно атласу, действительно характерна для говоров западной Сербии, Герцеговины и Адриатического побережья. Слово *пето* (*петао*) засвидетельствовано в Воеводине, Сербии (кроме западных пунктов), в Боснии и в Славонии. Ареал слова *певац* тяготеет к западу, охватывая кайкавские говоры, а ареал слова *петао* тяготеет к востоку, включая македонские говоры (ОЛА 2000, карта № 11), см. карту № 2. Лексема *заручница* также, согласно ОЛА (ОЛА 2015, карта № 10), см. карту №3, относится к западному ареалу и характерна для Боснии и Герцеговины и Хорватии. На территории Сербии в атласе она засвидетельствована в двух пунктах в юго-западной Сербии. Карта ОЛА «Улитка с раковиной» (ОЛА 2000, карта № 34) показывает, что название *спуж* характерно для центра сербскохорватского ареала. По периферии (в широком смысле слова) – в кайкавских, северно- и центральнокавказских, славонских, центрально- и восточносербских говорах – используется слово *пуж*, причем на территории Воеводины представлены оба названия.

Карта № 2. «Петух»⁷⁷

Важной представляется изоглосса *Тројице – Дови*. В словаре В. Караджича зафиксированы обе лексемы. *Тројице* представлена в Шумадии (Петровић, Капустина 2011, 292), *Дови* в Косово (Букумирић 2012, 144), в западной Боснии (экспедиционные записи автора из с. Кола), в Герцеговине, в Мачве (устные сообщения носителей говоров).

⁷⁷ Карты № 2-4 выполнены на основе карт «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 2000, 2015, 2009) и отражают изоглоссы в упрощенном виде.

Слово *гуја*, не отмеченное словарем РСГВ, фиксируется в хорватском говоре Бачки (Sekulić 2005, 143) и в Славонии (Jakšić 2015, 203), а также во многих сербских говорах, в том числе в пограничных с Воеводиной Мачве и Шумадии (Букумирић 2012, 114; Далмација 2004, 62; Лазић 2008, 71; Петровић, Капустина 2011, 74; Петровић, Ћелић, Капустина 2013, 93; Цвијетић 2014, 80). Лексема *бешика* также достаточно широко распространена в сербских говорах (Букумирић 2012, 40; Вујичић; Далмација 2017, 31; Елезовић; Митровић 1984, 28) и в Славонии (Jakšić, 51).

Относительно названия *јемужно млеко (јомужа)* можно предположить, что оно характерно для западной части сербских говоров, а Бела-Црква расположена на восточной границе его ареала (Вујичић; Карацић); *омужа* также употребляется в западнобоснийском с. Кола. В Мачве, Шумадии и Славонии подобные названия, как и в Воеводине, отсутствуют ((Лазић 2008; Петровић, Капустина 2011); экспедиционные записи автора из с. Сиче). Лексема *грушавина* в этом значении, как мы упоминали выше, в словаре РСГВ не отмечена, те же значения, которые фиксируются этим словарем (*грушевина* ‘молозиво’ и ‘скисшее молоко’ (РСГВ 1, 330) встречаются и в других сербских говорах (Букумирић 2012, 112; Петровић, Капустина 2011, 73). Слово *перуштина*, по всей видимости, локализм говоров западной Сербии. Он не зафиксирован в словаре (РСЈ) и не был обнаружен нами в обследованных сербских диалектных словарях. Лексема *живина*, напротив, встречается в разных сербских говорах (Букумирић 2012, 155; Вујичић; Петровић, Капустина 2011, 89).

Лексема *рубина* как обозначение одежды характерно, кроме западной Сербии, и для западной Боснии (с. Кола, экспедиционные записи автора), однако сплошного западосербского ареала она не образует. Как название рубахи достаточно широко встречается в разных сербских и хорватских говорах ((Букумирић 2012, 534; Карацић); экспедиционные записи автора из с. Сиче).

Для лингвогеографической характеристики говора с. Господжинци и, шире, воеводинских говоров, важны еще несколько лексических признаков. Как известно, сербскохорватский ареал на основании использования той или иной лексемы часто делится на западную и восточную части. Территория Воеводины по разным признакам может отходить или к восточному ареалу, или к западному. Так,

использование лексемы *вереница* объединяет воеводинские говоры с восточным ареалом, а именно с большей частью территории Сербии, противопоставляя эту область Боснии и Герцеговине и Хорватии (см. карту № 3). Сходный ареал, только несколько сдвинутый на восток, имеет и зафиксированное в Господжинци слово *veĥa* ‘бровь’, противопоставленное лексеме *обрва* (ОЛА 2009, карта № 11а, 11б). С другой стороны, использование лексемы *прстењак* ‘безымянный палец’ (ОЛА 2009, карта № 36) (см. карту № 4) объединяет воеводинские говоры с хорватскими, боснийскими и говорами юга Черногории, то есть с западным ареалом. Ту же ситуацию иллюстрирует употребление в говоре Господжинци слова *пуле* ‘осленок’, которое в словаре РСЈ приводится только со ссылкой на поэта Й. Радуловича, родом из Мостара (западная Герцеговина), а из сербских словарей обнаружено нами только в словаре В. Караджича. Обозначение летучей мыши с помощью слова *ишшмишш* также является западной особенностью (в (ОЛА 1988) эта номинация зафиксирована на северо-западе Хорватии, на юге Черногории и в нескольких хорватских приморских пунктах), причем эта же лексема характерна и для с. Бела-Црква. С лингвогеографической точки зрения обращает на себя внимание и использование в Господжинци слова *старац* ‘тесть’, что объединяет говор с северо-западной Сербией (Бела-Црква), Шумадией (Петровић, Капустина 2011, 277) и западной Боснией (с. Кола) и противопоставляет его Герцеговине, где используется слово *пунац* (сообщение носителей говора). Характерно, что иногда в Господжинци используются обе лексемы – и западная, и восточная (*обрва* и *veĥa*, *слепи миш* и *ишшмишш*).

Карта № 3 «Невеста»

Карта № 4 «Безымянный палец:

prstenjak»

Проведенное исследование показывает, что лексика говоров южной Бачки, к которым относится говор с. Господжинци, очень близка к сербскому литературному языку, причем эта близость существенно больше, чем у западнобоснийских говоров, которые также относятся к диалекту, лежащему в основе сербского литературного языка. Большинство представленных в анкете диалектизмов также имеют широкое территориальное распространение и связывают говоры Бачки с различными, в том числе и географически удаленными, сербскими говорами. Локальных слов, характерных только для воеводинских или бачских говоров, в анкете обнаружено очень мало. Различия между бачской и северо-западносербской лексикой также невелики, однако среди них есть несколько значимых с ареалогической точки зрения противопоставлений. К ареально маркированным лексемам из Бачки можно отнести слова *вереница*, *пето*, *пужа*, *Дови*, *веђа*, *прстењак*, *старац*, *иииииии*, связывающие Бачку с центральной штокавской зоной, и попеременно с западной или восточной областями сербскохорватской территории.

§ 7. Лексическое своеобразие призренско-тимокских говоров

Призренско-тимокский диалект сербского языка отличается от прочих сербских диалектов значительным своеобразием фонетической и морфологической структуры, что обусловлено с одной стороны, его архаичностью, а с другой – инновационностью (Ивић 2009, 149). На данный диалект не распространились фонетические процессы, которые с XIV в. проходили в сербских говорах (это привело к сохранению в данной диалектной зоне сверхкраткого гласного *э*, частичному сохранению или иной, чем в остальных сербских говорах, рефлексации слогового и конечно-слогового *l*), но он оказался захвачен балканскими инновациями (утратой противопоставления гласных по долготе/краткости, утратой склонения, инфинитива, развитием категории определенности/неопределенности и др.), которые полностью перестроили его структуру, так что он по своим грамматическим особенностям стал ближе к македонскому и болгарскому языкам, чем к остальным сербским говорам.

Лексика призренско-тимокского диалекта собрана и описана в целом ряде фундаментальных диалектных словарей (Динић 2008; Живковић 1987; Жугић 2005; Марковић 1986; Марковић 1993; Митровић 1984; Златановић; Златковић 2014; Јовановић 2004 Стојановић 2010), а также в оцифрованном собрании Димитрия Чемерикича (<http://www.prepis.org/collection-tree>), ей посвящены такие лексикологические исследования, как (Жугић 1996; Жугић 1997; Жугић 2007; Жугић 2011; Жугић 2014; Милорадовић 2018; Милосављевић 2015; Савић Грујић 2014; Петровић 2012 и др.).

Несмотря на большое внимание, которое лингвистика в настоящее время уделяет призренско-тимокским говорам, знаний о лингвогеографических признаках лексики данной диалектной зоны пока накоплено немного (ср. исследования Богдановић 1992, 41; Милосављевић 2015; Савић-Грујић 2014). Данный параграф имеет своей целью выделить некоторые характеристики такого рода.

Исследование основано на анализе данных из трех пунктов, относящихся к трем различным группам говоров, образующим призренско-тимокскую зону. Это 1) г. Штрпце, расположенный на юге Косово, говор данного пункта относится к призренско-южноморавскому диалекту, 2) с. Дони-Присьян, находится в 20 км к

востоку от г. Лесковац, говор относится к сврлижско-запланьскому диалекту; 3) с. Горни-Стрижевац, расположено в 15 км к западу от г. Пирот; говор относится к тимокско-лужницкому диалекту. Материал для исследования собран путем анкетирования носителей говоров. Анкеты заполнили: проф. Любисав Чирич; сотрудница Института сербского языка САНУ Тания Милосавлевич и сотрудник Института балканистики САНУ Анджеа Реджич⁷⁸.

Сопоставление материала анкет со словарем сербского литературного языка (РСЈ 2007) показало, что лексика косовско-метохийского говора содержит 10% слов, отсутствующих в словаре, запланьского – 12%, а лужницкого говора – 17%. Это свидетельствует о его большей периферийности и изолированности от массива сербских говоров, что подтверждается и фонетическими и грамматическими особенностями.

На втором этапе исследования анкеты были сопоставлены между собой. Сопоставление анкет позволяет выделить 1) общие признаки трех говоров; 2) признаки, общие для двух анализируемых говоров; 3) индивидуальные признаки каждого говора.

1. Как показывает вышеприведенная статистика, в анкетах значительно преобладает общесербская лексика или лексика, хотя и территориально ограниченная, но широко распространенная и за пределами призренско-тимокских говоров.

Из более локальной лексики для всех трех говоров характерны следующие лексемы: *ложница* ‘ложка’, *слубе/ слба (сльба)/ слабе* ‘приставная лестница’, *работи/ работа* ‘работать’, *баз/ бьз/ боз* ‘бузина’, *дома/ дом* ‘дома/домой’, *целива* ‘целовать’, *огањ* ‘огонь’, *ножице* ‘ножницы’. По сравнению со своими синонимами более широкого географического распространения (*кашика*, *мердевине / басамаке/ лотре*, *радити*, *зова*, *код куће/кући*, *љубити*, *ватра*, *маказе*) эти слова можно считать архаизмами. Они являются продолжениями праславянских лексем (**lъžica*, **bъzъ*, **stlбъ*, **orbotati*, **doma*, **cělovati* в общем значении ‘целовать’, **nožica*), тогда как их инодиалектные синонимы представляют собой заимствования (*кашика*, *мердевине/басамаке/лотре*, *маказе*) или новообразования *радити*, *зова*, *код куће/кући*, *љубити* ‘целовать’. Обращает на себя внимание, что хотя для данной

⁷⁸Автор приносит глубокую благодарность сербским коллегам за неоценимую помощь в проведении исследования.

диалектной зоны свойственно употребление большого числа турцизмов (Окука 2008, 240), вместо некоторых общесербских турцизмов в анализируемых говорах используются продолжения праславянских слов (*ложница* вместо *кашика*, *слубе/слба (сльба)/слабе* вместо *мердевине*, *ножице* вместо *маказе*⁷⁹). Данные слова характерны для периферийных и западных областей сербскохорватского ареала (ср. кайк. *žlica*, зап.-босн. *жлица*, чак. *celivati*). Во всех трех исследуемых говорах для обозначения риса используется не общесербский турцизм *пиринач*, а грецизм *ориз*, распространенный также в говорах Черногории (Ћупић 1997, 302). Некоторые турцизмы в рассматриваемых анкетах засвидетельствованы в форме или в значении, отличных от представленных на других сербских территориях, ср. *патлиџан* ‘помидор’ (литер. *парадајз*), *баџа* ‘муж одной сестры по отношению к мужу другой сестры’ (литер. *пашеног*).

2. По ряду лексических признаков исследуемые говоры противопоставляются. Как правило, один из говоров, косовско-метохийский или лужницкий, противопоставляется двум другим. То, что запланьский говор обычно демонстрирует интерференцию лексических признаков косовского и лужницкого говоров, закономерно связано с тем, что он занимает промежуточную территорию между призренско-южноморавским и тимокско-лужницким ареалами.

Рассмотрим изоглоссы, выделяющие лужницко-запланьский ареал и противопоставляющие его косовскому.

1) Первый тип изоглосс, отделяющих Лужницу и Заплане от Косово, основан на противопоставлении славянских архаизмов (праславянских слов) на одной территории и турецких заимствований – на другой. В Лужнице и Заплане сохраняется праславянское слово *сметана* ‘сливки’, тогда как в Косово представлен турцизм *кајмак*, вытеснивший славянское слово. Слово *сметана*, согласно ОЛА, встречается в западных и некоторых других болгарских пунктах, в сербских говорах в Румынии, в ряде словенских говоров и широко представлено на севернославянской территории. Таким образом, по данному признаку восточная Сербия и западная Болгария образуют на славянском юге архаический ареал, коррелирующий с северо-западом Словении (ОЛА 2007).

⁷⁹ В косовско-метохийском говоре используются обе лексемы (*ножице* и *маказе*).

Встречается и ситуация, обратная предыдущей, когда в Косово сохраняются архаизмы, а в Лужнице и Заплане представлены (более новые) заимствования. Ср. лужн., заплан. турцизм *сирће/ сирке* – кос. *оцџт* ‘уксус’, лужн., заплан. грецизм *пасуљ* – кос. *гра* ‘фасоль’.

2) В Лужнице и Заплане представлен ряд общих инноваций. Ср. лужн., заплан. *причамо, вревимо, оратимо* ‘говорить’ – кос. *зборимо*. Глагол *причати* является общесербским, а глаголы *вреви* и *орати* характерны для говоров восточной Сербии и части болгарских говоров (ОЛА 2009). Лексема *вреви* (из **vrěti* (Skok 3, 623)) обозначает речь на основе признака шума (исходно – *вревиту* ‘шуметь’), этот же глагол обозначает речь в словацких говорах, а в Ясенице, в окрестностях восточносербского города Неготина, употребляется другой глагол с такой же мотивацией – *граји* (ОЛА 2009). Глагол *орати* заимствован из новогреческого (ОЛА 2009, карта 63). Глагол *збори* в ОЛА зафиксирован в двух пунктах в центральной и западной Сербии и в одном пункте в Черногории, основной ареал номинаций речи с корнем *бор-* находится в Македонии (ОЛА 2009).

Для лужницко-запланьского ареала характерны лексемы *Велигден* ‘Пасха’ и *врљила* ‘бросить’, используемые также в болгарских говорах (ОЛА 2009), тогда как в Косово зафиксированы лексемы *Ускрс* и *метнула*. Слово *метнути* обычно встречается в сербских говорах в значении ‘положить’. В ОЛА значение ‘бросить’ отмечено только в Косове в Ораховаце.

3) Следующий тип изоглосс, отделяющих Лужницу и Заплане от Косово, связан с использованием для обозначения одной и той же реалии различных заимствований или разных фонетических адаптаций одного заимствования: лужн., заплан. *вунија/ вунаја* и кос. *инка* ‘воронка для переливания жидкости’ представляют собой различную адаптацию греческого слова *χυνί* (БЕР 2, 79). Согласно ОЛА, форма *инка* характерна для юго-западных сербских, македонских и западноболгарских говоров (ОЛА 2007), а *вунија/ фуния* – для центральных и восточных сербских говоров и большей части болгарских. Ср. также такие турцизмы, как лужн. *пул*, заплан. *пулка* – кос. *дугме* ‘пуговица’, германизм и турцизм: лужн., заплан. *влаша* – кос. *ииш* ‘бутылка’.

4) Сопоставление анкет выявило и такие дифференциальные пары, как лужн., заплан. *колиба* – кос. *бачења* ‘хижина пастухов’⁸⁰, лужн. *малчич*, заплан. *малић* – косов. *мали прс* ‘мизинец’⁸¹, лужн., заплан. *надвор* – кос. *ван (вани)* ‘наружу, снаружи’ (косовское слово характерно для запада сербскохорватского ареала), лужн., заплан. *кордель* – кос. *кужљинка* ‘пустой кукурузный початок’ (оба слова характерны для юга Сербии), лужн., заплан. *глисте* – кос. *кондраћи* ‘черви’ (косовское слово распространено в восточной Сербии), лужн., заплан. *панталоне* – кос. *сиуре* ‘штаны’, лужн., заплан. *усница* – кос. *усна* ‘губа’, лужн., заплан. *ћипи, кипи* – кос. *врие* ‘кипеть’.

Целый ряд изоглосс объединяет косовский и запланьский говор и противопоставляет его лужницкому. Дифференциальные черты лужницкой анкеты обычно демонстрируют периферийный характер этого диалекта.

Среди изоглосс данного типа, во-первых, выделяются противопоставления архаизмов в Лужнице и общесербских инноваций в косовском и запланьском говоре: косов., заплан. *купус* – лужн. *зеле* ‘капуста’, косов., заплан. *ручак* – лужн. *обед* ‘обед’, косов., заплан. *кецеља* – лужн. *опрегљача* ‘фартук’ (ср. западно-серб. и хорв. *опрегача, прегача*).

Во-вторых, выделяются изоглоссы, противопоставляющие инновации в Лужнице и общесербские архаизмы в косовском и запланьском говоре. Среди инноваций встречаются слова достаточно широкого территориального распространения, например, лужн. *гледьц* ‘зрачок’. А. Савич-Груич показала, что эта лексема свойственна для большинства призренско-тимокских говоров, тогда как западнее Ниша и Лесковца, а также в Косово, в районе Призрена и Гнилане, распространено слово *зеница* (Савић-Грујић 2014, 90), которое употребляется и в исследуемых нами косовском и запланьском говорах. С другой стороны, в лужницкой анкете есть локализмы (к ним мы относим слова, не засвидетельствованные в словаре РСАНУ): *дебелиште* ‘ствол’ (косов., заплан. *стабло*) и *желћа* ‘черепаша’ (косов., заплан. *корњача*). Среди инноваций есть семантические (лужн. *шевелија* ‘абрикос’).

⁸⁰ Косовское слово производно от *бач* – карпатско-севернобалканского термина неясного происхождения. *Бачина* ‘летнее пастушеское поселение в горах’ характерно для восточносербского ареала (ЕРСЈ 2, 268).

⁸¹ Как показывает ОЛА, косовская номинация представлена в большей части сербскохорватских говоров, лужницкая зафиксирована в Княжеваце, а запланьская – в центральной Сербии (ОЛА 2009).

В третью группу дифференциальных лужницких лексем можно объединить слова, характерные для запада сербскохорватского ареала: косов., заплан. *виљушка* – лужн. *вилица* ‘вилка’ (хорв. *vilica*), косов., заплан. *жбуњ, жбун* – лужн. *грман* ‘куст’ (хорв. *grm*), косов., заплан. *шав* – лужн. *руб* ‘шов’ (лексема *руб* не зафиксирована в Шумадии и Воеводине (Петровић, Капустина 2011; РСГВ), а в значении, связанном с ткаными изделиями, представлена в Славонии (Jakšić 2015, 661), дериваты этой лексемы широко распространены в хорватских говорах (ср. *rubac* – ‘платок’) . Между косовско-запланьской и лужницкой лексикой присутствует также такое различие, как косов., заплан. *крмача* – лужн. *прасиља* ‘свинья’.

Рассмотрим слова, связывающие лужницкий и косовский говоры и противопоставляющие их запланьскому (таких случаев всего несколько). Первая группа противопоставлений образована общесербским словом, используемым в Лужнице и Косово, и локальным словом в Заплане: *разбој – ткачница* ‘ткацкий станок’, *копче, скопче – запекљајка* ‘застежка’, *желудац – мешина* ‘желудок’), вторая группа образована словами более-менее узкого территориального распространения в Лужнице и Косово и общесербскими лексемами в Заплане (*работа – у послу* ‘работа’, *железо – гвожђе* ‘железо’, *кондура, кундура – ципела* ‘туфля’, *грне, грнац – лонац* ‘горшок’, *свитац – свитац* ‘светлячок’).

3. Рассмотрим индивидуальные особенности каждого говора.

Среди специфической косовской лексики обнаруживаются: 1) архаизмы, отсутствующие в общесербском языке: *дуб* ‘дуб’, *тило* ‘затылок’, *грс* ‘горсть’, *вето* ‘старое’, *мозуљ* ‘мозоль’, 2) турцизмы: *иии* ‘бутылка’, *тенџера* ‘кастрюля’, 3) грецизмы: *троњ*, *троњевина* ‘постель’, 4) албанизмы: *коломбоћ* ‘кукуруза’, *теше* ‘одежда’, 5) слова, общие с македонским языком: *врне* ‘идет дождь’.

Целый ряд специфических лексем содержится в лужницкой анкете. Некоторые из них характерны для восточной Сербии или для призренско-тимокской зоны в целом: *рњка / рњћа* ‘губа’, *облекло* ‘одежда’, *кутре* ‘щенок, кљундрво ‘дятел’, *лочка* ‘лужа’. Среди лужницкой лексики присутствуют и локальные инновации: *крињак* ‘позвоночник’, *тутулица* ‘брусница’, *учука се* ‘кастрировать’, и архаизмы: *дроб* ‘печень’, *кочина* ‘свинарник’, *сопуљав*

‘сопливый’, *саце* ‘сажа’. В Лужнице зафиксировано слово *лупи* ‘очищать кожуру’, характерное для запада сербскохорватского ареала.

Лексика анкеты из Запланя характеризуется наименьшим своеобразием, но включает некоторые инновации: *подручак* ‘завтрак’, *лелејка* ‘колыбель’, *мешина* ‘желудок’.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) общей характеристикой лексики призренско-тимокской зоны является ее архаичность, отличающая призренско-тимокские говоры от большей части сербских диалектов; 2) наибольшей архаичностью лексики характеризуется лужницкий говор; 3) лужницкий говор отличается наибольшим лексическим своеобразием; 4) запланьский говор занимает промежуточное положение между косовским и лужницким и отличается наименьшим лексическим своеобразием; 5) косовский говор лексически ближе к другим сербским говорам, чем лужницкий и запланьский; 6) исследуемые говоры характеризуются лексической общностью с западными сербскохорватскими говорами.

§ 8. Лексическое своеобразие славонского говора с. Сиче⁸²

Предметом исследования в данном параграфе является лексическое своеобразие говора хорватского села Сиче, расположенного в долине реки Сава в 40 км к западу от г. Славонски-Брод. Говор принадлежит к славонскому диалекту штокавского наречия. Во внутренней классификации славонского диалекта говор с. Сиче относится к посавским говорам. Говор архаичен, что выражается в ряде фонетических и морфологических черт: сохранение акута и старого места ударения, *l* в конце слога, групп *jt*, *jd*, старых окончаний в склонении множественного числа имен существительных. Говор живой, используется молодым поколением, однако в связи с тем, что число жителей села сокращается (согласно последней переписи, в селе проживают 306 человек), его можно считать исчезающим. Вследствие своей редкой архаичности говор включен Министерством культуры Хорватии в список народных говоров, относящихся к хорватскому национальному достоянию.

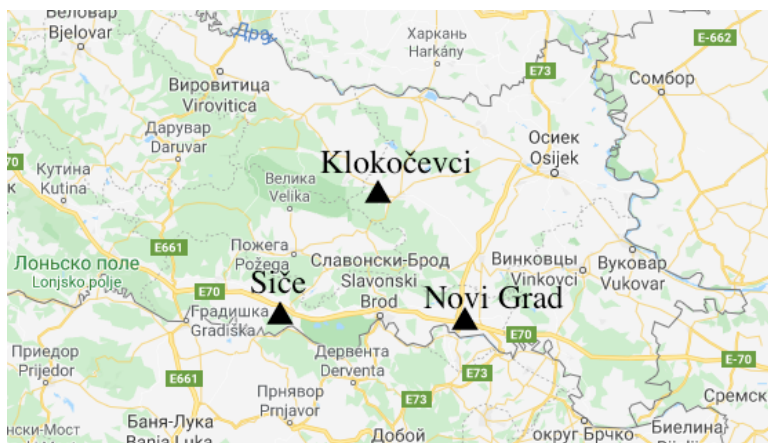
Материал был записан в с. Сиче в ноябре 2019 г. (материалы анкеты в полном объеме представлены в приложении к диссертации). Полученный корпус был дополнен анкетами, записанными от носителей говоров сел Нови Град⁸³ и Клокочевци⁸⁴ (см. карту №1), также находящихся на территории распространения славонского диалекта⁸⁵.

⁸² При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная автором в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Бербич-Колар Э., Якушкина Е.И.* Лексика хорватского славонского говора в сопоставительном аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 8/2, 2020. С. 63–70. Объем статьи – 0,7 п.л., вклад автора диссертации – 0,65 п.л.

⁸³ Информант – Igor Ilić (1997 г.р.).

⁸⁴ Информант – Vjekoslava Kadić (1956 г.р.).

⁸⁵ Кроме того, к сравнению привлекались анкеты, заполненные студентами педагогического факультета Университета им. Й. Ю. Штрессмайера в г. Славонски-Брод (из кайкавского села Доня-Пачетина, славонских сел Илача (восточная Славония), Врановци (центральная Посавина) и села Прекопакра в западной Славонии).

Карта № 1. Обследованные пункты.

Лексика с. Сиче лексикографически описана в словаре Э. Бербиц Колар и Л. Коленич, насчитывающем 6 тыс. слов (Berbić Kolar, Kolenić 2014). В предваряющем словарь описании говора содержится характеристика сичанской лексики, где выделяются наиболее для нее значимые терминологические группы, такие как устройство дома, земледелие, рыбная ловля, резьба по дереву и др. (Berbić Kolar, Kolenić 2014, 87–89)⁸⁶, а также отмечается большое количество заимствований и использование устаревшей и редкой лексики. В своем описании славонских говоров классик хорватской диалектологии Й. Лисац, кратко останавливаясь на своеобразии их лексики, также отмечает наличие в славонских говорах заимствований, архаизмов (*litka* ‘голень’) и диалектизмов (*oplećak* ‘короткая женская рубаша’, *pokrovac* ‘покрывало’, *lanac* ‘единица измерения земли’) (Lisac 2003, 38).

Рассмотрим, в какие ареалы входит Славония по лексическим признакам, картографированным в ОЛА. Анализ производился преимущественно на основании лексики из тематической группы *Человек и части тела*, так как лексика именно этой рубрики использованного нами вопросника наиболее полно отражена в атласе (ОЛА, 2009). Поскольку фонетические, морфологические и лексические изоглоссы на центральноюжнославянской территории, как правило, проходят с севера на юг, то гипотетически славонские говоры могут относиться к двум типам хорватских ареалов, западному и восточному. Подобная картина и имеет место в

⁸⁶ Наибольшее внимание при изучении славонской лексики уделяется исследованию тех или иных семантических групп традиционной славонской лексики (Bilić 2012; Vockovac 2014; Kolenić, Berbić Kolar 2012 и др.).

реальности: славонским говорам свойственно тяготеть к кайкавскому (кайкавско-чакавскому) ареалу или к основному массиву штокавских говоров⁸⁷. Причем первое встречается реже, а второе чаще. Проиллюстрируем это на нескольких примерах.

1. Кайкавско-чакавско-славонская общность.

1) *Висок, боковая часть черепа от уха до кости лба* (ОЛА, 2009, карта № 4).

На хорватской территории присутствуют два основных названия виска: сложное слово *slěpooč(n)ica* и словосочетание *slěpo oko*. В Славонии, согласно атласу, преимущественно распространена лексема *slěpoočica*, которая нами зафиксирована и в Сиче. Эта номинация объединяет славонские говоры с большинством кайкавских, некоторыми чакавскими и приморскими штокавскими говорами. Несколько упрощая ситуацию, границу между номинацией *slěpoočica* и *slěpo oko* можно провести с севера-востока на юго-запад, от г. Осиек к г. Трогир, отделяя большую часть говоров Хорватии от говоров Боснии. В с. Стризивойна, одном из более восточных славонских пунктов, в атласе зафиксировано *slěpo oko* (см. карту № 2). В полученных нами анкетных данных, кроме Сиче, везде фигурировало литературное слово *sljepoočnica*.

Карта № 2 «Висок»⁸⁸

2) *Рассказывает (сказку)* (ОЛА, 2009, карта № 65). В Сиче в этом значении записан глагол *preprovidat*, причем он же выражает и значения ‘говорить’ и ‘разговаривать’. Этот же глагол (*priprovidati*) характерен и для Нови-Град. В ОЛА он представлен в двух пунктах на территории Славонии (общ. Жупаня), а также в

⁸⁷ Хорватский лингвист Д. Брозович полагал, что говоры сел Сиче и Магича-Мала восходят к переходному кайкавско-западноштокавскому диалектному типу (Brozović 1970, 17).

⁸⁸ Карты № 2–5 выполнены на основе карт ОЛА (ОЛА 2009) и показывают изоглоссы в упрощенном виде.

кайкавских, чакавских и приморских штокавских говорах. Второй глагол, который характерен для хорватских говоров – *pričati*, его ареал расположен к востоку от *pripovědati* (см. карту № 3). Граница ареалов этих лексем сходна с границей, отделяющей *slēpoočica* и *slēpo oko*. В Славонии *pričati* зафиксирован в соседнем с Сиче селе Магича-Мала и в селе Стризивойна. Похожее ареальное противопоставление показывает распространение слов *vlasī* и *kosa* (ОЛА 2009, карта № 25).

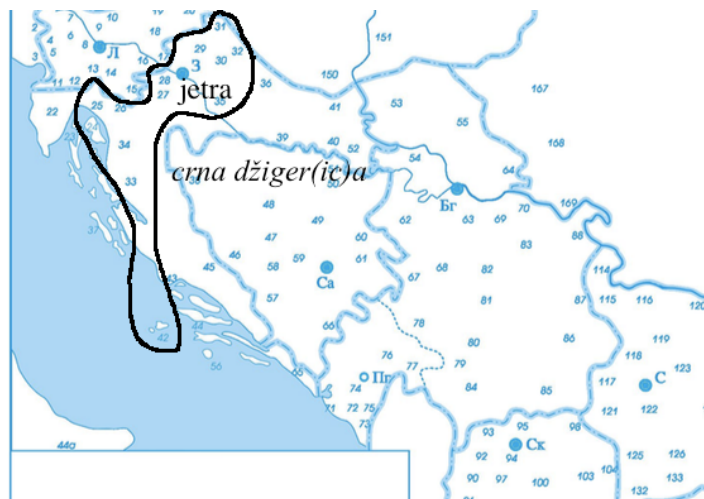

Карта № 3 «Рассказывает»

В наших записях из славонских сел встретилось и несколько других параллелей с кайкавскими и чакавскими говорами. В с. Клоковечци нам была предложена номинация *list* ‘письмо’, хотя в ОЛА на территории Славонии в этом значении записаны слова *pismo* и *knjiga* (ОЛА, 2003, карта №38). В с. Нови-Град мы записали глагол *mičati* ‘молчать’, характерный для чакавских и кайкавских говоров и противопоставленный штокавскому глаголу *šutjeti* (*ćutati*).

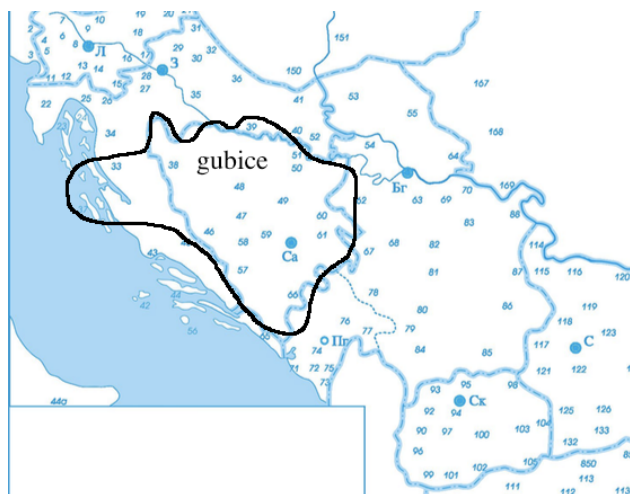
2. Противопоставление славонских говоров кайкавским и кайкавским и чакавским говорам.

1) *Печень человека* (ОЛА 2009, карта № 54). В хорватских говорах распространено два основных названия печени – *jetra*, представленное за пределами Хорватии также в словенских и чешских говорах, и *crna džiger(ica)*. Слово *jetra*, согласно атласу, характерно для кайкавских и некоторых чакавских и приморских штокавских говоров, а *crna džiger(ica)* употребляется в Славонии и Боснии и Герцеговине. В наших записях из Сиче также подтверждена лексема *jetra*, наряду с *džigera* (см. карту № 4).

Карта № 4 «Печень»

- 3) Губы (ОЛА 2009, карта № 17). В хорватских говорах существуют три основные конкурирующие номинации губ: *usne*, *usnice*, *gubice*. Все они представлены на территории Славонии. Наш материал также отражает употребление в разных славонских говорах разных лексем, а именно *gubice* (Сиче) и *usne* (другие села). В атласе лексема *gubice* записана в с. Магича-Мала. Это слово связывает говоры сел Сиче и Магича-Мала с говорами Боснии и Герцеговины (см. карту № 5), а в общеславянском масштабе – со словацкими и восточнославянскими говорами, для которых характерно обозначение типа **goby*. Одновременно данная номинация противопоставляет говор Сиче большей части говоров на территории Хорватии, в которых распространено название *usne* или *usnice*.

Карта № 5 «Губы: *gubice*»

Похожее противопоставление славонских говоров более западным хорватским говорам, прежде всего кайкавским, а иногда и чакавским

демонстрируют карты ‘бросить камень’, ‘спина’, ‘усы’, ‘рот’ (ОЛА 2009), а также целый ряд других.

В заключение лингвогеографического экскурса рассмотрим карту *Мизинец* (ОЛА 2009, карта № 39), демонстрирующую своеобразие славонских говоров на общехорватском фоне. Практически на всей территории распространения хорватских говоров в ОЛА для мизинца зафиксировано наименование *mali prst*. Однако в с. Магича-Мала представлена также лексема *zeko*, записанная и в Сиче, а в с. Валпово – *malčak*, что корреспондирует с записанным в Клокочевци словом *malčić*. В других хорватских пунктах в ОЛА такие лексемы не засвидетельствованы.

В целях сопоставления сичанской лексики с общехорватским языком, материал анкеты был проверен по словарю хорватского литературного языка (НЈР)⁸⁹. Анализ показал, что 25 % лексем из списка отсутствуют в лексиконе хорватского литературного языка (в том числе присутствуют в ином значении или помечены как регионализмы, локализмы или этнографизмы). Можно предположить, что этот показатель достаточно высок. Такой вывод позволяет сделать сравнение с говором сербского с. Господжинци, расположенного к востоку от Славонии в области Воеводина (см. § 6). Отличия лексики этого говора от сербского литературного языка составляют 5% (говор Господжинци относится к диалектному типу, лежащему в основе сербского литературного языка)⁹⁰. Большинство сичанских слов, не принадлежащих к литературному языку, характерны для разных славонских говоров. Это показывают данные анкет из других славонских пунктов, а также данные словаря (Jakšić 2015).

Рассмотрим сичанские лексемы, отличные от литературных хорватских, и проанализируем типологию этих отличий. Среди сичанской лексики, отсутствующей в словаре хорватского литературного языка или помеченной в нем в качестве региональной, локальной или употребляющейся под влиянием сербского языка, преобладают заимствования, а именно: турцизмы *kičma* ‘позвоночник’, *čičo* ‘дядя по отцу’, *babo* ‘отец’, *đerz* ‘жених, парень’, *marama* ‘платок’, *avlija* ‘двор’, *ćošak* ‘угол (дома)’, ‘угол в комнате’, *badža* ‘дымоход’, *sirće* ‘уксус’, *ekser* ‘гвоздь’,

⁸⁹ Пренебрегалось вариативностью основ в таких случаях, как *bagra* ‘акация’, *baza* ‘бузина’, *zden* ‘холодный (о пище)’).

⁹⁰ Поскольку показатель рассчитывался относительно разных словарей – хорватского и сербского, то, безусловно, полученные цифры не могут быть сопоставимы без оговорок. Нужно учитывать лексикографическую концепцию каждого словаря и различия в их объеме.

pašanas ‘муж одной из сестер по отношению к мужу второй сестры’, *kajmak* ‘продукт, получаемый из слоя жира на кипяченом молоке’, *kajsija* ‘абрикос’, *testera* ‘пила’, *tarabe* ‘забор’; балканские грецизмы: *talas* ‘волна’, *drum* ‘дорога’, *trpeza* ‘стол’; германизмы: *grinzajg* ‘зелень’, *drukerić* ‘застежка’, *fertun* ‘фартук’, *froštuk* ‘завтрак’, *paradajz* ‘помидор’, *čaira* ‘луг’, *špaga, štrik* ‘веревка’, *amper* ‘ведро для воды’, *žaga* ‘пила’; унгаризмы: *vanjkuš* ‘подушка’; итальянизмы: *zeko* ‘мизинец’⁹¹. Турцизмы и грецизмы объединяют славонские говоры с другими штокавскими говорами, ср., например, *avlija, čošak, drum, ekser, marama, sirće, tarabe* (Sekulić 2005; Babić 2008), *kičma* (Babić 2008), – то есть с востоком хорватского и, шире, центральноюжнославянского ареала, что связано с историей штокавской территории, находившейся в составе Османской империи⁹². Германизмы и унгаризмы связывают Славонию с кайкавскими говорами, территория распространения которых так же, как и Славония, входила в Габсбургскую империю, ср. кайкавские слова *paradajz, špaga, žaga* (Šatović, Kalinski 2012), *vankuš* (Maresić, Miholek 2011, 748).

Помимо заимствований, среди сичанской лексики, дифференциальной по отношению к литературному языку, выделяется несколько слов, которые противопоставляют штокавские говоры (или большую их часть) кайкавским: *točak* ‘колесо’ (кайк. *kotač*), *nedilja* ‘неделя’ (кайк. *tjedan*), а также, напротив, – объединяют славонские говоры с кайкавскими: *vlasī* ‘волосы на голове’, *svatovi* ‘свадьба’, *krt* ‘крот’, *poldana* ‘полдень’⁹³. Несколько лексем предположительно являются узко локальными: *svaja* ‘сестра жены’, *svaj* ‘муж сестры’, *gudac* ‘пила’, *sjajna muva* ‘светлячок’, *kopanja* ‘деревянная посуда для замешивания теста’. Географию некоторых дифференциальных лексем пока нам определить не удалось: *paše* ‘хорошо, годится’, *lačinjak* ‘ремень’, *šetrica* ‘посуда для дойки’, *nakrižat* ‘разрезать’, *kominje* ‘стручок’, *natkrovak* ‘стреха’, *parovnjak* ‘ровесник, сверстник’, *prijaci* ‘родители мужа дочери, родители жены сына’, *starac* ‘тесть’.

⁹¹ Этот список можно расширить за счет слов, записанных в с. Нови-Град (турцизмы: *sinija* ‘стол’, *makaze* ‘ножницы’, *burma* ‘обручальное кольцо’, *bašča* ‘огород’, *duvar* ‘стена’; унгаризмы: *apa* ‘отец’, *astal* ‘стол’). Если учитывать сичанские слова, представленные и в литературном языке (например *pendžer* ‘окно’), то список будет еще более обширным.

⁹² Славония входила в состав Османской империи с 1526 г. до конца XVII в.

⁹³ В других славонских селах встречаются следующие слова, общие с кайкавскими говорами: *zipka* ‘колыбель’, *prositi* ‘просить’, *ljetō* ‘год’, *željezo* ‘железо’, *širajz(lin)* ‘инструмент для перемешивания топлива в печи’. Со штокавскими говорами, в том числе с восточными, славонские говоры объединяются также такими словами, как *pacov* ‘крыса’, *gvožđe* ‘железо’, *pečurka* ‘гриб’.

Отличия в ответах, полученных в Сиче и, соответственно, в селах Нови-Град и Клокочевци, составляют примерно по 15 %. Однако в большинстве случаев эти различия связаны не с тем, что на одинаковые вопросы в качестве ответов получены разные диалектизмы: в одном селе получены в качестве ответа диалектизмы, а в другом – слова, тождественные литературным, или в одном селе в качестве ответа было дано одно литературное слово, а в другом – другое. Например, в Нови-Град, в отличие от Сиче, записаны следующие слова (в скобках указаны сичанские лексемы): *svadba (svatovi)* ‘свадьба’, *punac (starac)* ‘тесть’, *žarač (širajz)* ‘инструмент для перемешивания топлива в печи’, *vani, napolju (na dvoru)* ‘на улице’, *plahta (ponjava)* ‘простыня’, *krtica (krt)* ‘крот’, *val (talas)* ‘волна’, *lokva (mlaka)* ‘лужа’, *kod kuće, kući (doma)* ‘дома, домой’, *dužina (duljina)* ‘длина’, *ključa (vrije)* ‘кипеть’ и др.

Помимо турцизмов, для всех обследованных славонских сел характерны такие диалектизмы, как *točak* ‘колесо’ и *pacov* ‘крыса’, связывающие славонские говоры с восточноштокавскими. На востоке Славонии появляется слово *razboj* ‘ткацкий станок’ (Врановци и Илача), также характерное для восточноштокавских говоров.

Славонский диалект с запада граничит с кайкавским наречием и наиболее близок к нему из всех штокавских диалектов. В анкете из с. Доня-Пачетина по сравнению с материалами из Сиче представлено 25% иной лексики. В отличие от противопоставлений внутри славонского корпуса, которые, во многом, можно связывать с вариативностью внутри литературного языка, дифференциальные лексемы из с. Доня-Пачетина представляют собой, в основном, слова, не представленные в литературном языке.

Кайкавскую анкету от сичанской отличает бóльшая архаичность представленной в ней лексики. Как мы отмечали выше, для славонских говоров характерно значительное число турцизмов и других балканизмов, тогда как в кайкавском говоре им соответствуют исконные славянские слова: *plot* ‘забор’, *vugel* ‘угол’, *dvorište* ‘двор’, *dimljak* ‘дымоход’, *tomak* ‘парень’, *stol* ‘стол’, *bačva* ‘бочка’, *kožica* ‘продукт, получаемый из слоя жира на кипяченом молоке’, *pastir* ‘пастух’, *val* ‘волна’, *ručnik* ‘полотенце’, *sused* ‘сосед’, *pila* ‘пила’, *zastava* ‘флаг’. В числе архаизмов, вытесненных на востоке турцизмами, назовем и древние романские заимствования *ocat* ‘уксус’ и *vrt* ‘огород’.

Помимо распространения турцизмов, штокавские говоры на разных этапах своей истории развили много других лексических инноваций, в результате которых в них была утрачена общеславянская лексика. Кайкавские говоры не были затронуты этими инновациями, поэтому между говорами сел Доня-Пачетина и Сиче можно наблюдать следующие противопоставления (вначале приводится кайкавская лексема, а потом штокавская): *zacjelivaju* – *ljubit* ‘целовать’, *željeze* – *gvožđe* ‘железо’, *ogenj* – *vatra* ‘огонь’, *objed* – *ručak* ‘обед’, *dažd* – *kiša* ‘дождь’, *češnjak* – *bili luk* ‘чеснок’, *vugarek* – *krstavac* ‘огурец’, *luk* – *crveni luk* ‘репчатый лук’.

Кайкавскому говору также свойственны инновации, но другого рода. Славонским турцизмам в кайкавской анкете соответствуют германизмы⁹⁴: *štunfi* ‘носки’, *šogor* ‘муж одной из сестер по отношению к мужу второй сестры’, *cukar* ‘сахар’, *marelica* ‘абрикос’, *ciferšljus* ‘застежка’, *vura* ‘час’; унгаризмы: *gumb* ‘пуговица’, *oblok* ‘окно’. Заимствованиям у кайкавцев часто соответствует исконная славянская лексика в славонских говорах: *bažul* ‘фасоль’ (славон. *gra*), *gacija* ‘акация’ (славон. *bagra*), *trahtor* ‘воронка’ (славон. *livak*), *penazi* ‘деньги’ (славон. *novci*), *lojtra* (славон. *ljestve*) ‘лестница’, *kupica* ‘стакан’ (славон. *čaša*), *mustači* ‘усы’ (славон. *brkovi*), *pohuti* ‘жарить’ (славон. *peći*).

Среди лексики, дифференцирующей говоры сел Доня-Пачетина и Сиче, есть много диалектизмов, выделявших кайкавские говоры по сравнению с более восточными, вероятно, еще в праславянскую эпоху: *hiža* ‘дом’, *lačan* ‘голодный’, *tjedan* ‘неделя’, *melja* ‘мука’, *trs* ‘виноградная лоза’, *hititi* ‘бросить’, *zelje* ‘капуста’, *djela* ‘работать’, *deti* ‘положить’, *obljeka* ‘одежда’, *kokot* ‘петух’ (см. подробнее § 3).

Большую роль в формировании лексического фонда славонских говоров играют турцизмы и другие балканизмы, которые сближают славонские говоры с основным массивом штокавских и отдаляют их от кайкавских. Германизмов в нашем материале присутствует значительно меньше (ср. устойчивое в разных говорах *širajzli*, *paradajz* ‘помидор’, *flaša* ‘бутылка’, и подтвержденные анкетой из с. Прекопакра *raiferšlus* ‘застежка’, *kinderbet* ‘колыбель’).

Несмотря на архаичность фонетико-морфологической структуры славонских говоров, в анкетах из славонских сел нам встретилось ограниченное число

⁹⁴ Хорватская кайкавская территория с 1526 г. по 1918 г. находилась в составе Габсбургской (Австро-Венгерской) империи.

лексических архаизмов: *podojit*, *vlas*, *zipka*, *prositi* ‘просить’, *okno* (Сиче), *baran*, *mičati*, *ljeto*, *strigati*, *rabota* (Нови-Град), *željezo* (Клокочевци).

§ 9. Лексические различия староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров

Данный параграф посвящен сопоставлению лексики двух описанных выше говоров сербскохорватского языка: хорватского говора села Сиче в Славонии и сербского говора села Господжинци в Воеводине.

Говоры сел Славонии и Воеводины были выбраны для сопоставления по двум причинам. *Первая* причина основана на их территориальной близости и общности исторического развития данных регионов. Славония граничит с Воеводиной и конкретно с областью Бачка, к которой относится с. Господжинци; с XVII в. Воеводина и Славония входили в состав одного государства (вначале Османской империи, позднее Габсбургской монархии и Австро-Венгерской империи), а отдельные области на их территории были объединены в одну административную единицу – Военную границу (краину). *Вторая* причина заключается в том, что славонские и воеводинские говоры, хотя и относятся к одному штокавскому наречию сербскохорватского языка, но принадлежат к разным диалектам этого наречия. Рассматриваемый нами хорватский говор принадлежит к славонскому диалекту, а сербский – к бачскому поддиалекту шумадийско-воеводинского диалекта. Славонский диалект относится к так называемому *староштокавскому* типу, имеющему архаическую акцентуацию, а шумадийско-воеводинский – к *новоштокавскому*, для говоров которого характерна четырехакцентная система с перетяжкой ударения на один слог к началу слова (Окука 2008, 45). Кроме того, славонские говоры отличаются от новоштокавских, и в том числе воеводинских, рядом других архаизмов в фонетике: сохранением конечнослогового *l* (*posal* ‘работа’, воевод. *nocao*) и групп *jt* (*izajt* ‘выйти’, воевод. *изићи*), *jd* (*izajde* ‘выйдет’, воевод. *изиђе*) (Ивић 1985, 197–200). Славонские говоры выделяются на фоне прочих штокавских говоров и другими чертами, которые связывают их с говорами кайкавского и чакавского наречий (наличием акута и так называемым шчакавским рефлексом сочетаний **stj*, **skj*: славон. *gušćer* ‘ящерица’ при воевод. *гуштер*). П. Ивич трактует это явление как следствие периферийного положения славонских говоров в штокавском континууме (Ивић 1985, 37), об этом пишет и Д. Брозович: характеризуя говор Сиче, он называет его остатком бывшего

западнославонского посавского диалектного типа, входившего, наряду с подравскими, северночакавскими и северо-западными боснийскими говорами, в переходный пояс между кайкавскими говорами и основным массивом западноштокавских говоров (Brozović 1970, 17). Это позволяет сформулировать задачу данного исследования как *сопоставление лексических особенностей периферийного архаического штокавского говора и центрального инновационного*.

Согласно гипотезе Д. Брозовича, сербскохорватская территория была первоначально разделена на западный и восточный ареалы, которые включали, с одной стороны, кайкавские, чакавские и западноштокавские говоры, а с другой – восточноштокавские и прототорлакские. Из этих двух диалектных типов предположительно могли развиваться два языка, но в результате последующего конвергентного развития западно- и восточноштокавские говоры сблизились, что утвердило сербскохорватское единство (Brozović 1985, 62–64). В свете данной гипотезы сопоставление лексических особенностей славонского и воеводинского говоров можно рассматривать как *сопоставление лексики говоров западно- и восточноштокавского диалектного типа* (Д. Брозович свою гипотезу основывал только на фонетических и морфологических данных, данные лексики им не учитывались).

Сопоставление показало, что из 370 пунктов вопросника в анкетах из двух сел различается 136 ответов, что составляет 36% от общего числа. Проанализируем эти отличия.

Первая группа лексических противопоставлений связана с использованием в говорах продолжений различных праславянских лексем. Подобные различия могут служить отражением как древней междиалектной, так и внутридиалектной синонимии в сербскохорватском ареале. Некоторые из них – *kruv*⁹⁵ – *лебац* ‘хлеб’, *cesta* – *пум* ‘дорога’, *otok* – *острво* ‘остров’, *puhati* – *дувати* ‘дуть’, *zipka* – *колевка* ‘колыбель’, *krt* – *кртина* ‘крот’ достаточно четко противопоставляют западные и восточные сербскохорватские говоры, но «западные» лексемы иногда используются и в периферийных сербских говорах, в частности, в Косово (подробнее о данных синонимических парах см. § 3 настоящей главы), что исключает их из списка потенциальных западно- и восточноштокавских изоглосс, существование которых

⁹⁵ Здесь и далее первой указывается славонская лексема, а второй – воеводинская.

можно было бы предположить, исходя из упомянутой выше гипотезы Д. Брозовича. Из приведенного списка слов на такой статус претендуют только слова *zipka* и *otok*, не обнаруженные нами восточнее реки Дрины. Прочие слова, хотя, несомненно, и относятся к древнейшим сербскохорватским диалектным различиям, но их изоглоссы проходят иначе, чем проходит предполагаемая Д. Брозовичем граница западных и восточных сербскохорватских говоров (Brozović 1970, 13). В сербских говорах слова *крух*, *цеста*, *пухати* представлены, главным образом, на территории Боснии. Однако восточнее Дрины *крух* встречается в Шумадии и западной Сербии (Петровић, Капустина 2011, 142; Цвијетић 2014, 178), а *цеста* и *пувати* в Черногории (Ћупић 1997, 540, 401) и в Косово (Букумирић 2012, 662, 505). Слова *цеста* и *пувати* фиксируются словарем сербских говоров Воеводины, но только в двух пунктах и через отсылку к словам *друм* и *дувати* (РСГВ 4, 364; РСГВ 3, 401), слово *крув* (*крух*) в словаре отсутствует. В словаре славонских говоров также присутствует и лексема *пуhati*, и лексема *дувати* (Jakšić 2015, 149, 623). Изоглосса *krt* – *кртина* (или *кртица*) также отделяет западные (кайкавские, чакавские и некоторые западноштокавские говоры) от восточных – большинства штокавских и некоторых чакавских говоров, однако слово *крт* встречается в отдельных пунктах в Косово, Черногории, Шумадии (ОЛА 1988, карта № 12)⁹⁶.

К группе древних синонимов относится и еще несколько лексических пар, противопоставляющих две анкеты. Это пары *ruo* – *одело* ‘одежда’, *korito* – *наћве* ‘посуда для замешивания теста’, *ždrebac* – *настув* ‘некастрированный самец лошади’, *rodovit* – *помусти* ‘подоить (корову)’, *šišati* – *стрићи* ‘стричь’.

Славонское слово *ru(h)o* встречается и в Воеводине, причем достаточно широко (РСГВ 3, 489), наряду с *одело*. *Руво* в значении одежды или приданого фиксируется в различных сербских говорах (Петровић, Капустина 2011, 255; Петровић, Телић, Капустина 2013, 358; Цвијетић 2015, 339; Бојиновић 2015, 173; Стојановић 2010, 826).

Основным сербскохорватским глаголом, обозначающим дойку молока, является глагол *мусти* (**melzti* (ЭССЯ 18, 95)), который в наших материалах отмечен в Воеводине. Глагол *dojit*, представленный в этом же значении в славонском говоре, а также в кайкавских говорах, чаще на сербскохорватской

⁹⁶ Штокавская номинация *кртина* (*кртица*) находит продолжение в чешских, словацких и западноукраинских говорах (ЭССЯ 13, 55).

территории обозначает вскармливание материнским молоком новорожденного, что, по всей видимости, является более древним значением, чем ‘доить’ (ЭССЯ 5, 54).

Еще одна лексическая пара, противопоставляющая славонский и воеводинский говоры и образованная континуантами праславянских лексем, – это *korito* – *nañve* ‘посуда для замешивания теста’. В «Общеславянском лингвистическом атласе» представлена карта «деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева» (ОЛА 2007, карта № 12), на которой лексема *korito* в сербскохорватском ареале отмечена именно в славонских и некоторых кайкавских говорах (а также в словацких и западноукраинских), тогда как в большинстве сербскохорватских говоров в этом значении используется слово *nañve*, так же как в русских, части белорусских и украинских говоров.

К группе континуантов праславянских лексем относится и пара *ždrebac* – *pastuv* ‘некастрированный самец лошади’. Согласно (ОЛА 2000, карта № 3), лексема *ždrebac* характерна для Славонии, Боснии и Герцеговины и кайкавских говоров, а также фиксируется на западе Воеводины и в восточной Сербии. На территории Сербии и Черногории в этом значении, в основном, представлено слово *pastuv* (см. § 3).

Из глаголов, обозначающих стрижку овец, глагол *šiřati*⁹⁷ чаще встречается в сербскохорватских говорах как нейтральное обозначение любой стрижки, а глагол *стрићи* – более редкий и обычно фигурирует именно как пастушеский термин.

В ряде случаев архаизмам в одной анкете соответствуют новообразования в другой. Сохранение архаизмов и возникновение новообразований свойственно обоим говорам. Среди инноваций, представленных в воеводинских говорах, есть лексемы, встречающиеся по всей территории Сербии, в том числе на ее востоке: ср. *medvedica* – *мечка* ‘медведица’, *razrezati* – *raseћи* ‘разрезать’, *zaručnica* – *вереница* ‘невеста’, *stan* – *разбој* ‘ткацкий станок’ (ОЛА 1988; ОЛА 2007; ОЛА 2015; Стојановић 2010, 787; Букумирић 2012, 513; Петровић, Капустина 2011, 245). Изоглоссы этих лексем проходят по центру сербскохорватского ареала, разделяя его на западную и восточную части. Изоглосса *baza* – *зова*⁹⁸ ‘бузина’, напротив, противопоставляет центральные и периферийные сербскохорватские говоры: ср. *бъз* в призренско-тимокских говорах (Стојановић 2010, 53) и *зова* в Шумадии

⁹⁷ О праславянском происхождении глагола *šiřati* см. (Skok 3, 395).

⁹⁸ О вторичности *зова* по отношению к *база*, *баз* см. (Skok 1, 125).

(Петровић, Капустина 2011, 108). Среди новообразований есть воеводинские лексемы (ср. *kopriva* – *жежа* ‘крапива’)⁹⁹. Новообразования используются и в славонском говоре: *natkrovak* – *стрѣжа* ‘стреха’, *plićak* – *газ* ‘брод’, *zubača* – *брана* ‘борона’, *pinica* – *ташта* ‘теща’, *kobac* – *јастреб* ‘ястреб’, *nosavice* – *ноздри* ‘ноздри’¹⁰⁰.

Среди славонско-воеводинских лексических различий есть несколько случаев использования в обоих говорах новообразований: *žganci* – *куља* ‘каша из кукурузной муки’, *livak* – *точир* ‘воронка для переливания жидкости’, *slipoočice* – *слепо око* ‘висок’, *slipi miš* – *шшшмиш* ‘летучая мышь’, *na dvoru* – *напољу* (*na dvor* – *напоље*) ‘на улице (на улицу)’. Номинации *slipoočice* (ОЛА 2009, карта 4) и *žganci* (Lipljn 2002, 1320) связывают славонские говоры с кайкавскими, а *livak* – с центром сербскохорватского ареала (центральной Боснией, центральной и западной Сербией) (ОЛА 2007, карта 5). Лексемы *куља* и *точир* являются преимущественно воеводинскими (РСГВ 2, 356; ОЛА 2007, карта 5; РСГВ 4, 199–200), а номинация *слепо око* объединяет воеводинские говоры с восточной частью сербскохорватской территории (ОЛА 2009, карта № 4). Зафиксированное в Господжинци слово *шшшмиш* в Словаре сербских говоров Воеводины отсутствует, а согласно ОЛА (ОЛА 1988, карта 15) характерно для кайкавских и некоторых приморских говоров. Это слово встречается и в северо-западной Сербии (с. Бела-Црква). Сичанское *slipi miš*, согласно ОЛА, распространено по всему сербскохорватскому ареалу восточнее кайкавской территории.

К семантическим новообразованиям отнесем пару *oguliti* – *ољуштити* ‘очищать кожуру (картофеля)’. Эти слова хотя и имеют праславянское происхождение (ЭССЯ 7, 170; ЭССЯ 16, 206), но исходно, вероятно, обозначали не ситуацию очищения плодов от кожуры, а сдирание кожи с туши животного (кору с дерева) и очищение от шелухи (например, фасоли или кукурузы). Изоглосса *oguliti* ‘очищать кожуру (картофеля)’ предположительно очерчивает запад (экспедиционные записи автора из с. Кола в западной Боснии; (Lipljn 2002, 223; Vranić, Oštarić 2016, 250)), и крайний восток (Букумирић 2012, 114) сербскохорватской территории.

⁹⁹ В числе противопоставлений славонских архаизмов и воеводинских инноваций назовем также пары *iskra* – *варница* ‘искра’, *osa* – *зоља* ‘оса’, *župa* – *ковач* ‘дятел’. Их географию предстоит выяснить.

¹⁰⁰ География данных слов также требует дополнительного исследования.

Часть различий связана с использованием в одном говоре общесербскохорватского слова, а в другом – локального: *brkovi* – *oscija* ‘ость’, *kotišina* – *шанурика* ‘вылущенный кукурузный початок’, *sjajna tiva* – *свитац* ‘светлячок’, *zglob* – *зглавак* ‘сустав’ (слово встречается в Воеводине, в западной Сербии).

Большая часть лексических противопоставлений между двумя анкетами связана с усвоением говорами заимствованной лексики. В воеводинской анкете по сравнению со славонской значительно преобладают заимствования, прежде всего турецкие, тогда как славонская анкета демонстрирует лучшую сохранность славянской лексики.

Наиболее часто встречается следующее соотношение: в Славонии распространено праславянское или сербскохорватское слово, а в Воеводине используется турцизм – *jetra* – *џигерица* ‘печень человека’, *bedro* – *бутина* ‘верхняя часть ноги’, *ronjava* – *чаршав* ‘простыня’, *mrkva* – *шаргарена* ‘морковь’, *prsten* – *бурма* ‘обручальное кольцо’, *žlica* – *кашика* ‘ложка’, *lače* – *чакиице* ‘штаны’, *zdjela* – *чинија* ‘миска’, *vuk* – *курјак* ‘волк’, *ljestve* – *мердевине* ‘лестница’, *škriška* – *комад* ‘кусочек’, *smet* – *ђубре* ‘мусор’, *jabučice* – *памлиџан* ‘помидор’, *postelj* – *кревет* ‘кровать’ – или иное заимствование: *gra* – *пасуљ* ‘фасоль’, *trbu* – *стомак* ‘живот’, *sušica* – *јектика* ‘туберкулез’ (грецизмы), *trim* – *гонак, конак* ‘пространство под навесом, стрехой’, *ljestve* – *ломпе* ‘лестница’, *šetaju* – *шанаџирају* ‘гулять’, *parovnjak* – *динер* ‘сверстник’ (германизмы), *zaprega* – *кеџеља* ‘фартук’ (унгаризм). Анкеты демонстрируют и случаи обратного противопоставления, когда в Славонии фиксируется турцизм или германизм, а в Воеводине – славянское слово (*marva* – *стока* ‘скот’, *kajmak* – *скоруп* ‘сливки’, *derz* – *момак* ‘парень’, *duvar* – *зид* ‘стена’, *kaiš* – *појас* ‘пояс, ремень’, *grincajg* – *зелен* ‘зелень’, *narisal* – *наџртати* ‘нарисовать’, *raše* – *ваља* ‘годится’) или в каждой из областей употребляются заимствования из разных источников или разные заимствования из одного источника: *čaira* – *ливада* ‘луг’ (турцизм – грецизм); *škare* – *маказе* ‘ножницы’, *terih* – *ћилим* ‘ковер’, *drukerić* – *копча* ‘застежка’ (германизм – турцизм); *čorapa* – *фусекла* ‘носок’ (турцизм – германизм); *vanikiš* – *јастук* ‘подушка’ (унгаризм – турцизм), *vrtal* – *башта* ‘огород’, *riža* – *пиринџа* ‘рис’, *ulje* – *зејтин* ‘растительное масло’ (романизм – турцизм); *fertun* – *кеџеља* ‘фартук’ (германизм – унгаризм),

amper – кофа ‘ведро’ (германизм – романизм), *trpeza* – астал ‘стол’ (грецизм – унгаризм); *đono* – пенџе ‘подошва’ (турцизмы). В обеих анкетах также встречаются случаи интерференции славянских и неславянских наименований: *dvor*, *avlija* – авлиџа ‘двор’; *trpeza* – сто, астал ‘стол’; *šetaju* – шнаџирају, шетају ‘гулять’, *zid*, *duvar* – зид ‘стена’.

Некоторые различия в анкетах отражают лексическую синонимию, которая в сербскохорватских говорах часто носит внутридиалектный характер: *napraviti* – учинити ‘сделать’, *vrije* – кључати ‘кипеть’, *ršenica* – жито ‘пшеница’, *vrića* – џак ‘мешок’, *čovjek* – муж ‘муж’, *drvo* – џепаница ‘полено’, *peći* – пржити ‘жарить’, *gljiva* – печурка ‘гриб’.

Проведенное сопоставление анкет показывает, что наибольшую роль в лексической дифференциации славонских и воеводинских говоров сыграли заимствования, и главным образом – турцизмы, численно преобладающие в воеводинском говоре по сравнению со славонским. Источником междиалектной синонимии в рассматриваемых говорах также являются германизмы, унгаризмы, романизмы, грецизмы.

Ряд лексических различий восходит к праславянской эпохе. Среди древних диалектизмов, противопоставлявших праславянские говоры, из которых впоследствии развились славонский и шумадийско-воеводинский диалекты штокавского наречия, можно назвать пары *kriv* – леб(ац) ‘хлеб’, *cesta* – пунт ‘дорога’, *otok* – острво ‘остров’, *puhati* – дувати ‘дуть’, *zipka* – колевка ‘колыбель’, *krt* – кртина ‘крот’. Эти и другие вышеназванные дифференциальные лексические признаки, восходящие к праславянской эпохе, манифестируют два основных типа ареальных противопоставлений: 1) запад – восток и 2) штокавский центр – периферия в широком смысле слова, в которую входят кайкавские, западноштокавские и периферийные сербские говоры (в том числе говоры восточной Сербии, Косова, Черногории).

Первый тип, представленный парами *kriv* – лебац ‘хлеб’, *otok* – острво ‘остров’, *zipka* – колевка ‘колыбель’, *korito* – наћве ‘посуда для замешивания теста’, *podojit* – помустити ‘подоить (корову)’ может свидетельствовать о древних лексических различиях между говорами кайкавско-чакавско-западноштокавского и восточноштокавского ареалов.

Сохранение общей праславянской лексики в Славонии, в Черногории, в Косово и в восточной Сербии дает возможность предположить и несколько иной сценарий развития сербскохорватской лексической системы, чем древнее противопоставление западной и восточной частей сербскохорватского континуума. Такие примеры, как *cesta – нут* ‘дорога’, *puhati – дувати* ‘дуть’, *krt – кртина* ‘крот’, *ždrebac – настув* ‘некастрированный самец лошади’ дают основание реконструировать для раннего периода развития сербскохорватского языка оппозицию штокавского центра и прочих сербскохорватских говоров, фактически образывавших периферию данного ареала. Тем самым и различия современных славонских и воеводинских говоров можно рассматривать в том числе как наследие былой оппозиции периферийных и центральных говоров.

Лексические новообразования послепраславянского периода демонстрируют такие же основные ареальные типы: запад – восток (*medvedica – мечка* ‘медведица’, *razrezati – речећи* ‘разрезать’, *zaručnica – вереница* ‘невеста’, *stan – разбој* ‘ткацкий станок’) и центр – периферия (*baza – зова* ‘бузина’), при этом славонские говоры обычно относятся к западному и периферийному типу, а воеводинские к восточному и центральному. Помимо такого деления, можно наблюдать и трехчастное (запад – центр – восток), когда славонские говоры вместе с боснийскими и частью сербских образуют центр, противопоставленный кайкавским и восточным штокавским говорам (*livak* ‘воронка для переливания жидкости’, *gubice* ‘губы’).

Выводы к главе III.

Проведенное исследование показывает, что по лексическим признакам сербскохорватский диалектный континуум делится на следующие основные ареалы: 1) западный и восточный, граница между которыми может проходить приблизительно по боснийско-хорватской границе, по территории Боснии, по боснийско-сербской границе или несколько восточнее; 2) на центральный и периферийный (периферийностью характеризуются кайкавские, чакавские, зетско-сеницкие и призренско-тимокские говоры). Такое членение демонстрирует лексика как праславянского происхождения, так и более позднего периода.

Анализ географии континуантов праславянских лексем показывает, что эти два типа членения тесно взаимосвязаны. Центральная область может занимать большую часть сербскохорватского ареала (**boršъno* – **mel'a* – **moka* ‘мука’, **dqbъ* – **xvorstъ* ‘дуб’, **žirъ* – **želqdbъ* ‘желудь’), но в ряде случаев в качестве центральных можно рассматривать говоры центральной и западной Сербии, а в качестве периферийных, сохраняющих архаику, – говоры западной части сербскохорватского ареала, Черногории и (юго-)восточной Сербии (**cěsta* – **pqтъ* ‘дорога’, **puhati* – **duhati* ‘дуть’). Таким образом, ареальные противопоставления запада и востока и центра и периферии могут накладываться друг на друга. Западный и периферийный ареалы характеризуются большей сохранностью архаической (праславянской) лексики, чем центральный и восточный, которым обычно свойственны лексические инновации.

Один из путей формирования древнего членения сербскохорватских говоров на базе лексики – возникновение инноваций, которые на части территории вытеснили архаизм, сохраняющийся до сих пор в другой части территории. Так образовались пары: **boršъno* – **mel'a* – **moka* ‘мука’, **xvorstъ* – **dqbъ* ‘дуб’, **žirъ* – **želqdbъ* ‘желудь’, **nosъnica* – **nozdrі* ‘ноздря’, **kosa* – **volsi* ‘волосы’, **kruhъ* – **xlěbъ* ‘хлеб’, **cěsta* – **pqтъ* ‘дорога’, **modliti* – **prositi* ‘просить’. Среди них есть заимствования (**boršъno*), чисто словообразовательные инновации (**nosъnica*) без существенных смысловых сдвигов, но преобладают случаи инноваций, в которых образование нового слова сопровождалось семантическим переходом (**kruhъ*), сводилось к нему (**kosa*, **žirъ*, **xvorstъ*) или происходило в результате нового осмысления реалии/появления новой реалии (**mel'a* как обозначение молотого

зерна в противоположность **moka* как обозначению мягкого зерна; **cěsta* как обозначение построенной (расчищенной, прорубленной) человеком дороги в противоположность любому пути в слове **pōtь*).

Второй сценарий развития отношений между архаизмом и инновацией заключается не в территориальном вытеснении древнего слова, а в изменении его места в лексико-семантической системе, то есть в уступке им своего старого значения новой лексеме и приобретении взамен более специального значения. Семантическая специализация архаизмов – достаточно распространенное явление. Такой сценарий иллюстрируют слова **volsi*, **xlěbь*, **pōtь*, **prositi*.

Несколько синонимических пар праславянского происхождения, образующих в современном сербскохорватском языке диалектное различие, устроены иначе: вытеснение архаизма инновацией в их случае не происходило или является не столь очевидным, возможно также, что члены этих пар являются параллельными наименованиями. Это пары **obtokъ* – **obstrovo* ‘остров’, **gьrньсь* – **lonьсь* ‘горшок’, **měsєсь* – **luna* ‘луна’, **godina* – **lěto* ‘год’, **kotьсь* – **staja* ‘хлев’, **loza* – **tьrsь* ‘виноград’. Примером образования параллельных номинаций одной и той же реалии на разных территориях могут послужить пары **kolěbьka* – **zybьka* ‘колыбель’, **kokotь* – **pětьль* ‘петух’, **bacati* – **xytiti* ‘бросить’, **gazь* – **brodь* ‘брод’. К этому же типу с осторожностью отнесем и пару **kōtja* – **xyža* ‘дом’.

Синонимические пары праславянского происхождения, члены которых в части сербскохорватских говоров являются внутрисистемными синонимами, также можно разделить на две группы: 1) пары, в которых очевидно наличие архаизма и инновации (**mati* – **majьka* ‘мать’, **pьrsь* – **grōdь* ‘грудь’, **rězati* – **križati* ‘резать’, **pьrčь* – **jarьсь* ‘(некастрированный) козел’, **poklonь* – **darь* ‘подарок’), 2) пары, чья хронологическая структура не столь однозначна (**pol’e* – **niva* ‘поле’, **klipь* – **košanjь* ‘початок’, **bara* – **loky* ‘лужа’ и др.).

Анализ лексических данных, собранных по вопроснику «Сербскохорватского диалектного атласа», показывает архаичность лексики говоров к западу от Дрины (*жельезо* ‘железо’, *здјела* ‘миска, глубокая тарелка’, *жлица* ‘ложка’, *mrква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’, *плата* ‘простынь’). Эта лексика нередко сохраняется и в некоторых призренско-тимокских говорах. Большую роль в лексической дифференциации сербскохорватского ареала на

западную и восточную области сыграло усвоение и распространение турцизмов и других заимствований.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно семантических и географических характеристик сербскохорватской лексики.

I. Семантические закономерности в структуре многозначных гнезд.

Сопоставление семантической структуры гнезд **kriv-*, **kos-*, *lqk-*, **pak-* / **opak-*, **grěx-*, **prav-* показало, что существенной особенностью этих корневых групп является регулярный параллелизм их семантических спектров, то есть развитие ими в сфере вторичной номинации однородных значений. Аксиологический статус признаков прямизны, кривизны и перевернутости соотносит их с категориями нормы и аномалии. Среди нормативных значений «прямого», «кривого» и «обратного» выделяются значения предметные, описывающие аномальные реалии, и оценочные (нормативные, истинностные, этические и т.д.). «Прямое» в нормативной сфере выступает почти исключительно как инструмент чистой оценки, тогда как в предметной области, акцентирующей внимание на отклонениях от нормы, его роль значительно ослаблена. В отличие от «прямого», вербальные символы «кривого» регулярно развивают семантику деформации: пространственные номинации широко распространены в медицинской сфере, в области физического развития человека и анатомии. Признаки «прямой», «кривой» и «обратный» служат основой для дескрипции и оценки трудовых навыков человека и концептуализации сферы речи. «Кривое» и «перевернутое» регулярно наделяется семантикой вреда и порчи. Соотнесение пространственных признаков с категориями нормы и аномалии сыграло важную роль в формировании славянской оценочной лексики. В славянских диалектах корни со значением прямизны и кривизны выражают значение общей, нормативной, сенсорной, утилитарной, истинностной и этической оценки. Через прямое и кривое регулярно осмысляются основные понятия правовой нормы. В поле этических оценок наблюдается универсальное маркирование аномального: положительная этическая семантика выражается ограниченным числом слов.

Второе рассмотренное нами лексико-семантического поле, включает обозначения температурных процессов горения, излучения тепла, кипения и испарения (**gorěti*, **polěti*, **vyrěti*, **kypěti*, **prěti*, **zněti*, **kuriti*, **pariti*) и соответствующих температурных воздействий (**paliti*, **žegti*, **žariti*, **pekti*, **variti* и пр.). В области физических процессов и признаков значение повышенной температуры преобразуется в семантику метеорологических явлений, а также гниения, прокисания, потения, коррелируя со значением 'влажный'. Значения воздействия теплом и огнем легли в основу славянской кулинарной семантики. Температурный код регулярно используется при описании физиологических процессов в теле человека и его болевых ощущений, а также в осмыслении проявлений человеческой психики и в том числе эмоций и темперамента. Для единиц данного поля характерны значения интенсивности, силы, скорости, быстрого движения, обмана и насилия.

Данную семантическую структуру можно трактовать как модель праславянского лексико-семантического поля, представляющего собой систему знаков с определенным значением и семантико-мотивационным потенциалом, который обеспечивает возможность их вторичного использования по одному и тому же принципу. В отличие от поля синхронного, данного нам в отношениях собственно семантических, праславянское поле рассматривается сквозь призму отношений семантико-мотивационных.

II. Семантические переходы и корреляции в структуре многозначности праславянских лексем. Семантическая реконструкция и проблемы синонимии.

В сербскохорватском, словенском, чешском, словацком и польском языках в глаголе **užiti*/ **uživati* на основе значения 'пользоваться' сформировалось значение 'наслаждаться'. Такой переход, по всей видимости, был обусловлен существованием в праславянской лексико-семантической системе значения использования как владения или потребления, при котором объект служит человеку или приносит ему пользу, обеспечивая его жизнь. Данный вид использования, мотивированный семантикой жизни, противопоставляется инструментальному использованию предмета для достижения какой-то цели, выражаемому глаголом **koristiti*. Развитие значения наслаждения в глаголе **užiti*/ **uživati* фактически является не семантическим переходом, а разложением синкретичного значения

пользования жизненными ресурсами. То, как выделялось новое значение, иллюстрируют промежуточные контексты, в которых наблюдается семантический синкретизм **užiti/ *uživati*.

Данную в первом разделе характеристику поля температурных процессов дополняет семантическая реконструкция отдельных элементов этого поля (**pekti*, **paliti*, **žegti*) с учетом их взаимосвязей с семантическими коррелятами. Данный уровень анализа связан с исследованием оппозиций, возникающих между словами в поле, и семантических параметров, их противопоставляющих. Выделение этих параметров производится на основе описания различий в семантических спектрах соответствующих гнезд (**paliti*, **žegti*), а также через описание различий между прямыми значениями элементов поля в современных славянских языках, то есть на основании лексико-семантической типологии (**pekti*, **žariti*, **variti* и др., а также **paliti*, **žegti*). Лексико-семантическая типология современных славянских кулинарных глаголов позволяет реконструировать древнюю кулинарную семантику глагола **pekti* как 'приготавливать пищу на костре или в печи воздействием тепла от раскаленной поверхности или непосредственно от огня', противопоставленную семантике глагола **variti* 'приготавливать пищу воздействием тепла от воды'. Для синонимов **paliti* и **žegti* на основании контекстов их употребления в языках, сохранивших эту синонимическую пару, и на основании спектров их значений в исследовании реконструируются такие дифференциальные семантические признаки, как, с одной стороны, стихийность, вредоносность и масштабность производимого огнем действия, одновременно с направленностью на поверхность, в том числе с функцией ее очищения, и с другой стороны – глубокое воздействие огнем.

На примере слова **zelbje* рассматривается семантическая вариация предметного существительного в разных славянских языках и семантический потенциал зеленого цвета и травы. Лексемы **zelbje* и **bylbje* в праславянском, вероятно, выражали близкие значения, обозначая «травянистые дикорастущие растения», возможно, с той разницей, что **zelbje* указывало также и на съедобные травы. Варьирование семантики **zelbje* в славянских языках происходит в диапазоне признаков «полезный – вредоносный» или «дикий – культурный». Языки юго-западного ареала тяготеют к обозначению этой лексемой полезных растений, а

северо-восточного – вредных. Признак вредоносности порождает в восточнославянских языках ряд отрицательно окрашенных переносных значений – отравы, колдовского зелья, алкоголя, злого человека.

В семантике современного сербскохорватского слова *lep* ‘красивый’ эстетическая оценка сосуществует с общей оценкой ‘хороший’, причем часто, как и в случае двузначности глагола *uživati*, эти значения разделить нельзя, что, вероятно, является отражением семантической синкретичности праславянского слова. Предположительно в праславянском языке существовало два вида общей положительной оценки: перцептивная **lěpъ*, описывающая впечатление человека от предмета, и логическая **dobrъ*, выносимая на основании умозаключения, которые впоследствии дифференцировались. Это противопоставление соотносится с семантической оппозицией пассивного и активного знания, воплощаемой глаголами **věděti* и **znati* и являющейся частным проявлением оппозиции активного и пассивного действия, ключевой для праиндоевропейского языка (см. исследование (Грковић-Мејдор 2007)). Ту же семантическую оппозицию можно увидеть и в рассмотренном выше противопоставлении **uživati* и **koristiti*, из которых первый выражает идею пассивного пользования, а второй – активного.

Южнославянские диалекты на общеславянском фоне выделяются обозначением нерабочего дня с помощью слова **porzdbnikъ*, мотивационно близкого к обозначению воскресного дня **neděl’a*. Для прочих славянских языков, по всей видимости, исконным является слово **svętkъ* или другие обозначения, связанные с корнем *svę-* (**svęto*, **svęta*), которые могли противопоставляться общеслав. **neděl’a* как названия не просто нерабочих дней, но священных, святых. Можно предположить, что **porzdbnikъ* является южнославянской инновацией, вытеснившей у южных славян слово **svętkъ*. Лексема **svętkъ* на южнославянской территории сохранилась в хорватских кайкавских и чакавских говорах, некоторых словенских и сербских, то есть в архаическом поясе.

Упоминавшуюся выше оппозицию пассивного и активного действия можно проследить и в синонимических парах, образуемых продолжениями глаголов **orzuměti* – **xapati/xvatati/*jěti* ‘схватить’, хотя эти пары и сформировались в позднюю эпоху. Анализ семантической структуры сербских и словацких континуантов глагола **orzuměti* показал, что они, как правило, описывают

установление связи между формой и содержанием на основании языковой компетенции. Глаголы же, восходящие к **xapati/xvatati/*jēti*, ориентированы на смысл, в который человек проникает на основании экстралингвистической компетенции, и обозначают понимание факта, ситуации, трактовка которых неоднозначна и неочевидна. Формирование данной смысловой оппозиции, в отличие от предыдущих примеров, является не праславянским наследием, а результатом семантической тенденции, свойственной разным славянским языкам.

Наряду с семантическими характеристиками рассмотренных в первой главе слов, проведенное исследование значений позволяет выделить и некоторые лингвогеографические характеристики лексем. Пережитые сербскохорватским языком семантические процессы часто связывают его, помимо южнославянских, с чешским и/или словацким языком.

III. Семантика слов-концептов сербской народной культуры. Семантические характеристики турцизмов с абстрактным значением.

Этнолингвистическая часть исследования преимущественно посвящена двум мотивам сербской секулярной этики: понятию собственного достоинства (**čbсть, образ, поштење и чојство*) и понятию своеволия (*инат, пркос, мерак, ђеф*). Значения 'чувство собственного достоинства', 'кодекс чести' особенно характерны для черногорской традиции, их формирование можно связать с культурой горцев-воинов, характерно оно и для албанской культуры. Мотив упрямства и следования своим желаниям, пересекающийся с концептом удовольствия и наслаждения, характерен также для других балканских языков.

Во второй главе исследования рассматриваются средства лексического выражения и такого важного для сербской народной культуры концепта, как судьба и счастье. Главной составляющей этого концепта является представление о счастье (удачливости) и несчастье (неудачливости) как имманентном свойстве человека, которое может распространяться на окружающих.

Большую роль в выражении концепта судьбы и концепта своеволия играют турецкие заимствования, которые одновременно являются и важным источником синонимии в сфере сербской абстрактной лексики. Турцизмам, обозначающим абстрактные понятия, свойственно сохранять семантическую индивидуальность по сравнению с исконными славянскими словами, выражающими близкие значения, и

нейтрализоваться с ними лишь в части контекстов или вообще не нейтрализоваться. Турцизмы из лексико-семантического поля судьбы, наряду со значениями судьбы-приговора, судьбы-доли, счастья-успеха, могут выражать значение рока, не свойственное славянским словам, и упомянутое выше значение удачливого/неудачливого человека (предмета). В поле своеволия турцизм *инат* выражает значение неуступчивости, в современном узусе эволюционировавшее в значение сопротивления и противопоставленное значению непокорности в исконном слове *пркос*. *Мерак* обозначает страстное желание (и этим отличается от слова *жеља*), непреодолимую тягу к чему-то, наслаждение и удовольствие и часто связывается со сценарием *кафанског живота*, а *ћеф* – прихоть.

IV. Ареальные характеристики сербскохорватской лексики

Общеславянский лингвистический атлас на данный момент является важнейшим источником сведений по лингвогеографии сербскохорватской лексики, хотя нередко представляет упрощенную и не вполне адекватную картину территориального распределения слов. Несмотря на этот недостаток, связанный с небольшим числом обследованных на сербскохорватской территории пунктов, карты ОЛА прекрасно демонстрируют общие тенденции в географическом распределении лексики. Этот источник неисчерпаем для описания синхронии и диахронии сербскохорватской диалектной лексики. Предпринятый в данной работе анализ – только начало возможного описания.

На материале карт ОЛА в сербскохорватском диалектном континууме в работе выделены следующие ареалы: северо-западный хорватский, приморский, центральноштокавский, западный и восточный, черногорский, восточносербский, которые, в основном, реализуют два глобальных противопоставления: запад/ восток и центр/периферия.

Выделенные на лексическом материале ареалы согласуются с принятым в диалектологии делением штокавской территории на основании фонетических и морфологических признаков (Ивић 1994, 46–47). Пучки изоглосс по штокавской территории проходят преимущественно в направлении юг-север или юго-запад – северо-восток (Ивић 1994, 46–47), то есть делят штокавские говоры на западные и восточные. Изоглоссы, делящие штокавскую территорию на западный и восточный ареалы, проходят на некотором расстоянии друг от друга, так что

выделение того или иного ареала зависит от выбранного признака (Ивић 1994, 25, 27) (лексические материалы ОЛА показывают интерференцию западных и восточных лексем на достаточно большой территории). Понятие центра применительно к штокавским говорам относится к говорам с новоштокавской акцентуацией, а славонские, зетско-сеницкие, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры образуют периферию. Однако и западные новоштокавские (икавские) говоры обладают рядом периферийных морфологических черт по сравнению с прочими новоштокавскими (Ивић 1994, 181).

Анализ географии сербскохорватских междиалектных синонимов праславянского происхождения показал, что устойчивых и системных лексических различий внутри сербскохорватского континуума в праславянскую эпоху, по всей видимости, не существовало. Хотя диахроническая интерпретация современных ареалов континуантов праславянских лексем представляет собой серьезную методологическую проблему, позволим себе изложить наши предварительные выводы. В обследованном материале выделяется несколько западных лексем (инноваций), связывающих преимущественно хорватские (но не только) говоры с западно- или, шире, севернославянскими языками. Это такие слова, как **хуџа* 'дом', **kokotъ* 'петух', **tъdъnъ* 'неделя', **cěsta* 'дорога'. Существуют и территориально более узкие инновации, преимущественно словенско-западносербскохорватские: **nosъnica* 'ноздря', **kruhъ* 'хлеб', **tъrsъ* 'виноград', или словенско-общесербскохорватские, такие, как **xvorstъ* 'дуб', и даже собственно сербскохорватские, такие, как **žirъ* 'желудь'. Болгаро-сербскохорватские лексемы (**borъbъno* 'мука', **kosa* 'волосы', **modliti* 'просить') в обследованном материале численно уступают инновациям, шедшим с запада. Обращает на себя внимание тот факт, что говоры Черногории и Косова сохраняют лексемы, в настоящее время свойственные западным сербскохорватским говорам. Большой интерес представляет выяснение относительной хронологии праславянских изоглосс, но исследования в этом направлении только предстоят.

Содержащееся в работе исследование современных диалектных данных включает описание и сопоставление следующих диалектных типов: сербского западнобоснийского (восточногерцеговинского), северо-западного «сербиянского», бачского (шумадийско-воеводинского), призренско-тимокского и хорватского

славонского. Исследование показало, что наиболее близки по своему составу к лексике литературного языка анкеты бачского и северо-западного сербского говоров шумадийско-воеводинского диалектов, отличия которых от лексики литературного языка составляет 5–6%. В западнобоснийском говоре доля лексики, не представленной в литературном языке, значительно выше – 20% (16% приходится на дублетные пары). В призренско-тимокских говорах отличия сравнительно невелики (от 10 до 17% в зависимости от говора), если принять во внимание общую степень их удаленности от литературного языка.

Лексическая вариативность между говорами одного диалекта составляет 10-20% (данные по западнобоснийским, шумадийско-воеводинским и славонским говорам). Лексическая вариативность между говорами разных диалектов составляет от 27% (различия между западнобоснийским говором и говором северо-западной Сербии) до 36% (различия между анкетами славонского и шумадийско-воеводинского говоров). При этом различия между анкетами славонского и кайкавского говоров составили 27%.

Приведенные статистические выкладки требуют оговорок и нуждаются в поправках. На их характер, несомненно, влияет отбор лексики в словаре РСЈ 2007, который использовался в качестве эталона для сравнения и который включает определенное число диалектизмов в соответствии с общей концепцией сербской толковой лексикографии, открытой для диалектной лексики. Требуется дополнительное исследование и причина достаточно высокого показателя отличий состава лексики от словаря хорватского литературного языка, сравнение с которым славонского говора дало показатель 25% различий. Относительными полученными статистическими показателями делает и их зависимость от структуры вопросника, содержащего как значения, имеющие стабильное, так и варьируемое лексическое выражение.

Рассмотренные говоры характеризуются следующими особенностями лексической системы:

а) для западнобоснийских говоров характерно:

- присутствие лексических архаизмов, вытесненных в более восточных сербских говорах заимствованной лексикой (слова *мрква* и *гра* функционируют в говоре опрошенных информантов без дублетов, другие архаизмы имеют дублеты или синонимы: *жељезо* – *гвожђе*, *лаче* – *чакшире*, *панталоне*, *здјела* – *чинија*, *плата* – *чаршав*, *жлица* – *кашика*);
- вариативность лексики, то есть наличие в лексической системе большого числа дублетов : *лубеница* – *бостан* ‘арбуз’, *ручник* – *пешикир* ‘полотенце’, *рубац*

– *марама* ‘платок’, *мост* – *ћуприја* ‘мост’, *вал* – *талас* ‘волна’, *ципела* – *кундура* ‘туфля’ и др.

б) для призренско-тимокских говоров характерно сохранение архаичной лексики, которая в большинстве сербских говоров вытеснена турцизмами (*ложница* ‘ложка’, *слубе/ слба (сльба)/ слабе* ‘приставная лестница’, *работи/ работа* ‘работать’, *баз/ бьз/ боз* ‘бузина’, *дома/ дом* ‘дома/домой’, *целива* ‘целовать’, *огањ* ‘огонь’, *ножице* ‘ножницы’).

в) воеводинская лексика отличается от славонской использованием большого числа турцизмов.

Перспективой настоящего исследования является расширение его эмпирической базы: привлечение к анализу большего числа семантических явлений, связывающих сербскохорватский язык с другими славянскими языками или демонстрирующих его специфику, а также максимально полное выделение и описание лексических изоглосс, релевантных для территории распространения данного языка и реконструкции его древнего диалектного членения. В дальнейшей перспективе представляется важным проведения подобных исследований на материале всех южнославянских языков и прочих славянских, что сделает возможным создание типологии развития славянской лексики.

Приложение.

В приложении представлены лексические анкеты, заполненные в ходе полевой работы автора (о характере вопросника см. на стр. 151).

№ 1. Диалектные материалы из западной Боснии

Лексический материал записывался в селах, расположенных на горе Маняча: селе Кола, находящемся в пятнадцати километрах к юго-западу от Баня-Луки, и селе Ситница, которое находится несколько южнее, чем Кола, по направлению к г. Мркониц-Град). Материал собран в мае 2019 г. в ходе совместной полевой работы автора и преподавателей филологического факультета университета в Баня-Луке.

1. Человек и части тела¹⁰¹

1. 'лицо' <i>лице</i> , * <i>образ</i> (МГ)	29. 'мизинец' <i>мали прст</i>
1а. 'щека' * <i>образ</i> (КУ)	29а. 'указательный палец' * <i>кажипут</i> (КУ)
2. 'виски' <i>слипочнице</i> ¹⁰³	30. 'плакса' <i>плачковаст</i> , * <i>плачко</i> (МГ)
3. 'волдырь, появляющийся при ожоге' <i>шклобучић</i> , * <i>плик</i> , <i>пришт</i> (МГ)	31. 'закрыть глаза' <i>жмурим</i> , * <i>жмирим</i> (МГ)
4. 'ноздры' <i>ноздра</i>	32. 'щуриться' <i>шкиљим</i>
5. 'зрачок' <i>зен'ца</i>	33. 'шепнуть' <i>шапн'т</i> , <i>шапн'т</i> ,
6. 'бровь' <i>обрва</i>	34. 'слово' <i>ријеч</i> , * <i>беџеда</i> (МГ)
6а. 'ресницы' * <i>треповке</i> (КУ)	35. 'говорить' <i>причате</i> , * <i>говорите</i> , <i>беџедите</i> (МГ)
7. 'рот' <i>уста</i>	36. 'рассказывать сказку' <i>каз'јем</i>
7а. 'челюсть' * <i>вил'ца</i> (КУ)	37. 'разговаривать' <i>причат</i> , * <i>беџедити</i> , <i>диванити</i> (МГ)
8. 'губы' <i>усне</i> , * <i>доња и горња губица</i> (МГ)	38. 'молчать' <i>ћут'т</i> , <i>ћутим</i> , * <i>иути</i> (КУ)
9. 'затылок' <i>затјевак</i> , * <i>затильак</i> (СМ), <i>потильак</i> (МГ)	39. 'кричать от боли' <i>вришити</i> , * <i>дречи</i> (МГ)
10. 'волосы на голове' <i>косе</i> , * <i>перчин</i> (<i>раније</i>) (МГ)	40. 'стонать' <i>јауче</i>
11. 'усы' <i>бркови</i> , * <i>науснице</i> , <i>брци</i> (МГ)	41. 'петь' <i>пјева</i>
12. 'усач' <i>бркоња</i> , * <i>брко</i> (МГ)	42. 'песня' <i>пјесма</i>
13. 'грудь' <i>прси</i> (* <i>прса</i> КУ)	43. 'смеяться' <i>смијем се</i>
14. 'женская грудь' <i>сисе</i> , <i>грудџи</i>	44. 'читать' <i>читамо</i>
15. 'спина' <i>леђа</i>	45. 'бриться' <i>брије се</i>
16. 'позвоночник' <i>кичма</i> , * <i>кичмењача</i> (МГ)	46. 'бороться врукопашную' <i>рви се</i> ¹⁰² , * <i>врву се</i> (МГ)

¹⁰¹ Здесь и далее семантика сформулирована в исходной форме, а ответ дается в той форме, в которой слово было употреблено информантом. Слова, записанные от Душанки Вукоевич приводятся без помет. Слова, записанные от других информантов, отделяются звездочкой от материала, записанного от Д. Вукоевич, и сопровождаются ссылками.

¹⁰² Форма *рви се* представляет собой изолированный случай (общераспространенное – *рве се*).

17. 'верхняя часть спины' *плећи*, **плећа* (СМ), *плећке* (МГ)
18. 'живот' *стомак*, **желудац* (ЛВ), **трбу* (ми смо викали) (СМ)
19. 'печень' *јетра*, **црна цигара* (МГ)
20. 'почка' *бубрег*
21. 'селезенка' *слизена*, **слезена* (СМ)
22. 'бедро' *кук*
23. 'часть ноги от бедра до колена' *бедра*, **бут* (КУ)
- зглоб*, **жглавак* (ЛВ)
25. 'голеностопный сустав' *зглоб*, **глежањ* (КУ)
26. 'ладонь' *длан*
27. 'пригоршня' *прегришт*, *шака* (**прегришт* – не кажу КУ)
28. 'средний палец' *средњак*, **средњи прст* (ЛВ), *средопрст* (МГ)
47. 'трогать рукой' *дира^ет*
48. 'поймать' *у(х)ватио*
49. 'ударить' *удари*, **ошине* (МГ)
50. 'положить' *ставт*, **метнути* (МГ)
51. 'бросать' *баца*, **ит^ала* (КУ)
52. 'идти' *ићи*
53. 'пойдем' *ајде*
54. 'выйти' *изаћ*
55. 'уйти' *ић*
56. 'войти' *ућ*
57. 'спуститься' *сишо*, *сашо*
58. 'гулять' *шетају*, **шећу* (раније) (СМ)
59. 'бежать' *трчи*, **лети* (МГ)
60. 'привести' *довест*
61. 'наклониться' *сагно се*
62. 'нести' *носи*
63. 'оставлять' *остављамо*

2. Семья

1. 'семья' *пород^аца*, **вамилија* (МГ)
2. 'фамилия' *презиме*
3. 'мать' *мајка*, **мат^а* (ЛВ), *нана* (НП)
4. 'волноваться, беспокоиться' *сикира^ет*
5. 'ребенок' уменьш. *дјетешце*, **дјетенце* (МГ)
6. 'играть' *игра^ет*, *забољат се*
7. 'дед' *ћед^м*
8. 'старое время' (*старо*) *вр^ајеме*, **стара доба* (МГ)
9. 'ровесник, сверстник' *парник*, **паросници* (ДВ), *вршњак* (МГ)
10. 'брат' *брат*
11. 'дядя по отцу' *стрици*
12. 'дядя по матери' *ујак*
13. 'муж тети' *тета^ек*
14. 'прадед' *пранћед*
15. 'правнук' *прауна^ек*, *праунче*
16. 'сын брата' *брат^аћ*, **синовац* (МГ)
17. 'сын сестры' *сестрић*
18. 'дочь сестры' *сестрићка* (МК)
- 18а. 'племянник', 'племянница' **нећак*, *нећакиња* (СМ)
19. 'помолвленная девушка, невеста'
28. 'вышла замуж' *удала се*
29. 'вышла замуж, заключив церковный брак' *вјенча^ала се*
30. 'расторгла церковный брак' *развела се*, **разишла се* (МГ)
31. 'чувство, противоположное радости' *жалост*
32. 'обмануть' *прева^ер^ат*
33. 'ложь' *лаж^а*
34. 'лгун' *лажац*, **лажов*, *лажљивац* (МГ)
35. 'ругаются' *сују*
36. 'свадьба' *свадба*, *пир*, **пиранија* (МГ)
37. '(сваты) дарят (невесте подарки)' *дарују*, *дарив^еају*
38. 'спасибо' *фала*
39. 'парень' *мома^ек*
40. 'девушка' *дјевојка*, *цура*
41. 'брат жениха, мужа' *ћевер*
42. 'жена сына' *сна*
43. 'свекар' *свекер*
44. 'свекровь' *свекрва*
45. 'тесть' *стара^ец*, **пунац* (МГ)
46. 'теща' *баба*, *пун^аца*

¹⁰³ Икавский рефлекс «ятя» в данном случае представляет собой изолированный случай. Для данного говора икавизмы не характерны.

заручн^ица, *вјереница (ЛВ)

19а. 'невеста в день свадьбы' (лит. млада) *невјеста (СМ), цур^ица (МК)

19б. 'жених' ђувегија (МК)

19в. 'помолвка' *заруке (СМ), изведе се цура на јабуку (МВ)

20. 'любить' волим

21. 'целовать' љубе се; 'прощаться с усопшим (отдавать целование)' цјелива^еју мртве

22. 'просить' молт

23. 'муж' чојек, *муж, ђувегија (МГ)

24. 'жена' жена

25. 'женщина' женско, *женска (МГ)

26. 'стеречь' чува^еју

27. 'беременная' трудна, *теготна (СМ), носећа, куљава (МГ)

3. Одежда

1. 'одежда' роба, *одјећа (ЛВ), рубине (МГ), одијело (МВ)

1а. 'нижнее белье' *рубине (ЛВ), одјело – капут и хлаче (СМ)

2. 'старая (одежда)' старо

3. 'рубашка' кошуља, *рубина (ранее) (КУ)

4. 'пуговица' дугме, *пулија (СМ), седепић (МК), седепче (МВ), пуцад – 'пуговицы' (МВ)

5. 'шов' шита^ек

6. 'штаны' лаче, панталоне (МК)

7. 'ремень' каиш, *појас (МК), узице (НП)

8. 'застежка' баба^ец и баб^ица, *ковча, брукерих (ранее) (МГ)

9. 'носок' чарапа, чарапак (вунени), приглавек

4. Дом

1. 'дом' кућа

2. 'домик' кућ^ица

3. 'дома' кот куће

4. 'домой' кућ

5. 'двор' двориште, *авлија – што се затвара (ЛВ), окућница (МГ)

6. 'забор' ограда, *плот (МГ)

7. 'стена' зид, дувар (ранее)

8. 'угол (дома)' ћоша^ек

47. 'жена шурина' *млада пуница (МГ)

48. 'сестра мужа' зава

49. 'жена одного из братьев по отношению к жене второго брата' јетрва

50. 'муж одной из сестер по отношению к мужу второй сестры' пошанци, *пашо, паишанац (МГ)

51. 'член семьи' чељаде

52. 'родственник, родственница' роћак, род^ица

53. 'отец' *ћаћа (КУ)

54. 'родители мужа дочери, родители жены сына' пријатељ (МК)

55. 'муж сестры' зет (МК)

56. 'большая семья' кућанство (МК)

57. 'глава семьи' домаћин (МК)

58. 'члены семьи' *чељад (МВ)

10. 'снять (носок)' скинла

11. 'туфля' ципе^ала, *кундура (раније) (МГ)

12. 'снять обувь' изут

13. 'подошва' ђон, *ледер (МК)

14. 'тапочки' папуче

15. 'юбка' сукња, *вистан (прије)

16. 'хорошо села (об одежде)' прил^ијепло, *пријонило (МГ)

17. 'фартук' вертун, *прегача, кецеља (ЛВ), фертун (МГ), тканице (у ношњи) (НП)

18. 'карман' џеп

19. 'полоскать белье' препрат

20. 'платок' *рубац (СМ), марама (КУ)

31. 'подушка' јастук, поглавач (старо)

'одеяло, покрывало' биљ, поњава (од крпа), *дека, јорган (ЛВ)

32. 'колыбель' *бешика (ЛВ), колијевка (старо) (СМ)

33. 'мусор' смеће, *ђубре (ЛВ), буњиште (СМ)

34. 'трясти, вытряхивать' трест

35. 'стол' сто, астал, *сопра (раније)

9. 'угол в комнате' *ћошак*
10. 'конек крыши' *шљеме*
11. 'стреха' *стрева*, *настрешиница (МГ)
12. 'черепица' *цр'јеп*
13. 'пространство под навесом (стрехой)' *гања^ек*, *настрешиница (МГ)
14. 'порог' *праг*
15. 'открывать' *отварат*
16. 'окно' *прозор*, *пенциер (раније) (МГ)
17. 'класть' *лож"т*
18. 'огонь' *ватра*
19. 'полено' *цјепанца*, *дрва за шпорет (ЛВ, КУ), *цјепенце*, *облић* (КУ), *ћута* 'круглое полено' (СМ)
20. 'железное приспособление для перемешивания топлива в печи' *маш"це*, *маша (НП)
21. 'железо' *жељезо*
22. 'угли' *жера*
23. 'пепел, зола' *луг^к*, *непо (СМ), *лукишија* (МВ)
24. 'искра' *жера*, *варнице (ЛВ), *жишика* (СМ)
25. 'дымоход' *димњак*
26. 'сажа, нагар' *гара*, *чаћ (ЛВ), *гареж* (СМ)
27. 'чердак' *таван*
28. 'лестница приставная' *басамаке*, *мездревине (прије), *сад басамаке* или *лотре* (МГ), *скале* (МК)
29. 'кровать' *кревет*
30. 'простыня' *плата*, *чаршав (ЛВ)
- (МГ)
36. 'лавка' *клуна*
37. 'веревка' *конопац* (куповни), *уже* (жене су га плеле), *уже се плело, *конопац се правио од конопље и лана* (МГ)
38. 'бутылка' *флаша*, *срча (КУ), *срча (прије)* (МГ)
39. 'стакан' *чашиа*
40. 'воронка' *лијевек*
41. 'бочка' *бачва за воду*, *буре за ракију*, *бачва за шљиве (ЛВ), *буре дрвено*, *бачва пластична* (КУ), *ардов* (МВ)
42. 'подвал' *подрум*
43. 'хлев' *кошара*, (нов. *штала*), *штала (коњи, краве) (КУ), *појата* (ДВ)
44. 'конюшня' *коњушн"ца*
45. 'свинарник' *свињец*, *свињац (ЛВ)
46. 'щепа' *овришак*, *ивер*, *треске (СМ)
47. 'известка' *креч*
48. 'работать' *ради*
49. 'сделать' *урад"т*, *учин"т*
50. 'хорошо, годится' *ваља*
51. 'на улице' *ван"*, *напољу (МГ)
52. '(выйти) на улицу' *надвор* (старо), *ван"* (ново), *изишли смо пред куће, у њиву (КУ)
53. 'мешок' *врећа, *џак* (СМ), *врећа већа*, *џак од тањег материјала*, *за брашно* (ЛМ)
54. 'ковер' *поњава (ранее, тряпочный ковер), (сейчас) *тепих* (МГ)
55. 'сковорода' *тава (МВ)

5. Еда и приготовление пищи

1. 'ведро для воды' *котлуша*
*брема, *маса* (ЛВ), *лампер* (КУ), *вучија* (МГ)
2. 'кухня' *кух"ња*, *куф"ња* (ранее), *кућа* (более старое слово, чем *куф"ња*)
3. 'горшок, кастрюля' *лонац*
4. 'пить' *пијем*
5. 'пьяный' *пјан*, *пјана^ец*
6. 'мука' *брашно*
7. 'каша из кукурузной муки, палента' *пура*
8. 'рис' *рижа*
21. 'говядина' *гове^адна*
22. 'свинина' *свињетна*
23. 'кипеть' *кључа^ет*, *врет*
24. 'свиной жир' *маст*
бијели мрс – *сир* и *кајмек*, *црни мрс* – *свињетна*, *браветна* (овчије)
25. 'выжать' *исцјед"т*
26. 'колбаса' *кобасца*
27. 'снять кожуру, очистить (картошку)' *огулт*, *гулимо *кромпир* (ЛВ)
гуља (ЛВ)
28. '(суп) варится' *кува се*, *кад се *свари*,

9. 'миска, глубокая тарелка' *здјела*
10. 'ложка' *каш^ика*, *жлица* (ранее), 'ложечка' **жлика* (ЛВ)
11. 'тарелка' *тањир*
12. 'посуда' *суђе*, **посуђе* (ЛВ)
13. 'то, что добавляют в тесто, чтобы оно подошло (дрожжи)' *герма*, **квасац* (ЛВ)
Доп. 'замесить тесто' **укувам*, *умјесим т^ијесто* (ЛВ)
14. 'сито' а) *сито*, 'утварь для просеивания зерна' б) *врешето*
15. 'деревянная посуда для замешивания теста' *наћве*
16. 'жарить на масле или жире' *пећи*, **печем јаја у тави* (СМ), *пржити* (ЛМ)
17. 'хлеб' *кру*, **љеб* (КУ)
18. '(ветка) срезана' *осјечена*
19. 'кусок (хлеба)' *комад*, **инита*, *окрајак*, *крижса* (МК)
20. 'разрезать' *расећ*, **одрежи*, *одсјеци на парчад* (ЛазВ), *изрежемо стабло*, *сијечемо крух* (СМ), *сјећи*, *крижати* (ЛМ)

6. Земледелие и переработка зерна

1. 'луг' *ливада*, *поље*, *поткућница* (то, что окружает дом) (КУ), *окошина* (СМ), *кошња* (МК)
2. 'пологий (о дороге)' *рава^ен*
3. 'брусница' *вод^ијер*
4. 'острие плуга' *лемеш*
5. 'межевой камень' *међаш*
6. 'пшеница' *шеница*
7. 'колос' *клас*
8. 'ячмень' *јечам*
9. 'рожь' *раж^и*
10. 'овес' *зоб*
11. 'ость' *ошље*
12. 'зерновая культура, из которой изготавливается палента' *куруз*
13. 'рыхлить кукурузу' *окопават*
14. 'кукурузный початок' *клип*

- то *једеш* (КУ), *узварила је вода* (СМ), *варимо пуру* (МВ), *варим у води*, *сварила гра* (ЛМ)
29. 'сахар' *шећер*
30. 'горький' *гора^ек*, *грк*
31. 'уксус' *сирђе*
32. 'растительное масло' *уље*, *зејтен* (старије)
33. 'сыпать' *синат*
34. 'доливать' *дол^ијеват*
35. 'пролить' *проспе*
36. 'завтрак' *доруча^ек*
37. 'обед' *руча^ек*
38. 'голод' *глад* (ж.р.)
39. 'голодный' *гладен*
40. 'шкварки' **жмаре* (СМ)
41. 'плесень' **убуђо се кру* (СМ), *плијесан*, *буђ* (ЛМ)
42. 'помещение, где изготавливаются молочные продукты' **стан* (МВ)

15. 'вылущенный кукурузный початок' *курзовна*
16. 'листья от кукурузного початка' *перушина*
17. 'стебель кукурузы' *курзовна*
18. 'клевер' *ђетолна*
19. 'кол, который устанавливают посреди гумна' *стожер*
20. 'грабли' *грабље*
21. 'борона' *брнача*
22. 'вилы' *виле*
23. 'жатва' *жетва*
24. 'водяная мельница', **млин*, *воденица* (ЛВ)
25. 'злаки' **жито* (СМ), *кукуруз није жито* (МК)
26. 'дело, работа' *посо*

7. Домашние животные

1. 'овца' *овца*, 'баран' **овен* (КУ)
'ягненок' *јањце* (КУ)
2. 'стричь овцу' *ишишѐт*
3. 'овца-двухлетка' *двизѐца*
4. 'скот' *марва*, **стока*, *благо* (ЛВ), *благо*
– *овце*, *ајванче* (СМ), *сермија* (МВ)
5. 'пастух, который пасет овец' *чобаѐн*
(также по отдельным видам животных:
козар, *јагњѐчар*, *крмар*, *говедар*)
6. 'переносная хижина для ночлега
пастухов' *колѐба*
7. 'козел' *јараѐц*
8. 'козленок' *јаре*
9. 'гнать' *тјерам*
10. 'сесть верхом' *узјаше*
11. 'телега' *кола*
12. 'колесо' *точак*
13. 'спица в колесе' *паоци*
14. 'ось' *осовна*
15. 'борт телеги' *лотра*
16. 'брус, соединяющий две оси' *срчанца*
17. 'звено в цепи' *алка*
18. 'пешком' *пјешке*
19. 'веревка, которой привязывают коня'
улар
20. 'бык' *бик*
21. 'сырое молоко (парное)' *омужа*,
**вареника*, *повлака* (МВ)
22. 'сыворотка' *сурѐтка*
23. 'ткань, через которую отцеживают
сыр' *газа*
24. 'посуда для дойки' *кабо* (*дрвени*)
25. 'слой жира на кипяченом молоке'
кајмек, **скоруп* (СМ)

8. Птицы

1. 'ястреб' *јастрѐјѐб*
2. 'дятел' *дјетлић*
3. 'аист' *рода*
4. 'ждрал' *ждрал*
5. 'ласточка' *ласта*
6. 'воробей' *врабаѐц*
7. *'кукушка' *пјевелѐца* (КУ)
8. 'куропатка' *јеребѐца*

- Доп. **повлака* 'жирная жидкая масса,
которая остается от сцеживания каймака'
(СМ), 'сливки' (ЛМ)
26. 'подоить' *помуст*
 27. 'осел' *магарац*
 28. 'самка осла' *магарѐца*
 29. 'осленок' *магаре*
 30. 'пастух' *чобан*
 31. 'свинья' *свиње*
 32. 'самка свиньи' *крмача*, **прасилѐца*
(ЛВ)
 33. 'хряк' *нераст*
 34. 'поросенок' *прасе*
 35. 'жеребая' *ждебна*, 'стельная'
стевена, **стелна*, *скозна* (СМ)
 36. 'племенной жеребец' *пастув*
 37. 'кастрировать' *очистит* (*иштројѐт* –
старо)
 38. 'ясли' *јасле*
 39. 'пасть, сдохнуть (о скотине)' *крепала*
 40. 'собака' *ћуко*, *пас*
 41. 'сука' *куја*
 42. 'щенок' *иштене*
 43. 'маленькая собака, собачка' *ћуко*,
пујдо, **куче*, *иштене* (ЛазВ)
 44. 'кошка' *мачка*
 45. звуки, которые издают животные: *коњ*
– *рже*, *вриштити* (когда волнуется), *говедо*
– *риче*, *овца* – *блеји*, *коза* – *дречи*, *свиња* –
рокти, *скичи* (*гладна*), *пас* – *лаје*, *маца* –
мјауче **скиче* *свиње* (*кад су гладне*),
рокће *прасе* (*кад сиса*)
овца *блечи*, *коза* *вречи* (КУ), *коза* *блекеће*,
крава *муче* (СМ)

15. 'петух' *пјето*
16. 'маленький петух' *пјетлић*
17. 'петушинный гребешок' *капа*, **увор*
(СМ)
18. 'цыпленок' *пиле*
19. 'индюшка' *ћурка*
- Доп. 'утка' *патка*, 'гусь' *гуска*
20. 'кудахтать' *какоће*

9. 'сойка' *креја*
10. 'ворон' *гавран*
11. 'звук, издаваемый вороном' *грокти*
12. 'крыло' *крило*
13. 'курица' *кокош*
14. 'наседка' *кочка*

- Доп. 'кукарекать' *кукуриче (пјева), *кокодаће (СМ); патка гаче (СМ).*
21. 'желток' *жванце*
 22. 'белок' *бјеланце*
 23. 'подзывать птицу' *ваб"т*

9. Дикие животные

1. 'волк' *вук*
2. 'охотник' *лова"ц*
3. 'медведица' *међед"ца*
4. 'крыса' *штакор, *ставор, пацов (ЛВ), стаор (МВ)*
5. 'летучая мышь' *слијепи миш*
6. 'крот' *крт"на*
7. 'черепаха' *жаба, корњача*
8. 'ящерица' *гуштер, зелембаћ*
9. 'дождевой червь' *бурњак*
10. 'змея' *змија*
11. 'глиста' *гујан"ца, *глиста (МК)*

12. 'улитка' *спуж*
13. 'оса' *ос*
14. 'пчела умерла' *(пчела) умрла*
15. 'улей' *трнка (плетена), сандук (сад)*
16. 'жало' *жав"ца*
17. 'светлячок' *свјетњак*
18. 'клоп' *стјен"ца*
19. 'бабочка' *лептир*
20. 'комар' *комарац*
21. 'моль' *жуга*

10. Деревья и фрукты

1. 'лес' *шума*
2. 'корень' *жиле, кор"јен*
3. 'ствол' *стабло, *стабло, дебло (ЛВ)*
4. 'пихта' *јел"ка*
5. 'ель' *смрека*
6. 'дуб' *раст*
7. 'тополь' *топола*
8. 'акация' *багрем*
9. 'ива белая' *врба*
10. 'ива прямоствольная' *рак"та*
11. 'бузина' *зова*
12. 'гриб' *гљива (мала), печурка (велика)*

13. 'куст' *жбун, *грм (ЛВ)*
14. 'прутья' *пруће*
15. 'айва' *дуња*
16. 'персик' *бресква*
17. 'абрикос' *кајсија*
18. 'тутовник' *дуд"т*
19. 'маслина' *масл"на*
21. 'смоква' *смоква*
22. 'плодовая косточка' *шпица*
23. 'желудь' *жир*
24. 'виноградная лоза' *лоза*
25. 'фруктовое дерево' *воћка*
26. 'сад' *воћњак*
27. 'срывать плоды' *брати*

11. Овощи и цветы

1. 'огород' *баишча*
2. 'капуста' *купус*
- **зеле само расте, трава, није јестиво (КУ)*
3. 'фасоль' *гра*

12. 'огурец' *кроставац*
13. 'петрушка' *першун*
14. 'черный перец' *бибер*
15. 'зелень' *зелен*
16. 'арбуз' *лубен"ца, *бостан (КУ)*

4. 'стручок' <i>мауна</i>	17. 'базилик' <i>босиља^к</i>
5. 'морковь' <i>мрква</i>	18. 'роза' <i>ружа</i>
Доп. 'свекла' <i>*цвекла (ЛВ), цикла КУ</i>	19. 'пахнуть' <i>миришала</i>
6. 'помидор' <i>парадајз</i>	20. 'гвоздика' <i>каранфил</i>
7. 'картофель' <i>ришак</i>	21. 'фиалка' <i>љубичица</i>
8. 'шпинат' <i>шпинат</i>	22. 'венчик' <i>вјенчић</i>
9. 'редька' <i>роква</i> , 'редиска' <i>роквица</i>	23. 'крапива' <i>коприва</i>
10. 'репчатый лук' <i>црвени лук, *црни лук (КУ)</i>	24. 'засуха' <i>шуша</i>
11. 'чеснок' <i>б^нјели лук</i>	25. 'табак' <i>дуван</i>
	26. 'уничтожить (посевы, о засухе)' <i>сатаре</i>

12. Ремесла

1. 'гвоздь' *чаво (само за коње), ексер (за остало)*
2. 'пила' *тестера, *жага (КУ)*
3. 'ржавчина' *рђа*
4. 'обручальное кольцо' *вит^нца*
5. 'ткацкий станок' *натра*
6. 'ножницы' *нож^нце*
7. 'вдеть (нитку в иголку)' *уд^от*
8. 'сеть' *мрежа*

13. Природа

1. 'холм' <i>брдо (веће) *бријег^к (мањи) (ЛВ)</i>	24. 'лужа' <i>локва, *бара (је друго) – већа количина воде (КУ)</i>
2. 'гора' <i>гора, *планина (ЛВ)</i>	25. 'промокнуть' <i>покисо</i>
3. 'холмик' <i>брдашице</i>	26. 'санки' <i>санца</i>
4. 'дорога' <i>пут, цеста, честа, *друм – пут (КУ)</i>	27. 'катится на санках' <i>клиже</i>
5. 'луг' <i>поље, ливада</i>	28. 'погода' <i>вријеме</i>
6. 'конец' <i>крај</i>	29. 'длина' <i>дужина</i>
7. 'источник' <i>извор, *врело (МК)</i>	30. 'час' <i>сат</i>
8. 'бревно, переброшенное через реку' <i>шљеја</i>	31. 'неделя' <i>седмица, *јефта (СМ)</i>
9. 'мост' <i>мост, *ћуприја (старији су говорили) (КУ)</i>	32. названия дней недели: <i>понед^нљек, уторек, ср^нједа, четврта^к, пета^к, субота, нед^{ља}</i>
10. 'лодка' <i>чамац</i>	33. 'луч света' <i>ждрака</i>
11. 'корабль' <i>брод</i>	34. 'луна' <i>мјесец</i>
12. 'плавать (о рыбах)' <i>пливају</i>	35. 'полнолуние' <i>уштон, *уштан 'новолуние' (СМ), 'половина месяца' (МК)</i>
13. 'водоворот на реке' <i>вир</i>	36. 'год' <i>годна</i>
14. 'глубокое место в реке, в озере, омут' <i>вир</i>	37. названия месяцев: <i>јановар, фебровар, март, април, мај,</i>
15. 'остров' <i>острво</i>	
16. 'песок' <i>п^нјесак</i>	
17. 'волна' <i>талас, *валови (СМ)</i>	
18. 'дует (о ветре)' <i>дува, *пири (ЛВ)</i>	
19. 'молния' <i>муња</i>	

20. 'темнота, мрак' *мрак*
21. 'иней' *иње*
22. 'дождь' *киша*
23. 'идет (о дожде)' *пада, зор лијева*

- јуни, јули, август, септембар,
октомбар, новембар,
децембар*
38. 'ранне утро' *зора*
 39. 'полдень' *подне*
 40. 'полночь' *поноћ*
 41. названия времен года:
јесен, прољеће, лето, зима
 42. 'холодный (о воде)' *ледена
вода*

14. Обществена живот

1. 'город' *град*
2. 'село' *село*
3. 'учитель' *учитељ*
4. 'учительница' *учитељ"ца*
5. 'госпожа' *госпоја*
6. 'ученик' *ћак*
7. 'рынок' *трзница (поврће), пијаца
(стока), *плац (МК)*
8. 'ярмарка' *вашиор* (око празника
црквена)
9. 'деньги' *паре, *пара (КУ)*
10. 'зарплата' *плата*
11. 'лекарство' *л"јек*
12. 'туберкулез' *шуш"ца*
13. 'полотенце' *ручник, пешкир*
14. 'брадобрей' *бријач, *брицо (КУ)*
15. 'трус' *плашљивец*
16. 'флаг' *застава, барјак* (на свадбе)
17. 'вдовец' *удовац*
18. 'болтун' *трља (превише прича)*
19. 'лентяй' *љенчина*
20. 'сосед' *комишија, 'соседка'
комишин"ца*
21. 'вор' *ајдук*
22. 'подарок' *милошту дарујемо,
поклон (ЛВ)
23. 'надеяться' *надам се*
24. 'письмо' *писмо*
25. 'одолжить' **позајмити (СМ)*
26. 'судья' **судија (СМ)*

Список информантов:

1. Душанка Вукојевић 1958 г.р. (ДВ)
2. Ковиљка Удовчић 1946 г.р. (КУ)
3. Лазарка Вуковић 1955 г.р. (ЛВ)
4. Љиљана Милојевић 1966 г.р. (ЉМ)
5. Мара Глувић 1943 г.р. (МГ)
6. Миломирка Вуклишевић 1935 г.р. (МВ)
7. Милош Кнежевић 1932 г.р. (МК)
8. Нада Плавшић 1946 г.р. (НП)
9. Сока Милекић 1948 г.р. (СМ)

Данный диалектный лексический материал записан в восточной Хорватии в с. Сиче. Материал записан в ходе совместной полевой работы кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова и факультета педагогических наук университета г. Осиек. Сбор материала проводился в ноябре 2019 г.

1. Человек и части тела

1. 'лицо' <i>lice</i>	22. 'бедро' <i>kuk</i>
1a. 'щека' <i>obraz</i>	23. 'часть ноги от бедра до колена' <i>bedro</i>
2. 'виски' <i>slipoočice</i>	24. 'сустав' <i>zglobovi</i>
3. 'волдырь, появляющийся при ожоге' <i>šklopac</i>	25. 'голеностопный сустав' <i>gližanj</i>
4. 'ноздря' <i>nosavice</i>	26. 'ладонь' <i>dlan</i>
5. 'зрачок' <i>zjenica</i>	27. 'пригоршня' <i>pregršt, šaka</i>
6. 'бровь' <i>obrva</i>	28. 'мизинец' <i>mali prst, zeko</i>
6a. 'ресницы' <i>trepavice</i>	29. 'безымянный палец' <i>prstenjak</i>
7. 'рот' <i>usta</i>	33. 'шепнуть' <i>šapće</i>
8. 'губы' <i>gubice</i>	34. 'слово' <i>rič</i>
9. 'затылок' <i>zatiljak</i>	35. 'говорить' <i>prepoviđa</i>
10. 'волосы на голове' <i>vlasī, kosa</i>	36. 'рассказывать сказку' <i>prepoviđa</i>
11. 'усы' <i>brkovi</i>	37. 'разговаривать' <i>razgovaramo, pripoviđamo, divanit</i>
12. 'усач' <i>brkajlija</i>	38. 'молчать' <i>ćutim</i>
13. 'грудь' <i>prsa</i>	42. 'песня' <i>pjesma</i>
14. 'женская грудь' <i>sise</i>	50. 'положить' <i>metnuti</i>
15. 'спина' <i>leđa</i>	51. 'бросать' <i>bacati</i>
16. 'позвоночник' <i>kičma</i>	52. 'идти' <i>it</i>
17. 'верхняя часть спины' <i>pleća</i>	53. 'пойдем' <i>ajde</i>
18. 'живот' <i>trbu</i>	54. 'выйти' <i>izajt</i>
19. 'печень' <i>jetra</i>	
20. 'почка' <i>bubreg</i>	

¹⁰⁴ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная автором в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Бербич Колар Э., Якушкина Е.И. Диалектные материалы из Славонии // Stephanos. №. 2, 2020. С. 54–62. Объем статьи – 0,4 п.л., вклад автора диссертации составляет – 0,35 п.л.

55. 'уйти' *otit*
 58. 'гулять' *šeću, odaju, tumaraju*
 59. 'бежать' *leti, utekao*

2. Семья

1. 'семья' <i>familija</i>	28. 'вышла замуж' <i>udaje se</i>
2. 'фамилия' <i>prezime</i>	29. 'вышла замуж, заключив церковный брак' <i>vjenčala se</i>
3. 'мать' <i>mater</i>	35. 'ругаются' <i>svadit se</i>
4. 'волноваться, беспокоиться' <i>brine</i>	36. 'свадьба' <i>svatovi</i>
5. 'играть' <i>igrat</i>	37. '(сваты) дарят (невесте подарки)' <i>darivaju</i>
7. 'дед' <i>ded</i>	38. 'спасибо' <i>fala</i>
8. 'старое время' <i>njekad davno</i>	39. 'парень' <i>derz</i>
9. 'ровесник, сверстник' <i>parovnjak</i>	40. 'девушка' <i>cura</i>
10. 'брат' <i>brat</i>	41. 'брат жениха, мужа' <i>dever</i>
11. 'дядя по отцу' <i>stric, čičo</i>	42. 'жена сына' <i>snaja</i>
12. 'дядя по матери' <i>ujo</i>	43. 'свекор' <i>svekar</i>
13. 'муж тети' <i>tetak</i>	44. 'свекровь' <i>svekrva</i>
14. 'прадед' <i>prađed</i>	45. 'тесть' <i>starac</i>
16. 'сын брата' <i>nećak</i>	46. 'теща' <i>punica</i>
'дочь брата' <i>nećakinja</i>	47. 'жена шурина' <i>šogorica</i>
17. 'сын сестры' <i>nećak</i>	48. 'сестра мужа' <i>zaova</i>
18. 'дочь сестры' <i>nećakinja</i>	'сестра жены' <i>svaja</i>
19. 'помолвленная девушка, невеста' <i>zaručnica</i>	'муж сестры' <i>svaj</i>
19а. 'невеста в день свадьбы' <i>mlada</i>	49. 'жена одного из братьев по отношению к жене второго брата' <i>jetrva</i>
19б. 'жених' <i>derz</i>	50. 'муж одной из сестер по отношению к мужу второй сестры' <i>pašanac</i>
19в. 'помолвка' <i>prošnja</i>	52. 'родственник, родственница' <i>rođak, rođača</i>
20. 'любить' <i>voljit</i>	53. 'отец' <i>otac, babo, ćaća, ćako, dado</i>
21. 'целовать' <i>ljubit</i>	54. 'родители мужа дочери, родители жены сына' <i>prijaci</i>
22. 'просить' <i>molit</i>	55. 'муж сестры' <i>zet</i>
23. 'муж' <i>čovjek</i>	56. 'большая семья'
24. 'жена' <i>žena</i>	58. 'члены семьи'
25. 'женщина' <i>ženska</i>	
26. 'стеречь' <i>čuvaju</i>	
27. 'беременная' <i>zabna, noseća</i>	

3. Одежда

1. 'одежда' *roba, ruo*
2. 'рубашка' *rubina*
4. 'пуговица' *puce*
5. 'шов' *šav*
6. 'штаны' *lače*
7. 'ремень' *kaiš, lačinjak*
8. 'застежка' *drukerić, kopča*
9. 'носок' *čorapa*

10. 'туфля' *cipele*
11. 'подошва' *đono*
12. 'юбка' *suknja*
13. 'фартук' *fertun* (на нарядной народной одежде, а также то, что используется во время приготовления пищи), *zaprega* (на повседневной народной одежде)
14. 'карман' *džep*
15. 'платок' *marama*

4. Дом

1. 'дом' *kuća*
2. 'дома' *doma*
4. 'домой' *doma*
5. 'двор' *dvor, avlija*
6. 'забор' *tarabe*
7. 'стена' *zid, duvar*
8. 'угол (дома)' *ćošak*
9. 'угол в комнате' *ćošak*
10. 'стреха' *natkrovak*
12. 'черепица' *crip*
13. 'прихожая' *trim*
14. 'порог' *prag*
15. 'окно' *pendžer*
16. 'разводить огонь' *potpaljit vatru*
17. 'огонь' *vatra*
18. 'полено' *drvo*
19. 'инструмент для перемешивания топлива в печи' *širajz?*
20. 'железо' *gvožđe*
21. 'угли' *žera*
22. 'пепел, зола' *pepel*
23. 'искра' *iskra*
24. 'дымоход' *badža*
25. 'сажа, нагар' *čađe*
27. 'чердак' *tavan*
27. 'лестница приставная' *ljestve*
28. 'кровать' *postelj*
29. 'простынь' *ponjava*

30. 'подушка' *vanikuš*
- 'одеяло, покрывало'
31. 'колыбель' *zipka*
32. 'мусор' *smet*
33. 'стол' *trpeza*
34. 'лавка' *klup*
35. 'веревка' *uže, strik, špaga*
36. 'бутылка' *flaša*
37. 'стакан' *čaša*
38. 'воронка' *livak*
39. 'бочка' *bure*
40. 'подвал' *podrum*
41. 'хлев' *štala*
42. 'конюшня' *štala*
43. 'свинарник' *svinjac*
44. 'щепа' *iver*
45. 'известка' *kreč*
46. 'работать' *radi*
47. 'сделать' *napraviti*
48. 'хорошо, годится' *paše*
49. 'на улице' *na dvoru*
50. '(выйти) на улицу' *na dvor*
51. 'мешок' *vrića*
52. 'ковер' *tepih, krpara*
53. 'сковорода' *tavica*

5. Еда и приготовление пищи

1. 'ведро для воды' *amper*
2. 'кухня' *kuhinja*
21. 'говядина' *govedina*
22. 'свинина' *prasetina*

3. 'горшок, кастрюля' *lonac*
6. 'мука' *brašno*
7. 'каша из кукурузной муки, палента' *žganci*
8. 'рис' *riža*
9. 'миска, глубокая тарелка' *zdjela*
10. 'ложка' *žlica*
11. 'тарелка' *tanjur*
12. 'посуда' *sude*
13. 'то, что добавляют в тесто, чтобы оно подошло (дрожжи)' *kvasac*, 'закваска' *kvas*
14. 'сито' 'утварь для просеивания зерна' *sito*
15. 'деревянная посуда для замешивания теста' *korito*, *koranje* (меньше по размеру)
16. 'жарить на масле или жире' *peč*
17. 'хлеб' *kruh*
18. '(ветка) срезана' *osječena sikirom*, *odrezana pilom*
19. 'кусоч (хлеба)' *okrajak* (горбушка), *škriška*
20. 'разрезать' *razrezati*, *nakrižat* (в форме креста)
23. 'кипеть' *vrije*
24. 'свиной жир' *mast*
26. 'колбаса' *kobasice*
27. 'снять кожуру, очистить (картошку)' *ogulimo*, *otribimo*
28. '(суп) варится' *kuha se*
29. 'сахар' *šećer*
31. 'уксус' *sirće*
32. 'растительное масло' *ulje*
33. 'сыпать' *sipati*
34. 'доливать' *nadoljat*
35. 'пролить' *prolje*
36. 'завтрак' *froštuk*
37. 'обед' *ručak*
38. 'голод' *glad* (ж.р.)
39. 'голодный' *gladan*
40. 'шкварки' *čvarci*, *oškvanci*
'плесень' *plisanj*

6. Земледелие и переработка зерна

1. 'луг' *čaira*
3. 'брусница' *vodir*
4. 'межевой камень' *međaš*
5. 'пшеница' *pšenica*
6. 'колос' *klas*
7. 'ячмень' *ječam*
8. 'рожь' *raž*
9. 'овес' *zob*
10. 'ость' *brkovi*
11. 'зерновая культура, из которой изготавливается палента' *kukuruz*
12. 'рыхлить кукурузу' *korato*
13. 'кукурузный початок' *klip*
14. 'вылущенный кукурузный початок' *kotušina*
15. 'листья от кукурузного початка' *перушина*
16. 'клевер' *detelina*
17. 'кол, который устанавливают посреди гумна' *stožer*
18. 'грабли' *grablje*
19. 'борона' *zubača*
20. 'водяная мельница' *vodenica*
21. 'дело, работа' *posal*

7. Домашние животные

1. 'овца' *ovca*,
'баран' *baran*
'ягненок' *janje*
2. 'стричь овцу' *šišati*
3. 'скот' *marva*
4. 'хижина для ночлега пастухов' *koliba*
5. 'козел' *jarac*
6. 'козленок' *jare*
7. 'гнать' *tjeram*
8. 'сесть верхом' *uzjaše*
9. 'телега' *kola*
10. 'колесо' *točak*
11. 'звено в цепи' *karika*
12. 'пешком' *pješice*
13. 'веревка, которой привязывают коня' *štrik* (*ular* – то, что надето на морду на коня, к чему привязывается веревка)
14. 'бык' *bik*
15. 'сырое молоко (парное)' *prisno mliko*
16. 'сыворожка' *sirutka*
17. 'подоить' *podojiti*
18. 'осел' *magarac*
19. 'осленок' *pule*
20. 'пастух' *čoban*
21. 'свинья' *svinja*
22. 'самка свиньи' *krmača*
23. 'хрюк' *nerast*
24. 'поросенок' *prase*
25. 'жеребая' *ždrebna*, 'стельная' *stelna*, *ovca skotna*
26. 'племенной жеребец' *ždribac*
27. 'кастрировать' *uštrojiti*
28. 'пасть, сдохнуть (о скотине)' *crkla*
29. 'собака' *ćuko*
30. 'сука' *kuja*
31. 'щенок' *ščene*
32. 'кошка' *mačka*
33. звуки, которые издают животные:
konj rže, govedo miče, ovca bleji, koza mekeče, svinja rokče, pas laje, mačka mjauiče
34. 'посуда для дойки' *šetrica* (с ручкой, как у ведра),
35. 'продукт, получаемый из слоя жира на кипяченом молоке' *kajmak*
Доп. 'слой жира на сыром молоке, сливки' *kajmak*

8. Птицы

1. 'ястреб' *kobac*
2. 'дятел' *žuna*
3. 'аист' *rodo*
4. 'журавль' *ždral*
5. 'ласточка' *lasta*
6. 'воробей' *vrebac*
7. 'скворец' *čvorak*
8. 'куропатка' *jarebica*
9. 'сойка' *sojka*
10. 'ворон' *vrana*
11. 'звук, издаваемый вороном' *gače*
12. 'крыло' *krilo*
13. 'домашняя птица' *živad*
14. 'курица' *okoш*
15. 'наседка' *kvočka*
16. 'петух' *korun*
17. 'петушинный гребешок' *kresta*
18. 'цыпленок' *pile*
19. 'индюшка' *pura*
20. 'кудахтать' *kokodače*,
21. 'подзывать птицу' *vabimo*

9. Дикie животные

1. 'волк' *vuk*
2. 'охотник' *lovac*
3. 'медведица' *medvedica*
4. 'крыса' *pacov*
5. 'летучая мышь' *slipi miš*
6. 'крот' *krt*
7. 'черепаха' *kornjača*
8. 'ящерица' *gušćer, zelembać*
9. 'дождевой червь' *gliste*
10. 'змея' *zmija*
11. 'глиста' *glista*

12. 'улитка' *puž*
13. 'оса' *osa*
14. 'улей' *košnica*
15. 'светлячок' *sjajna muva*
16. 'клоп' *stinica*
17. 'бабочка' *leptir*
18. 'комар' *komarac*
19. 'моль' *moljac*

10. Деревья и фрукты

1. 'лес' *šuma*
2. 'корень' *korijen, žile* (часть корня)
3. 'ель' *jela*
smreka
4. 'дуб' *rast*
5. 'тополь' *jablan*
6. 'акация' *bagra*
7. 'ива белая' *vrba*
8. 'бузина' *baza*
9. 'гриб' *gljiva*

10. 'куст' *grm*
11. 'прутья' *šiblje*
12. 'айва' *tunja*
13. 'персик' *breska*
14. 'абрикос' *kajsija*
15. 'тутовник' *dud*
16. 'плодовая косточка' *koščica*
17. 'желудь' *žir*
18. 'виноградная лоза' *loza*
19. 'сад' *voćnjak*
20. 'срывать плоды' *brati*

11. Овощи и цветы

1. 'огород' *vrtal*
2. 'капуста' *kupus*
3. 'фасоль' *gra*
4. 'стручок' *kominje*
5. 'морковь' *mrkva*
6. 'свекла' *cikla*
7. 'помидор' *jabučice, paradajz*
8. 'картофель' *krompir*
9. 'шпинат' *špinat*
10. 'редька' *rotkvica*
11. 'репчатый лук' *crveni luk*
12. 'чеснок' *bili luk*

13. 'огурец' *krastavac*
14. 'петрушка' *peršin*
15. 'черный перец' *biber*
16. 'зелень' *grinzajg*
17. 'арбуз' *lubenica*
18. 'базилик' *bosiljak*
19. 'роза' *ruža*
20. 'пахнуть' *šnjofat*
21. 'фиалка' *ljubičica*
22. 'венчик' *vinac*
23. 'крапива' *kopriva*
24. 'засуха' *suša*
25. 'табак' *duvan*

12. Ремесла

1. 'гвоздь' *ekser*
2. 'пила' *testera, gudac, žaga*

3. 'ржавчина' *rđa*
4. 'обручальное кольцо' *prsten*
5. 'ткацкий станок' *stan*
6. 'ножницы' *škare*
7. 'вдеть (нитку в иголку)' *udit*
8. 'сеть' *mreža*

13. Природа

1. 'холм' <i>brdo</i>	22. 'лужа' <i>mlaka</i>
2. 'гора' <i>planina</i>	23. 'промокнуть' <i>pokisal</i>
3. 'дорога' <i>drum</i> (главная дорога, glavni put), (второстепенная, sporedna cesta)	24. 'санки' <i>sanjke</i>
4. 'луг' <i>polje, pašnjak. Na polje = na pašu</i>	25. 'погода' <i>vreme</i>
5. 'конец' <i>kraj</i>	26. 'длина' <i>duljina</i>
6. 'источник' <i>izvor</i>	27. 'час' <i>sat</i>
7. 'бревно, переброшенное через реку' <i>brv</i>	28. 'неделя' <i>nedjelja</i>
8. 'мост' <i>most</i> , 'мостик' <i>ćuprija</i>	29. названия дней недели: <i>ponediljak, srida, četrtak, nedilja</i>
9. 'лодка' <i>čamac</i>	30. 'луч света' <i>zraka</i>
10. 'корабль' <i>brod</i>	31. 'луна' <i>mjesec</i>
11. 'плавать (о рыбах)' <i>plivaju</i>	32. 'год' <i>godina</i>
12. 'водоворот на реке' <i>vir</i>	33. названия месяцев: <i>sičanj, veljača, ožujak, travanj, svibanj, lipanj, srpanj, kolovoz, rujan, listopad, studeni, prosinac</i>
13. 'брод' <i>plićak</i>	34. 'полдень' <i>pol dana</i>
14. 'остров' <i>otok</i>	35. 'полночь' <i>noć</i>
15. 'песок' <i>pisak</i>	36. 'холодный (о пище)' <i>zden</i>
16. 'волна' <i>talasi</i>	
17. 'дует (о ветре)' <i>puše</i>	
18. 'молния' <i>munja</i>	
19. 'темнота, мрак' <i>noć</i>	
20. 'дождь' <i>kiša</i>	
21. 'идет (о дожде)' <i>pada</i>	

14. Общественная жизнь

1. 'город' <i>grad</i>	14. 'брадобрей' <i>brico</i>
2. 'село' <i>selo</i>	15. 'флаг' <i>barjak</i>
3. 'учитель' <i>učitelj</i>	16. 'болтун' <i>lajav čovek</i>
4. 'госпожа' <i>gospojo</i>	17. 'лентяй' <i>lin čovek</i>
5. 'ученик' <i>đak</i>	18. 'убийца' <i>ubojica</i>
6. 'рынок' <i>pijasa</i>	19. 'сосед' <i>комишија</i>
7. 'ярмарка' <i>vašar</i>	20. 'вор' <i>lorov</i>
8. 'деньги' <i>novci</i>	21. 'подарок' <i>milosća</i>
9. 'зарплата' <i>plaća</i>	22. 'надеяться' <i>nadat se</i>
10. 'лекарство' <i>likovi</i>	23. 'письмо' <i>pismo</i>
11. 'врач' <i>doktor</i>	24. 'одолжить' <i>posuditi</i>
12. 'туберкулез' <i>sušica</i>	25. 'судья' <i>sudija</i>
13. 'полотенце' <i>peškir</i>	26. 'нарисовать' <i>narisal</i>
	27. 'счастливый' <i>sretan</i>
	29. 'бедняк' <i>siromak</i>

Список информантов:

1. Ana Ćupić (Grabrić) (1936 г.р.),
2. Kristina Ćupić (1988 г.р),
3. Stjepan Ćupić (1960 г.р.),
4. Višnja Ćupić (Lulić) (1969 г.р.).

Литература и источники

- Ајдачић* 2015 – *Ајдачић Д.* Концепт част у српском језику // О вредностима у српском језику. Зборник етнолингвистичких радова. Београд, 2015.
- Арутюнова* 2000 – *Арутюнова Н.Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.
- Афанасьев* 1957 – *Афанасьев А.Н.* Русские народные сказки. М., 1957. Т. 2.
- Бакотић* 1936 – *Бакотић Л.* Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.
- Бартминьский* 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Бербич Колар Э., Якушкина Е.И.* 2020 – Диалектные материалы из Славонии // *Stephanos*. №. 2, 2020. С. 54–62
- Бербич-Колар Э., Якушкина Е.И.* 2020а – *Бербич-Колар Э., Якушкина Е.И.* Лексика хорватского славонского говора в сопоставительном аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 8/2, 2020. С. 63–70.
- Березович* 2000 – *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович* 2014 – *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Биржакова* 1972 – *Биржакова Е.Э.* и др. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972.
- Бјелетић* 1996 – *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура, бр. 1. Билјеке. Београд, 1996.
- Бјелетић* 1999 – *Бјелетић М.* Кост кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура, бр. 4. Делови тела. Београд, 1999.
- Бјелетић* 2016 – *Бјелетић М.* Придеви са значењем «коврцав» у српском језику (на грађи за Општесловенски лингвистички атлас // Јужнословенски филолог LXXII, 3/4. Београд, 2016.
- Бјелетић, Влајић-Поповић* 2003 – *Бјелетић М., Влајић-Поповић Ј.* Имплицитна и експлицитна семантичка објашњења у етимолошком речнику (на примеру Етимолошког речника српског језика) // Зборник Матице српске за славистику 63,

Нови Сад, 2003.

Богдановић 1992 – *Богдановић Н.* Изоглосе југоисточне Србије. Ниш, 1992.

Богдановић 2008 – *Богдановић Н.* Земљописна и њој сродна лексика југоисточне Србије // СДЗб LV. Београд, 2008.

Бојанић, Тривунац – *Бојанић М., Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора. – Режим доступа: <http://raskovnik.org/>.

Бојиновић 2015 – *Бојиновић М.* Речник гламочког говора // СЗДб LXII. Београд, 2015.

Букумирић 2006 – *Букумирић М.* Терминологија куће и покућства у северној Метохији // СДЗб LIII. Београд, 2006.

Букумирић 2012 – *Букумирић М.* Речник говора северне Метохије. Београд, 2012.

Варбот 1965 – *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии // Этимология 1964. М., 1965.

Варбот 1998 – *Варбот Ж.Ж.* Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

Варбот 2012 – *Варбот Ж.Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М. – СПб., 2012.

Вейсманнов немецкий лексикон – Вейсманнов немецкий лексикон. СПб., 1731.

Вендина 2007 – *Вендина Т. И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.

Вендина 2009 – *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.

Вендина 2014 – *Вендина Т.И.* Типология лексических ареалов Славии. М., 2014.

Вендина 2018 – *Вендина Т.И.* Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. М., 2018.

Верхотурова 2005 – *Верхотурова К.С.* Горение в зеркале русского языка. Дипл. раб. Екатеринбург, 2005.

Вести-куранты 1972 – Вести-куранты. 1600–1639. М., 1972.

Вести-куранты 1976 – Вести куранты. 1642–1644. М., 1976.

Вести-куранты 1980 – Вести куранты. 1645–1646, 1648. М., 1980.

Влајић-Поповић 2002 – *Влајић-Поповић Ј.* Историјска семантика глагола ударања у српском језику. Београд, 2002.

Вопросник ОЛА – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

Вујичић – Вујичић М. Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). – Режим доступа: <http://raskovnik.org/>.

Вукове пословице 1996 – Вукове народне пословице с регистром кључних речи. Београд, 1996.

Габовиштяк 1981 – *Габовиштяк А.* Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики // Советское славяноведение 1981, № 5.

Гаговић 2004 – *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује) // СДЗб LI. Београд, 2004.

Генералова 1998 – *Генералова Е.В.* Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое – кривое» в истории русского языка. АКД. СПб., 1998.

Геров 1904 – *Геров Н.* Речник на българский язык. Пловдив, 1904. Т. 1–5.

Глишић 2017 – *Глишић Ј.* Лексика народне медицине у тимочко-лужничким говорима // СДЗб LXIV/2. Београд, 2017.

Глаголы движения 2007 – Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

Глаголы звуков 2015 – Глаголы звуков животных: типология метафор. М., 2015.

Грамотки 1969 – Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969.

Грінченко 1996 – *Грінченко Б.* Словарь української мови. Т. 2. Київ, 1996.

Грковић-Мејџор 2007 – *Грковић-Мејџор Ј.* Списи из историјске лингвистике. Сремски Карловци – Нови Сад, 2007.

Гудков, Якушкина 2008 – *Гудков В.П., Якушкина Е.И.* Сербская лексикография // Теория и история славянской лексикографии. М., 2008.

Далмација 2004 – *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/>.

Даничић – Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1975. Т. 1–3.

Динић 2008 – *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.

- Драгићевић* 2018 – *Драгићевић Р.* Српска лексика у прошлости и данас. Нови Сад, 2018.
- Драгићевић* 2017 – *Драгићевић Р.* Српска лексикологија данас: садашње стање и перспективе // Јужнословенски филолог. 2017. LXXIII (3/4).
- Дучић* 1931 – *Дучић С.* Живот и обичаји племена Куча // СЕЗб. Београд, 1931. Књ. 48.
- Ђорђевић* 1958 – *Ђорђевић Др. М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 [СЕЗб, књ. 70].
- Ђорђевић* 1938 – *Ђорђевић Т.* Зле очи у веровању јужних Словена // СЕЗб. Београд, 1938. Књ. 53.
- Елезовић* – *Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. – Режим доступа: <http://raskovnik.org/>
- Живковић* 1987 – *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
- Жузић* 1996 – *Жузић Р.* Једно поређење истих или сродних лексичких јединица у бугарском језику и јужноморавском говору српског језика // Јужнословенски филолог. 1996. LI.
- Жузић* 1997 – *Жузић Р.* Придеви који се односе на човекове особине у говору околине Лебана // Јужнословенски филолог. 1997. LIII.
- Жузић* 2005 – *Жузић Р.* Речник говора јабланичког краја // СДЗб LI. Београд, 2005.
- Жузић* 2007 – *Жузић Р.* Придевски деминутиви за означавање особина човека у призренско-тимочкој дијалекатској зони (семантичко-творбени аспект) // Српски језик, 2007, 12.
- Жузић* 2011 – *Жузић Р.* Синонимски односи у лексичко-семантичкој групи глаголских лексема с доминантом *зборим* ‘говорим’ у јабланичком говору (југозападно од Лесковца) // Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. 2011. № 41.
- Жузић* 2014 – *Жузић Р.* Синонимија у лексичко-семантичкој групи пејоратива за женска лица // Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. 2014. № 44/2.
- Зализняк* 2001 – *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Зализняк* 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

- Звегинцев* 1957 – *Звегинцев В.А.* Семасиология. М., 1957.
- Златановић* – *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. – Режим доступа: <http://raskovnik.org/>
- Златковић* 1990 – *Златковић Д.* Фразеологија омаловажавања у пиротском говору // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.
- Златковић* 2014 – *Златковић Д.* Речник пиротског говора. Београд, 2014. Т. 1–2.
- Зобеница* 2016 – *Зобеница С.* Из лексике источне Лике // СДЗб LXIII. Београд, 2016.
- Иванов* 1978 – *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Иванов, Топоров* 1965 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Ивић* 1971 – *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
- Ивић* 1985 – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штоквско наречје. Нови Сад, 1985.
- Ивић* 1994 – *Ивић П.* Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој. Целокупна дела. Т. III. Сремски Карловци–Нови Сад, 1994.
- Ивић* 2009 – *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација. Приредио Слободан Реметић. Сремски Карловци–Нови Сад. 2009.
- Иомдин* 2006 – *Иомдин Б.Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Јашар-Настева* 2001 – *Јашар-Настева О.* Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Скопје, 2001.
- Јовановић* 2004 – *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // СДЗб LI. Београд, 2004.
- Јовановић* 2009 – *Јовановић Б.* Инат као српски бренд // «Политика». 10.05.2009.
- Јошић* 2016 – *Јошић Н.* Воћарска лексика и терминологија у српском језику. Београд, 2016.
- Караџић* – *Караџић В.* Српски рјечник (1852). – Режим доступа: <http://raskovnik.org/>
- Караџић* 1969 – *Караџић В.* Српски рјечник (1818). Београд, 1969.
- Караџић* 1972 – *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1972.

Картотека древнерусского словаря – Картотека древнерусского словаря. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Картотека ЭССЯ – Картотека ЭССЯ. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Книга тысячи и одной ночи – Книга тысячи и одной ночи: в 8-ми т. М., 1958–1959.

Керемидчиева 2016 – *Керемидчиева С.* Болгарский лексический материал в Общеславянском лингвистическом атласе (Т. 1. «Животный мир». Т. 2. «Животноводство». Т. 3. «Растительный мир». Т. 8. «Профессии и общественная жизнь») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. VIII. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 2012–2014. М., 2016.

Книга нарицаемая Козьма Индикоплов – Книга нарицаемая Козьма Индикоплов. М., 1997.

Кобозева 2000 – *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.

Концепт боль 2009 – Концепт «боль» в типологическом освещении. Киев, 2009.

Кулешова, Якушкина 2019 – *Кулешова М.Л., Якушкина Е.И.* Семантический переход «красивый» – «хороший» в славянских языках // Славянский сборник: язык, литература, культура. М., 2019.

Куркина 1982 – *Куркина Л.В.* Заметки по славянской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1980. М., 1982.

Куркина 1992 – *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.

Куркина 1998 – *Куркина Л.В.* К реконструкции древних форм земледелия у славян (на материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

Лазий 2008 – *Лазий А.* Грађа за речник говора Мачве. Шабач, 2008.

Лейвен-Турновцева 2000 – *Лейвен-Турновцева Й. Ван.* Панстратические и пантопические аспекты семантизации отклонений от нормы в стандарте и нонстандарте европейских языков // Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.

Лексикон треязычный – Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище Ф.П. Поликарпова-Орлова. М., 1704.

- Лома* 2012 – *Лома А.* К проблеме раннеславянских иранизмов // *Этимология* 2009-2011. М., 2012. С. 189–201.
- Лома* 2013 – *Лома А.* Топонимија Бањске хрисовуље. Београд, 2013.
- Марковић* 1986 – *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци, књ. I // СДЗб XXXII. Београд, 1986.
- Марковић* 1993 – *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци, књ. II // СДЗб XXXIX. Београд, 1993.
- Мартынов* 2004 – *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 2004.
- Менаџ-Михалич, Якушкина* 2019 – *Менаџ-Михалич М., Якушкина Е.И.* Современная хорватская диалектная лексикография // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.* 2019. № 6
- Милорадовић* 2017 – *Милорадовић С.* Лингвистичка географија у Србији – језички записи на картама и њихово читање // *Јужнословенски филолог.* 2017. LXXIII, 3/4.
- Милорадовић* 2018 – *Милорадовић С.* Огањ, па жишка, ожег, жар и још понешто око ватре и призренско тимочким дијалекатским речницима // *Језик као запис културе у етнолошкој и лингвистичкој анализи на релацији Србија – Македонија* Београд 2018. Т. 1.
- Милосављевић* 2017 – *Милосављевић Т.* Лексика српског призренског говора // СДЗб, LXIV. Београд, 2017.
- Милосављевић* 2015 – *Милосављевић Т.* Називи за одело у контексту контактне лингвистике // *Језик и књижевност у контакту и дисконтакту.* Ниш, 2015.
- Миљанов* 1998 – *Миљанов М.* Примјери чојства и јунаштва. Београд, 1998.
- Митровић* 1984 – *Митровић Б.* Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984.
- Молдован* 2000 – *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Московљевић* 1990 – *Московљевић М.* Речник савременог српског књижевног језика с језичким саветником. Београд, 1990.
- Мука* 1921 – *Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка. Петроград, 1921. Вып 1.
- Назиратель* 1973 – *Назиратель. М.,* 1973.
- Недельков* 2008 – *Недельков Љ.* Општи принципи истраживања лексике традиционалне материјалне културе // *Гласник Етнографског института САНУ* LVII. Београд, 2008 (1).

- Недельков* 2009 – *Недельков Љ.* Архаична пчеларска лексика у Војводини. Нови Сад, 2009.
- Недельков, Марковић* 2015 – *Недельков Љ., Марковић Б.* Дијалекатска лексикографија штокавског наречја. Библиографија // СДЗб LXII. Београд, 2015.
- Новый лексикон – Новый лексикон на французском, немецком и латинском языках, перевод Волчкова. СПб., 1755. Ч. 1.
- Носович* 1870 – *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Ожегов* – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>.
- Памятники деловой письменности 1984 – Памятники деловой письменности XVII в. М., 1984.
- Памятники южновеликорусского наречия 1993 – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.
- Пеев* 1999 – *Пеев К.* Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Скопје, 1999. Т. 1.
- Пеньковский* 2003 – *Пеньковский А.Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. М., 2003.
- Петровић* 2012 – *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. Београд, 2012.
- Петровић, Капустина* 2011 – *Петровић Д., Капустина Ј.* Из лексике Качера // СДЗб LVIII. Београд, 2011.
- Петровић, Ћелић, Капустина* 2013 – *Петровић Д., Ћелић И., Капустина Ј.* Речник Куча // СДЗб LX. Београд, 2013.
- Петровић-Савић* 2009 – *Петровић-Савић М.* Лексика свадбених обичаја у Рађевини. Београд, 2009.
- Пипер, Драгићевић, Стефановић* 2005 – *Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М.* Асоцијативни речник српскога језика. Београд, 2005.
- Плотникова* 2004 – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Поповић* 2007 – *Поповић И.* Историја српскохрватског језика. Београд–Крагујевац–Лазаревац, 2007.

- Пујић* 2013 – *Пујић С.* Херцеговачка пчеларска лексика (на општесловенској основи) // СДЗб LX. Београд, 2013.
- Пчела 2008 – «Пчела»: Древнерусский перевод. М., 2008.
- Рахилина* 2000 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахилина, Плунгян* 2007 – *Рахилина Е.В., Плунгян В.А.* О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Рахилина, Прокофьева* 2004 – *Рахилина Е.В., Прокофьева И.А.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1.
- Регодић* 2011 – *Регодић Г.* Бесједа и слика старог Змијања. Бања Лука, 2011.
- Рембишевска, Сятковски* 2016 – *Рембишевска Д.К., Сятковски Я.* Характерная для украинского языка лексика в Общеславянском лингвистическом атласе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. VIII. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 2012–2014. М., 2016.
- Ровински* 1994 – *Ровински П.А.* Црна гора у прошлости и садашњости. Цетиње, 1994. Т. II.
- Ровинский* 1897 – *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. 2. Ч. 1.
- Розина* 2003 – *Розина Р.И.* Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
- Савић* 2017 – *Савић Б.* Народна медицинска лексика Великог Блашка (код Бањалуке) // СДЗб LXIV. Београд, 2017.
- Савић-Грујић* 2014 – *Савић-Грујић А.* Лексика соматизама у призренско-тимочким пунктовима на тлу Србије и Румуније – сличности и разлике (на материјалу Српског дијалектолошког атласа) // Наука и свет. Наука и савремени универзитет 4. Ниш, 2014.
- Савић-Грујић* 2017 – *Савић-Грујић А.* Антропографска лексика у говорима сврљишког краја – лингвогеографски приступ // СДЗб LXIV/2. Београд, 2017.
- Самарџија* 1995 – *Самарџија С.* Народне приповетке у Летопису Матице Српске. Нови Сад–Београд, 1995.

- Санников 2006 – Санников А.В. Понятие достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Седакова 2000 – Седакова И.А. Живота е късмет' (Об одной лексеме в словаре болгарского села Равна) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы рабочего совещания. СПб., 2000.
- Седакова 2007 – Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар: родинный текст. М., 2007.
- Седакова 2013 – Седакова И.А. Беля ('несчастье' и др.) в болгарском языке и фольклоре на общебалканском фоне // Skavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М., 2013.
- Седакова 2017 – Седакова И.А. Балканские слова-концепты (мерак и др.) в Болгарии: взгляд извне и изнутри // Балканский тезаурус: взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы. М., 2017.
- Седакова 2018 – Седакова И.А. Болгарские представления о homo perfectus (на материале родильной обрядности) // Образ человека в языке и культуре. М., 2018.
- Славено-сербский магазин – Славено-сербский магазин. Венеция, 1768. Т.1. Ч.1.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988–. Т.1 – .
- Словарь русских синонимов – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова. – Режим доступа: <http://slovari.ru>.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –. Вып. 1–.
- Словарь церковно-славянского и русского языка – Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 1–4.
- Словарь языка Пушкина – Словарь языка Пушкина. М., 1959. Т. 3.
- Словник української мови – Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- Соболев 2004 – Соболев А.Н. Опыт исследования турцизмов в балканских диалектах // Zeitschrift für balkanologie. 2004. № 40, 1–2.
- Соболев 2013 – Соболев А.Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. СПб., 2013. Т.1.
- Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т.1–3.

Станић – Станић М. Ускочки речник. – Режим доступа:
<http://www.srpskijezik.com/>

Старославянский словарь – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) /
Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Стијовић 1990 – *Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.

Стијовић 2014 – *Стијовић Р.* Речник Васојевића. Београд, 2014.

Стојаковић, Мандарић 2013 – *Стојаковић А., Мандарић Ј.* Рјечник личког говора.
Београд, 2013.

Стојановић 2010 – *Стојановић Р.* Црнотравски речник // СДЗб LVII. Београд, 2010.

Сырочкин 1997 – *Сырочкин В.В.* Этимологические заметки II // Этимология 1994–1996.
М., 1997. С. 75–84.

Толстая 1998 – *Толстая С.М.* Культурная семантика славянского *kriv- // Слово и
культура. М., 1998. Т. II.

Толстая 1998а – *Толстая С.М.* Труд и мука // Язык. Африка. Фульбе. Сборник
научных статей в честь А. И. Коваль. СПб, 1998.

Толстая 2002 – *Толстая С.М.* О семантическом параллелизме в славянской лексике
// Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной
конференции. Пятые Шмелевские чтения, 23–25.02.2002. М., 2002.

Толстая 2008 – *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в
общеславянской перспективе. М., 2008.

Толстая 2010 – *Толстая С.М.* Семантические категории культуры. Очерки по
славянской этнолингвистике. М., 2010.

Толстая 2019 – *Толстая С.М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по
славянскому языкознанию и этнолингвистике. М., 2019.

Толстой 1969 – *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология.
Семасиологические этюды. М., 1969.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. М., 1995.

Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и
семасиология. М., 1997.

Толстой 1999 – *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому
языкознанию. М., 1999.

Томић 1989 – *Томић М.* Речник радимског говора // СДЗб XXXV. Београд, 1989.

Трофимович 1974 – *Трофимович К.К.* Верхнелужицко-русский словарь. Москва–Бауцен, 1974.

Трошић 2014 – *Трошић Д.* Речник говора Трстеничког краја. Трстеник, 2014.

Трубачев 1960 – *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

Трубачев 1998 – *Трубачев О.Н.* Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

Трубачев 2004 – *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии. М., 2004. Т. 1.

Ђунић 1994 – *Ђунић Д.* Ареали лексеме *Pinus silvestris* у словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1994. Књ. XXXVI.

Ђунић 1997 – *Ђунић Д., Ђунић Ж.* Речник говора Загараца // СДЗБ XLIV. Београд, 1997.

Уљман – *Уљман С.* Семантичке универсалии. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/ullman-70.htm>.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>.

Феоктистова 1998 – *Феоктистова Л. А.* Этимолого-словообразовательное гнездо «корысть» в русском языке // Язык. Система. Личность: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. Екатеринбург, 23-25 апреля 1998 г. Екатеринбург, 1998.

Филиповић 1958 – *Филиповић М.* Вјера и црква у животу Банатских Хера // Банатске Хере. Нови Сад, 1958.

Филиповић 1972 – *Филиповић М.* Таковци // СЕЗБ. Београд, 1972. Књ. 84.

Џвијетић 2014 – *Џвијетић Р.* Речник ужичког говора. Ужице, 2014.

Цейтлин 1996 – *Цейтлин Р.М.* Сравнительная лексикология славянских языков. X /XI – XIV/XV вв. М., 1996.

Цепенков 1972 – *Цепенков М.* Материјали. Литературни творби. Скопје, 1972.

Црњак 2014 – *Црњак Д.* Пастирска лексика лакташког краја. Бањалука, 2014.

Црњак, Савић 2016 – *Црњак Д., Савић Б.* Скице из етнолингвистике. Бањалука, 2016.

Чајкановић 1927 – *Чајкановић В.* Српске народне приповетке // СЕЗб. Књ. 41. Београд, 1927.

Чемерикић – *Чемерикић Д.* Збирка речи из Призрена. – Режим доступа: www.prepis.org.

Черниш 2003 – *Черниш Т.О.* Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні. Київ, 2003.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. М., 1994. Т. 1–2.

Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. М., 1998.

Шаулић 1931 – *Шаулић Н.* Српске народне приче. Београд, 1931. Књ I, св. 3.

Шаулић 1922 – [*Шаулић Н.*]. Српске народне приче из збирке народних приповједака Новице Шаулића. Подгорица, 1922. Књ. 1.

Шклифов 1977 – *Шклифов Б.* Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучавания и материали, 8. София, 1977.

Якубович 2018 – *Якубович М.* Принципы семантической реконструкции в исследовании праславянской лексики // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова XVIII. Этимология. М., 2018.

Якушкина 2019 – *Якушкина Е.И.* Западнобоснийская диалектная лексика в общесербском контексте (на примере говора Манячи) // Наш језик, № 50/2. Београд, 2019.

Якушкина 2002 – *Якушкина Е.И.* Сербская диалектная лексикография // Славяноведение. 2002. № 3.

Якушкина 2004 – *Якушкина Е.И.* «Доброе дело» в языке и культуре балканских славян // Доклады Российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2004.

Якушкина 2004a – *Якушкина Е.И.* Мотив доброго дела в контексте традиционной этики балканских славян // Традиционная культура. М., 2004. № 2.

Якушкина 2018 – *Якушкина Е.И.* Черногорские говоры в «Общеславянском лингвистическом атласе» (лексический аспект) // Славяноведение. М., 2018. № 5.

Babić 2008 – *Babić I.* Studenački rječnik. Studenci, 2008.

Barbić 2011 – *Barbić A.* Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb, 2011.

- Belović, Blažeka* 2009 – *Belović S., Blažeka Đ.* Rječnik govora Svetog Đurđa. Zagreb, 2009.
- Benčić* 2013 – *Benčić R.* Rječnik govora grada Hvara. Förske rîci i štörijie. Hvar, 2013.
- Berbić Kolar, Kolenić* 2014 – *Berbić Kolar E., Kolenić L.* Sičanjске riči. Osijek, 2014.
- Bezljaj – Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–2007. T. 1–5.
- Bilić* 2012 – *Bilić A.* Tradicijski leksik u Etnografskoj građi iz Retkovaca Ivana Filakovca // Tradicijski leksik: Šokačka rič 9, zbornik radova. Vinkovci, 2012.
- Bjeletić* 1998 – *Bjeletić M.* Praslovenska leksika u etimološkom rečniku srpskohrvatskog jezika // Prasłowianszczyzna i jej rozpad. Warszawa, 1998.
- Blažeka, Racz* 2009 – *Blažeka Đ., Racz E.* Rječnik pomurskih Hrvata. Budapest, 2009.
- Blažeka, Rob* 2014 – *Blažeka Đ., Rob G.* Rječnik Murskog središća. Zagreb, 2014.
- Bockovac* 2014 – *Bockovac T.* Tradicijski leksik blagdana u Semartinu // Slavonski dijalekt i leksikografija: Šokačka rič 11. Vinkovci, 2014.
- Bogišić* 1874 – *Bogišić V.* Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Zagreb, 1874. Knj. 1.
- Boryś* 2007 – *Boryś W.* Čakavske leksičke studije. Zagreb, 2007.
- Broz I., Iveković – Broz I., Iveković F.* Rjecnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901. Sv. 1–2.
- Brozović* 1970 – *Brozović D.* Dijalekatska slika hrvatsko-srpskog jezičkog prostora // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru, 1970. Sv. 8.
- Brozović* 1985 – *Brozović D.* Suvremeno štokavsko narječje kao plod konvergentnoga jezičnog razvoja // HDZb. Zagreb, 1985. Knj. 7, sv. 1.
- Brückner* 1985 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Buck* 1949 – *Buck C.D.* Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- Caskel* 1926 – *Caskel W.* Das schicksal in der altarabishen poesie. Leipzig, 1926.
- Čuljat* 2004 – *Čuljat M.* Ričnik ličke ikavice. Gospić, 2004.
- Dulčić* 1985 – *Dulčić J., Dulčić P.* Rječnik bruškoga govora // HDZb. Zagreb, 1985. Knj. 7, sv. 2.
- Falińska* 2001 – *Falińska B.* Leksyka dotycząca hodowli na mapach ogólnosłowiańskiego atlasu językowego. Cz. I. Substantiva, Cz. II. Verba i adiectiva. Białystok, 2001.
- Gagić* 2017 – *Gagić M.* Rječnik pazinskoga govora. Pazin – Zadar, 2017.
- Habovštiak* 1993 – *Habovštiak A.* Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov (Zu

- den slowakisch-slawischen lexikalischen Beziehungen). Bratislava, 1993.
- Hanzir, Horvat, Jakolić, Jozić, Lončarić* 2015 – *Hanzir Š., Horvat J., Jakolić B., Jozić Ž., Lončarić M.* Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice. Šenkovec – Zagreb, 2015.
- Houtzagers* 1999 – *Houtzagers P.* The Kajkavian Dialect of Hidegséga and Fertőhomok. Amsterdam 1999.
- Historical semantics and cognition – Historical semantics and cognition / Ed. by Andreas Blank and Peter Koch, Berlin–New York, 1999.
- Hraste, Šimunović, Olesch* 1979 – *Hraste M., Šimunović P., Olesch R.* Čakavisch-deutsches Lexikon. Wien, Köln, 1979. T. I.
- Hrg* 1996 – *Hrg F.* Ivanečki govor i rječnik. Ivanec, 1996.
- Ivančić-Dusper, Bašić* 2013 – *Ivančić-Dusper Đ., Bašić M.* Rječnik crikveničkoga govora. Crikvenica, 2013.
- Ivić* 1995 – *Ivić M.* O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd, 1995.
- Jakšić* 2015 – *Jakšić M.* Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih. Zagreb, 2015.
- Jakubowicz* 2010 – *Jakubowicz M.* Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010.
- Japunčić* 1998 – *Japunčić M.* Taslak. Zagreb, 1998.
- Jurišić* 1973 – *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. Zagreb, 1973. T. 2.
- Kálal* 1923 – *Kálal, M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.
- Karadžić* – *Karadžić V.S.* Srpske zdravice. – Режим доступа: https://www.rastko.rs/rastko-bo/ljudi/vkaradzic-zdravice_1.html.
- Karłowicz* – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1 T. 1–6.
- Kolenić, Berbić Kolar* 2012 – *Kolenić Lj., Berbić Kolar E.* Tradicijski sičanski leksik // Tradicijski leksik: Šokačka rič 9, zbornik radova. Vinkovci, 2012.
- Kraljević* 2013 – *Kraljević A.* Ričnik zapadnohercegovačkoga govora. Široki Brig–Zagreb, 2013.
- Kranjčević* 2004 – *Kranjčević M.* Ričnik gacke čakavščine. Otočac, 2004.
- Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. Lublin, 2015–2017. T. 1–5.
- Linde* – *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1811. T. II. Cz. 2.
- Lipljin* 2002 – *Lipljin T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2002.

- Lisac* 2003 – *Lisac J.* Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskoga narječja i hrvatski govori torlačkoga narječja. Zagreb, 2003.
- Lisac* 2009 – *Lisac J.* Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narječje. Zagreb, 2009.
- Lukežić, Zubčić* 2007 – *Lukežić I., Zubčić S.* Grobnički govor XX. stoljeća, Rijeka, 2007.
- Machek* 1968 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Magner, Jutrović* 2006 – *Magner T., Jutrović D.* Rječnik splitskog govora, Zagreb – Dubrovnik, 2006.
- Malnar* 2014 – *Malnar S.* Rječnik govora čabarskog kraja. Čabar, 2014.
- Mandić* 2016 – *Mandić Ž.* Rječnik govora santovačkih Hrvata. Könyv, 2016.
- Maresić, Miholek* 2011 – *Maresić J., Miholek V.* Opis i rječnik đurđevečkog govora. Đurđevac, 2011
- Milevoj* 2006 – *Milevoj M.* Gonan po nase. Rječnik labinske čakavice. Labin, 2006.
- Mohorovičić-Maričin* 2001 – *Mohorovičić-Maričin F.* Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okolice. Rijeka–Opatija, 2001.
- Moguš* 2002 – *Moguš M.* Senjski rječnik. Zagreb–Senj, 2002.
- Neweklowsky* 1987 – *Neweklowsky G.* Lexikalische Übereinstimmungen im Nordwestlichen Südslawischen // Slavistična revija, 1987. Letn. 35, 1/2.
- Okuka* 2008 – *Okuka M.* Srpski dijalekti. Zagreb, 2008.
- Pavešić, Magaš, Laloš* 2006 – *Pavešić M., Magaš B., Laloš Ž.* Rejč do riči – besejdnek dejuonškega devoana / rječnik delničkoga govora. Rijeka, 2006.
- Peić, Bačlija* – *Peić M., Bačlija G.* Rečnik bačkih Bunjevaca. – Режим доступа: http://govori.tripod.com/bunjevacki_ricnik.htm
- Perušić* 1993 – *Perušić M.* Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-dugoreškog kraja. Karlovac, 1993.
- Petrić* 2008 – *Petrić Ž.* Splitski rječnik. Split, 2008.
- Petrović* 2015 – *Petrović S.* Svest 'consciousness' and Savest 'conscience' – slavic layers in the serbian lexicon // Etymological research in Old Church Slavonic. Praha, 2015.
- Piccoli, Sammartino, Hozjan, Menac-Mihalić* 2000 – *Piccoli A., Sammartino A., Hozjan S., Menac-Mihalić M.* Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro. Montemitro – Zagreb, 2000.
- Pomianowska* 1970 – *Pomianowska W.* Zróznicowanie gwar południowosłowiańskich w świetle faktów słowotwórczych. Wrocław, 1970.

- Pukanec* 2008 – *Pukanec M.* Praslovanska lexika v nárečiach slovenských kmeňov. Tribun EU, 2008.
- Reiter* 1964 – *Reiter N.* Der Dialekt von Titov Veles. Berlin, 1964.
- Roki-Fortunato* 1997 – *Roki-Fortunato A.* Libar viškiga jazika. Toronto, 1997.
- Schuster-Šewc* – *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1978–1989. H. 1–24.
- Sekulić* 2005 – *Sekulić A.* Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb, 2005.
- Sevdalinke* 1968 – *Sevdalinke*, balade i romanse Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1968.
- Skok* – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- Słownik polszczyzny XVI wieku – Słownik polszczyzny XVI wieku. Warszawa, 1998. T. 26.
- Stojković* 1929 – *Stojković M.* “Oposun”, “naoposun” i trokratno “naoposuno” okretanje // ZNŽOJS, Zagreb, 1929. Knj. XXVII, sv. 1.
- Šamija, Ujević* 2001 – *Šamija I. B., Ujević P.* Rječnik imotskoga govora. Zagreb, 2001.
- Šatović* 2012 – *Šatović F., Kalinski I.* Rječnik Cerja zagrebečkoga. Zagreb, 2012.
- Šimunović* 2009 – *Šimunović P.* Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.
- Škaljić* 1966 – *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966.
- Takač* 2004 – *Takač F.* Rječnik sela Hrvatski Grob (horvatansko-hrvatsko-slovački rječnik). Zagreb, 2004.
- Teodorowicz-Hellman* 2000 – *Teodorowicz-Hellman E.* Zielony i niebiesky w języku polskim w porównaniu z grön i blå w szwedzkim // Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Warszawa, 2000.
- Uglešić* 2017 – *Uglešić N.* Čakavski hrvatski slovník. Veli Rat, 2017.
- Upitnik – Hrvatski jezični atlas. Upitnik. Zagreb, 1997.
- Upitnik za SDA – Upitnik za srpskohrvatski / hrvatskosrpski dijalektološki atlas. Институт за српски језик САНУ (рукопись).
- Večenaj, Lončarić* 1997 – *Večenaj I., Lončarić M.* Srednjopodravka kajkavština. Rječnik govora Gole. Zagreb, 1997.
- Velčić* 2003 – *Velčić N.* Besedar bejske Tramuntane. Rijeka, 2003.
- Vranić, Oštarić* 2016 – *Vranić S., Oštarić I.* Rječnik govora Novalje na otoku Pagu. Novalja, 2016.

Words in Time 2003 – Words in Time: Diachronic Semantics from Different Points of View. Berlin, New York, 2003.

Žegarac Peharnik 2003 – *Žegarac Peharnik M.* Mali tematski rječnik samoborskoga kajkavskog govora. Samobor, 2003.

Zajceva 1967 – *Zajceva S.* Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima // *Prilozi proučavanju jezika*. 1967. № 3.

Znika 2017 – *Znika M.* Rječnik podgajačkoga govora. Zagreb, 2017.

БА – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 2001.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т.1– 17.

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.

БТР – Български тълковен речник. – Режим доступа. <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>.

ВТСУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови. – Режим доступа. <http://sum.in.ua>.

ДРМ – Дигитален речник на македонскиот јазик. – Режим доступа: <http://www.makedonski.info>.

ЕРСЈ – Етимолошки речник српског језика. Београд, 2006. Св. 2.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2006. Т. 1–5.

КСАНУ – Материали картотеки словаря сербохорватского языка Сербской Академии наук (Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–).

КСС – Корпус српског језика. Материалы предоставлены философским факультетом Белградского университета.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров СПб., 2004.

ЛАРНГ архив – Лексический атлас русских народных говоров. Архивные материалы.

ЛКТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета, Екатеринбург.

МАС – Словарь русского языка. Москва, 1985–1988. Т. 1–4.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. 1.
- ОЛА архив – Материалы Общеславянского лингвистического атласа, архив Института русского языка РАН.
- ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир М., 1988; Вып. 2. Животноводство. Warszawa, 2000; Вып. 4. Сельское хозяйство. Братислава, 2012; Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007; Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003; Вып. 9. Человек. Kraków, 2009; Вып. 10. Народные обычаи. М., 2015; серия фонетико-грамматическая. Вып. 6. Рефлексы *е. М., 2011.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
- ПРС – Wielki Słownik polsko-rosyjski. Moskwa–Warszawa, 1979. I–II.
- PMJ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1965. Т. II.
- РМС – Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад, 1967–1976, Т. 1–6.
- РМНП – Речник на македонската народна поезија. Т. 1–. Скопје, 1983–.
- РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–. Београд, 1959–.
- РСГВ – Речник српских говора Војводине. Нови Сад, 2019. Књ. 1–4.
- РСЈ 2007 – Речник српског језика. Београд, 2007.
- РСЈ – Речник српског језика. – Режим доступа: <http://www.srpskijezik.com>.
- САРЯ – *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/lv/>.
- СБГ – Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- СДЗб – Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905–, књ. 1 –.
- СЕЗб – Српски етнографски зборник. Београд, 1894–, књ. 1 –.
- СНПЛ – Српске народне приповетке и предања из Лесковачке области // СЕЗб Београд, 1988. Књ. 94.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965–. Т. 1–.
- СРЯ – Словарь русского языка. Москва, 1984. Т. I–IV.

- ССМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1978. Т. 2.
- СССПИ – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». – Режим доступа: <https://rus-slovo-o-polku-igoreve-dict.slovaronline.com>.
- ТРМЈ – Толковен речник на македонскиот јазик. Скопје, 2003–2014. Т. 1–6.
- ТРС – *Щека Ю.В.* Турецко-русский словарь. М., 1997.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – Режим доступа: <https://ushakov.slovaronline.com>.
- УРС – Украинско-русский словарь. Киев, 1961. Т. III.
- ЧРС – Чешско-русский словарь. М., 1976. Т. I–II.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–. вып.1–.
-
- HDZb – Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1965 –, knj.1 –.
- HJK – Hrvatski jezični korpus. – Режим доступа: <http://riznica.ihjj.hr>
- HJP – Hrvatski jezični portal. – Режим доступа: <http://hjp.znanje.hr/>
- KSSrJ – Korpus savremenog srpskog jezika – Режим доступа: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/mainmenu.php>
- RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- SJP – Słownik języka polskiego, 1–10. Warszawa, 1958–1968.
- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–. Т. 1–4.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1995.
- SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994, 2006. Т. 1–2.
- ZNŽOJS – Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1896 –, knj. 1–.

